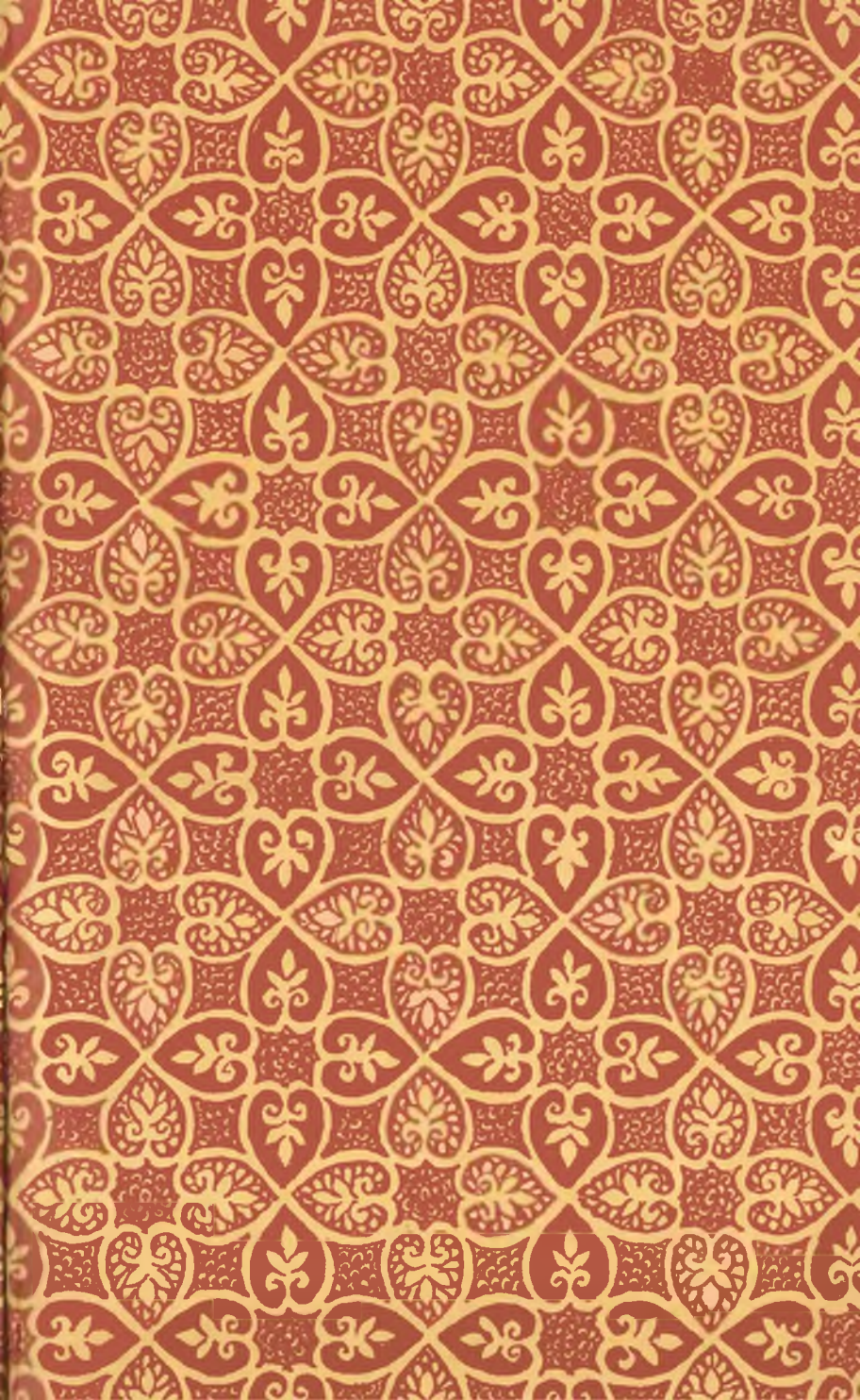

ЛЬЮИС
УОЛЛЕС

ПАДЕНИЕ
ЦАРЬГРАДА

Scan Kreyder - 15.09.2014
STERLITAMAK

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАННАХ

ВЫПУСК
ПЕРВЫЙ

ПАДЕНИЕ
ВЕЛИКИХ
ИМПЕРИЙ

МОСКВА
«НОВАЯ КНИГА»

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ЛЬЮИС
УОЛЛЕС

ПАДЕНИЕ
ЦАРЬГРАДА

МОСКВА
«НОВАЯ КНИГА»

Серия основана в 1993 году

Л. Уоллес. Падение Царьграда. Л. Грен. Последние дни Иерусалима. Исторические романы. Пер. с англ.— М.: Новая книга, 1993.— 576 с. («Всемирная история в романах. Падение великих империй»).

Эта книга открывает новую серию «Всемирная история в романах».

Первый выпуск посвящен величайшим трагедиям мировой цивилизации — гибели и разрушению великих империй.

Современный читатель впервые получает возможность познакомиться с романами английских писателей Л. Уоллеса и Л. Грена, рассказывающих о последних днях Византийской империи и Израильского царства.

ББК 84.44е

ISBN 5—8474—0204—X

ISBN 5—8474—0205—8

© Составление В. Козаченко, С. Тимченко, 1993.
© Оформление Н. Егорова, 1993.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАННАХ

ЛЬЮИС
УОЛЛЕС

ПАДЕНИЕ
ЦАРЬГРАДА

Часть первая

ТАЙНЫ ЗЕМЛИ

I

БЕЗЫМЯННАЯ БУХТА

В полдень светлого сентябрьского дня 1395 года торговое судно тихо колыхалось на волнах, разбивавшихся о берег Сирии. Пассажир современных почтовых пароходов, поддерживающих постоянное сообщение по Средиземному морю, посмотрел бы с удивлением на подобный корабль и поблагодарил бы судьбу, что не находится на нем.

Это судно имело не более ста тонн. На корме и носу были устроены высокие каюты, а посредине палуба была открыта, и с обеих ее сторон в уключинах лениво торчало по десяти весел, которые время от времени стукались друг о друга. Четырехугольный, сероватобелый парус был поднят, и рея его скрипела о желтую мачту. Часовой помещался под тенью походившей на зонтик маленькой постройки на носу. Верх кают и обнаженная палуба блестели чистотой, а во всех других частях судно чернело смолой. Кормчий сидел на скамье и по временам инстинктивно схватывался за руль, как бы желая убедиться, что он находится

под рукой. За исключением этих двух людей, все на судне: гребцы, матросы и шкипер — спали. На палубе не было ни ящиков, ни бочек, ни тюков, ни сундуков — одним словом, ничто не обнаруживало товара или багажа, и при самом большом колебании волн судно ни разу не погружалось ниже ватерлинии, а обшитые кожей уключины были совершенно сухи.

Под навесом, покрывавшим половину кормы, на которой находился кормчий, виднелась группа людей, не походивших на моряков. Их было четверо. Один из них лежал на мягком ложе, и хотя спал, но сон его был тревожен. Черная бархатная шапочка сползла с его головы, обнажая густые черные волосы с проседью. От самых висков опускалась волной на шею, грудь и даже на подушку большая черная, едва серебрившаяся борода. Между волосами и бородой оставалось очень мало места для пожелтевшего лица, испещренного узловатыми морщинами. Тело его было покрыто широкой, рыжевато-черной шерстяной одеждой. Костлявая рука покоилась на его груди, поддерживая полу одежды. Ноги его в старинных развязанных сандалиях нервно подергивало. Одного взгляда на окружавших было достаточно, чтобы признать в спавшем господина, а в остальных — его рабов. Двое из них — белые — лежали на обнаженных досках палубы, а третий, гигантского роста негр, сидел, поджав ноги. Все они дремали, но негр по временам поднимал голову и, едва приоткрыв глаза, махал над головой своего господина опахалом из павлиньих перьев. На белых невольниках были одежды из грубого полотна, перехваченные кушаками, а негр, не считая пояса, был совершенно голый.

Если, желая узнать, кто был спавший господин по вещам, находившимся вокруг него, кто-нибудь взглянул бы на его ложе, то внимание любопытного сосредоточилось бы на необыкновенно длинном, сильно потертом посередине посохе на трех узлах, и в особенности на старинном кожаном свертке с широкими ремнями и почерневшими серебряными пряжками. Этот

сверток, по-видимому, был чрезвычайно драгоценный, так как спавший держал его правой рукой, но в нем не могло быть ни монет, ни объемистой вещи, а, по всей вероятности, он содержал документы.

Спустя полчаса господин поднял голову, взглянул на своих рабов, на кормчего и на все судно, потом он присел и ощупал лежавший подле него кожаный сверток. Суровые черты его лица смягчились. Все обстояло благополучно.

Медленно отстегнув пряжки у свертка, он, прежде чем открыть свое сокровище, задумчиво устремил глаза на морскую синеву. При виде его лица в эту минуту легко было заключить, что он ни дипломат, ни государственный деятель, ни деловой человек. То, о чем он думал, очевидно, не касалось ни политических интриг, ни государственных дел, по его взгляду ясно было, что мысли его о другом. Так отец смотрит на своего ребенка, а муж на любимую жену — мягко, нежно, беспокойно.

И всякий, кто взглянул бы теперь на него, забыл бы о сокровище, о белых рабах, о гигантском негре, о роскошных волосах и гордой бороде неизвестного, а все свое внимание сосредоточил бы на его лице. Смотри на сфинкса, не отличающегося красотой, мы, однако, привлечены к нему непреодолимой, чарующей силой желания узнать его тайну. Такое же точно чувство возбуждало лицо этого путешественника, с его европейскими чертами и черными, ярко блестящими в глубоких впадинах глазами, таинственная маска его лица скрывала необыкновенную жизнь, непохожую на обычное человеческое существование, и если бы он захотел, то какую бы мог рассказать историю!

Но он молчал. По-видимому, он считал разговор слабостью, от которой следовало воздерживаться. Наконец, отогнав от себя приятные мысли, очевидно, занимавшие его в эту минуту, он открыл сверток и вынул из него высохший и пожелтевший, как лист сикомора, пергамент. На нем были видны странные письма, вроде геометрических фигур. Неизвестный вни-

мательно прочел этот таинственный документ и с довольным выражением лица спрятал в сверток, который застегнул на пряжки и положил под подушку. Очевидно было, что дело, которое он предпринял, шло по его желанию. Затем он дотронулся пальцем до негра. Тот нагнулся вперед всей своей громадной фигурой и поднес ко лбу обе руки, ладонями наружу. Все его лицо выражало напряженное внимание, и он весь как бы обратился в слух. Но господин не сказал ни слова, а только указал рукой на одного из спавших. Негр встал, разбудил его и снова занял прежнее место. При этом обнаружились его гигантские размеры. Он, как Самсон, мог бы легко поднять и перенести ворота Газы, но к его громадному росту и силе прибавлялись еще мягкость, ловкость и грация кошки.

Разбуженный невольник вскочил и почтительно приблизился. Трудно было определить его национальность, но по сухощавому лицу, горбатому носу, желтоватому цвету кожи и небольшому росту он походил на армянина. Выражение его лица было приятное, умное. Неизвестный сделал ему знак пальцами, и он поспешил исполнить полученное приказание. Спустя несколько минут он привел шкипера, коренастого, с красным глупым лицом и растопыренными ногами. Остановившись перед господином, матрос спросил на греческом языке:

— Вы послали за мной?

— Да,— отвечал неизвестный на том же языке, но с лучшим произношением.— Где мы?

— Если бы не такая тишь, то мы были бы уже у Сидона. Часовой доложил мне, что горы уже в виду.

Неизвестный задумался и потом спросил:

— Когда мы можем достичь города на веслах?

— В полночь.

— Хорошо, слушай меня внимательно. В нескольких стадиях от Сидона находится небольшая бухта в четыре мили в поперечнике. Две речки впадают в нее с обеих сторон. Посредине на берегу находится источник пресной воды, который в состоянии поддержать

жизнь нескольких поселян с их верблюдами. Вы знаете эту бухту?

— А вам, по-видимому, хорошо известен весь берег? — фамильярно заметил шкипер.

— Вы знаете эту бухту? — повторил пассажир.

— Я слышал о ней.

— Можете вы найти ее ночью?

— Я постараюсь.

— Хорошо. Войдите в эту бухту и высадите меня на берег в полночь — я не остановлюсь в городе. Посадите людей на все весла. Потом я дам вам дальнейшее приказание. Помните, что меня надо посадить на берег в полночь и в том месте, где я укажу.

Сделав эти распоряжения, пассажир снова растянулся на своем ложе и приказал знаком негру махать над ним опахалом.

II

НОЧНАЯ ВЫСАДКА

Шкипер оказался пророком. Судно стояло в бухте около полуночи, судя по звездам на небе.

Неизвестный был очень рад и сказал ему:

— Я доволен вами. Теперь приблизьтесь к берегу. Не пугайтесь, здесь нет подводных камней, но не бросайте якоря и спустите лодку.

На море была та же тишь, и под мерные удары весел судно тихо двигалось вперед, пока нос его не врезался в песок. Тогда шкипер приказал спустить лодку и доложил господину, что все готово. Последний знаками приказал невольникам спрыгнуть в лодку, а за ними с ловкостью обезьяны последовал негр. Кроме людей, в лодку поместили три узла, заступ, лом, пустой мех для воды и корзинку со съестными припасами. Наконец к трапу подошел неизвестный.

— Теперь, — сказал он, обращаясь к шкиперу, — идите в город и оставайтесь там до завтрашней ночи,

но старайтесь не обращать на себя внимания. К утренней заре будьте здесь, я вас жду.

— А если я вас здесь не застаю?

— Так, ждите, пока я не явлюсь...

С этими словами он спустился в лодку, и негр, приняв его на руки, как ребенка, осторожно посадил на скамью. Вскоре они достигли берега и, высадившись, остались там, а лодка вернулась к судну, которое тотчас же ушло в море.

Распределив багаж между невольниками, неизвестный повел их в путь. Перейдя Сидонскую дорогу, они углубились в горы. Мало-помалу им на глаза стали попадаться все чаще и чаще старинные развалины, остатки колонн и мраморных капителей, глубоко засевших в песке. При мерцании звезд они светились каким-то роковым образом. Очевидно, они приближались к той местности, где некогда возвышался старинный город, вероятно, предместье Тира, который представлял одно из чудес света и царил над морем.

На берегу одной из вливавшихся в бухту речек был сделан привал и наполнен водой мех, который дальше понес на своих плечах негр.

Вскоре они добрались до древних развалин, напоминавших кладбище. Много каменных глыб и обломков прекрасно изваянных ваз попадалось на каждом шагу. Наконец дорогу пересек громадный открытый саркофаг. Неизвестный остановился и устремил пристальный взгляд на небо, найдя Полярную звезду, он сделал знак своим спутникам, и все они двинулись по направлению, указываемому этим путеводным светиллом.

Через некоторое время они достигли возвышенной местности, на которой виднелись массивные саркофаги, выбитые в утесе и покрытые такими тяжелыми плитами, что, вероятно, их никогда не приподнимали.

Далее потянулась толстая стена, оканчивавшаяся у двух арок исчезнувшего моста. При виде арок неизвестный вздохнул: именно их-то он и искал.

Однако он не остановился, а прошел в огражденное со всех сторон углубление в утесе: тут он приказал разгружать багаж. На земле устроили ложе для неизвестного, а слуги поместились вокруг. Поужинав съестными припасами, принесенными в корзине, все заснули мертвым сном,

На следующий день не сняли бивака, и только после полудня неизвестный пошел на разведку. Он взобрался на гору и на соответствовавшей аркам моста вышине очутился на широкой террасе, заваленной камнями. Сделав несколько шагов, он остановился в нише, выбитой в известняке.

— Никто здесь не был с тех пор,— произнес он громко, пристально осматриваясь по сторонам.

По его взгляду было ясно, что он бывал здесь прежде, и, пытливо оглядев все вокруг: камни, груды земли и кустарник,— он повторил с видимым удовольствием:

— Да, здесь никого не было с тех пор...

С этими словами он подошел к утесу в том месте, где было искусственное возвышение и, свалив несколько камней, обнаружил рельефно изваянную поверхность. При виде ее он улыбнулся, положил камни на место и вернулся к биваку.

Из одного узла он вынул два железных старинных римских светильника и, приказав заправить их маслом, лег на ложе. По-прежнему вокруг царил тишина, и только пришедшие откуда-то во время его отсутствия козы доказывали, что местность не была совершенно необитаемой.

Когда наступила ночь, незнакомец разбудил рабов. Он дал одному орудия, другому светильники, а негру мех с водой. Потом он пошел с ними в горы, к террасе, которую осматривал днем, и вскоре добрался до утеса. Там он приказал невольникам отвалить груды камней перед утесом, и после получасовой работы их глазам представилось маленькое отверстие, указывавшее на существование в этом месте двери.

Он первым проник в отверстие, за ним последовали рабы. Внутри оказался такой же карниз, как и снаружи, но по нему идти было труднее из-за совершенной темноты. Ощупью они опустились на тянувшийся под этим карнизом пол, и незнакомец, вынув из кармана маленький ларец с каким-то порошком, насыпал его на пол и стал высекать огонь, ударяя стальным оружием по кремню. Как только одна из искр прикоснулась к порошку, вспыхнуло красное пламя, от которого он зажег светильники.

Рабы увидели с удивлением, что они находились в древнем склепе. Вдоль стен, выточенных в камне резцами, шел длинный ряд углублений, над которыми виднелись надписи выпуклыми буквами, теперь почти исчезнувшими. Пол был завален обломками саркофагов, которые, несмотря на их массивность, были взломаны и ограблены. Излишне было бы задавать вопрос, кто совершил это святотатственное дело. В нем могли быть виновны халдеи времен Альманасара, или греки, шедшие под знаменами Александра, или египтяне, которые редко заботились о мертвецах побежденных ими народов, как они пеклись о своих собственных, или сарацины, трижды занимавшие Сирийский берег, или, наконец, христиане, так как немногие из крестоносцев походили на святого Людовика.

Но не об этом думал незнакомец. Он находил совершенно естественным, что тут царило опустошение. Не глядя ни на надписи ни на изваяния на стенах, он что-то искал глазами, и успокоился, когда увидел зеленый мраморный саркофаг. Подойдя к нему, он ощупал его полуприподнятую крышку и, убедившись, что задней стенкой он плотно опирался об утес, произнес снова:

— Никто здесь не был с тех пор...

И по-прежнему он не окончил своей фразы.

Приказав негру подсунуть лом под угол саркофага, незнакомец стал подкладывать под него все большие и большие камни, по мере того как приподнима-

лась каменная масса. Наконец саркофаг пришел в движение и отодвинулся от стены.

Незнакомец проник в открытое таким образом пространство и, взяв один из светильников, стал внимательно осматривать стену. Инстинктивно рабы следили за его взглядом, но не могли ничего различить. Их господин позвал негра и приказал ударить ломом в небольшой красноватый камень. После третьего удара камень исчез, и, очевидно, упал вовнутрь. Тогда стена, до высоты саркофага и шириной в большую дверь, с шумом обрушилась.

Когда пыль, поднятая этим разрушением, рассеялась, то перед глазами рабов предстала еще одна стена. Очевидно, древние каменщики, выказывавшие замечательное искусство в устройстве подобных тайников, скрыли первой стеной вход в соседний свод, а маленький красный камень служил ключом к открытию секрета.

Вторая стена состояла из отдельных камней, которые с помощью рук и лома были вынуты один за другим и старательно положены на пол, причем незнакомец выставлял на них мелом цифры. Наконец стена вся была разобрана и путь в пещеру открыт.

III

СКРЫТОЕ СОКРОВИЩЕ

Рабы с испугом посмотрели на зиявшее перед ними пыльное отверстие, но их господин вошел в него, держа светильник в руке, и они последовали за ним.

Они очутились в коридоре с гладко отшлифованными стенами, низком, но широком и постепенно поднимавшемся кверху. Он был также выточен в утесе, и на полу были видны следы колес от повозок, в которых вывозили оттуда камень. Глухое эхо откликнулось на их шаги.

Поднявшись по тридцати ступеням, они вступили в большой круглый зал с куполом, и, несмотря на окружающий мрак, который не мог быть побежден мерцанием светильников, незнакомец прямо подошел к саркофагу, стоявшему посреди зала.

Он был высечен из утеса и имел необыкновенно большие размеры. Стоя прямо перед входом, он по вышине подходил под обыкновенный человеческий рост, а в длину был вдвое больше. Поверхность его была совершенно простая, хотя гладко отшлифованная, но на крышке, состоявшей из белой мраморной плиты, был изваян самым художественным образом храм Соломона. Незнакомец поднес светильник к этому изваянию и стал с видимым волнением осматривать все его подробности. На его глазах навернулись слезы, и он старательно сдувал пыль, накопившуюся в углублениях барельефа, который своей белизной сиял в окружающей темноте, как некогда сам храм Соломона сиял среди окружающего его света.

Вскоре незнакомец поборол свое волнение и приступил к работе. Он приказал негру с помощью лома осторожно приподнять мраморную плиту и по-прежнему сам подкладывал камни, чтобы поддержать ее. Наконец она была приподнята.

Внутренность саркофага представляла разительный контраст с простотой внешности. Он был выложен золотыми листами, на которых были изображены корабли, высокие деревья, вероятно, ливанские кедры, каменотесы в работе и два человека в царственных одеждах, пожимавшие друг другу руки. Все это было изваяно резцом с утонченным изяществом. Но глаза незнакомца не остановились на этих чудесах искусства, а их привлекло к себе иное.

Среди саркофага, на каменном сиденье помещалась мумия человека с короной на голове и в золотой мантии, покрывавшей все тело. В одной руке он держал скипетр, а в другой — серебряную дощечку с надписью. Уши, руки и ноги были украшены кольцами, золотыми и с драгоценными камнями. Подле него

лежал меч в ножнах, усыпанных драгоценными камнями, а рукоятка его состояла из громадного рубина. Перевязь сверкала бриллиантами и жемчугами. Под мечом виднелись священные символы масонства: треугольник, молоток, лопаточка и циркуль.

С первого взгляда было видно, что это мумия царя. Но смерть одержала верх над искусством древних в бальзамировании. Щеки мумии впали и пожелтели, лоб был стянут, на висках образовались впадины, глаза наполнились каким-то коричневым веществом. Только седые волосы и борода, а также тонкий, горбатый нос сохранились в своем естественном виде.

При виде этой спокойно восседавшей в саркофаге фигуры рабы отскочили в страхе. Лом с шумом выпал из рук негра.

Вокруг мумии стояли сосуды с монетами, жемчугами и драгоценными камнями; их было столько, что они наполнили всю остальную внутренность саркофага, углы которого были драпированы золотыми тканями, усеянными жемчугами.

Незнакомец снял свои сандалии и с помощью рабов взлез в саркофаг. Ему подали один из светильников, и он с гордым самодовольством стал осматривать все сокровища, которые теперь принадлежали ему, как некогда царственной мумии. Не имея возможности унести всего, он старательно делал выбор, что взять и что оставить. Ему некого и нечего было бояться. Отставив в сторону несколько сосудов, он очистил место на дне саркофага, разостлал вынутую из-под своей одежды большую белую салфетку и высыпал на нее драгоценности, находившиеся в одном из сосудов. Затем он стал отбирать лучшие из драгоценных камней и откладывать их в принесенные с собой толстые полотняные мешки. При этом он выказывал большое знание и опытность: так, он иногда отвергал большие камни и отдавал предпочтение гораздо меньшим, но лучшего достоинства и с большей игрой. Забракованные камни он возвращал в сосуд и приступал к другому. В продолжение нескольких часов он перебрал все

сосуды и наполнил драгоценностями девять мешков. Старательно связав, он отдал их рабам, а сам, усталый, утомленный от долгого напряжения мускулов, стал потирать себе руки и ноги.

Работа была кончена, он легко вздохнул и, бросив последний взгляд на внутренность саркофага, еще раз промолвил свою неоконченную фразу:

— Никто здесь не был с тех пор...

Но прежде чем выйти из саркофага, его глаза остановились на серебряной дощечке, которую мумия держала в руках, и, подойдя к ней ближе, он опустился на колени, приподнял к самой дощечке светильник и прочел следующее:

«1

Бог один, и он был в начале, и не будет ему конца.

2

При жизни я приготовил этот склеп и гробницу для моего тела, но, быть может, сюда проникнет кто-либо, так как земля и море всегда выдают свои тайны.

3

Поэтому, о странник, впервые открывающий меня, да будет тебе известно, что я всю жизнь поддерживал сношения с еврейским царем Соломоном, мудрейшим, богатейшим и величайшим из людей. Как известно, он задумал выстроить храм своему Господу Богу, и такой храм, которого никогда не видывал свет по своим размерам, богатству, красоте и полному соответствию со славой его Бога. Сочувствуя его намерению, я дал ему искусных рабочих: каменщиков, серебряников и золотых дел мастеров, а мои мореходы отвезли ему на многочисленных судах сокровища земли со всех концов мира. Наконец храм был окончен, и он прислал мне все, что находится здесь: изображение храма, мо-

неты, золотые ткани с жемчугами и сосуды с драгоценными камнями. Если ты, о странник, удивишься величию этого дара, то знай, что это лишь малая часть того, что он оставил себе, так как он был повелителем всей земли и всего, что в ней.

4

Не думай, о странник, что я взял с собою в гробницу все эти богатства, полагая, что они мне пригодятся в будущей жизни. Нет, я окружил себя здесь ими потому, что любил Соломона и хотел, чтобы доказательства его любви не покидали меня и в смерти. Вот и все.

5

Поэтому, о странник, ты можешь свободно взять отсюда все эти сокровища, но употреби их во славу Господа Бога Соломонова, моего царственного друга. Нет другого Бога, кроме его Бога!

Так говорю я —

Хирам, царь Тирский».

— Упокой, Господи, твою душу, мудрейший из языческих царей,— сказал незнакомец, вставая.— Я первый открыл тебя здесь, и твои сокровища принадлежат мне. Я употреблю их во славу Господа Бога Соломонова. Поистине нет другого Бога, кроме его Бога!

Незнакомец достиг своей цели, и лицо его сияло теперь удовольствием. Он положил руку на край саркофага и хотел уже покинуть его, как снова что-то обратило на себя его внимание. На дне валялся громадный изумруд, а когда он нагнулся, чтобы его поднять, то его взгляд приковал к себе крупный рубин на рукоятке меча. После минутного колебания он произнес свою обычную фразу, но на этот раз уже окончил ее:

— Никто здесь не был с тех пор, как я приходил сюда тысячу лет тому назад!..

Хотя никто не мог расслышать этих слов, но как только они сорвались с его губ, он невольно вздрогнул, и светильник заколыхался в его руке. Но, поборов свое смущение, он повторил:

— Да, никто здесь не был с тех пор, как я приходил сюда тысячу лет тому назад. Но земля и море всегда выдают свои тайны. Так говорил добрый царь Хирам, и я, служа доказательством справедливости его слов, должен верить ему. Поэтому мне надо поступить так, как будто вскоре другой последует по моим стопам.

И он стал жадно смотреть на блестящий своими драгоценными камнями меч. Ему жаль было оставить такое сокровище, особенно когда, наполовину выдернув его из ножен, он увидал, что лезвие сверкало той ясной, глубокой синевой, которой отличается небо между звездами в ясную ночь.

— Чего не купишь такой редкостью? — промолвил он задумчиво. — Какого царя не соблазнит меч Соломона? Я возьму его с собой.

Передав меч и громадный изумруд рабам, незнакомец медленно вышел из саркофага.

Теперь он занялся уничтожением всех следов найденного им сокровища. Негр под его руководством возвратил мраморную плиту на ее прежнее место, и, обойдя саркофаг со светильником в руке, незнакомец старательно осмотрел, все ли на месте. Убедившись в этом, он махнул рукой, как бы прощаясь с древним царем, спскойный сон которого он на минуту нарушил, и направился к выходу. Рабы следовали за ним, неся мешки с драгоценностями, орудия и меч Соломона, завернутый в верхнюю одежду незнакомца, который скинул ее, еще находясь в саркофаге.

Вернувшись в наружный склеп, они заделали камнями отверстие, наполнили швы горстями пыли, поднятой с пола, и поставили наружный саркофаг на его

прежнее место. Таким образом вполне был скрыт тайный ход в опочивальню царя Хирама.

— Тот, кто явится сюда после меня, должен иметь очень зоркие глаза, чтобы добиться аудиенции у моего царственного друга,— промолвил незнакомец, ощупывая под своей одеждой кожаный сверток, который он так старательно берег на корабле.

Потом, сделав знак рабам, чтобы они подождали его, он направился в противоположный конец склепа и, приставив светильник к самой стене, где виднелась такая большая дверь, что она скорее походила на ворота, произнес:

— Это прекрасно. Грабители в будущем, так же как в прошедшем, пойдут сюда, а не туда.

Действительно, эта дверь охраняла более всего остального тайну гробницы царя Хирама, и проникавшие в пещеру люди направляли свои шаги в дверь, за которой шли подземные галереи, совершенно ими опустошенные, и не догадывались о тайном проходе за саркофагом.

Вернувшись к своим рабам, их господин вынул из-за пояса негра нож и разрезал горлышко меха с водой, в сделанное отверстие он сунул один за другим мешки со своими драгоценностями, которые, вытеснив значительное количество воды, свободно поместились там. Когда эта работа была окончена и мех взвален на плечи негра, они погасили светильники и вышли из пещеры.

Рабы с удовольствием дышали теперь свежим воздухом, а незнакомец стал пристально смотреть на небо, определяя по звездам время. Убедившись, что они успеют до зари добраться до берега, он приказал заделать вход в пещеру камнями и направился прежде к месту своего бивака, а затем на берег моря.

В определенное время подошла галера на веслах и приняла на свою палубу незнакомца с рабами.

Прежде всего они подкрепили свои силы хлебом, смирнскими финиками и принкипским вином, а затем был позван шкипер.

— Ты хорошо исполнил мои приказания, друг,— сказал незнакомец.— Теперь спеши на всех парусах и веслах в Византию. Я увеличу тебе плату, торопись, насколько возможно.

Быстро неслась галера от неведомой бухты близ Сидона, не останавливаясь нигде. Над нею простиралось все то же голубое небо, а под нею зияла все та же морская синева. Днем незнакомец часами глядел на видневшиеся вдали берега, и по его взгляду было ясно, что он знает эту местность.

Наконец достигнуты были Дарданеллы, а затем Мраморное море, но пассажир требовал, чтобы кормчий держался открытого моря.

— Нечего бояться погоды,— сказал он.— Этим путем мы выиграем время.

На вечерней заре галера уже шла в виду того места европейского берега, где теперь находится Сан-Стефано. Вдали виднелась святая София, а за ней возвышалась Галатская башня.

— Дома будем к ночи, слава Деве Марии,— набожно проговорили матросы.

Но они ошибались. Их господин позвал шкипера и сказал ему:

— Я не желаю входить в гавань раньше завтрашнего утра. Ночь прекрасна, и я поеду на берег в лодке. Я когда-то был хорошим гребцом и теперь люблю погрести. Бросьте якорь и повесьте два фонаря на мачту, чтобы я мог найти судно, если вздумаю вернуться.

Шкипер, подумав, что пассажир очень странный, молча исполнил приказание. Через несколько минут лодка была спущена, и незнакомец вместе с негром снесли в нее мех, наполненный сокровищами, и одежду, в которую был завернут меч Соломона. Незнакомец взял весла, и лодка быстро направилась к острову Принкипо, но когда она исчезла из вида галеры, то незнакомец отдал весла негру, а сам, взяв руль, повернул на юг.

Вскоре показалась возвышенная оконечность Плати. Там в старину была выстроена каменная башня

для часовых, которые наблюдали за движением разбойников на суше и пиратов на море, а теперь она представлялась заросшей мхом развалиной. Незнакомец причалил лодку к самому берегу и, выйдя из нее, пошел к развалинам, неся мех, из которого предварительно вылил всю остававшуюся там воду. Негр остался в лодке. Через некоторое время незнакомец вернулся без меха и, взяв одежду, в которой был завернут меч, снова отправился в развалины, куда он проникал через скрытое камнями отверстие.

— Ну, теперь они в безопасности,— произнес он, окончательно возвратившись в лодку и направив ее обратно к галере.— У меня еще три таких тайника: в Индии, Иерусалиме и Египте, да ведь и сидонская гробница к моим услугам. Я никогда не буду нуждаться,— прибавил он со смехом.

На следующее утро галера вышла в порт святого Петра, на южной стороне Золотого Рога, и вскоре затем незнакомец уже находился в своем доме в Византии.

Через неделю он продал этот дом со всем, что в нем находилось, и ночью ушел на галере в Мраморное море, взяв с собою своих рабов, которые отличались тем, что были глухие и немые.

Часть вторая

КНЯЗЬ ИНДИИ

I

ГОНЕЦ ИЗ ЧИПАНГО

Пятьдесят три года спустя после таинственного посещения незнакомцем гробницы царя Хирама, именно 15 мая 1448 года, в лавку одного из константинопольских рынков вошел какой-то человек и подал письмо хозяину-еврею. Тот взял полотняный конверт, но прежде чем распечатать его, пристально посмотрел на гонца.

Хотя уже в те времена в Константинополе, многонациональном городе, встречались всякого рода люди, гонец невольно обратил на себя внимание своей необычайной внешностью. Лавочник видал представителей всех известных национальностей, но никогда глаза его не останавливались на такой странной личности, с необыкновенно розовым цветом лица, косыми глазами и в шелковой коричневой ткани, покрывавшей все тело с ног до головы. Висевший на спине мешок из той же ткани был вышит пестрыми цветами, на ногах виднелись такие же богато вышитые туфли, а

над обнаженной головой он держал зонтик из бамбука и блестящие выкрашенной бумаги.

Слишком хорошо воспитанный, чтобы продолжать безмолвный осмотр гонца с головы до ног или чтобы удовлетворить свое любопытство расспросами, еврей распечатал письмо и углубился в его чтение. Между тем его соседи, менее деликатные, окружили пришельца и вволю глазели на него, что, по-видимому, несколько не тревожило этого странного человека.

Письмо, находившееся в конверте, еще более смутило еврея. Бумага поражала своей тонкостью, мягкостью и полупрозрачностью. Он никогда не видал ничего подобного.

Однако писано письмо было по-гречески. Прежде всего внимание еврея обратилось на число и адрес, выставленные сверху, и потом, уступая своему любопытству, он, не читая письма, взглянул на подпись. Ее вовсе не было, а вместо нее стояла восковая печать с изображением Распятия.

При виде этой печати глаза еврея широко раскрылись, и он тяжело перевел дыхание от удивления и страха. Усевшись на скамейку и совершенно забыв гонца, а также окружающую его толпу, он углубился в чтение.

«Остров во внешнем море. На дальнем востоке.
15 мая 1447 года.

Уель, сын Иадая.

Мир тебе и всем твоим.

Если ты свято сохранил наследие твоих предков, то ты найдешь где-нибудь в твоём доме дубликат моей печати, но только из золота. Я знал твоего отца, деда и столько твоих предков, что, быть может, неблагоприятно об этом напоминать. Я любил их всех, потому что они составляли род, чтивший Господа Бога Израилева и не признававший другого Бога. К этому я прибавлю, что качество людей, как качество растений, переходит из поколения в поколение, и хотя я ни-

когда не видел тебя, не слышал твоего голоса и не до-трагивался до твоей руки, но я знаю тебя и верю тебе. Сын твоего отца не скажет никому, что он получил от меня письмо или что я существую на свете, а так как твой отец радостно исполнил бы мою просьбу, так и ты, его сын, удовлетворишь моему желанию. Отказ в этом был бы первым шагом к предательству.

Высказав тебе это, о сын Иадая, я свободно и без страха приступлю к делу. Во-первых, я уже пятьдесят лет нахожусь на острове, имени которого ты не знаешь и который я потому назвал островом на внешнем море, на дальнем Востоке.

Люди здесь добрые, расположенные к чужестранцам и живут просто, в любви между собой. Хотя они никогда не слышали о Христе, но, по правде сказать, они лучше исполняют его учение, чем христиане, среди которых ты живешь. Несмотря на это, мне надоело жить с ними, и, конечно, в этом я более виноват, чем они. Желание перемены — всеобщий закон, и только Бог один и тот же был, есть и будет вчера, сегодня и завтра, из века в век. Поэтому я решился еще раз посетить страну наших отцов — Иерусалим, о котором я все еще проливаю слезы. Во времена его славы он был более чем прекрасен, а в развалинах он более чем свят.

Знай же, о сын Иадая, что во исполнение моего намерения я посылаю к тебе слугу моего, Сиама, который передаст тебе это послание. Когда ты получишь его, то обрати прежде всего внимание, будет ли это 15 мая, так как я назначил ему ровно год на путешествие, которое ему придется сделать более морем, чем землей. Я следую за ним, но останавливаюсь по дороге на неопределенное время, так как мне необходимо перебраться из Индии в Мекку, а оттуда в Кашкуш и наконец по Нилу в Каир. Но все-таки я надеюсь лично приветствовать тебя спустя шесть месяцев после прибытия к тебе Сиамы.

Я снова хочу поселиться в Константинополе, и для этого мне надо иметь свой дом. Сиаме поручено купить его. Уже давно караван-сарай потерял для меня

свою прелесть, и гораздо приятнее знать, что тебя ожидает собственное жилище. В этом деле ты можешь оказать мне услугу, за которую я буду тебе благодарен и щедро тебя вознагражу. Мой слуга ничего не знает о твоём городе, а потому я прошу тебя: помоги ему купить дом, заключить акт продажи и устроить все хозяйство. Но помни, что я хочу жить удобно, но просто и небогато, так как, увы, еще не пришло то время, когда сыны Израилевы будут иметь возможность жить на свободе среди христианского мира.

Ты увидишь, что Сиама толковый и благоразумный человек, старше, чем он кажется, и готовый преданно служить тебе ради меня. Но знай, что он немой и глухой; впрочем, ты можешь говорить ему по-гречески, но непременно стоя лицом к нему, и тогда он поймет тебя по движению губ, а отвечать будет знаками.

Наконец, не бойся взять на себя это поручение ввиду денежных затруднений. У Сиамы денег более чем нужно, а потому ему приказано не делать долгов.

Окончу это послание надеждой, что ты окажешь ему во всем помощь и позволишь мне, по моем прибытии, быть тебе отцом и во всем помощью, но отнюдь не бременем.

Еще раз, о сын Иадая, тебе и твоим мир».

Окончив чтение, сын Иадая опустил руки на колени и глубоко задумался. От кого и откуда он получил это странное послание? Если оно было писано на острове внешнего моря и на дальнем Востоке, то, значит, тот, кто его писал, находился тогда на восточной оконечности земли, где бы эта оконечность ни была. Но кто он был? Зачем попал туда, зачем возвращался сюда?

Неожиданно лавочник вздрогнул. Он вспомнил, что в шкафу, находившемся в стене дома, две полки были отведены для предметов, оставшихся ему по наследству от предков: на верхней лежала Тора, находившаяся в семье с незапамятных времен, а на нижней помещались металлические и роговые сосуды, старые

филактерии, амулеты и многочисленные другие предметы, которых он сам не мог в точности пересчитать. В числе их, он теперь хорошо припоминал, был золотой медальон, но он забыл, что на нем было изображено. Отец и дед очень дорожили медальоном и рассказывали историю, которая запечатлелась в памяти.

Какой-то человек за оскорбление, нанесенное Иисусу Христу, был приговорен последним к наказанию, состоящему в том, что он будет скитаться на земле до вторичного пришествия Мессии. И этот человек ходил по свету из поколения в поколение, из века в век. Отец и дед клялись, что эта история справедлива, и, кроме того, заверяли, что близко знали несчастного и что он оказывал большие услуги их семье, которая поэтому считала его своим. Кроме того, они прибавляли, что он постоянно молил небо послать ему смерть и всячески старался навлечь ее на себя, но она упорно обходила его, и он наконец пришел к убеждению, что не может умереть.

Много лет прошло с тех пор, когда лавочник слышал эту историю, и еще более со времени последнего посещения Константинополя таинственной личностью. Но он не умер! Он снова возвращался. Это было так странно, что трудно верилось такому необыкновенному событию. Во всяком случае, легко было убедиться в справедливости того, что сообщалось в письме: стоило только сравнить золотой медальон, хранившийся в шкафу, с восковой печатью.

Сын Иадая понял это и, сделав знак гонцу, вышел из лавки во внутреннюю комнату.

— Присядь здесь, — сказал он по-гречески, — и подожди, пока я вернусь.

Гонец улыбнулся и с поклоном сел. Тогда Уель надвинул на брови свой тюрбан и, взяв письмо, быстро отправился домой.

Он шел так скоро, что почти бежал. По дороге ему встретились знакомые, но он не обращал на них внимания; и если они с ним заговаривали, то он не слышал их слов. Достигнув дома, он вбежал в дверь с та-

кой поспешностью, словно его преследовала толпа. Очутившись перед шкафом, он стал торопливо перебирать различные предметы на второй полке, но как он ни переворачивал их, медальон не находился.

— Боже мой! — воскликнул он, ломая себе руки. — Медальона нет. Он потерян. Как я теперь доищусь до правды!

Сын Иадая был вдов, и его молодая жена, умирая, оставила ему маленькую девочку, которой во время появления странного гонца было тринадцать лет. Для ухода за ней и для ведения хозяйства он завел экономку, очень почтенную дочь Израилеву. Естественно, что в своем смущении по поводу утери золотого медальона он вспомнил об этой особе, но в ту самую минуту отворилась дверь, и в комнату вошла его дочь.

Она напоминала мать чистым, светло-оливковым цветом лица и нежными улыбающимися черными глазами, в которых так светилась любовь, что не надо было выражать ее словами. Девочка была веселая, ласковая, приветливая и пела с утра до вечера. Часто, смотря на нее с любовью, он примечал в ней задатки всех достоинств покойной жены, которую он считал совершенством.

Несмотря на свое смущение, он посадил к себе на колени девочку и стал целовать ее в обе щеки. Неожиданно его глазам представился золотой медальон, висевший у нее на шее. На его вопрос она объяснила, что экономка дала ей этот медальон как игрушку. Сняв медальон со шнурка, на котором он висел, Уель подошел к окну и после тщательного сравнения его с печатью в письме убедился, что они совершенно одинаковы.

Он немедленно вернулся в лавку и, взяв Сиаму, отвел его в свой дом, где поместил в комнате, отведенной для гостей, а на следующий день приступил к осуществлению плана его господина. Отыскать подходящий дом оказалось нетрудно, и он вместе с Сиамой выбрал двухэтажный дом на улице, огибавшей гору, на которой стояла небольшая христианская церковь.

Обращенная на восток, она находилась на самой границе между кварталами греков, отличавшихся чистотой, и евреев, славящихся неопрятностью. Ни гора, ни церковь не препятствовали обширному виду с крыши дома, откуда можно было видеть многие красивые жилища греков, церковь Пресвятой Девы на Влахерне и императорский сад за этой церковью. Ко всем этим удобствам присоединялось еще одно: дом находился прямо против его собственного — небольшого, но уютного деревянного жилища.

Уель был очень доволен, что Сиама аккуратно платил за все купленное. С ним было очень легко объясняться. Его глаза заменяли недостающий слух, а знаками, жестами и взглядами Сиама ловко разыгрывал целую пантомиму. Это особенно забавляло дочь Уеля, и она с любопытством следила за безмолвными разговорами.

Наконец все было готово, и отремонтированный, обставленный мебелью дом ждал своего хозяина.

II

ПАЛОМНИК В ЭЛЬ-КАТИФЕ

Барейнская бухта находится на западном берегу Персидского залива, и на самой северной ее оконечности возвышаются белые, одноэтажные мазанки города Эль-Катифа. Так как в Аравии ничто не изменяется, то эта бухта и этот город были известны в эпоху нашего рассказа под теми же именами, которые они носят и теперь.

Этот город в старые времена имел значение главным образом из-за дороги, которая шла оттуда на запад через безводные песчаные пустыни с одной стороны в Медину, а с другой — в Мекку.

Когда ежегодно наступало время паломничества в священный город, то об Эль-Катифе говорилось

почти столько же, сколько о Мекке среди паломников из Ирана, Афганистана, Индии и других стран далекого Востока.

По закону Магомета паломники должны быть в Мекке во время рамазана, когда сам пророк совершил первое паломничество. Из Эль-Катифа можно было достигнуть священного города в шестьдесят дней, делая в день средним числом двенадцать миль. Собравшись предварительно в Константинополе, Каире, Дамаске и Багдаде, паломники составляли обширные караваны и на пути останавливались в удобных местах, где устроены были торговые центры. Одним из таких центров был Эль-Катиф, и в нем преобладали торговцы лошадьми, ослиами и верблюдами, а окружающая его страна представляла бесконечную ферму, на которой откармливали баранов и другой скот. Тут паломники могли получать все, что им было нужно: седла, вьюки, сандалии, одежду, палатки и т. д.

Среди тысяч паломников, прибывших в Эль-Катиф в конце июня 1448 года, находился один человек, который обращал на себя всеобщее внимание. Он прибыл с юга на восьмивесельной галере с индусскими матросами и три дня стоял на якоре, прежде чем выйти на берег. Его судно не было военным или торговым, оно не было вооружено, в воде сидело очень неглубоко, следовательно, не имело груза. Прежде чем были спущены паруса, на корме была раскинута пестрая, блестящая палатка. При виде этого на берегу было решено, что владелец судна был один из князей Индии, чрезвычайно богатый и явившийся сюда с целью доказать паломничеством в Мекку, что он истинный мусульманин.

Три дня он не показывался на берег, но лодка постоянно возила на судно и обратно поставщиков верблюдов, фуража и продовольствия.

Последние описывали его человеком лет шестидесяти, хотя ему могло быть и до семидесяти пяти, среднего роста, чрезвычайно энергичным и решительным

Он говорил по-арабски, но с идусским акцентом. Одежда на нем была индусская и состояла из шелковой рубашки, короткой куртки, широких шаровар и громадного белого тюрбана с пером, украшенного такими крупными драгоценными камнями, которые мог иметь только могущественный раджа. Свита его была немногочисленная, но великолепно одетая, и она безмолвно, раболепно исполняла все его желания. Один из слуг постоянно находился за ним и держал над его головой громадный зонтик. Чужестранец говорил мало, но каждое его слово было толковое и деловое. Ему требовалось двадцать вьючных и четыре под верх верблюдов. Высказывая эти требования, он пытливо смотрел на поставщиков и, к их величайшему удивлению, ни разу не спрашивал о цене.

— А как велика твоя свита, князь? — спросил один из шейхов.

— Четыре человека.

— О Аллах! — воскликнул шейх, подняв руки. — Зачем тебе четыре верблюда под верх и двадцать вьючных для четырех человек?

— А разве ты хочешь, чтобы я явился с пустыми руками в святейший из городов и ничего не роздал бедным? — отвечал спокойно чужестранец.

Наконец нашелся поставщик, который взялся устроить все, что было нужно, и на четвертый день своего прибытия в Эль-Катиф князь Индии сошел на берег и осмотрел приготовленный для него в окрестностях города паломнический стан, состоявший из четырех палаток, а также приведенных лошадей и верблюдов. За все была уплачена уговоренная плата, и тридцать нанятых им слуг, из которых десять были вооружены, немедленно приступили к выгрузке из судна багажа и распределению его по верблюдам. Палатку, предназначенную для князя Индии, выкрасили снаружи в зеленый цвет, а внутри разделили ее на два помещения: приемную и спальню, украшенные диванами, коврами и драгоценными шаями.

Наконец все было готово и оставалось только назначить день для отбытия, но об этом дне князь Индии никому не сообщал, так как он был, по-видимому, человеком необщительным и любившим одиночество.

III ЖЕЛТЫЙ ВОЗДУХ¹

Однажды вечером князь Индии сидел перед своей палаткой. Солнце закатилось, на небе уже виднелись звезды. Верблюды спали, вытянув свои длинные шеи, а часовые, расставленные вокруг стана, так же как все слуги князя Индии, творили вечернюю молитву, обращая свои лица к Мекке. Их господин также молился и делал те же движения, как правоверные мусульмане, но его молитва была совершенно иная.

«О Господь Бог Израилев,— говорил он про себя,— все окружающие меня молят о жизни, а я молю Тебя о смерти. Я искал ее на море и не нашел, а теперь я пойду в пустыню навстречу ей. Но если мне суждено жить, о Господи, то даруй мне счастье служить во славу Твою. Тебе нужны орудия добра, и прими меня в число их. Дозволь мне совершить великие дела во славу Твою и тем заслужить блаженный покой. Аминь».

Окончив молитву, он встал и начал ходить взад и вперед перед своей палаткой, скрестив руки за спиной и опустив голову на грудь.

В эту минуту к палатке подошел шейх и, низко поклонившись, сказал:

— Князь, завтра на рассвете караван отправится в путь.

— Хорошо. Мы готовы, можешь идти.

— Князь, сегодня пришло судно из Гормуза на восточном берегу и высадило целую толпу нищих.

¹ Под этим названием известна среди арабов чума.

— Хорошо. Я сейчас раздам им часть того продовольствия, которое ты нагрузил на верблюдов.

Шейх покачал головой:

— Если бы они были нищие, то это еще не беда. Аллах милостив ко всем существам, но они заражены желтым воздухом, и они вынесли на берег четыре мертвых тела, а одежду с мертвецов продали в лагерь паломникам.

— Ты, значит, боишься, чтобы мы не занесли чуму в Каабу? Не тревожься, все в руках Аллаха. Помни, что молитва — хлеб веры.

На следующее утро при восходе солнца караван числом в три тысячи душ выступил в поход, и князь Индии занял место в последних его рядах.

— Отчего ты, князь, идешь позади всех? — спросил шейх и услышал в ответ:

— Аллах благословляет тех, кто подбирает отсталых и мертвых, на которых не обращают внимания люди, гордо идущие впереди.

Шейх передал эти слова всем паломникам, и они единогласно воскликнули:

— Да будет благословенно имя князя Индии!

IV

ЭЛЬ-ЗАРИБА

Вместе с караваном паломников князь Индии посетил Медину, где он исполнил все обряды, обязательные для правоверного в мечети пророка, а оттуда прибыл 6 сентября в долину Эль-Зариба, бывшую с незапамятных времен сборным местом для всех караванов, так как оттуда оставался только один день пути до священного города.

Раскинув палатки на возвышенном месте, князь Индии позвал около полудня своего проводника и приказал привести нескольких брадобреев для превращения, согласно правилам, установленным самим про-

роком, его самого и свиты в настоящих паломников, достойных вступления в Мекку. Прежде всего были подвергнуты омовению и посыпаны мускусом волосы, усы, руки и все тело верующих, а затем надеты на них белая одежда без швов и сандалии. Вся эта церемония сопровождалась молитвами, а когда все было окончено, то каждый, обратившись лицом к Мекке, произнес древнюю молитву посвящения себя Аллаху. Князь Индии наравне со всеми совершил этот обряд, а затем, усевшись на ковре, положенном перед палаткой, стал ждать прохода караванов.

Вскоре на востоке показалось облако пыли, а из-за него мало-помалу выделился отряд всадников в полном вооружении и с копьями в руках, ярко игравшими на солнце. Ехавший впереди вождь остановился у палатки князя Индии. На голове его был шлем с поднятым забралом и большой кольцеобразной сеткой, покрывавшей шею и плечи. Кольчуга защищала тело, руки до локтей и ноги. Шлем и звенья кольчуги были украшены золотом, и воин казался золотым. На спине у него висел светло-зеленый плащ, полускрывавший небольшой круглый металлический щит, в правой руке он держал копье, а с левой стороны виднелась сабля, спереди же седла был прикреплен лук с колчаном. Он был так воинствен и так красиво сидел на кровном караковом коне, что князю Индии показалось, что перед ним один из славных сподвижников Саладина. Он невольно вскочил, чтобы приветствовать гостя, но тот лишь бросил на него взгляд и отвернулся в другую сторону, обнаруживая тем, что он остановился тут не ради обитателя самой красивой из палаток, а для того, чтобы с возвышения следить за проходом караванов. Но этого мгновения было достаточно, чтобы рассмотреть его лицо: это был молодой человек двадцати двух или трех лет, с черными глазами, такой же бородой и усами и серьезным, хотя приятным выражением загорелого лица.

Через некоторое время к нему подъехал вооруженный, но не столь блестящий всадник и, соскочив с ко-

ня, водрузил в землю желтое шелковое знамя с красной надписью и золотым полумесяцем, со звездой на древке.

— Кто этот юноша в золотом вооружении? — спросил князь, подзывая к себе шейха.

— Эмир эль-хаджи¹.

Князь Индии стал еще с большим интересом смотреть на эмира.

— Такой молодой — и уже пользуется доверием старого Мурада. Я познакомлюсь с ним, быть может, он будет мне полезен. Кто знает, кто знает?..

В эту минуту на возвышении показался отряд турецкой кавалерии с музыкой и пестро украшенные верблюды с подарками султана меккскому шерифу. Эмир обратил все свое внимание на всадников, вождем которых он, очевидно, состоял, и зорко следил за тем, как они спешили и стали разбивать стан. Но пока он был этим занят, к нему подошел шейх князя Индии и с низким поклоном сказал:

— Мой господин, высокопочтенный хаджи, сидящий вон там перед своей палаткой, приказал тебя приветствовать и предложить тебе гранатовой воды, которая действует очень освежительно.

По его знаку следовавший за ним громадный негр в белой одежде поднес эмиру на блестящем медном подносе глиняный кувшин и два кубка, серебряный и хрустальный.

Сняв с левой руки стальную перчатку, эмир взял один из кубков и, поклонившись вставшему с ковра князю, выпил воду.

До самого вечера эмир и князь Индии были поглощены шумным, пестрым зрелищем прихода и размещения караванов. Их было три: из Эль-Катифа, Дамаска и Каира. Толпы, составлявшие эти караваны, были самые разнообразные и разноплеменные. Рядом виднелись арабы, персы, индусы, турки, курды и кавказцы. Одни шли пешком, другие ехали на лошадях,

¹ Так назывался вождь меккских паломников, назначавшийся самим султаном, что считалось великой честью.

третьи двигались на верблюдах, четвертые медленно колыхались на спинах ослов. Все это человеческое море быстро залило долину Эль-Зариба, наполняя воздух криками, звуками музыкальных инструментов и всем сложным шумом человеческой сумятицы. Все торопились занять для стоянки место поудобнее, толкались, суетились, разгружали верблюдов, раскидывали палатки. В общей суматохе старались водворить какой-нибудь порядок всадники с большими палками, но еще более усиливали ее, порождая рукопашные схватки. «Это не люди, а черти, бегущие от гнева Божьего», — думал князь Индии, смотря с удивлением на происходившую оживленную, но беспорядочную сцену.

К закату солнца прекратилось бесконечно тянувшееся шествие караванов и его заменили самые невзрачные, несчастные толпы больных, нищих и всякого рода подонков восточного населения. Мало-помалу прибывшие ранее разместились кто где мог, и наступило сравнительное затишье. В начинавшихся сумерках стали виднеться разведенные огни, и наконец князь Индии вернулся в свою палатку, где уже все было приготовлено для приема приглашенного им гостя.

V

КНЯЗЬ И ЭМИР

Приемная в палатке князя Индии была блестяще освещена шестью лампами, при свете которых рельефно выступала пестрота красок развешанных вокруг стен дорогих шалей. На богатом ковре сидели рядом князь и эмир, а перед ними, на низеньком столике, сверкавшем белизной слоновой кости, стояли корзинки с виноградом, фигами и финиками из Медины, тарелка с сухими лепешками, два кубка и три кружки с медом, водой и соком гранат. В те времена на востоке

еще не знали ни кофе, ни табака, которыми теперь его обитатели утешают свою жизнь, но фрукты, мед и различные воды вполне заменяли их. Гость и хозяин, по-видимому, совершенно уже подружились и разговаривали друг с другом как старые приятели.

— А что, эмир,— спросил князь,— чума уже прекратилась?

— Нет, она свирепствует еще сильнее, хаджи. Прежде ей подвергались только отставшие от каравана люди, а теперь она поражает всех без разбора. Вчера мы подобрали богатого и знатного паломника, которого носильщики бросили на дороге мертвым.

— Может быть, его убили?

— Нет, на нем найдено много золота.

— Может быть, у него взяли другие драгоценности?

— Нет, все оказалось при нем.

— А куда все это дели?

— Принесли ко мне, и оно находится в моей палатке, так как по закону все имущество умершего паломника поступает в собственность эмира эль-хаджи.

— Бич Божий, именуемый чумой, имеет свои законы, и один из них обязывает нас закапывать в землю или сжигать все, что принадлежало умершему.

— Но, хаджи, есть еще высший закон,— сказал с улыбкой эмир.

— Не обижайся, эмир, я не думаю, чтобы ты опасался чего-либо. Позволь мне, эмир, спросить тебя еще об одном, но лично касающемся тебя предмете.

— Спрашивай, я отвечу откровенно, да поможет мне в этом пророк!

— Да будет благословенно имя пророка! Верь мне, эмир, что я никогда не задал бы тебе этого вопроса, если бы твоя речь не напоминала той музыкальной страны, которую называют Италией. Мне известно, что твой повелитель султан имеет на своей службе многих храбрых воинов, которые принадлежат не только к его обширным владениям, а даже христианским странам. Поэтому скажи, откуда ты?

— Мне ответить нетрудно,— произнес эмир без малейшего колебания,— я сам не знаю своей родины. Не ты первый указываешь на итальянский акцент моей речи, и я не имею ничего против того, чтобы быть итальянцем, а так как случайно я научился говорить по-итальянски, то мы можем, хаджи, говорить с тобой на этом языке, если ты его предпочитаешь.

— С удовольствием, хотя тебе нечего бояться, чтобы нас подслушали, так как прислуживающий нам Нило — глухой и немой от рождения.

— Мои первые воспоминания,— продолжал эмир, совершенно легко переходя на итальянский язык,— ограничиваются тем, что я вижу себя на руках женщины под голубым небом, среди песчаного берега. С одной стороны простирался сад с оливковыми деревьями, а с другой шумело море. Потом я помню, что меня вносили в дом, такой большой, как будто он был замком.

— Согласно твоему описанию это, вероятно, был восточный берег Италии в окрестностях Бриндизи,— перебил его князь Индии.

— Потом я помню блеск пожара и страшные крики, а затем путешествие по морю в обществе бородастых людей. Но вполне ясно я начинаю помнить себя только с того времени, когда за мной ухаживала с любовью жена знатного паши, губернатора города Бруссы. Она называла меня мирзой, и я провел все свое детство в ее гареме, а затем меня отдали в школу и на военную службу. С течением времени я сделался янычаром, а когда, благодаря счастливому случаю, я отличился, то султан перевел меня в свой отряд телохранителей. Желтое знамя, которое теперь носят передо мной, принадлежит этому отряду, наконец, в знак своего неограниченного доверия мой повелитель назначил меня эмиром эль-хаджи. Вот и вся моя история.

— Это грустная история, эмир,— сказал сочувственно князь,— и ты ничего не знаешь больше о своих родителях?

— Ничего. Только могу предположить, что их замок был ограблен турками, которые в суматохе меня похитили.

— Еще надо предположить, что твои родители были христианами.

— Да, но не верующими.

— Как не верующими! Ведь они верили в Бога?

— Да, но им следовало верить, что Магомет его пророк.

— Все на свете происходит по воле Аллаха,— продолжал князь, несколько смущенный фанатизмом юноши, но ловко скрывая свое смущение,— и мы должны радоваться, что наша судьба зависит от него. Но тебя, эмир, я могу поздравить с тем положением, в котором ты очутился, благодаря воле Аллаха. Но прежде чем сказать тебе причину моего поздравления, я желал бы знать: можешь ли ты сохранить тайну?

— Могу и обязуюсь молчать, потому что считаю тебя хорошим человеком.

— Так знай, что у меня есть друг брамин, настоящий маг. Он живет на берегу Брахмапутры и открыл школу для многочисленных учеников, так как все видимое и невидимое не имеет для него тайны. Я сам занимаюсь тем, что невежественные люди называют астрологией, но не из корыстных видов, а потому что изучение небесных светил приближает человека к Аллаху. Недавно я составил гороскоп будущего и просил этого ученого мага проверить его. Мы оба пришли к одному заключению: до сих пор волна человеческого могущества шла с Запада, но теперь она переменяла свое течение и идет с Востока. Звезды ясно говорят о падении Константинополя.

— А говорят ли звезды, кто возьмет Константинополь? — спросил с жаром эмир.

— Я тебе отвечу на это вопросом. Твой повелитель стар и поседел в войнах и государственных заботах. Не правда ли?

— Да, он стар в своем величии,— отвечал дипломатично эмир.

— Но у него есть сын, лет восемнадцати и носящий имя пророка?

— Да, и этот юноша отличается всеми царственными достоинствами своего отца.

— Мой гороскоп говорит только, что герой, который возьмет Константинополь, будет молодой, высокого происхождения и турок, но имя его мне неизвестно. К тому же мне надо еще дополнить этот гороскоп на месте, в Константинополе, так как вполне ясно можно прочесть судьбу какой-нибудь местности лишь в ней самой. Вот почему я и отправляюсь в Константинополь.

— О хаджи! — воскликнул юноша с горячей мольбой.— Освободи меня от данного слова и дозвожь сообщить твои слова Магомету. Он мой друг, он ездит верхом, владеет копьем и мечом, стреляет из лука и защищается щитом лучше меня. Он настоящий герой, и ты можешь представить, с каким счастьем я, возвратясь к нему, приветствовал бы его словами: «Радуйся, Магомет, завоеватель Царьграда!»

— Я с удовольствием доставил бы тебе эту радость, но лучше повременим. Предрешать события иногда опасно, и обнародование ожидающей его судьбы может возбудить в других преступную зависть. К тому же ведь я сказал тебе, что мне еще надо проверить этот гороскоп. Когда я совершенно уверюсь в правильности предсказания о падении Константинополя, то я тебе об этом скажу. С этой минуты наши жизни будут течь параллельно, не пересекая друг друга и не удаляясь одна от другой.

— Но кто же ты такой? — спросил эмир с юношеским жаром.

— Важные причины обязывают меня тайно совершить это паломничество, и потому помни обо мне как о князе Индии, находящем величайшее счастье в вере Аллаха и Магомета, его пророка. Но я дам тебе средство всегда найти меня, если тебе представится

необходимость найти меня. Нило, — прибавил он, обращаясь к своему рабу по-гречески, — принеси два кольца с изумрудами.

Когда кольца были принесены, то, подавая их эмиру, князь произнес:

— Они совершенно одинаковы. Выбери одно из них, а другое я оставляю у себя. Когда мы захотим связаться друг с другом, то будет достаточно послать одно из них с верным гонцом. Но помни, эмир, что я не освобождаю тебя от данного тобою слова. Преждевременно разоблачать судьбу — значит изменять Аллаху.

Беседа между ними продолжалась еще долго, а когда эмир удалился после полуночи, то князь Индии, оставшись один в палатке, промолвил с улыбкой:

— Я слышу его приветствие: «Радуйся, Магомет, завоеватель Царьграда!» Всегда хорошо иметь две тетивы для своего лука.

VI

У КААБЫ

По закону Магомета всякий правоверный по прибытии во святой город должен непременно посетить Каабу. Князь Индии свято исполнил это правило: он разбил свои палатки рядом с эмиром эль-хаджи и меккским шерифом у подошвы горы Милосердия, потом для удобства нанял дом с окнами, выходящими на мечеть, и, окончив таким образом свое водворение, прямо отправился к Каабе со своей свитой, проводником и негром Нило, державшим над его головой зонтик из легкой зеленой бумаги. Все они были босые и в белой одежде.

Достигнув мечети и келий, которые окружали открытой колоннадой площадь с Каабой, они остановились и набожно окинули взглядом представившееся им зрелище. Семь минаретов, выкрашенных в крас-

ную, синюю и темную краску, рельефно выдавались на безоблачном небе. Между ними тянулись одна за другой три песчаных и три мощеных площадки. Последняя, окруженная золочеными фонарями, была выложена блестящими, как зеркало, гранитными плитами, и на ней возвышался, как пьедестал монумента, белый, мраморный, униженный бронзовыми кольцами фундамент святого дома. Сама Кааба, представляющая собой вытянутый параллелепипед в 40 футов высоты, 18 шагов длины и 16 ширины, была вся покрыта черной шелковой тканью с золотыми надписями из Корана. Эта драпировка своей новизной и свежестью доказывала, что эмир эль-хаджи уже успел сдать султанский подарок. Толпа правоверных медленно двигалась вокруг этой святой святых и останавливалась только перед черным камнем. Но прежде чем приложиться к камню, а затем, по закону Магомета, семь раз обойти вокруг Каабы, князь Индии направил свои шаги к священному колодцу и терпеливо дождался своей очереди, чтобы испить из него воды, на что потребовалось много времени, так как и здесь толпа была велика.

Наконец добрался до черного камня благодаря усилиям проводника, который энергично расталкивал толпу, восклицая:

— Дорогу князю Индии! Дорогу любимцу пророка! На его пути нет бедных.

Стоявший перед ним у камня правоверный пришел в такое фанатическое исступление при виде святыни, что не припал к ней губами, а отчаянно два раза ударился о нее головой и упал без чувств на землю. Проводник оттолкнул его ногой и пропустил вперед князя Индии. Спокойно, без энтузиазма еврей взглянул на камень, который сосредоточивал в себе поклонение всего магометанского мира, и впервые не повторил установленных, набожных восклицаний, произнесенных проводником:

— Великий Бог! Я верую в Тебя, я верую в Твою книгу, я верую в Твое слово! Я верую в надежду...

Не слыша, чтобы его слова повторялись князем, проводник с удивлением оглянулся и снова начал ту же молитву.

С трудом пересилив неожиданное отвращение к своему постоянному фарисейству, князь Индии и хотел уже повторить слова проводника, как неожиданно услышал болезненный стон безумного фанатика, лежавшего у его ног лицом кверху. Из двух ран на его лбу текла кровь.

— Бедняк умирает! — воскликнул князь.

— Аллах милосерд, будем молиться, — отвечал проводник, который не считал нужным отвлекаться от установленных обрядов, что бы ни случилось вокруг.

— Но он умрет, если ему не окажут помощи.

— Когда мы кончим свое поклонение, то пошлем сюда носильщиков, которые его уберут.

Князь Индии нагнулся к упавшему паломнику. Он лежал на спине, лицом к небу, с закрытыми глазами и тихо стонал.

И князь Индии вдруг узнал его. Это был эмир. Переодевшийся в простые одежды, он вместе с другими паломниками подошел к святыне и теперь лежал у камня, никем не признанный.

— Это эмир эль-хаджи! — воскликнул князь Индии.

Вокруг воцарилась безмолвная тишина. Все правоверные видели еще недавно этого юношу, сиявшим красотой и здоровьем, на прекрасном коне, в блестящем вооружении.

— Эмир эль-хаджи умирает! — быстро пронеслось из уст в уста, и все присутствующие стали повторять в один голос изречения из Корана, но ни один не протянул ему руки помощи.

Князь Индии нимало этому не удивился, так как правоверным нечего было жалеть молодого эмира, а, напротив, они завидовали, что он умирал по Божьему милосердию перед святыней и прямо перейдет в рай, с венцом мученика на челе. В их глазах он был счаст-

ливейший из смертных, и уже врата рая скрипели на своих хрустальных петлях, а пророк выходил к нему навстречу в своей белой, лучезарной одежде.

— Эмир умирает от чумы! — с горечью воскликнул князь Индии.

Он ожидал, что толпа при этих словах бросится в бегство, но никто не двинулся с места.

— Клянусь Аллахом, — произнес он еще более громким голосом, — желтый воздух дунул на эмира и дышит на вас всех, бегите!

— Аминь, аминь!

— Мир тебе, князь мучеников!

— Счастливец ты, лев Аллаха!

Вот что слышалось ему в ответ.

Очевидно, эту толпу одушевляло нечто большее, чем фанатизм, и с такой верой, презиравшей болезнь и смерть, новому проповеднику тщетно было бы вступить в борьбу. Князь Индии тяжело вздохнул, махнул рукой и сделал знак своим слугам, чтобы они подняли лежавшего на земле эмира.

— Завтра я окончу свое поклонение, — сказал он своему проводнику, — а теперь веди меня домой.

Его приказание было немедленно исполнено.

К утру эмир, благодаря лечению князя, настолько оправился, что мог рассказать, что с ним приключилось.

Он понял, что заболел на другой день после свидания с князем Индии в Эль-Зарибе, но решил во что бы то ни стало исполнить поручение султана и передать его дары шерифу. Он боролся с одолевавшей его болезнью. Поэтому, получив даже расписку шерифа в приеме всех присланных ему предметов, он еще сделал все необходимые распоряжения для устройства своего лагеря, и только когда все благополучно было окончено, приказал посадить себя на лошадь, так как уже не имел сил вскочить в седло, и, убежденный в своей близкой смерти, отправился в Каабу, чтобы умереть под сенью святыни.

Слушая его рассказ, князь Индии все более и более убеждался в тщетности распространить проповедь новой религии среди народа, столь пламенно преданного своей вере. Ему оставалось теперь только поспешить в Константинополь, центр христианского движения. Там, может быть, ожидал его большой успех.

В конце следующей недели, совершив установленные два паломничества и убедившись, что эмир совершенно выздоравливает, он двинулся в путь и благополучно достиг Джедды, где его ждало судно для перехода через Красное море.

VII

ПРИБЫТИЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Чем более приближалось время, назначенное князем Индии для его приезда в Константинополь, тем нетерпеливее ждал его Уель, сын Иадая. Когда же наступил шестой месяц, в конце которого должно было совершиться желанное событие, то он стал считать дни, а за две недели уже начал по утрам ходить в Золотой Рог и спрашивать о прибывших из Египта судах. Однако все было тщетно. Наступил последний день срока, а о князе Индии не было слуха. Уель уже начал отчаиваться, но Сиама спокойно оканчивал все приготовления к приему своего господина, вполне убежденный, что он явится в назначенное время.

Все было готово с завидной точностью в новом доме князя Индии. Четыре комнаты нижнего этажа были приготовлены для трех слуг, кроме Сиама, во втором находились три апартамента, соединенные дверями, завешенными портьерами из верблюжьей шерсти. Меблировка их была смешанная: римская, греческая и египетская. Средняя, и наибольшая, комната должна была составить гостиную и кабинет хозяина: на полу лежал темно-синий ковер, посередине которого, на медном листе, стояла маленькая серебряная печка. Шел-

ковые диваны помещались вдоль стен, а посреди комнаты стояли низенькие стулья с изваяниями различных животных на ручках и ножках. В углах возвышались высокие серебряные треножники с лампами в помпейском стиле. Большое окно, наполненное цветущими растениями, освещало роскошный стол, на котором стояли металлические кубки, хрустальный графин с водой и стаканы, а под столом была растянута тигровая шкура. Стены были украшены новыми византийскими фресками. Во всей комнате стояло нежное благоухание.

Заботы верного слуги не ограничивались внутренностью дома: он раскинул палатку на крыше, зная, что в теплое время его господин будет проводить там ночи. Отличительной чертой всех этих приготовлений было отсутствие всякого попечения об удобствах, необходимых для женщин, так что, очевидно, их присутствия не ожидалось.

До полудня в последний день назначенного срока Уель оставался на берегу, поджидая желанное судно, и наконец, убедившись, что князь Индии не прибыл, в сильном разочаровании вернулся к приготовленному для неявлявшегося гостя дому. К его величайшему удивлению, в печке горел уголь и Сиама суетился, как бы исполняя приказания своего господина. Уель подумал, что князь Индии прибыл каким-либо другим путем.

— Он здесь? — спросил Уель.

Сиама покачал головой.

— Так зачем ты развел огонь?

Сиама знаками дал понять, что его господин вот-вот приедет.

Уель улыбнулся этому слепому доверию слуги.

Побыв некоторое время в доме, он вернулся к себе, но после ужина снова пошел посмотреть, что делается в жилище князя Индии. Окна его горели огнями, и он поспешно вошел в отворенную дверь. Гостиная ярко была освещена лампами, и в ней стоял Сиама, как всегда спокойно улыбающийся.

— Что же, приехал? — спросил нетерпеливо Уель.

Слуга отрицательно махнул рукой, но этот жест как бы говорил: «Он не приехал, но приедет сегодня».

Около десяти часов вечера Сиама принес и поставил на стол поднос с едой и напитками.

— Боже милостивый,— промолвил Уель,— он даже приготовил ужин. Вот так слуга, вот так господин!

Уверенность слуги так подействовала на Уеля, что он также стал серьезно ожидать прибытия князя Индии.

Через некоторое время внизу послышались шаги нескольких людей. Сиама бросил торжествующий взгляд на Уеля и устремился к двери, в которой показалась человеческая фигура. Нечего было объяснять Уелю, кто это был. Он сразу понял, что это князь Индии.

Почему-то Уель представлял его величественным. Но в дверях стоял человек небольшого роста, сутуловатый, худощавый, в темно-коричневом бурнусе аравийских шейхов. Голова его была повязана красным шерстяным платком, и конец его, надвинутый на лоб, бросал такую тень на лицо, что ясно видна была только большая седая борода.

При виде своего господина Сиама бросился на колени и поцеловал его руку, а тот поднял его и потрепал по плечу в знак того, что был доволен сделанными приготовлениями. Потом он подошел к огню и, заметив впервые Уеля, протянул его руку.

— Сын Иадая,— сказал он голосом, в котором слышалась доброта, и глаза его, блестящие и черные, засветились удовольствием.— Я вижу, что я был прав, доверяя тебе. Ты пошел по стопам своей семьи, и твоей помощи я обязан, что имею такой удобный и приятный дом. Считаю меня своим должником.

Невольно поддавшись чарующему влиянию этого человека, еврей низко поклонился и поцеловал протянутую ему руку.

— Не благодари меня,— отвечал он.— Сиама и без меня устроил бы все.

— Хорошо, но я все-таки остаюсь при своем мнении, а теперь выпьем напиток, который приготовлен Сиамой и которого не знают на Западе.

— Позволь мне прежде приветствовать тебя в твоём новом доме.

— Я уже прочел приветствие в твоих глазах. Сядем к огню. Ночь очень холодная.

Сиамы тогда подал чай, который в то время еще не был известен в Европе, и между новыми знакомыми завязалась дружеская беседа. Хозяин рассказал в нескольких словах о своих путешествиях, а Уель сообщил ему константинопольские новости.

— Я писал тебе,— сказал наконец князь Индии,— что желаю обходиться с тобой как отец с сыном и быть тебе помощью, а не бременем. Я полагаю, что теперь твоя торговля оживится, так как все в Константинополе будут с уважением относиться ко мне, я не уступлю здесь никому своим блеском и достоинством. Когда тебя станут спрашивать, кто я, отвечай только, что князь Индии. Простые люди этим удовольствуются, а тех, которые захотят знать больше, отправляй ко мне. Ты же сам, сын Иадея, также называй меня князем, но знай, что я на восьмой день после своего рождения был обрезан по закону Моисея, и это я считаю гораздо почетнее моего титула.

— Так ты, князь...

— Я еврей, так же как твой отец и ты.

Уель улыбнулся при мысли, что его соединяли узы одинакового происхождения и веры с такой могущественной особой.

— Ты видишь,— продолжал князь Индии,— я точно исполнил свое обещание явиться сюда через шесть месяцев после получения тобою моего письма. Ведь этот срок еще не прошел.

— Сегодня его последний день.

— Я писал тебе, находясь в Чипанго, на острове великого восточного моря. Спустя тридцать лет после того, как я поселился на этом острове, я случайно увидел спасшегося от кораблекрушения еврея из Констан-

тинополя, и он мне сообщил о смерти твоего отца и твоем имени. Тебе не мешает знать, что я всего провёл в Чипанго пятьдесят лет и преимущественно занимался там изучением местных религий. Их две: от одной, грубой мифологии, без греческой или римской поэзии, я отвернулся с презрением, а другая буддийская, имеет много общего с христианством. С тою же целью изучения религий я посетил впоследствии Мекку, а затем через Египет прибыл сюда. Я потом сообщу тебе, какие намерения я имею насчет моего пребывания в Константинополе.

Видя, что князь Индии устал, Уель начал прощаться и князь проводил его до лестницы.

Оставшись один в комнате, он позвал прибывших с ним слуг, и двое из них бросились целовать Сиаму, как старого товарища, но третий, молодой негр громадного роста, смотрел с недоумением на незнакомую ему личность, и Сиама вопросительно поглядывал на своего господина.

— Это Нило, сын того Нило, которого ты знал, — сказал последний. — Люби его так же, как ты любил его отца.

Сиама обнял и поцеловал своего нового товарища.

VIII

РОЗЫ ВЕСНЫ

Целый месяц князь Индии не выходил из своего дома, отдыхая от продолжительного путешествия. Ежедневно он гулял по плоской крыше дома, с которой открывался вид на церковь, возвышающуюся на горе, на Влахернский дворец и на Галатскую башню, но наибольшее его внимание, по-видимому, обращал на себя дворец, и на нем всего чаще останавливался его задумчивый взгляд.

Однажды около полудня он сидел в своей комнате за столом и был погружен в любимое занятие — срав-

нительное изучение Библии, священных книг Китая, Ригведы, Авесты и Корана. С самого утра он сравнивал определение Бога в различных религиях и наконец устал от долгого усидчивого труда, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Когда он открыл их через несколько минут, то с удивлением увидал, что на него смотрят два другие глаза, такие же большие, черные, как и его. Эти глаза принадлежали детскому, чистому лицу. Он протянул руку, положил ее на черную кудрявую головку и тихо спросил, как бы не отдавая себе отчета в реальности явившегося перед ним образа:

— Как тебя зовут?

— Гуль-Бахар.

— Это турецкое имя, оно значит — Роза весны. Как тебе дали такое имя?

— Моя мать из Иконии.

— Где прежде жили султаны?

— Да. И она говорила по-турецки.

— А! Я понимаю. Это не твое настоящее имя, а только прозвище.

— Мое настоящее имя Лаель, я дочь Уеля.

Князь Индии побледнел как полотно, губы его задрожали, и на глазах показались слезы. С трудом переведя дыхание, он наконец нежно повторил:

— Лаель... Ты не удивляйся, я очень стар, гораздо старше твоего отца, и видел столько горя, что никто в этом не может со мною сравниться. У меня также была некогда маленькая девочка.

Он снова с трудом перевел дыхание и прибавил:

— Сколько тебе лет?

— Будущей весной мне будет четырнадцать.

— Она была твоего возраста и очень походила на тебя. Она была такая же маленькая, как ты, и у нее были такие же волосы и глаза, и звали ее Лаель. Я хотел назвать ее Римой, потому что она казалась мне чудной песнью, но мать настояла на том, чтобы назвать ее Лаель, что значит на твоём и моём языке — «для Бога».

— Ты, значит, очень любишь ее,— заметила девочка, глядя на него с сочувствием.— А где она теперь?

— В Иерусалиме были ворота, называвшиеся Золотыми. Они выходили на восток, и солнце, восходившее из-за Масличной горы, ярко блестело на их коринфской бронзе, более драгоценной, чем золото. Земля вокруг этих ворот священна, и там спит моя Лаель. Ее покрывает тяжелый камень, который едва свезли несколько волов, но в день последнего суда она восстанет одной из первых, так хорошо быть похороненным вокруг Золотых врат.

— Значит, она умерла!— воскликнул ребенок.

— Да, умерла. И я не могу вспомнить ее без слез. Такая она была красивая, нежная, правдивая. Я никогда не забуду ее, но ты так похожа на нее, что я буду любить тебя, как ее, и ты сделаешься моим ребенком. Вся моя жизнь будет сосредоточена на тебе, и каждое утро, вставая, я буду спрашивать прежде всего: где моя Лаель? В полдень, прежде чем сесть за стол, я справлюсь, был ли день счастлив для нее, а ночь наступит для меня только, когда она заснет. Хочешь быть моей дочерью?

Этот вопрос так озадачил девочку, что она не знала, что отвечать.

— А разве можно иметь двух отцов?— спросила она.

— Можно,— отвечал он поспешно.— Один у тебя будет родной отец, а другой—приемный, и оба они одинаково будут любить тебя.

— Хорошо.— Девочка посмотрела на взволнованного старика и потом промолвила:— Ты и мой отец—большие друзья, и я думала, что он здесь.

— Пойдем к нему. Ты не можешь быть моей дочерью без его согласия.

Они вышли из дома рука об руку и, перейдя через улицу, вошли в комнату лавочника.

Эта комната была просто убрана, но с комфортом, как подобало человеку состоятельному. Увидев, что его дочь вошла вместе со стариком, он улыбнулся, так

как с удовольствием видел по выражению их лиц, что они сразу подружились.

— Сын Иадая,— сказал князь Индии взволнованным голосом.— У меня некогда были жена и дочь. Они погибли, и как это случилось, я не в состоянии рассказать. Теперь я нашел достойный предмет для моей любви,— прибавил он, нежно положив руку на голову ребенка.— Когда я увидел сегодня ее впервые, мне показалось, что моя дочь воскресла из гроба. Я желаю сделать ее своей дочерью. Позволь быть только вторым ее отцом и заботиться о ее будущем.

— Она ведь простого происхождения,— произнес лавочник.

— Простого? — воскликнул князь Индии.— Она дочь Израиля и потому наследница всех благ нашего милосердного Бога. Только один Бог знает, что ее ждет на этом свете. Будем любить ее оба и приготовим ее быть достойной всяких благ. Я, например, научу ее всей премудрости, так что она будет в состоянии служить украшением любого двора. Она будет говорить на всех языках, известных по Средиземному побережью. Все тайны Индии станут ей известными, а математические науки познакомят ее с законами небесных светил. Наконец, я научу ее Священному Писанию. Я буду просить тебя, сын Иадая, не жалеть ничего на нашу Лаель. Одевай ее как царскую дочь, так как я желаю, чтобы, идя со мной по улице или катаясь в лодке, она обращала внимание всех, даже императора, на свои драгоценности. Не думай о деньгах, я их всегда найду. Ну, согласен?

— Князь, ты так великодушен и щедр...

Со следующего дня Гуль-Бахар получила право постоянного доступа в дом князя Индии, а спустя неделю в ее собственном жилище поселилась нанятая князем гувернантка. Князь не забыл обещания и с любовью стал сам заниматься с маленькой девочкой, которая выказывала замечательные способности к уче-

нию. Эти уроки наполняли его сердце такой радостью, что он на время забыл свою горькую участь и только думал о Гуль-Бахар и о той великой цели, которая привела его в Константинополь.

Часть третья

КНЯЖНА ИРИНА

I

УТРО НА БОСФОРЕ

Прошло два года после удочерения князем Индии Лаели, дочери Уеля.

Был прекрасный июньский день. Выходя из-за горы, возвышавшейся над Бекосом, солнце освещало противоположный европейский берег пролива, на гладкой поверхности которого лениво колыхались стоявшие на якорях суда. Дрожащие облака тумана поднимались от воды и, путаясь в такелажах, медленно рассеивались в воздухе. Рыбаки на своих быстрых лодках возвращались домой после ночной работы. Чайки и бакланы стаями летали над водяной поверхностью, охотясь за мелкой рыбой, и от постоянного движения их крыльев пурпурная даль принимала оживленный, блестящий вид.

Терапская бухта, лежащая против Бекоса, тоже была освещена солнцем. В ней было больше судов, чем на фарватере, и они отличались всевозможными формами — от морской торговой галеры до увеселительных катеров.

Во дни Константина IX Царьград был той же летней резиденцией, как во времена кудесницы Медеи и при благополучном царствовании Абдула-Гамида.

Начиная с севера, где тонкая коса наподобие указательного пальца выдавалась в реку, берег грациозно извивался дугой до мыса на юге. Тогда, как и теперь, дети забавлялись, собирая белые и черные камешки, усеивающие берег, и весело прыгали, убегая от настигавших их пенистых валов. Тогда, как и теперь, дома казались привязанными к горе одни над другими в полном беспорядке, так что чужестранец, смотря на них из лодки, думал с ужасом, какая произошла бы катастрофа, если бы здесь произошло хотя самое слабое землетрясение. Тогда, как и теперь, южный мыс как бы замыкал бухту и загромождавшая его лесистая гора едва оставляла место внизу для дороги. Тогда, как и теперь, городской фасад состоял из постепенных террас, окаймленных соснами, с зонтикообразными, широкими макушками. Кое-где виднелись изящные водяные бассейны, художественные павильоны с белыми крышами и мостовыми в римском стиле.

Под выдающимся южным мысом приютился уголок земли. Простираясь на сто шагов от бухты к западным высотам города, этот уголок, куда солнце редко проникало, кроме полдня, был покрыт кустами роз, виноградниками и акациями, среди которых извивались прихотливые дорожки, журчали ручейки и били фонтаны. В этом зеленом Эдеме местные птицы круглый год находили себе убежище, а перелетные соловьи прилетали ранее и улетали позднее, чем где-либо, распевая не только ночью, но и днем. Тут благоухание роз и жасмина наполняло воздух, гранаты сверкали, как красные звезды, в роскошной листве, а мясистые финики как бы приглашали всякого сорвать их.

Вдоль сада тянулась набережная, предохранявшая его от напора волн и уложенная гладкими плитами. Вход в сад открывался через прозрачный павильон с крышей в виде колокольни и тонкими колоннами, выкрашенными красной краской. Затем, вымощенная се-

рыми камушками и розовыми раковинами, дорога вела посетителей, как пеших, так и конных, мимо акаций и кустов роз ко дворцу, который имел такое же отношение к саду, как крупный бриллиант на кольце красавицы к окружающим его мелким драгоценным камням.

Этот дворец стоял на небольшом холме, и его можно было видеть из лодки в бухте от крыши до фундамента. Он представлял четырехугольное одноэтажное мраморное здание с портиком из колонн коринфского стиля. Всякий чужестранец, взглянув издали на его белый, блестящий на солнце фасад, мог сказать безошибочно, что подобное жилище принадлежало особе высокого происхождения, быть может, самому императору.

Это было действительно летнее местопребывание княжны Ирины.

II

КНЯЖНА ИРИНА

Во время царствования императора Мануила в 1412 году, то есть за 39 лет до описываемой эпохи, произошла морская битва между турками и христианами у Плати, одного из Принцевых островов. Результат этого сражения интересовал все народы, которые вели здесь торговлю с окрестными местностями, венецианцев и генуэзцев не менее византийцев. Для последних же он имел самое особое значение, так как поражение христиан послужило бы серьезной помехой для связей с теми островами, которые еще оставались во владении императора и западных держав.

В продолжение нескольких дней виднелись вдали турецкие суда, но император долго медлил с отправкой своих морских сил против них. Старший адмирал был и стар, и неопытен, а главное, придворная жизнь совершенно заглушила в нем военную доблесть, если

таковой он когда-нибудь отличался. Необходим был настоящий искусный моряк для такой важной битвы. Поэтому все кричали в один голос:

— Дайте нам в начальники Мануила!..

Конечно, это был не сам император, а его тезка, один из его братьев, который не имел права на царственное происхождение, так как его мать была незаконной женой их отца. Это, однако, не мешало тому, что в глазах многих он слыл за героя. Приняв участие, и с большим успехом, во многих морских битвах, он сделался народным идолом, что возбудило зависть императора, и он неожиданно исчез. Никто не знал, был ли он жив, но его сторонники подозревали, что его прячут где-нибудь поблизости, а потому когда моряки подняли крик о возвращении им любимого начальника, то народная толпа присоединилась к ним и, осадив дворец, стала требовать того же.

Народный любимец был назначен главой флота. Император устроил ему торжественный прием в ипподроме, и популярный герой, проведя несколько часов в лоне своего семейства, явился на эскадру, которую и повел на следующее же утро против врага. Бой был продолжительный и отчаянный. Все его перипетии были видны с городской стены, близ Семи Башен. Наконец громкий радостный крик раздался по всему городу: «Хвала Богу! Хвала Богу!» Крест победил луну. Турки бежали с места битвы и спасли оставшиеся у них галеры за островами, прилегавшими к азиатскому берегу.

Тогда Мануил не только сделался героем, но народ видел в нем спасителя отечества. Вся Византия и Галата собрались на городских стенах и на берегу, чтобы приветствовать его возвращение как победителя, с многочисленными трофеями и пленными. При выходе на берег его встретили трубными звуками и проводили торжественной процессией в ипподром. Верхняя галерея, отведенная для императора, была переполнена придворными сановниками. Публика тщетно искала глазами императора Мануила: он один отсутствовал,

и когда все было кончено, то византийцы возвратились домой, качая головами и говоря друг другу, что их любимцу грозит еще худшая судьба, чем прежде. Поэтому никто не удивился, что несчастный вторично исчез, но на этот раз со всем своим семейством. Победа, последовавший затем триумф и усиление уже без того громадной популярности Мануила возбудили снова ревность императора, и он не устоял против соблазна уничтожить своего соперника в народной любви.

Прошло много лет, императору Мануилу наследовал Иоанн Палеолог и, в свою очередь, уступил престол Константину, последнему из византийских государей.

Константин ознаменовал свое вступление на престол в 1448 году многочисленными милостями, так как он был человек добрый и справедливый. Он велел отворить двери темниц для значительного числа узников, давно находившихся в заточении. Он простил многих провинившихся против его предшественников на том основании, что они ничего не сделали дурного ему самому. Таким образом Мануил, герой Платской битвы, во второй раз воскрес. Все эти годы он был заточен в одной из келий монастыря святой Ирины, на острове Принкипо, и когда его вывели на свет Божий, то он оказался стариком, слепым, еле передвигавшим ноги. Его понесли на руках к Константину.

Жена и трое детей уже давно погибли, а дочь, родившуюся в темнице, позвали во дворец.

Это была молодая девушка, и все глаза обратились на нее, а отец инстинктивно почувствовал ее присутствие.

Она взяла его за руку, а на полный удивления взгляд императора отвечала гордым взором.

Придворные заметили, что, во-первых, она, по обычаю византийских женщин, не имела на лице покрывала, а во-вторых, не упала ниц перед императором, как этого требовал этикет, даже не преклонила колени или голову. Конечно, ей это было извинительно, потому что, живя в монастыре, она не знала придворных

правил. Впрочем, все это затмилось впечатлением, произведенным ее красотой, грацией, скромностью и умом.

Придя в себя от изумления, Константин встал с престола и, подойдя к краю возвышения, на котором находился престол, сказал:

— Я знаю твою историю, благородный грек, благородный по крови, по любви к родине и по заслугам, которые ты ей оказал, а потому я питаю к тебе глубокое уважение, сожалею о перенесенных тобою страданиях и желал бы видеть вокруг моего престола побольше таких людей. Тогда я спокойнее, если не с большей надеждой, стал бы смотреть в будущее. Ты, вероятно, слышал, что полученное мною наследие моих предков ослаблено врагами внешними и внутренними, малопомалу у меня отняты богатейшие провинции, и теперь в моей власти осталась почти одна столица. Я упоминаю об этом для того, чтобы объяснить тебе причину, по которой я не могу достойно наградить тебя за твои геройские подвиги. Если бы ты был молод и полон сил, то я водворил бы тебя в своем дворце. Но это невозможно, и я сделаю для тебя все, что только зависит от меня. Во-первых, будь свободен.

Славный моряк опустился на колени и припал лбом к полу: так всегда приветствовали греки своего государя.

Константин продолжал:

— Во-вторых, вернись в тот дом, в котором ты жил, когда тебя несправедливо схватили и ввергли в темницу. С тех пор он оставался необитаем, и тебе придется его перестроить, но я беру на свой счет все расходы.

Взглянув на девушку, император прибавил:

— На Румелийском берегу, близ Терапии, есть летнее жилище, принадлежавшее некогда ученому греку, который был счастливым обладателем Гомера, мастерски написанного на пергаменте. Он говорил, что это сокровище можно было читать только во дворце, нарочно построенном для него, и так как обладал значи-

тельным богатством, то действительно выстроил для себя и для своей книги великолепный дворец. Он выписал для постройки мрамор из Пентеликона и под тенью портика с коринфскими колоннами читал свою книгу друзьям, ведя вообще жизнь афинянина времен Перикла. В моей юности я часто бывал у него, и он меня так любил, что, умирая, подарил мне свой дом с окружающими его садами. Благодаря этому подарку я могу теперь хоть несколько загладить вину нашего государства перед дочерью этого храброго и достойного человека. Кажется, отец назвал тебя Ириной?

— Да,— отвечала девушка, вспыхнув.

— Этот дом, или дворец, со всем, что ему принадлежит, отныне твой, Ирина,— произнес император,— поселись там.

Она сделала шаг вперед, но потом остановилась, и неожиданная бледность сменила румянец, покрывавший ее лицо и шею. Никогда Константин не видел такой красавицы, и он боялся, чтобы, заговорив, она не улетучилась, как чудное видение во сне. Но она быстро подошла к возвышению, взяла его руку, пламенно поцеловала ее и сказала, смотря ему прямо в лицо:

— Теперь я вижу, что у нас христианский император.

Все присутствующие при этой сцене были вне себя от удивления. При византийском дворе существовал строгий этикет. Самый важный из сановников, слушая императора, должен был опускать глаза вниз, а прежде чем ответить на вопрос императора, обязан был упасть ниц. Никто не смел прикасаться до его руки без милостивого на то разрешения. Поэтому понятно, с каким изумлением придворные увидели, что девушка сама обратилась с речью к императору, сама взяла его руку, поцеловала ее и, не выпуская из своих, смотрела ему прямо в глаза.

Что касается Константина, то он глядел на свою прекрасную родственницу с таким глубоким сочувствием и с таким милостивым снисхождением, что она продолжала:

— Может быть, как ты сказал, твоя империя и лишена многих провинций, но этот город наших отцов все-таки остается столицей всего мира. Христианский император основал ее, и его звали Константином. Не суждено ли другому Константину также христианскому императору, восстановить величие Константинополя? Возложи, о государь, все свои надежды на свое благородное сердце. Я слыхала, что благородные стремления часто предвещают великие события вернее всяких пророков.

Константин был поражен этими словами, тем более удивительными, что их произносила девушка, выросшая в четырех стенах темницы. Его радовало, что она, очевидно, составила себе хорошее мнение о нем и что она не теряла надежды на счастливую судьбу своей родины. Он был так тронут ее силой характера, христианской верой и чисто женским величием, соединенным с грацией, что забыл о всех правилах этикета, сошел с возвышения, взял ее руку, почтительно поцеловал и сказал просто, но с глубоким чувством:

— Дай Бог, чтобы небо говорило твоими устами.

Потом, обернувшись, он поднял все еще распростертого на полу слепого старика и объявил, что аудиенция кончена.

Оставшись наедине со своим секретарем, или великим логофетом, он некоторое время молча размышлял.

— Слушай,— сказал он наконец,— напиши указ о пожаловании пятидесяти тысяч золотых ежегодно Мануилу и его дочери.

Поступая вполне по этикету, секретарь сначала поклонился головой и устремил свои глаза на пурпурные туфли императора, а потом преклонил колени.

— Говори,— сказал Константин.

— Ваше величество, в казначействе нет свободных и тысячи золотых.

— Неужели мы так бедны! — произнес император, тяжело вздохнув, но потом прибавил решительным тоном: — Быть может, действительно Богу угодно, чтобы я восстановил величие не только этого города, но и

всей империи. Я постараюсь заслужить эту славу. Ты все-таки напиши указ, и с Божьей помощью мы найдем средства его исполнить.

III

ГОМЕРОВСКИЙ ДВОРЕЦ

Узнав, каким образом дворец в Терапии достался княжне Ирине, вернемся к тому утру на Босфоре, когда она сидела под мраморным портиком в той самой позе, в которой, вероятно, старый грек, основавший дворец, читывал своего драгоценного Гомера. Между колоннами она видела гладкую поверхность Босфора и лесистый азиатский берег. У ее ног опускался к воде сад, и извилистая дорожка бежала к красной беседке у наружных ворот, против которой была пристань. Вокруг молодой девушки виднелись пальмы, розы и жасмины, а перед ней находился поднос с печеньем, серебряными кувшинами и такими же чашами.

Девушка сидела, или, скорее, полулежала, в большом кресле, а возле стояла маленькая скамеечка, обтянутая темной тисненой кожей. Подняв высоко голову и несколько свесив ее к левому плечу, она устремила свои глаза на пристань, словно ждала кого-то. Обе ее руки покоились на правом подлокотнике кресла, изображавшем собачью голову. Лицо ее было открыто, так как она ненавидела византийский обычай носить покрывало. Она не боялась сплетен и так скромно вела себя, что все с уважением смотрели на нее, ни мало не осуждая ее новшества.

На ней была классическая одежда, рельефно выставлявшая ее грациозную, тонкую, высокую фигуру. Эта одежда состояла из шерстяной белой туники, перехваченной красным шнурком, из-под которого спереди шли складки, а сзади опускался длинный шлейф, сверху был накинут хитон из такой же ткани и такого же цвета. Золотистые волосы ее были причесаны по-

гречески. Что касается ее лица, то черты его были совершенно правильны: брови проведены как бы карандашом, нос тонкий, глаза почти черные, рот маленький, губы тонкие, пунцовые.

Княжна по-прежнему пристально смотрела на растилавшееся перед нею водное пространство; неожиданно к пристани причалила лодка, из которой вышел кто-то в монашеском одеянии. Взглянув на незнакомца, она продолжала глядеть на воду с прежним интересом. Он же бросил что-то лодочнику и, войдя в ворота, направился ко дворцу.

Через некоторое время к княжне подошел старый слуга и доложил о приезде гостя, который следовал за ним. Княжна быстро поправила свою прическу, встала, отряхнула платье и с любопытством взглянула на вошедшего.

Длинная ряса из грубой шерстяной ткани покрывала его фигуру от шеи до пят. Длинные, но широкие рукава доходили до пальцев. На кожаном поясе висела двойная нить черных роговых четок, величиной в орех, а пряжка была серебряная с чернью.

Он поднял голову, и княжна широко раскрыла глаза от удивления: она никогда не видала лица столь совершенной красоты и дышавшего такой изящной нежностью. Он был очень молод, и ему, так же как и ей, не было двадцати лет.

Юноша вынул из-за пояса полотняный пакет и, поцеловав его, сказал:

— Позволит ли мне княжна Ирина открыть этот пакет? — Он говорил с небольшим акцентом. Голос его звучал мужественно, а держал он себя с достоинством, хотя почтительно. — Это послание от святого отца архимандрита нашей Белозерской обители.

— Где это?

— В стране великого князя.

— Я не знала, что у меня есть друзья на Руси. Открой пакет.

Он вскрыл полотняный пакет и вынул из него пергамент.

— Архимандрит поручил мне передать тебе, княжна, не только это послание, но и его благословение, которое для души дороже груды золота.

Взяв пергамент княжна прежде всего взглянула на подпись и с удивлением воскликнула:

— Иларион! Этого не может быть, ведь он уехал и умер.

— Позволь мне спросить,— сказал юноша,— нет ли здесь поблизости острова с названием Принкрипо?

Она молча кивнула головой.

— И на его берегу, обращенном к Азии, нет ли монастыря, выстроенного несколько сотен лет тому назад могущественной императрицей?

— Да, Ириной.

— Не был ли много лет настоятелем этого монастыря отец Иларион?

— От кого ты это слышал?

— От самого святого отца.

— Так ты прислан им?

— Да. Ты узнаешь все из его послания.

Юноша отошел в сторону на несколько шагов, а Ирина поцеловала подпись на полученном послании.

— Господь сохранил своего избранника,— произнесла она и прибавила, обращаясь к незнакомцу: — ты действительно принес мне добрую весть. Скажи, как тебя зовут?

— Послушник Сергей.

— Ты, верно, еще не завтракал?

— Нет, но я привык поститься и всегда успею поесть, великий город ведь в двух шагах отсюда.

— Вот здесь накрыт стол, тот, кого я ожидала, замешкался в пути, и ты займешь его место. Лизандр,— прибавила она, обращаясь к старому слуге,— подай стул и прислуживай нашему гостю.

И они сели друг против друга за маленьким столиком.

IV РУССКИЙ ПОСЛУШНИК

Сергий взял стакан красного вина из рук старого слуги и сказал:

— Я желал бы, княжна, чтобы ты выслушала меня.

По его тону и манерам было видно, что он не привык к обществу женщин, а замечая, что Ирина рассматривает его лицо, он хотел отвлечь ее внимание своими словами.

— Я считаю это нужным,— продолжал он, так как княжна ничего не отвечала,— потому что ты еще не прочла послания святого отца Илариона, знакомящего тебя с моей скромной личностью, и я желал бы, чтобы ты убедилась из моего рассказа в невозможности с моей стороны злоупотребить твоим добрым расположением.

Длинные, волнистые белокурые волосы, разделенные посредине пробором, почти скрывали его большой лоб, на котором виднелись только одни густые брови. Но усы и борода юноши, долго жившего в четырех стенах монастыря, были еще не столь велики и не бросали тени на все лицо. Нос был несколько вздернут кверху. Вообще это был тип славянина, и, за исключением высокого роста и развитых мускулов, он подходил к византийскому идеалу Христа.

Это сходство со столь священным образом, однако, не так поразило молодую княжну, как странный блеск его глаз, который обнаруживал двойственность его взгляда, точно смотревшего в одно и то же время на предмет, находившийся перед ним, и на нечто другое, в пространстве. Его душа, казалось, мистически лицезрела что-то другое, кроме того, что представлялось его глазам и уму.

Он вынул из-под рясы желтый шелковый мешок, а оттуда несколько кожаных четырехугольников с выбитыми на них буквами.

— Это наши деньги,— произнес он.

— Я сомневаюсь, чтобы наши купцы приняли их,—

отвечала княжна, с любопытством рассматривая эти квадратики.

— В том-то и дело, что они не хотят их брать. Но у нас на эти деньги можно пробраться с одного конца владений великого князя до другого. Когда я отправлялся в далекий путь, то отец Иларион дал мне этот мешок с деньгами и сказал: «Достигнув порта, где ты сядешь на корабль, не забудь разменять эти деньги у купцов на византийское золото, а то ты сделаешься нищим, разве только Господь Бог окажет тебе свою особую милость». Я так и намеревался сделать, но порт, в котором я очутился, оказался таким большим и любопытным городом, что глаза у меня разбежались, и я забыл о добром совете отца Илариона. По правде сказать, я о нем вспомнил только сегодня утром.

И он весело засмеялся, доказывая этим, что не придавал собой важности своей забывчивости.

— Я вышел на берег только вчера ночью,— продолжал он,— и, едва оправившись от морской болезни, остановился в одной из городских гостиниц. Сегодня утром я хотел позавтракать, но трактирщик подозрительно посмотрел на предложенные мною деньги и сказал, что возьмет только золотые, медные или железные монеты с изображением имени императора. Когда же я сказал, что у меня нет других денег, то он предложил мне искать завтрак в другом месте. По счастью, у меня была золотая пуговка, которую мне дал отец Иларион при моем поступлении в обитель; на ней изображены крест и имя Константина. В этой пуговке заключалась единственная моя надежда добраться до тебя. Действительно, один лодочник согласился перевезти меня сюда за подобное вознаграждение. Вот как я здесь оказался.

До сих пор он говорил почти правильным греческим языком, но, окончив свою речь, он прибавил несколько слов на своем родном наречии, и глаза его приняли то странное выражение, которое доказывало, что душа его была далеко от того места, где он находился.

Княжна Ирина смотрела на него все с большим и

большим интересом. Она удивлялась, как отец Иларион мог дать важное поручение легкомысленному и забывчивому юноше, а с другой стороны, в ней возбуждало любопытство то неведомое нечто, о чем, очевидно, он постоянно думал.

— Ты прекрасно говоришь по-гречески, добрый Сергей, но я не поняла твоих последних слов.

— Прости меня,— отвечал юноша, изменившись в лице,— я повторил на моем родном языке те слова псалмопевца, которые постоянно повторял отец Иларион: «Господь мой пастырь, и я никогда ни в чем не буду нуждаться».

Он сказал это с таким глубоким убеждением и пылом, что Ирина подумала: «Может быть, отец Иларион и прав, прислав сюда этого послушника. Быть может, действительно в Константинополе, раздираемом богословскими распрями, теперь всего нужнее голос искреннего убеждения».

Встав, она сказала:

— Достойный отец Иларион повторял мне не раз эти самые слова, и мы с тобой поговорим о них впоследствии. Теперь я пойду и прочту письмо, а ты считай себя моим гостем и требуй всего, чего хочешь. Лизандр исполнит все твои приказания. До свидания, я скоро возвращусь.

Юноша почтительно встал и проводил глазами княжну, которая глубоко поразила его своей красотой и грациозностью. Но как только она исчезла из вида за кустами роз, он принялся за завтрак с жадностью голодного человека.

V

ГОЛОС ИЗ ДАЛЕКОЙ ОБИТЕЛИ

Проходя под портиком, княжна повторяла про себя: «Господь мой пастырь, и я никогда ни в чем не буду нуждаться». Ясно было, что справедливость этих слов осуществлялась примером легкомысленного юноши, который в минуту нужды нашел все необходимое,

очевидно, благодаря милосердию Бога, направившего его шаги к ней.

Отворив резную сверху донизу дверь, она вошла в большую, роскошно украшенную фресками залу, а оттуда проникла в маленький открытый дворик, в центре которого бил фонтан.

Тут находилось несколько молодых гречанок, сидевших за шитьем и вышиваньем. При появлении княжны они оставили свою работу и почтительно встали. Она знаком просила их продолжать свое занятие, а сама уселась в кресло перед фонтаном. В руках она держала послание от Илариона. Но мысли ее были заняты его гонцом.

Если, по воле неба, она была избрана для осуществления справедливости слов псалмопевца, то должно ли было это призвание ограничиться утолением его голода в это утро? Не следовало ли ей продолжать заботиться о молодом послушнике? Но какую форму должны были принять эти заботы? Лучший ответ на все эти вопросы она могла найти в послании отца Илариона. Поэтому она перекрестилась, поцеловала подпись и внимательно прочла следующие строки, написанные безупречным греческим языком:

«От Илариона к Ирине, его возлюбленной дочери.

Ты все это время думала, что я уже давно покоюсь в лоне Спасителя. Ничто так не напоминает смерть, как безмолвие, и ничто не придает такой сладости счастью, как его неожиданность. В том же смысле Воскресение Христово было конечным дополнением Его крестных страданий. Более всего, более нагорной проповеди, Его чудес и Его святой жизни оно возвысило Господа нашего Иисуса Христа над простыми философами, вроде Сократа. Мы оплакиваем Его крестные страдания, но славословим, как Мириам, Его победу над смертью. Я не дерзаю сравнивать себя с Ним, но мне приятно верить, что это послание, неожиданно полученное тобою, возбudit в тебе хоть слабый отголосок того чувства, которое объяло святых Мироносиц, увидавших в гробе Господнем одних Ангелов.

Позволь мне прежде всего рассказать, как я исчез из Константинополя. Я очень сожалел, что патриарх вызвал меня из старого монастыря частью потому, что я должен был расстаться с тобой в то самое время, когда твой молодой ум настолько развился, что мог воспринять святую истину. Но зов патриарха показался мне голосом Божиим, и я не посмел ослушаться его.

Затем меня вызвал к себе император. Он слышал о моей смиренной жизни и хотел, чтобы мое присутствие во дворце было постоянным протестом против нечестия. Я долго отказывался, но патриарх убедил меня принять высокое назначение при дворе. Тут начались для меня бесконечные страдания. Что значит для такого человека, как я, быть у подножия престола? Что значит для меня власть, если она не служит орудием милосердия, справедливости и добрых дел? О, сколько я видел при дворе нечестия, против которого я был беспомощен! А если я возвышал голос, то никто не хотел меня слушать, или же меня поднимали на смех. Сколько я видел презренных лицемеров среди служителей алтаря, даже в святой Софии.

Наконец я стал опасаться, что, оставаясь доле среди подобного нечестия, я только погублю свою душу, не сделав добра никому. Конечно, не могло быть и мысли о том, чтобы меня добровольно отпустили, и мне оставалось одно — бегство. Но куда? Я сначала думал об Иерусалиме. Но кто может без унижения себя жить среди неверных. Потом меня тянуло в свой старый монастырь, но я тогда оставался бы в руках императора, который, очевидно, был бы недоволен мною. Сердце мое жаждало схимничества, и я вспомнил житие русского святого Сергия. Он родился в Ростове и, повинувшись своим набожным стремлениям, еще юношей отвернулся от света и, уйдя из родительского дома, скрылся в Радонежские леса, там он жил среди диких зверей в посте и молитве. Мало-помалу слава о его святости распространилась повсюду, и к нему стали стекаться другие схимники. Собственными руками

он выстроил для своих учеников церковь во имя святой Троицы. Там я, конечно, мог найти успокоение для своей души, наболевшей от себялюбия, зависти, бессердечия, жадности и безумия того, что называют светом.

Я ночью бежал из Влахернского дворца и не знал покоя, прежде чем достиг, после долгих странствий по суше и воде, церкви святой Троицы, где я возблагодарил Бога за свое освобождение.

Троица уже не была той простой деревянной церковью, которую построил ее основатель. Я нашел вокруг нее целый ряд монастырей. Желанного мною уединения надо было искать далее на севере. Несколько лет пред тем ученик Сергия святой Кирилл, не боясь лютых зим, продолжающихся около трех четвертей года, поселился на берегу Белого озера, где под старость построил для своих учеников обитель, названную им Белозерскою. Там поселился и я.

Во время моего бегства из Влахернского дворца я захватил с собою, кроме одежды два сокровища: копию с устава Студийского монастыря и благословенное патриархом — крест с образом Богородицы, украшенный бриллиантами. Я всегда ношу его на шее. Теперь уже не далек тот день, когда я больше не буду в нем нуждаться, и тогда я пришлю его тебе в доказательство, что я действительно умер и, умирая, желал, чтобы ты носила этот крест для сохранения от всех душевных зол и от боязни смерти.

Взятый мною с собой монастырский устав был принят братьями, и здешняя обитель руководится им, а в знак своей любви ко мне они выбрали меня игуменом, помимо моей воли. Вот все, что я могу сказать о себе. Дай Бог, чтобы мое послание застало тебя в таком же душевном покое, какой я ощущаю с тех пор, как начал жизнь сызнова в этой обители, где дни проходят в молитве, а ночи в видениях небесного блаженства.

Во-вторых, я прошу тебя принять под свое дружеское попечение юного брата, который передаст тебе это послание. Его зовут Сергием. Когда я прибыл сю-

да, то он был еще ребенком, но я вскоре заметил в нем те же качества, которыми ты обратила на себя мое внимание во время твоего заточения в обители святой Ирины,— отзывчивый ум и врожденную любовь к Богу. Я сделался его учителем так же, как сделался твоим. Чем он более развивался, тем сильнее напоминал мне о тебе и не только своими умственными способностями, но и чистотой души. Поэтому ты легко поверишь, что я полюбил его так же горячо, как любил тебя.

Я старался, насколько мог, просветить Сергия в надежде, что он потом будет источником света для других, ходящих во мраке. Пред ним не так, как перед тобой, судьба, которой ограничена пределами женской доли, открывался весь мир, и, подготавливая его к достойному служению Богу, я, очевидно, исполнял священную обязанность.

Одним из главных фактов современной религиозной жизни служит недостаток проповедников. У нас есть священники и монахи, имя им легион. При виде необыкновенных способностей молодого Сергия я возымел мысль создать из него истинного проповедника, в чем мы так нуждаемся. Он легко и быстро учился всему, ничто его не пугало, и он мужественно брался за всякое дело. Он не только научился говорить на языках всех племен, окружавших монастырь, но и погречески он говорит не хуже меня и знает наизусть Евангелие, псалмы и книги пророков. Мало-помалу он стал проповедовать, и речь его была пламенна и вдохновенна.

Но такую жемчужину грех скрывать в захолустье. Хотя я бежал из Константинополя, но сохранил любовь к нему как средоточию нашей святой веры. По временам сюда проникают странники, бывавшие в Царьграде, и я жадно слушаю принесенные ими вести. Так я узнал о смерти императора Иоанна и восшествии на престол Константина, о тех почестях, которые наконец были оказаны твоему отцу, и о твоём благоденствии; недавно один странствующий монах расска-

зал мне, что старая распря с латинской церковью снова возобновилась, что новый император азимит и склонен сохранить союз западной и восточной церквей, заключенный с римским папой его предшественником. Я боюсь, что в нашей вере от этого пойдет разлад и дело кончится так же печально с нами, как с евреями. Это произойдет в то время, когда турки явятся перед святым городом, как Тит явился перед Иерусалимом.

Такая тревожная весть убедила меня наконец согласиться на давнишнюю просьбу Сергия отправить его в Константинополь для окончания своего образования. Нет сомнения, что тот, кто хочет двигать светом, должен узнать этот свет, и, кроме того, мне хочется иметь сведения о спорах между обеими церквями. По всем этим причинам прошу тебя принять его радушно ради меня и Господа Бога, которому он будет ревностно служить.

В конце позволь мне сказать несколько слов о том, что я считаю самыми светлыми воспоминаниями моей жизни.

Дом на Принкипо, под Камезской горой, был скорее обителью женской, чем мужской, но меня послали туда, как только твой отец был там заточен после его славной победы. Я тогда был сравнительно молод, но помню до сих пор, как он вошел со своей семьей в ворота этой обители. С того времени и до того дня, когда меня отозвал оттуда патриарх, я был его духовником.

Впоследствии твой отец поручил мне твое воспитание. Я сам написал для тебя азбуку, раскрашивая каждую букву. Помнишь ли ты первые слова, которые ты прочитала? Это был первый твой урок как в грамоте, так и в вере: «Господь мой пастырь, и я никогда ни в чем не буду нуждаться».

О, с каким счастьем я вспоминаю о тех светлых днях, когда я учил тебя истинной Христовой вере.

Ну, теперь пора окончить мое послание. Пришли мне ответ с Сергием, который, повидав Константино-

поль, вернется ко мне, если, конечно, Господу Богу так будет угодно.

Не забывай меня в своих молитвах.

Да будет благословение Господа с тобою.

Иларион».

Сложив послание, она встала и вернулась к своему гостю, который при виде ее поднялся.

Она подошла к нему и, взяв его за руку, сказала: — Ты мне не чужой, Сергей, но брат. Отец Иларион мне все объяснил в своем послании.

— Прости, княжна, мне мою смелость, но я знал, что отец Иларион благосклонно отзовется обо мне, и к тому же я был голоден.

— Теперь мое дело, чтобы этого более никогда не случилось. Пойди теперь с Лизандром в твою комнату и отдохни несколько часов, потом мы с тобой поедem на лодке к патриарху.

Сергей последовал за Лизандром как послушный ребенок.

VI

ЧТО ГОВОРЯТ ЗВЕЗДЫ

Ровно в полночь Сиама разбудил князя Индии, и он тотчас поднялся на крышу, где были приготовлены для него кресло, стол, лампа, песочные часы и письменные принадлежности.

У его ног Константинополь покоился безмятежным сном. Нигде, даже во дворцах, не видно было ни малейшего света. Чрезвычайно довольный тем, что все добрые и злые покоились сном праведника, старик обратил свои взоры на небо и так долго, пристально смотрел на ярко блестящие планеты, что совершенно ясно было, чем он хотел заняться в ночные часы.

Через некоторое время он, по обычаю астрологов, разделил небосклон на двенадцать секторов и нанес их на бумагу, потом перевернул песочные часы и на-

чал изображать в секторах диаграммы, символы видимых планет в том положении, в каком они тогда находились. Когда эта работа была окончена, он проверил ее точность еще более пристальным обзором простиравшегося над ним небесного пространства и спокойно стал следить за движением планет.

По временам он перевертывал песочные часы и чертил на новых диаграммах изменения в положении наблюдаемых им светил. В этой работе прошла вся ночь, и, когда солнце поднялось над высотами Скутари, он собрал свои чертежи, погасил лампу и ушел в свой кабинет, но не для отдыха.

Как только стало достаточно светло, чтобы заниматься, он принялся за математические выкладки. Часы шли за часами, а он продолжал сидеть над своими цифрами. Когда Сиама позвал его к завтраку, то он машинально пошел в другую комнату, подкрепить свои силы скромной трапезой, и, поспешно вернувшись, снова принялся за свой труд.

Около полудня его занятия были прерваны детским голосом:

— Отец!

Узнав голос, он отстранил от себя свою работу и отвечал с улыбкой:

— Ах ты, враг всякого труда, зачем ты мешаешь мне кончить заданный себе урок, чтобы потом на свободе покататься с тобою в лодке?

Молодая девушка очень выросла и очень изменилась за два года, протекших со времени удочерения ее князем Индии. Теперь ей было шестнадцать лет. Ее смуглые щеки сияли свежестью, алые губы свидетельствовали о ее здоровье, а постоянно игравшая на них улыбка доказывала, что она была счастлива в настоящем, не видала горя в прошедшем и смотрела с надеждой на будущее. Ее красота дышала умом, а ее манеры обнаруживали сердечную доброту и культуру. Она легко и почти в одну минуту переходила от веселого смеха к серьезной думе и во всех отношениях была прелестным, обворожительным существом.

Одета она была по византийской моде. Проходя по улице из отцовского дома, она набросила на свое лицо покрывало, но в дверях комнаты она сбросила его на плечи. Вместе с этим она скинула быстрым движением ног высокие деревянные сандалии, которые до сих пор носят женщины на Леванте, чтобы предохранить себя от грязи и пыли на улицах.

Она подошла к столу и, обняв одной рукой старика, отвечала:

— Отчего ты не послал за мной? Разве ты даром научил меня математике?

Но тут ее глаза остановились на одной из диаграмм, лежащих на столе, и, схватив ее, она воскликнула:

— Я так и думала, что ты этим занимаешься. Я всего более люблю это. Чей ты составляешь гороскоп? Я знаю, что не мой, потому что я родилась в тот счастливый год, когда первенствовала Венера. Ее добрый гений Анаэль простер надо мною крылья, чтобы предохранить от холодного Сатурна, которого на твоей диаграмме я вижу в седьмом секторе, то есть в секторе опасности. Что же ты не говоришь, чей это гороскоп?

— Нет. Ты всегда умеешь выведать у меня все мои тайны, но на этот раз я не отвечу тебе. Есть вещи, о которых тебе рано знать.

Девушка задумалась, положила на стол диаграмму и стала смотреть в окно. Но через несколько минут она снова вернулась к старику:

— Я пришла сюда не для того, чтобы помешать твоей работе, а чтобы узнать две вещи и потом уйти.

— Ты говоришь как ученый риторик.

— Во-первых, Сиама сказал, что ты очень серьезно занят, и я хотела узнать, не могу ли тебе помочь.

— Добрая душа! — промолвил князь Индии.

— Во-вторых, я хотела напомнить, что мы должны после полудня кататься на Босфоре и, может быть, добраться до моря.

— А тебе очень хочется отправиться на прогулку?

— Она снилась мне всю ночь.

— Так мы непременно поедem. А в доказательство того, что я не забыл об этом, могу сказать тебе, что лодочники получили уже приказание ожидать нас после полудня.

— Так я едва успею одеться! — воскликнула Гуль-Бахар со смехом. — Я хочу одеться так же роскошно, как императрица. День прекрасный, много будет катающихся, и меня все знают как дочь князя Индии.

— Ты достойна быть дочерью императора, — отвечал старик с гордостью.

— Однако мне пора идти одеваться.

Она поцеловала князя и поспешно пошла к дверям, но на пороге остановилась и вернулась назад:

— Еще одно слово, отец.

— Что такое? — спросил старик, который уже принялся за свою работу.

— Ты говорил, чтобы после занятий я всегда дышала чистым воздухом. Поэтому я каждый день приказываю отнести себя в паланкине на берег, против Буколеона. Там открывается удивительный вид на море, а под ногами расстилаются дворцовые сады. Иногда я выхожу из паланкина и гуляю в сопровождении Сиамы или Нило. Но при этом я избегаю как старых, так и новых знакомых. Но в последнее время какой-то юноша всюду следует за мной, останавливается, когда я останавливаюсь, и даже пытается заговорить. Я вчера отправилась в ипподром, но этот юноша пришел и сел на одну скамейку со мной. Я тотчас встала. Что мне делать?

Вместо ответа князь Индии спросил:

— Ты говоришь, что он молод? Ты узнала, кто он?

— Нет. Мне не у кого узнать.

Старик задумался. Как было ему предохранить Лаель от оскорбления? Жаловаться судье он не хотел, не рассчитывая, как чужестранец, на правосудие местных властей. Не лучше ли ему было поручить Нило охранять молодую девушку? Наконец, он подумал,

что не следовало придавать слишком большого значения этому обстоятельству, и решил послать ее на следующую прогулку с ее отцом Уелем, который мог бы разузнать, что это за юноша.

— Здешние молодые люди очень легкомысленны,— сказал он спокойно,— и часто позволяют себе самые глупые выходки. Лучшего трудно и ожидать от поколения, которое думает только о нарядах и забавах. К тому же, может быть, твой преследователь не знает, кто ты такая, и одного слова предостережения будет достаточно, чтобы научить его вежливости. Что же касается до тебя, то ты не обращай на него никакого внимания. Это лучшая защита порядочной женщины от невежливых выходок и даже оскорблений. А теперь, моя милая Гуль-Бахар, иди одеваться, да смотри, нарядись как можно лучше и надень все твои драгоценности. Конечно, мы отправимся на пристань в паланкинах.

Когда девушка исчезла за дверью, он вернулся к своей работе.

VII

ВСТРЕЧА КНЯЗЯ ИНДИИ С ИМПЕРАТОРОМ КОНСТАНТИНОМ

В тот день, когда князь Индии задумал покататься по Босфору со своей приемной дочерью, этот пролив отделял владения греческого императора от владений турецкого султана.

Уже мало кто помнил про былое величие Римской империи, простиравшей свои владения на два континента, от моря до моря. В 1355 году некогда громадная Восточно-Римская империя сжалась до уголка, имевшего пятьдесят миль в длину и тридцать в ширину. Когда же в 1442 году на престол взошел Константин, то империя стала еще меньше — она состояла из Царьграда и нескольких городков, прижавшихся к ее

стенам. Все владения Византии на Балканах, все ее города, провинции были захвачены турками. Даже предместья на противоположном берегу Босфора были в руках турок, а Галата, расположенная на другой стороне Золотого Рога, стала колонией генуэзцев.

Пытались турки завладеть и Царьградом.

Однажды султан уже осаждал Константинополь, но был обращен в бегство, по преданию, появлением Богородицы на стенах города. Поэтому он удовольствовался тем, что обложил данью императоров Мануила и Иоанна Палеолога.

Таким образом, благодаря этим мирным дружеским отношениям между христианскими и мусульманскими государями, княжна Ирина могла спокойно жить в своем дворце в Терации, а князь Индии — предпринимать прогулку по Босфору.

Однако суда под христианским флагом редко приставали к азиатскому берегу. Их шкиперы предпочитали бросать якорь в бухтах, лежащих у подножия гористого европейского берега. Это делалось не из племенной ненависти или религиозной нетерпимости, а по сомнению в честности воинственных турок, о бесовских проделках которых ходили многочисленные рассказы. На базарах рыбаки передавали ужасные истории о насилии и грабеже, а по временам гонцы являлись в Константинополь с известием, что мусульманские армии двигаются со всех сторон, при звуках труб и барабанов, но с неизвестной целью.

Мусульмане со своей стороны относились так же подозрительно к христианам и объясняли возводимые на них обвинения тем, что грабеж и насилие производили разбойники, исключительно греки, а двигавшиеся войска — это местные отряды милиции, собиравшиеся на смотры.

В шести или семи милях от Скутари маленькая речка, весело спускающаяся с гор, впадает в тихий Босфор, почти не имеющий течения. Вода в этой речке чистая, прозрачная, и называется она Азиатские Сладкие Воды. На южной ее стороне простирается уз-

кая зеленая поляна, местами усаженная старыми, полусгнившими сикиморами.

На северной стороне речки находилась тогда крепость, носившая название Белого замка. Это была неправильная, многоугольная каменная масса белого цвета с многочисленными амбразурами для пушек. Ввиду ее военного значения султан поставил в ней гарнизон и дал ей турецкое название Ассе-Хозар.

Красное знамя, развевавшееся на этом замке, сильно огорчало всех греков, и, проходя или проезжая мимо Азиатских Сладких Вод, они крестились и шептали про себя молитву. Согласно народным преданиям, в казематах замка умерло много христиан, и всякий попавший туда уже более никогда не видел света Божиего.

Но князь Индии не обращал никакого внимания ни на легенды, ни на страх, внушаемый турками. Он ничего и никого не боялся, а так как Лаель желала покататься по Босфору, то он исполнил бы ее каприз, если бы по всему азиатскому берегу развевались красные флаги, а не только на одном Белом замке.

Поэтому вскоре после полудня в его дом принесли два паланкина, которые до сих пор составляют любимое средство передвижения константинопольских дам. Внутри эти паланкины были обиты шелком и кружевами, а снаружи покрыты филенками из различных цветных дерев, с перламутровыми инкрустациями. Входили в него в дверь спереди, а окон было три: одно большое впереди и два по сторонам. Для того чтобы скрыться от взглядов прохожих, можно было опустить занавески.

Князь Индии и Лаель спустились с лестницы. На девушке был очень богатый полугреческий костюм, с золотыми вышивками, на руках у нее блестели золотые браслеты, на шее ожерелье из крупных жемчугов, а на голове маленькая коронка с драгоценными камнями, так ярко блестевшими, что издали она казалась лучезарной радугой.

Когда старик и Лаель уселись на свои места, то паланкины были подняты четырьмя рослыми, здоровыми носильщиками в белых одеждах, и по знаку князя процессия двинулась по улицам среди глазевшей на нее с удивлением толпы.

Впереди, на расстоянии десяти шагов от паланкина Лаели, шел Нило, обнаженный до пояса; вся одежда на нем заключалась в белой короткой повязке, опускавшейся до колен, и в красной мантии, висевшей на его плечах. Большое серебряное кольцо было продернуто у него в носу, на голове красовался обруч с серебряными монетами, на шее — ожерелье из тигровых клыков и когтей, на руках и ногах — браслеты из слоновой кости. Его тяжелые сандалии были украшены мелкими раковинками. На левой руке он держал круглый щит, обтянутый кожей носорога, а в правой — копье. Возвышаясь на целую голову над толпою, величественный негр возбуждал всеобщий восторг.

Князь Индии с презрительной гордостью смотрел на удивленные взгляды, бросаемые на эту процессию многочисленными зеваками.

Чтобы достигнуть набережной, у которой ждала лодка, надо было подняться в гору, возвышавшуюся за домом князя Индии. Но не успела процессия сделать нескольких шагов, как старик увидел в переднее окно своего паланкина, что какой-то человек подошел к паланкину Лаели и заглянул в него.

— Это нахал, преследующий Лаель! — воскликнул он и громко скомандовал: — Стой!

Как только раздался его голос, человек, обративший на себя его внимание, бросил на него поспешный взгляд и исчез в окружающей толпе. Он был молод, хорош собой, нарядно одет. Хотя и оскорбленный его дерзостью, князь Индии не мог не признать в незнакомце благородного происхождения и потому тотчас взглянул на дело с совершенно иной точки зрения.

«Это все пустяки, — подумал он со смехом, — мальчишка влюбился и строит из себя дурака. Надо толь-

ко принять меры, чтобы моя хорошенькая Гуль-Бахар не ответила взаимностью на его безумную страсть».

Между тем паланкины повернули в улицу, с одной стороны которой тянулись лавки и красивые дома, а с другой — стена гавани. Толпа, следовавшая за ними, все более и более увеличивалась.

Без всяких приключений процессия миновала ворота святого Петра и уже приближалась к Влахернским воротам, как неожиданно послышались звуки труб и показалась другая процессия, двигавшаяся навстречу.

— Император, император!..— воскликнул кто-то.

— Да здравствует добрый Константин! — произнес другой голос.

Но в ту же минуту послышались гневные восклицания:

— Азимит! Азимит! Долой изменника Христова!

Толпа разделилась на два лагеря, готовые разорвать друг друга на части. Князь Индии выскочил из своего паланкина и поспешил к дочери, которая, побледнев, дрожала от страха.

Музыканты, шедшие во главе императорской процессии, расступились при виде толпы, а из-за них выехал отряд телохранителей, офицер которых громко воскликнул:

— Дайте дорогу императору!..

При виде солдат толпа обратилась в бегство, хотя и продолжала оглашать воздух криками:

— Азимит!.. Азимит!..

Отряд телохранителей двинулся далее, не обращая внимания на паланкины, а князь Индии успокоил Лавель словами:

— Не тревожься. Каждый день римская и греческая партии воюют друг с другом, но тут более кричат, чем наносят удары.

Не успел старик окончить этой фразы, как жадно устремил глаза на приближавшуюся фигуру. Это был Константин, встречи с которым он так давно желал.

Византийский император сидел в открытом кресле, которое несли на плечах восемь носильщиков в блестящих ливреях. Это был красивый человек сорока шести лет, хотя ему, на взгляд, казалось не более тридцати восьми. Одет он был, как подобало его высокому сану: на голове у него была красная бархатная шапка с золотым венчиком, украшенная двумя крупными рубинами и четырьмя нитками жемчугов, которые опускались с обеих сторон на плечи. Вся его фигура, от шеи до ног, была покрыта широкой одеждой, перехваченной поясом, а поверх была накинута мантия, вышитая жемчугами. На ногах виднелись красные кожаные сапоги, также богато вышитые. Вместо меча он держал в руке простое распятие из слоновой кости. Видя императора в таком наряде, все, смотревшие на него из дверей и окон, знали, что он отправлялся в святую Софию.

Его добрые черные глаза остановились с любопытством прежде на Нило, а потом на Лаели и князе Индии. Последний был очень рад, что обратил на себя внимание Константина, и приказал своим носильщикам дать ему дорогу. Но император не воспользовался этой любезностью, а, остановившись, послал к знатному незнакомцу одного из придворных.

— Его императорское величество, — сказал придворный, подойдя к князю, — желал бы знать имя и звание чужестранца, прогулке которого он, по несчастью, помешал.

— Передайте его величеству, — отвечал старик, — что я князь Индии, ныне живущий в этой старинной царственной резиденции, передайте ему также, что я очень рад случаю поклониться ему с тем почтительным уважением, которого он достоин своими высокими качествами и первенствующим положением среди правителей земли.

С этими словами князь сделал два шага вперед и, обращаясь к императору, преклонился пред ним, дотрагиваясь руками до земли и потом поднося их ко лбу.

Константин отвечал на это поклоном, а узнав о приветствии чужестранца, тотчас дал ему ответ через того же придворного.

— Его императорское величество,— сказал тот,— очень рад встрече с князем Индии. Он не знал о присутствии в его столице такого знатного гостя и просит уведомить его о жительстве его благородного друга с тем, чтобы иметь возможность загладить причиненную ему сегодня совершенно случайную неприятность.

Князь сказал, где он живет, и тем окончилось его первое свидание с императором. Оно произвело тем более приятное впечатление, что он мог рассчитывать на скорое приглашение во дворец.

Что касается Константина, то он обратил большее внимание на Лаель, чем на князя Индии, и когда императорская процессия двинулась в путь, то он, подзвав придворного, сказал ему:

— А ты заметил молодую девушку в паланкине?

— Да, и коронка на ее голове ясно доказывает, что князь Индии чрезвычайно богат.

— Все князья Индии, говорят, очень богаты, а потому я обратил внимание не на ее драгоценности, а на ее красоту.

VIII

НАПЕРЕГОНКИ С БУРЕЙ

Всякий, кто видел лодки, в которых рыбаки плавают по тихим водам Босфора, не будет нуждаться в описании той лодки, в которую сели князь Индии и Лаель у больших Влахерских ворот. Ему только придется сказать, что она была выкрашена не в черный, а в белый цвет, с золоченым бортом. А читателю, не бывавшему в Константинополе, надо себе представить длинную, узкую лодку, с изогнутым носом и кормой, столь же красивую и грациозную на вид, сколь и быструю

на ходу. На корме было открытое бархатное сиденье для двоих, а за ним небольшое крытое пространство для рулевого. Вся остальная часть была занята десятью гребцами, из которых каждый работал двумя веслами. Они были в белых рубашках и шароварах, красных, вышитых желтым шелком куртках и белых платках на голове. Как только князь Индии и Лаель заняли свои места, а к рулю встал Нило, весла весело опустились в воду, и лодка полетела.

Впереди на северном берегу знаменитой бухты поднимались высоты Церы. Но ее овраги и зеленые террасы, на которых кое-где были раскинуты сады, не возбуждали интереса в князе, и он, опустив глаза в воду, думал о только что встретившемся императоре и о составленном им накануне гороскопе.

День был прекрасный. Легкая зыбь бороздила поверхность воды. Беловатые летние облака лениво двигались с юго-запада. Лодка быстро летела мимо ворот святого Петра, обогнула Галатский мыс, оставила за собой гавань рыбного рынка и вдоль северного берега шла под тенью большой круглой башни, столь высоко поднимавшейся, что она казалась частью неба. За Тофане уже открывался Босфор с Скутари направо и Серальским мысом позади.

Если смотреть из морской гавани, этот старый, исторический мыс производит такое впечатление, словно Азия в давно прошедшие времена бросила его в волны в порыве гнева. Издавна он служил любимым местом для игры человеческой страсти, ненависти, ревности и самолюбия.

Долго не мог князь Индии отвести глаз от святой Софии, от ее удивительного купола, но наконец он стал рассказывать Лаели легенды о Серальском мысе.

Он углубился в рассказ об Евфросинии, дочери императрицы Ирины, и, видя интерес, возбужденный в Лаели этой историей, так увлекся, что не заметил, как северная часть неба дотоле ясная и голубая, стала покрываться беловатой дымкой.

Чтобы избежать быстрого течения у Кандилийского мыса, гребцы перебрались к азиатскому берегу. Тут сновало много лодок, но простых, скромных, так что лодка князя Индии обращала на себя общее внимание.

Князь между тем достиг самого интересного места в своей истории и рассказывал, как жестокий император Михаил хотел обманом жениться на невинной, беззащитной Евфросинии, когда неожиданно Нило дотронулся до его руки. Он оглянулся. Целый флот маленьких лодок несся им навстречу, а над водой крутились чайки. Он посмотрел на небо и тотчас понял, в чем дело, но прежде чем он произнес хоть одно слово, Лаель начала жаловаться на холод, и Нило накинул ей на плечи свою красную мантию.

— Поднимается буря,— сказал князь, обращаясь к гребцам, которые прежде поглядели на небо, а потом ответили в один голос:

— Буря близка, но что нам делать, про то знает наш господин.

Действительно, погода неожиданно изменилась. Черные тучи быстро поднимались с горизонта: поверхность воды, все еще гладкая, почернела, а ветер поднялся такой сильный, что рвал паруса на судах, которые спешили бросить якоря. Ясно было, что буря надвигалась, и следовало искать убежища. Перед ними тянулся азиатский берег до Белого замка, страшилища христиан, и в нем князь Индии решил скрыться от непогоды; если же начальник крепости отказался бы приютить его, то подле протекала маленькая речка, известная под названием Азиатских Сладких Вод, и она могла представить верное убежище для их лодки от ветра и волн. Поэтому он громко воскликнул:

— Гребите дружнее, и если достигнете Белого замка до бури, то получите двойную плату!

— Достичь-то можно,— отвечал один из гребцов,— но...

— Но что? — спросил князь.

— Там обитает дьявол. Многие христиане входили в эти проклятые ворота спокойно, мирно, но никогда оттуда не возвращались.

— Не бойтесь дьявола,— сказал со смехом князь,— если кого он там поджидает, то не нас. Не теряйте времени! В путь!

Двадцать весел быстро заработали, и лодка понеслась наперегонки с бурей.

Конечно, было бы благоразумнее пристать тотчас к берегу и просить убежища в одном из домов, стоящих близко к воде, но старый еврей боялся оскорбительного отказа.

Испуганная Лаель укрылась с головой в мантию Нило и крепко прижалась к князю, который обнял ее правой рукой.

Гребцы дружно опускали и подымали весла. Они до того напрягали свои силы, что по их лицам струились крупные капли пота и зубы их скрежетали. По временам князь, не спускавший глаз с надвигавшихся туч из-за горы Алем-Даги, поощрял их словами:

— Хорошо! Молодцы! Продолжайте так, и мы обгоним бурю.

На всем водяном пространстве двигалась до сих пор только одна лодка, а все остальные суда или бросили якорь, или укрылись у берега, но вдруг показалась впереди другая такая же маленькая лодка, она быстро неслась, хотя с противной стороны, к той же цели, и сидевшие в ней трое или пятеро гребцов, очевидно, напрягали одинаково свои силы.

Князь Индии улыбнулся, увидав этого третьего участника в рискованной гонке.

Но вот зеленый лес, покрывавший Алемские высоты, потерял свой цвет, словно какая-то рука, опустившись из тучи, покрыла его белым газом. Заметив это, князь Индии понял, что приближается роковая минута, надо было увеличить скорость, так как враг быстро наступал, а до замка было еще далеко.

— Быстрее,— воскликнул он,— буря уже миновала гору.

Действительно, страшный рев ветра слышался в отдаленном лесу, и гребцы, оглянувшись, произнесли в один голос:

— Буря!..

В эту минуту спокойная вода забурлила и крупная рябь побежала по зеркальной поверхности Босфора.

Гребцы поняли, что надо было сделать последние усилия, и стали при каждом ударе весел приподниматься со своих мест.

— Так, так, молодцы! — произнес князь, сверкая глазами.

Гребцы продолжали работать изо всей силы, и их весла благодаря ровному периодическому вставанию с мест глубже бороздили воду. Князь Индии бросал взгляды на приближавшуюся черную тучу и глазами измерял расстояние, оставшееся до замка, который все яснее и яснее выступал вдали.

Неожиданно отряд вооруженных людей показался на берегу, так же быстро направляясь к замку. Впереди него развевались два знамени: зеленое и красное. Красное знамя, он знал, было просто символом турок, но что означало зеленое? Неужели в этом отряде был кто-нибудь выше коменданта крепости или начальника провинции? Многочисленность отряда также возбуждала удивление: он не мог принадлежать к гарнизону, и к тому же на стенах замка стояли солдаты под ружьем.

Не желая пугать гребцов, князь Индии ничего не сказал им об этом четвертом участнике их гонки.

Вторая лодка также быстро неслась вперед, и ее пятеро гребцов одинаково привставали каждый раз, как вынимали из воды весла. Пассажиров было двое, и они издали показались князю Индии женщинами.

Вот раздался первый удар грома и величественно покатился по поверхности Босфора. Вода как бы отступила под его грохотом. Лаель выглянула из-под покрывавшей ее голову мантии, но тотчас же спряталась и еще крепче прижалась к князю.

— Не бойся,— произнес он, стараясь ее успокоить,— мы перегоняем бурю, и она сердится, вот и все. Нет никакой опасности.

Стойко, верно, без осечки гребли молодцы, и недаром князь поощрял их криками:

— Славно! Славно!..

Но ветер все усиливался, грозная колесница бури неслась по небу, громко скрипя своими колесами. Деревья вокруг замка наклонялись с шумом, а вода в проливе кипела, как в котле.

Цель была почти достигнута. Устье Сладких Вод уже ясно виднелось, а замок вырастал из-под земли во всем своем величии. В одно и то же время его достигали и конный отряд, и две лодки, за которыми поднимались облака пенистых волн.

В замке увидели приближение лодок, и солдаты забегали по берегу.

— Мы победили! Молодцы! — воскликнул князь. — Еще несколько ударов, и наша взяла! Живо! Тройная плата и вина вволю!..

При последних его словах лодка влетела в маленькую речку, и в ту же минуту за ней последовала, хотя с другой стороны, ее соперница, а в замок въехал военный отряд.

IX

В БЕЛОМ ЗАМКЕ

Пристань была наполнена бородатыми людьми с загорелыми лицами, в белых тюрбанах и серых шароварах, они были вооружены секирами, копьями и луками.

Выйдя из лодки, князь Индии едва успел осмотреть этих солдат и убедиться, что они были турки, как к нему подошел, очевидно, офицер, как можно заключить по его более изящному тюрбану, и сказал повелительным тоном:

— Идите за мной в замок.

— Комендант замка очень любезен,— отвечал князь с достоинством и едва сдерживая свое неудовольствие,— скажи ему, что я очень благодарен за его внимание и, причаливая к замку, был убежден, что он укроет меня от бури. Но я теперь вижу, что река защищена от непогоды, а потому, с его позволения, предпочитаю остаться здесь.

— Мне приказано привести вас в замок,— произнес так же резко офицер.

Гребцы подняли руки к небу и потом, перекрестясь, воскликнули:

— Боже мой! Боже мой!

Видя, что сопротивление было тщетно, и желая успокоить гребцов, князь сказал спокойно:

— Я пойду с тобою и объяснюсь с комендантом замка. Мы, несчастные путники, застигнутые бурей, ищем убежища, и арестовать нас при таких обстоятельствах значило бы нарушить самый священный закон пророка. Приказ, данный тебе, не касается моих людей, и они останутся здесь.

Слыша эти слова, Лаель побледнела, как полотно.

Разговор происходил на греческом языке, и турок презрительно посмотрел на князя, ссылавшегося на закон пророка, как бы говоря: «Как ты, неверная собака, можешь знать законы пророка?»

Потом, обращаясь к тем, кто остался в лодке, он прибавил:

— Все, все должны идти за мною.

То же он повторил, возвышая голос, и в отношении второй лодки, где находились княжна Ирина и послушник Сергей.

Отправившись из Терапии в двенадцать часов, они шли вдоль азиатского берега и также были застигнуты бурей. Не доверяя туркам, о жестокости которых она слышала с детства, княжна Ирина приказала грести к Румели-Гисар, но гребцы объявили, что было поздно и что до бури можно было только достичь маленькой речки у Белого замка. Делать было нечего, и

таким образом ее лодка в одно время с лодкой князя Индии подошла к пристани.

Услыхав приказ офицера, Ирина подняла покрывало, скрывавшее ее лицо, и гордо сказала:

— Ты комендант замка?

— Нет.

— Пойди и скажи твоему начальнику, кто бы он ни был, что я княжна Ирина, родственница императора Константина, и что, признавая эту местность владением султана, я явилась сюда не врагом, а путницей, ищущей временного приюта. Скажи ему, что если я вступлю в замок как узница, то мой родственник император потребует удовлетворения за подобный оскорбительный поступок; ежели же он примет меня как гостью, то должен сам прийти ко мне навстречу, как подобает моему высокому званию, и оказать мне самое радушное гостеприимство. Я буду здесь ждать ответа.

На турецкого офицера подействовал не столько гордый тон княжны, как ее красота, равной которой он никогда не видывал даже во сне.

— Что же, иди,— прибавила княжна, видя, что он не трогается с места,— скоро пойдет дождь.

— Как же мне назвать тебя? — спросил он в смущении.

— Княжной Ириной, родственницей императора Константина.

Офицер низко поклонился и быстро пошел к замку.

На берегу остались князь Индии и Сергей, а в лодках княжна и Лаель. Солдаты стояли на почтительном от них расстоянии.

Понимая, что Ирина находилась в неприятном положении, Сергей стал с любопытством разглядывать князя Индии. Старика небольшого роста, с седой бородой и покрасневшимися от негодования щеками, не возбудил в нем чувства доверия. Оглядев лодку, старик вдруг направился в их сторону.

— Княжна,— сказал он, подходя и снимая свою шапку,— я умоляю простить мне мою дерзость, возьми дочь под твое покровительство.

Ирина осмотрела его с головы до ног, затем взглянула на Лаель и, тронутая беспомощным видом молодой девушки, отвечала:

— Я, как христианка и женщина, не могу отказать тебе в помощи, но скажи мне прежде всего, кто ты и откуда?

— Я князь Индии и, как путешественник, остановился на время в этом царственном граде. Но если ты желаешь еще что-нибудь спросить у меня, то будем лучше говорить не на греческом, а на каком-нибудь другом языке.

— Хорошо будем говорить по-латыни,— отвечала княжна,— объясни, пожалуйста, как я, слабая женщина, могу оказать помощь твоей дочери и моей сестре по несчастью.

— Прекрасная и прелестная княжна, я увидел на берегу конный отряд солдат с красным и зеленым знаменами. Ты знаешь, что зеленое знамя принадлежит очень высокому лицу. Я полагаю, что нас хотят арестовать именно из-за приезда в замок такого человека. Слышишь, как приветствуют его звуками труб и барабанов.

— Неужели они посмеют арестовать меня! — воскликнула княжна, вспыхнув от негодования.— Мой родственник император достаточно силен, чтобы и сам Мурад...

— Прости, княжна, но самые черные дела прикрываются так называемою государственною необходимостью. Впрочем, мы не могли иначе, как отдаться в их руки. Посмотри, буря разыгралась и сейчас пойдет дождь. Да будет воля Божия.

Ирина набожно перекрестилась, а старик продолжал:

— По счастью, ты все-таки не будешь одна, и моя дочь Лаель может быть твоей служанкой, с двумя все-таки более поцеремонятся, чем с одной.

— Пусть твоя дочь сядет рядом, а ты также не уходи и помоги мне в случае надобности твоим мудрым советом.

Через минуту, с помощью Сергея, Лаель очутилась в лодке княжны, и пленники ждали теперь приговора своей судьбе.

Вскоре из замка вышло около двадцати вооруженных людей с копьями в руках. Впереди шел комендант.

В эту минуту хлынул крупный дождь, и комендант, подозвав нескольких из сопровождавших его людей, отдал им какой-то приказ, и они поспешно побежали к замку, а он сам направился к пристани. Офицер и солдаты, стоявшие там, хотели упасть на землю перед ним, но он остановил их, повелительно махнул рукой.

Он был высокого роста, статный и весь с головы до ног покрыт кольчугой, только лицо его было открыто, а на голове над кольчугой виднелся золотой венчик наподобие короны. На руках у него были стальные перчатки, на ногах — легкие шпоры, за поясом — кинжал с осыпанной драгоценными камнями рукояткой.

Его глаза были карие, не очень большие, но блестящие, живые, быстро перебегавшие с предмета на предмет, высокий лоб, толстый нос, толстые губы и загорелый цвет лица; вообще это было лицо красивое, гордое, доказывавшее в каждой своей черте царственную родовитость, страсть, самолюбие, смелость и уверенность в себе. При всем этом он был очень молод. Изумленная княжна не могла отвести глаз от этого обаятельного лица.

— Будь осторожна, княжна, — промолвил вполголоса князь Индии по-латыни, — это не комендант, а та высокая особа, о которой я тебе говорил.

В эту минуту незнакомец приблизился к ним и, слегка поклонившись князю, пристально взглянул на княжну. Лицо его мгновенно изменилось. Их глаза встретились, и его взгляд был такой пламенный, та-

кой жгучий, что она вспыхнула и закрылась покрывалом. Тогда, наклонив голову, с заметным волнением он сказал:

— Я пришел предложить гостеприимство родственнице императора Константина. Буря, по-видимому, не скоро кончится, и мой замок в твоём распоряжении, княжна. Он не так великолепен, как твой дворец, но, по счастью, в нём находятся удобные покои, где ты можешь безопасно отдохнуть. Я делаю это предложение от имени моего государя султана Мурада, который высоко ценит дружбу, связывающую его с императором Константином. Я клянусь именем моего государя и святым пророком, что ты, княжна, будешь пользоваться полною свободой в замке и можешь покинуть его, когда тебе заблагорассудится. Жду твоего ответа.

Князь Индии с удивлением выслушал эту речь, произнесенную на прекрасном латинском языке, и только захотел сказать что-то княжне, как незнакомец прибавил, указывая на два крытые паланкина, принесенные слугами из замка:

— Вот доказательство, что я забочусь о том, как бы оказать тебе достойное гостеприимство. Я видел, что пошел дождь, и тотчас же послал за паланкинами, чтобы не сказали в Константинополе, что я, верный мусульманин, для которого гостеприимство — правило веры, не принял как следует женщин, застигнутых бурей, только потому, что они христианки.

Ирина взглянула на князя Индии и, видя согласие на его лице, ответила:

— Я желаю, чтобы меня приняли как подданную империи, чтобы мой родственник император мог достойно отблагодарить султана.

— Я сам предложил бы тебе это, княжна, — промолвил незнакомец с низким поклоном.

— Я также требую, — прибавила Ирина, — чтобы моим друзьям и слугам было оказано такое же гостеприимство, как мне.

Незнакомец на это согласился, и княжна вместе с Лаелью сели в паланкины, а князь Индии и монах Сергей пошли за ними пешком.

Х

АРАБСКИЙ СКАЗОЧНИК

Приближаясь к замку, Ирина заметила издали, что были приняты меры к тому, чтобы достойно принять гостей женского пола. Нигде не было видно мужчин, и даже часовой у ворот стоял, обратясь лицом в другую сторону.

— Где всадники, о которых ты говорил, и гарнизон? — спросил Сергей у князя Индии.

— погоди, — отвечал тот, пожимая плечами.

Паланкины поставили во внутреннем коридоре на каменный пол. Там находился негр высокого роста, евнух — необходимое украшение восточных гаремов. На нем был богато вышитый бурнус.

— Я поведу женщин в назначенный для них покой, — сказал евнух писклявым голосом, — никто не смеет следовать за мною.

— Хорошо, — отвечал князь, — но они желали бы остаться вместе.

— Здесь не дворец, а крепость, — заметил евнух, — для них обеих отведена одна комната.

— А если я пожелаю что-нибудь сказать им или они мне?

— Они не узницы, и я буду посредником между вами.

Княжна и Лаель вышли из паланкинов и последовали за евнухом.

Не успели они исчезнуть из вида, как послышался шум отворявшихся многочисленных дверей, и отовсюду появились группы вооруженных людей.

«Такая дисциплина может поддерживаться только в присутствии царственных особ», — подумал князь.

Учреждение евнухов не было исключительно турецким; с давних времен оно составляло отличительную черту византийского двора, и Константин IX, по всей вероятности, самый христианский из всех греческих императоров, не только терпел евнухов, но они пользовались его уважением. Поэтому княжна Ирина без всякого удивления или страха подчинялась распоряжению евнуха как личности для нее не новой. Пройдя ряд коридоров и поднявшись по нескольким лестницам, он вместе со следовавшими за ним женщинами очутился в особой части замка, где все свидетельствовало об известном комфорте. Полы были чисто выметены, двери украшены коврами, в воздухе стояло благоухание, а под потолком висели зажженные лампы. Наконец он остановился перед одной портьерой и, откинув ее, сказал:

— Пожалуйте сюда и будьте как дома. На столе вы найдете маленький колокольчик. Когда вам что-нибудь понадобится, то позвоните, и я тотчас явлюсь.

Видя, что Лаель с испугом прижалась к княжне, он прибавил:

— Не бойтесь. Мой повелитель в своем детстве слышал сказку о Хатиме, арабском воине и поэте, и с тех пор считает гостеприимство величайшей добродетелью. Не забудьте о звонке.

Они вошли в комнату и были удивлены окружающей их роскошью. Под большой люстрой со многими лампами стоял круглый диван, а по стенам тянулись такие же диваны с горами подушек по углам. Пол был покрыт циновкой и небольшими пестрыми коврами. В глубоких окнах виднелись цветущие розы, запах которых, однако, заглушался мускусом, которым была пропитана вся комната. Стены были драпированы шерстяными тканями.

Ирина и Лаель прежде всего подошли к одному из окон. Расстилавшийся перед ними Босфор был усеян пенистыми волнами, которые с шумом разбивались о подножие замка. Густая мгла скрывала от их глаз европейский берег. Ирина возблагодарила Бога, что

нашла убежище в такую непогоду, тем более что дождь лил немилосердно, и покраснела, вспомнив о красивом незнакомце, встретившем ее у пристани. Но Лаель прервала ее размышления, показав детскую туфлю, найденную у центрального дивана. Очевидно, они находились в гареме коменданта крепости.

В комнату неожиданно вошли две женщины с подносами, третья — с низеньким турецким столиком, а четвертая — с грудой шалей. Это была гречанка, и она объяснила, что хозяин замка назначил ее прислуживать гостям. Она также сообщила, что принесла на подносах только закуску, а обед будет подан позднее.

Ирина и Лаель подкрепили свои силы и, когда служанки удалились, легли на один из диванов, укрывшись шалями, так как через незастекленные окна проникал холодный туман.

Вскоре в комнату вошел евнух и, поклонившись, произнес:

— Мой повелитель не желает, чтобы его гости сочли себя забытыми, и, зная, что родственнице августейшего императора Константина нечем занять скучных часов в этом покое, предлагает ей послушать рассказы знаменитого сказочника, который, отправляясь к султану в Адрианополь, заехал сегодня в этот замок.

— А на каком языке он рассказывает?

— По-арабски, по-турецки, по-еврейски, по-гречески и по-латыни.

Ирина согласилась принять сказочника.

— Накройтесь покрывалом, — сказал евнух, удаляясь, — так как сказочник мужчина.

Через минуту в комнату вошел арабский сказочник. В Константинополь в те времена ежедневно приходили караваны из Аравии, и княжна Ирина не раз видела арабских шейхов, но никогда ее глазам не представлялся такой благородный представитель их расы, как сказочник. На нем была длинная белая одежда, перехваченная поясом, полосатый красно-белый бурнус, накинутый на плечи, и красные туфли. Все это было изящно и утонченной работы. За поясом виднелись

ножны, украшенные драгоценными камнями, но без кинжала. На голове шелковый платок красного и желтого цветов. Все эти подробности его одежды едва обратили на себя внимание княжны, которая была так поражена его благородным, величественным, чисто царственным видом, что забыла опустить на лицо покрывало.

Черты незнакомца были правильные, цвет лица смуглый и нос острый, борода небольшая, а глаза блестящие из-под густых бровей, как отполированный черный янтарь. Скрестив руки на груди по восточному обычаю, он почтительно преклонился перед княжной, но, подняв голову и встретившись глазами с нею, он забыл свою почтительность и стал смело смотреть на нее с таким гордым видом, как будто он был чем-то более даже эмира, владеющего десятками тысяч верблюдов. Она спокойно выдержала его взгляд, хотя ей казалось, что она видела эти глаза недавно. Неужели это был тот самый незнакомец, которого она встретила на пристани и которого приняла за коменданта? Нет, это было невозможно, тем более что сказочник казался человеком пожилым, а комендант был юношей. К тому же для какой цели стал бы комендант маскироваться? Как бы то ни было, она опустила покрывало, подобно тому, как сделала это на пристани.

— Этот преданный слуга и мой друг,— произнес сказочник, опуская глаза, принимая прежний почтительный вид и указывая на евнуха, который с глубоким уважением скрестил руки на груди,— сообщил мне, по приказанию его повелителя, что родственница государя этой столицы, служащей светилом для всей земли, укрылась в замке от бури и скучала, благодаря отсутствию всякого развлечения. Он предложил мне рассказать ей какую-нибудь интересную историю. Я знаю много сказок, преданий и притч, но, княжна, они так просты, так бесхитростны, что ими могут интересоваться только детские умы обитателей пустыни, а в тебе, я боюсь, они возбудят один смех. Но, как бы то ни было, я явился к тебе, и как ночная птица по-

ет, когда взойдет луна, потому что луна прекрасна и достойна поклонения, так и я готов преклониться перед твоими желаниями. Приказывай, княжна.

Он говорил по-гречески, но с некоторым чужестранным оттенком.

— А ты знаешь,— отвечала Ирина после некоторого молчания,— сказку о Хатиме, знаменитом арабском воине и поэте?

При этих словах евнух улыбнулся, а сказочник с одушевлением человека, которому предлагают говорить на любимую тему, произнес:

— А ты, княжна, имеешь понятие о пустыне?

— Я никогда там не бывала.

— Хотя пустыня не отличается красотой, но она — храм великих тайн,— продолжал сказочник с быстро усиливающимся энтузиазмом.— Тот, Кому ты поклоняешься, как Богу и вместе Сыну Божию, что превышает нашу простую веру, прежде чем явиться миру, удалился в пустыню. Так и наш пророк перед появлением среди верующих ушел на время в Хива, обнаженную, каменистую, безводную местность. Поэтому я позволю себе сказать, что сыны пустыни — благороднейшие из людей. Таков был и Хатим. Вот как в Геджасе и Недже рассказывают о нем.

В те дни, когда Всемилосердный Бог создал мир, что для Него так же легко, как для горлицы свить гнездо, он украсил землю горами, реками, морями, лесами и зелеными лугами; все было по-видимому, конечно, кроме песчаных пустынь, которые нуждались в воде. Но Творец пожелал отдохнуть, и, в минуту отдыха найдя все, совершенное Им, прекрасным, Он сказал Сам Себе: «Пусть так все и останется. Придет время, когда обо Мне и о Моем имени люди забудут так же, как забывают о листьях прошедшего года. Тот, кто гуляет в саду, думает только об окружающей его красоте, но обитатель пустыни, желая видеть что-либо красивое, должен взглянуть на небо, а смотря на небо, он, естественно, вспомнит обо Мне и скажет с любовью: «Нет Бога, кроме Бога Всемилосердного. Его

человеческие глаза не видят, но Он видит их, Он Все-видящий, Всезнающий». Придет время, когда вера будет мертва и поклонение истинному Богу заменится идолопоклонством, когда люди будут называть богом камень и медные изваяния. Такое время наступит прежде всего в странах, где процветает довольство, и в городах, где царит роскошь. Вот почему необходимы пустыни. В их обнаженном, безграничном одиночестве снова возникнет вера и очистит, просветит мир, потому что Я — источник жизни — буду вечно присущ пустыне. Там Я подготавливаю людей для искоренения зла на земле, они будут лучшими образцами человечества, и их добрые качества не заржавеют, они будут храбры, потому что Мне понадобится меч, правдивы, потому что Я — сама правда, великодушны и полны любви друг к другу, потому что Я — источник любви. Они станут говорить огненными языками, и один будет витией, а другой поэтом; живя среди вечной угрозы смерти, они будут бояться не Меня, а бесчестия. Сыны пустыни будут Моими сынами, никем не победимыми хранителями слова. И среди них из века в век будут появляться такие образцы человеческого совершенства, в которых явятся содиненными все добродетели».

Таким образом человеческого совершенства был Хатим из Бене-Таи; он светился, как светится луна во время рамазана жадно поджидающим ее появления на горных высотах верующим, и был он лучше всех людей, как все добродетели вместе лучше одной из них, исключая любовь к Богу и любовь к ближнему.

Мать Хатима была вдова, бедная и не имевшая никаких родственников, но Бог осенил ее разумом, и она научила своего сына закону Божию.

Однажды в селении раздался громкий крик. Все выбежали из своих жилищ, желая узнать, что случилось, и крик сделался общим. На севере показалось что-то, никогда еще не виданное и не слыханное. Одни говорили: «Это туча», другие заявляли: «Это движется гора». Действительно, что-то страшное быстро на-

двигалось, и вскоре поднялся общий вопль: «Наступил конец света».

Чудесное явление наконец пронеслось над устрашенными жителями. Оно походило на громадный чудовищный зеленый ковер, на котором возвышался лучезарный трон, а на троне восседал царь в короне, окруженный слева неземными духами, а справа — вооруженными воинами. На краю ковра стоял человек в блестящей одежде и громко возглашал: «Велик Бог, и нет Бога, кроме Бога». В ту минуту, как это видение исчезло, что-то упало из руки лучезарного глашатая.

Очнувшись от изумления, некоторые из поселян бросились на то место, где упал этот предмет, но вернулись со смехом. «Это только мех для воды, и так как у нас есть гораздо лучшие мехи, то мы его бросили».

Но мать Хатима, слыша эти слова, качала головой. Ей было известно с молодости народное предание, что Соломон, окончив постройку иерусалимского храма, отправился в Мекку на шелковом ковре, несомом ветром, и в сопровождении неземных духов и вооруженных воинов. Поэтому она сказала себе: «Это Соломон на пути в Мекку, и недаром бросил он мех».

Она пошла и отыскала мех, а открыв его, нашла в нем три зерна, из которых одно было красное, как рубин, другое синее, как сапфир, а третье зеленое, как изумруд. Она могла бы продать эти зерна, так как они по своей красе были достойны занять место в короне, и обогатиться, но Хатим был для нее всем на свете. Она припрятала эти зерна для него. Взяв орех, разрешила, спрятала в его внутренности три зерна и, запечатав, повесила на шею ребенка.

— Благодарю тебя, Соломон, — сказала она, — нет Бога, кроме Бога, и я буду учить этой истине моего Хатима утром, когда птицы летят на водопой, в полдень, когда они ищут прохладной тени, и при наступлении ночи, когда они закрывают крыльями себе голову, чтобы не видеть окружающего мрака.

И с этого дня во время всей своей жизни Хатим носил на шее орех с тремя семенами. Никогда никакой

амулет не имел такой силы, как этот простой предмет. Когда Хатим вырос, то оказался одаренным всеми добродетелями. Никто не был храбрее, добрее, благороднее, красноречивее, поэтичнее, а главное, правдивее и вернее Хатима. Все это доказывается многими фактами из его жизни.

Однажды голод посетил его страну. Он тогда был шейхом своего племени. Женщины и дети погибали как мухи. Мужчины не могли ничем положить конца этому бичу Божию и должны были уныло смотреть на страдания близких им существ. Они не знали, кого обвинять, к кому обратиться с мольбой о пощаде. Наступило предсказанное время, когда имя Божие было забыто, как осенние листья прошлого года. Даже в шатре шейха не было еды — уже съели последнего верблюда, и оставалась лишь одна лошадь. Не раз добрый шейх приближался к ней, чтобы убить ее, но она была так красива, так привязана к нему, так славилась быстротой по всей пустыне, что у него невольно опускалась рука. «Подождем до завтра: может быть, и пойдет дождь», — говорил он себе каждый раз.

Вот сидит Хатим в своем шатре и рассказывает сказки жене и детям, так как он был не только первым воином своего племени, но также лучшим поэтом и сказочником. Идя на бой, его воины всегда говорили: «Спой нам что-нибудь, Хатим, и мы веселее умрем за тебя». И теперь домочадцы, слушая его сказки, почти забыли о своей горе. Вдруг распахнулся занавес, прикрывавший вход в шатер.

— Кто там? — спросил Хатим.

— Твоя соседка, — отвечал женский голос, — мои дети плачут от голода, а мне нечем их накормить. Помоги мне, о шейх, или они умрут.

— Приведи их сюда, — произнес он, вставая.

— Ее положение не хуже нашего, — заметила жена Хатима, — и ее дети не голоднее наших. Что ты хочешь делать?

— Она просила у меня помощи, и я не могу отказать, — возразил шейх.

Он вышел из шатра, заколол лошадь, развел огонь, и когда мясо было изжарено, то соседка с детьми разделила с его собственной семьей желанную пищу.

— Какой стыд,— воскликнул он во время трапезы,— вы едите, когда кругом голодают.

И, снова выйдя из шатра, он собрал всех соседей, которые все вместе доели лошадь до последнего куска. Только один Хатим остался голодный.

И не было человека милосерднее, чем Хатим. В бою он жалел врагов и никогда никого не убивал. Однажды он одолел в битве одного из своих неприятелей, но когда тот, распростертый у его ног, попросил у него копье, то Хатим отдал ему свое.

Ни один несчастный не обращался напрасно к его помощи. Однажды в дороге он встретил невольника, который просил выкупить его на свободу, но у Хатима не было с собою денег, а хозяин невольника не хотел ждать, пока Хатим пошлет за выкупом. Горько стало Хатиму, но он наконец придумал способ, чтоб оказать помощь несчастному.

— Я не хуже твоего невольника,— сказал он безжалостному хозяину,— отпусти его и возьми меня.

И, сняв оковы с бедняка, он надел их на себя и носил их до тех пор, пока был получен выкуп.

В глазах Хатима поэт был выше царя и лучше хорошей песни был только достойный предмет этой песни. Увековечивать славу надгробными монументами он считал суетою и верил только в ту славу, которая воспевалась в песнях и в сказках. Поэтому неудивительно, что он любил сказочников и щедро награждал их даже тем, что ему не принадлежало.

В своей молодости он так щедро раздавал сказочникам сокровища своего отца, что тот, желая образумить сына, отправил его в пустыню ходить за стадами. Однажды Хатим увидел проходивший мимо караван, провожавший трех поэтов ко двору царя Эль-Хераха, и пригласил их остановиться в его шатре. Он заколол для них трех верблюдов, а они в благодарность

стали воспевать подвиги его и его родственников. Когда же они собрались в путь, то он сказал:

— Оставайтесь у меня. Дар поэзии драгоценнее всего. Я вас награжу больше того царя, к которому вы отправляетесь. За каждый стих, вами написанный, я дам вам по верблюду: смотрите, какое у меня громадное стадо.

Они остались, а когда наконец удалились, то увели с собою сто верблюдов, а у Хатима осталось триста стихов.

— Где мое стадо? — спросил его отец, прибыв на пастбище.

— Вот стихи в честь твоего дома, — отвечал гордо Хатим, — их написали великие поэты, и их будет повторять вся Аравия во славу тебе.

— Увы, — воскликнул старик, ударяя себя в грудь. — Ты разорил меня.

— Как? — отвечал с негодованием Хатим. — Ты ценишь грязных животных более той славы, которую я купил тебе продажей верблюдов?!

Арабский сказочник умолк, и княжна была так очарована его голосом, взглядом, не покидавшим ее глаз ни на минуту, и рассказом о Хатиме, которому сочувственно откликалось ее сердце, что она несколько минут не прерывала водворившейся тишины.

— Благодарю тебя, — сказала она наконец, — я только сожалею, что твоя сказка кончилась так скоро, и сомневаюсь, мог ли бы сам Хатим передать ее так прекрасно, как ты.

Арабский сказочник слегка опустил голову в знак благодарности, но не произнес ни слова.

— Твой Хатим, — продолжала княжна, подымая свое покрывало, — был не только великий воин и поэт, но и философ. Когда он жил?

— Он был лучезарным светом в мрачную эпоху до пришествия пророка, но определить, когда именно он жил, невозможно.

— Это не важно. Если бы он жил в наше время, то был бы не только воином, поэтом и философом, но и

христианином. Его любовь к ближнему и самоотречение были поистине христианские. Нет сомнения, что он готов был умереть за людей. Не знаешь ли ты еще чего-нибудь о нем? Конечно, он жил долго и счастливо?

— Нет,—отвечал сказочник, сверкая глазами,— он, говорят, был одним из самых несчастных людей. Жена у него была сварливая, не раз била его, выгоняла из шатра и наконец бросила его.

— Вероятно, ей не нравилась его щедрость,— заметила княжна.

— Его семейная история лучше всего объясняется нашей аравийской поговоркой: «Высокий мужчина может жениться на низенькой женщине, но высокая душа не должна соединяться узами с низкой душой».

Княжна Ирина замолчала и снова скрыла свое лицо под покрывалом.

Прошло некоторое время, и она первая нарушила царившее безмолвие:

— С твоего позволения, красноречивый сказочник, я сочту сказку о Хатиме своей собственной, но расскажи другую для моей подруги.

— А какая сказка тебе более нравится? — спросил сказочник, обращаясь к Лаели.

— Я желала бы услышать какую-нибудь индийскую сказку,— сказала молодая девушка, избегая встречи с его пламенным взглядом.

— Увы! В Индии нет сказок о любви. Ее поэзия посвящена богам и отвлеченным религиозным предметам, поэтому если ты предоставишь, красавица, мне выбор, то я расскажу тебе персидскую сказку. В Персии был великий поэт Фирдоуси, и он написал знаменитую поэму «Шах-наме». Слушай, как Рустем убил Зораба, не зная, что он его сын.

И он рассказал эту грустную поэтическую сказку, которая длилась так долго, что служанки вошли и зажгли лампы. Когда наконец сказочник умолк, прося извинения за то, что так долго злоупотреблял вниманием

княжны, то она, подняв покрывало и протянув ему руку, сказала:

— Прими мою благодарность, красноречивый сказочник. Благодарю тебя, я не заметила, как прошли часы, которые мне иначе показались бы столь скучными.

Он почтительно поцеловал её руку и последовал за вошедшим в эту минуту евнухом.

XI

КОЛЬЦО С ИЗУМРУДОМ

Оставшись с Сергием в коридоре замка, князь Индии несколько не сожалел о случившемся. Он был спокоен насчет Лаели, так как покровительство евнуха было гарантией ее безопасности, а знакомство с княжной Ириной могло быть очень полезным для нее. Он воспитал свою нареченную дочь таким образом, что она могла служить украшением любого двора, а от княжны Ирины зависело представить ее ко двору императора. Но эти мысли в голове старика скоро сменились другими. Он раздумывал, кто был тот таинственный юноша, который встретил их на пристани. Его внешний вид, манеры и голос доказывали высокое происхождение, что подтверждалось почтительностью, которую оказывали ему все, и уверенным тоном, которым он говорил о султанах Мураде. Княжне Ирине он дал обещание от имени султана, и, наконец, трудно было предположить, чтобы комендант замка позволил кому-нибудь заменить себя, кроме человека, власть имеющего.

Все это наводило на мысль, что незнакомец был не кто иной, как сын султана Магомет. Возраст был вполне соответствующий. Многочисленный военный отряд, скакавший по берегу, был достойным эскортом для наследника престола, и только он один мог говорить с такой уверенностью о своем отце.

Князь Индии решил добиться свидания с сыном султана.

По его просьбе пришел комендант — пожилой человек, в зеленом тюрбане и желтой одежде, отороченной мехом, с круглым лицом, большими черными глазами, бледными щеками и большой бородой. Он дружелюбно поприветствовал князя Индии, и через несколько минут троих гостей ввели в маленькую комнату с голыми каменными стенами, узеньким отверстием сверху вместо окна и большой деревянной скамьей.

— Я надеюсь, что княжне Ирине отвели кое-что получше, — недовольно заметил князь Индии.

— Ей предоставлена комната в моем гареме, лучшего покоя нет во всем замке, — ответил комендант.

— Значит, это решал не ты. Если ты посмел осрамить гостеприимство князя Магомета, предложив его гостю...

— Как! Князя Магомета! — изумленно перебил комендант.

— Да, он здесь. Я знаю, так же, как ты, что он хочет остаться неизвестным, но мы поверили его царственному слову, соглашаясь остаться в замке. На тебя же, как бы ты ни клялся бородой пророка, ни я, ни княжна никогда бы не понадеялись. Старый осел, разве ты не понимаешь, что княжна Ирина, родственница греческого императора, спросит у сына султана о том, как нас принимали в этом замке, и ты дорого заплатишься за свое оскорбительное поведение.

Комендант, опустив голову, скрестил руки и жалобно произнес:

— Благородный господин... Умоляю тебя, выслушай меня!

— Говори, но я уверен, что ты будешь лгать, желая объяснить свое коварство и нарушение приказа благороднейшего и великодушнейшего из рыцарей.

— Ты забыл, что замок переполнен посетителями и каждый его уголок набит свитой...

— Князя Магомета, — прибавил старик, но комендант продолжал:

— Свитой и эскортом. Кроме того, я приказал принести сюда из моих собственных покоев мягкую мебель, постели, светильники, яства и напитки, но мое приказание еще не исполнено. Клянусь первой главой Корана...

— Клянись чем-нибудь менее святым!

— Клянусь костями правоверных, что я намеревался оказать вам наивозможно большее гостеприимство.

— По приказанию твоего юного повелителя?

Комендант молча наклонил голову.

— Хорошо,— сказал князь более мягким тоном,— я тебе верю, но теперь докажи свою искренность. Передай это,— старик снял с пальца кольцо с изумрудом,— эмиру Мирзе.

Слова эти были произнесены так уверенно, что турок молча взял кольцо.

— И скажи эмиру, что я прошу его воздать хвалу Богу за то милосердие, которое он оказал нам у юго-западного угла Каабы.

— Разве ты мусульманин? — спросил с удивлением комендант.

— Я не христианин.

Комендант поцеловал руку князя Индии и молча удалился, пятясь назад и с видом самого глубокого уважения.

Не успела дверь затвориться за ним, как князь засмеялся и стал самодовольно потирать руки.

Он подумал, что Мураду осталось немного жить на свете. Магомет будет султаном и возьмет Константинополь.

Занятый своими мыслями, он неожиданно обернулся и увидел, что Сергей стоял, сложив руки и закрыв глаза. Он впервые стал внимательно разглядывать его тонкие черты, бледное лицо, маленькую бороду и разделенные посредине головы светлые волосы. Он где-то видел прежде это лицо, он стал припоминать и сердце его дрогнуло: этот юноша напоминал ему Того, крестной смерти Которого он оказал содействие когда-то в

Иерусалиме. В глазах у него потемнело, и он увидел в неожиданно окружившем его мраке ту сцену, которая произошла столько веков тому назад у Дамасковых ворот священного града. Он снова услышал слова центуриона, который, обращаясь к нему, сказал: «Эй ты! Покажи нам дорогу к Голгофе». Он снова чувствовал на себе печальный взгляд Того, Кого он ударил по щеке, говоря: «Иди скорей, Иисус!» В его ушах раздавались слова: «Я пойду, а ты останешься на земле, пока Я опять не приду».

Когда спустя несколько минут князь Индии пришел в себя, в комнату вошли слуги с зажженными лампами, коврами, столом, стульями, постелями и бельем. Как по мановению волшебного жезла, комната стала удобной и уютной.

Вскоре дверь отворилась, и паж в блестящей одежде, остановясь на пороге, громко произнес:

— Эмир-Мирза!

ХII

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛЬЦА

Услышав о прибытии Мирзы, князь Индии остановился среди комнаты и, приняв полную достоинства позу, казался в своей бархатной шубе, на которой рельефно выдавалась его серебристая борода, таинственным восточным владыкой.

Мирза несколько не изменился с тех пор, как он виделся с князем в Мекке, только лицо его не было таким загорелым, как тогда. На нем, так же как на Магомете, была кольчуга, покрывавшая его с ног до шеи. Кроме кинжала за поясом, у него не было никакого оружия. С улыбкой удовольствия подошел он к старику и почтительно поцеловал протянутую ему руку.

— Прости мне, князь, если мои первые слова будут казаться упреком: отчего ты так долго заставил себя ждать?

— Эмир,— строго произнес старик,— ты изменил своему слову. Кому ты поведал поверенную тебе тайну? Сколько людей знали о моем прибытии?

Эмир хотел что-то сказать, но князь его перебил:
— Говори по-итальянски.

Мирза поспешно взглянул на Сергия и Нило, потом окинул быстрым взглядом комнату и произнес на итальянском языке:

— Это помещение темница. Что ты здесь делаешь?

— Комендант поместил меня и моих друзей в эту комнату,— улыбнулся князь Индии.— По его словам, все лучшие покои замка заняты.

— Он горько раскается в своей дерзости. Мой повелитель справедлив и строг, а я, доложу ему об этом немедленно. Но, князь, сам посуди, справедливо ли ты на меня сердишься. Я вынужден был рассказать Магомету, что был спасен от смерти тобою. Слово за слово, он выведал от меня все, что ты мне говорил, и, право, князь, если бы ты его так знал, как я, если бы тебе было известно, что это за человек, ты не скрыл бы от него тайны небесных светил. Нет, князь, ты бы так же поступил на моем месте. Я сообщил поверенную мне тайну только одному моему повелителю, и ты можешь быть уверен, что эта тайна похоронена в его сердце.

— Хорошо, эмир. Я даже начинаю думать, что твой поступок принес пользу. Я полагаю, что Магомет, зная предсказания небесных светил о своей судьбе, недаром провел эти годы.

И старик снова протянул руку Мирзе, который крепко ее пожал и воскликнул:

— Я принес тебе весточку от князя Магомета. Я был с ним в то время, когда комендант передал мне твое кольцо. Вот оно. Оно может пригодиться тебе в другой раз. Когда мой повелитель Магомет узнал, что ты здесь, в замке, он стал требовать, чтобы я привел тебя. Аудиенция тебе назначена ровно в двенадцать часов. А пока, князь, позволь мне перевести тебя в другой покой, более достойный твоей особы.

— Нет, добрый Мирза, оставь меня здесь. Комендант, очевидно, ошибся, поместив меня в этой комнате. Он принял меня за христианина. Я его прощаю и хочу, чтобы он был впредь моим другом, а не врагом. Почему знать, может быть, я снова попаду в этот замок. А если ты сам хочешь оказать мне услугу, Мирза, то прикажи, чтобы нас хорошенько накормили.

Эмир низко поклонился и вышел из комнаты, а князь Индии, чрезвычайно довольный, стал ходить взад и вперед по комнате.

Через некоторое время явились слуги и принесли обильный ужин, за который весело принялись все трое застигнутых бурей путников.

ХІІІ

МАГОМЕТ И НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА

Магомет ожидал с нетерпением встречи с князем Индии. Весь этот день был полон необыкновенных происшествий.

Прибыв в Белый замок и услышав о родственнице императора Константина, он неожиданно захотел увидеть ее и, остановив коменданста, поспешил на берег. Это он приказал, чтобы все обитатели замка были удалены с пути и чтобы Ирину поместили в лучшей комнате гарема коменданта. С тех пор Магомет не мог забыть о ней.

Все его мысли сводились к одному: «О Аллах! Какая бы это была султанша!»

Впервые в его молодом сердце заговорила любовь, и потому неудивительно, что, узнав о присутствии в замке князя Индии, он отложил свидание с ним до полуночи, а сам, переодевшись арабским шейхом и накрасив лицо, шею и руки, отправился в качестве рассказчика к княжне Ирине.

Но когда он вернулся из ее комнаты и стал приближаться назначенный час полуночной беседы, то он стал ощущать сильное нетерпение.

Ровно в полночь Мирза е князем Индии постучался в дверь комнаты Магомета, перед которой стояли чайные. Изнутри раздался голос, приглашавший войти. Эмир, пропустив князя Индии, удалился.

При виде старика молодой турок встал со своего ложа, состоявшего из массы подушек под большим балдахином.

Магомет был одет по обычаю турок: на нем были туфли с острыми носками, широкие шаровары, собранные на икрах, желтый халат, опускавшийся ниже колен, и большой круглый тюрбан, с пером из бриллиантов. Голова его была выбрита до краев тюрбана, так что черты его лица ясно виднелись при свете нескольких ламп, спускавшихся с потолка. Его черные глаза смотрели из-под густых бровей приветливо, радушно.

Князь Индии сделал два шага, опустился на колени и приложил губы к своим рукам, которыми дотронулся до пола. Магомет поднял его и сказал:

— Встань, князь, и сядь рядом со мной.

Он вытащил из-за своего ложа широкое кресло с большой подушкой, вроде тех, которые употребляются учителями в школах при мечетях. Он сам поместился на своем ложе, а князь Индии уселся на этом кресле.

— Ты видишь,— прибавил он после минутного молчания,— что я поместил тебя на учительском месте. Я твой ученик. Открой книгу и читай, а я буду подбирать падающие из твоих уст жемчужины, чтобы они не упали на пол и не исчезли.

— Я боюсь, что мой повелитель слишком высоко меня ценит, но, во всяком случае, это делает ему честь. О чем прикажешь ты мне говорить?

— Скажи мне прежде всего, кто ты такой,— сказал Магомет решительным тоном и нахмуривая брови.

— Эмир правильно представил меня,— отвечал старик, заранее приготовившись к этому вопросу,— я князь Индии.

— Теперь скажи что-нибудь о твоей прошедшей жизни.

— Так как твой вопрос общий, то я выберу что-нибудь о моей прошлой жизни и расскажу тебе. Я начал свой жизненный путь учеником Сидхарты, который, как известно моему повелителю, родился в Центральной Индии. Очень рано я научился искусно переводить, и меня вызвали в Китай для перевода на китайский и тибетский языки. Я перевел «Лотос Великого Закона» и «Нирвану». За это один из моих предков, Маха-Кашияпа, получил от самого Будды вот это изображение.

Князь вынул из кармана пожелтевший лист пергамента и подал его Магомету.

Магомет долго рассматривал свастику, вырисованную серебром.

— Я не могу понять, что это,— сказал серьезно Магомет,— объясни мне значение этого рисунка.

— Не могу,— отвечал старик,— если бы я сделал это, то тайна перестала бы быть тайной, а я, как потомок Кашияпы, ее хранитель. Этот символ имеет священный характер.

Магомет отдал пергамент и просто сказал:

— Я слышал о подобных символах.

— Когда я, разбогатевав, вернулся на родину,— продолжал князь Индии,— мною овладело желание путешествовать. Однажды, странствуя по пустыне к Бальбеку, а попал в руки бедуинов, которые продали меня шерифу в Мекке. Это был добрый, хороший человек, он оценил мои несчастья и мои знания. Под его руководством я сделался правоверным. Тогда он отпустил меня на свободу. На родине я предался астрологии и вскоре стал посвященным в эту науку.

— А разве не всякий астролог посвящен? — спросил Магомет.

— Во всем есть степени, даже звезды отличаются друг от друга.

— Но как человек может дойти до познания неизвестного?

— Путем усвоения того наследия, которое оставлено прошедшими мудрецами. Если бы твой путь, мой

повелитель, не был уже predetermined судьбою, то я мог бы указать тебе на школу, где ты мог бы легко узнать все, что тебя интересует. А теперь довольствуйся тем, что тебе передадут посвященные. Они друг от друга получали в наследие таинственное знание, и это знание все расширялось и расширялось. Несколько веков тому назад посвященные знали благодаря таинственному голосу звезд, что бедное племя, странствовавшее на Востоке, распространит свою власть над дворцами Запада и похоронит славу гордецов. Но они не знали, как зовут это племя. После того же, что твои предки водворились в Бруссе, эта тайна стала понятной всем, даже пастухам на Трояновых высотах, которые могли назвать по имени это счастливое племя, но все-таки оставалось и кое-что неизвестным. Все знали, кто должен был рыть могилу, но для кого была эта могила? Вот в чем был вопрос. Я занялся разрешением его. Я посетил все страны, и ты не можешь указать ни одной, где бы я не побывал. Как внук Абд-Эль-Муталиба был глашатаем Бога, так и я глашатай небесных светил.

Губы Магомета зашевелились, но он пересилил себя и не произнес ни слова.

— По временам среди моих странствий,— продолжал старик, как бы не замечая, какой интерес возбуждают его слова,— я часто спрашивал у планет их тайны, но более всего меня интересовало узнать, для кого должны твои оттоманы копать могилы. Я составлял различные комбинации и пускал в ход имена различных личностей, царственных домов и народов, но все тщетно. Как только рождался младенец знатного рода, я тотчас записывал час его рождения и его имя. Я постоянно следил за положением всех стран, чтобы иметь всегда в виду, приближается ли какая катастрофа. Как светила — небесные слуги Бога, так и у этих светил есть свои слуги, в числе которых бывают и духовные лица, и царственные особы, и воины, и простые смертные. Эти вестники воли небесных светил, прежде чем поведать открытую ими тайну тем, кого она каса-

ется, всегда основательно узнают их для подготовки пути к объявлению им predetermined судьбы.

— Разве ты знаешь меня, князь? — воскликнул Магомет с удивлением.

— Я знаю ли тебя, Магомет? — произнес решительным тоном старик.— Ты сам себя так хорошо не знаешь, как я тебя знаю.

Магомет вздрогнул.

— Я говорю не о том, что все знают,— продолжал князь Индии,— не о том, кто твой отец и кто твоя мать, христианская принцесса, не о том, что ты получил прекрасное воспитание и был до сих пор послушным сыном и храбрым воином. Мне известно гораздо более. Однажды ночью, перед тем как ты родился, произошло большое смятение. В той комнате, где ты рождался, стояли большие золоченые стенные часы, и как только на этих часах пробило полночь, то все расставленные по дворцу евнухи подняли крик: «Слава Аллаху! Родился сын у султана!» Когда этот крик достиг человека, сидевшего на крыше дворца, за столом, на котором лежала карта зодиака, то он встал, пристально посмотрел на небо и громко воскликнул: «Нет Бога, кроме Бога! Марс, владыка зодиака, со своими друзьями Сатурном, Венерой и Юпитером находятся в самом счастливом сочетании, а луны вовсе не видно. Да здравствует сын султана!» И пока его слова передавались одним евнухом другому, он занес на бумагу положение планет в эту минуту, именно в полночь с понедельника на вторник в тысяча четыреста тридцатом году. Верно ли я говорю, мой повелитель?

— Верно, князь.

— Эта бумага достигла меня, и я составил по ней твой гороскоп. Все мои выкладки и расчеты приводили к одному результату, что твой жизненный путь осветит Восток лучезарной славой никогда не заходящего солнца.

Старик умолк, но через минуту прибавил с низким поклоном:

— Что же, мой повелитель, находишь ты, что я хорошо тебя знаю?

МЕЧТЫ И ПРЕДСКАЗАНИЯ

Некоторое время Магомет молчал, погруженный в глубокую думу, наконец он произнес, стараясь скрыть волнение:

— Я также кое-что знаю о тебе, князь, и то, что рассказал о тебе эмир-Мирза, вполне совпадает с твоими собственными словами. Ты действительно ученый, опытный человек, добрый и верующий. Во все времена великим людям предсказывали их будущность, а потому если мне суждено совершить великие дела, то почему тебе не быть пророком, возвещающим мне мою судьбу?

— Я не пророк! — воскликнул старик, поднимая обе руки кверху. — Я только провозвестник воли небесных светил.

— Как тебе угодно, князь, — отвечал Магомет, — пророк или вестник, это все равно, дело не в том, как тебя называть, а в том, что ты сказал. Я серьезно обдумал все слышанное, и только ты можешь мне ответить. Какая же меня ожидает слава?

— Голос небесных светил в этом отношении совершенно ясен. Когда Марс господствует в зодиаке, то рожденный при таком положении небесных светил должен быть храбрым воином и счастливым завоевателем. Видел ли ты, мой повелитель, когда-нибудь свой гороскоп?

— Да.

— Так ты поймешь мои слова.

— Эта слава мне не по сердцу, князь, и так как мой род прославился героями: Османом — его основателем, Орханом — создателем янычар, Солиманом — перешедшим Геллеспонт, Муратом — завоевателем Адрианополя, Баязетом — победителем крестоносцев при Никополе и моим отцом, нанесшим поражение Гуниаду, то, чтоб сравниться с ними, я должен совершить действительно великий подвиг. Поэтому я желал бы знать,

совершу ли я этот подвиг сейчас, в юности, или через много лет.

— Я не могу ответить на этот вопрос. Звезды ничего не поведали мне про это, а от себя я не могу говорить.

— Долго ли должен я ждать славу, которую ты мне обещаешь? Если для достижения ее необходимы большие походы, то не начать ли мне тотчас же собирать армию?

Князь Индии видел, что Магомет теряет самообладание, и, желая удержать свое влияние, вместо ответа задал вопрос:

— Твоему отцу ведь восемьдесят четыре года?

Магомет утвердительно кивнул головой.

— И он царствует уже двадцать восемь лет? Теперь я отвечу на твой вопрос. Все, что поведали звезды о судьбе, тебе уже известно. То, что ты теперь желаешь знать, касается тебя не как сына султана, а как султана, а ты еще не султан. Поэтому ты можешь получить ответ от звезд лишь в тот день, когда станешь султаном. Тогда замети минуту и час этого события и передай мне, а я составлю гороскоп уже султана Магомета. Лишь в то время я буду в состоянии сообщить тебе то, что ты желаешь знать, и еще многое другое.

На лице турка показалось глубокое разочарование. Он насупил брови и отвечал недовольным тоном:

— Несмотря на всю твою мудрость, князь, ты не понимаешь, как тяжело ждать. Слава — самый сладкий плод в природе, но ждать ее очень тяжело. Было бы злой иронией, если бы слава посетила меня только в старости. Настоящая слава та, которую приобретает человек юношей, подобно тому как заслужил бессмертие величайший из греков, не достигнув еще зрелого возраста. Но быть по-твоему, я преклоняюсь перед волею небесных светил. Между мной и султанской властью стоит мой отец, добрый, хороший человек, которого я люблю так же, как он меня, и ни я, ни кто-либо из моих приближенных не поднимет руки, чтобы устранить его с моей дороги. Но я приму твой

совет и прикажу записать минуту и час, когда его престол перейдет ко мне. А если ты будешь тогда в отсуствии?

— Пошли за мной, и я тотчас явлюсь. Я живу в Константинополе, и меня легко разыскать. Но было бы недурно, если бы ты приказал коменданту этого замка всегда открывать мнѣ его ворота.

— Хорошо. Но я еще не все спросил. Скажи мне, князь, где будет то поле брани, на котором я приобрету славу, и с кем мне придется бороться? Как я ни смотрю вокруг, не вижу угрозы войны, которая могла бы стяжать мне славу, которую ты предсказываешь.

— Эмир-Мирза сказал тебе, что в твоих собственных интересах надо хранить в тайне наступление нового наплыва Востока на Запад?..

— И предстоящее падение Константинополя! — перебил его Магомет.

— Да. Но прибавил ли он, что я объяснил ему необходимость проверить гороскоп этого события в самом Константинополе?

— Да.

— В таком случае тебе будет понятен ответ на твой вопрос. Слава, которая тебя ожидает, не будет зависеть от войны.

Магомет притаил дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова старика.

— Тебе известно, мой повелитель, — продолжал князь Индии, — что между римским папой и константинопольским патриархом идет долгий спор: первый заявляет претензии на главенство христианской церкви, а последний настаивает на своем вполне равном достоинстве. Этот спор разделяет христианскую церковь на два лагеря, и уже всем известно, что существует две церкви: западная и восточная. Мы с тобой знаем, что столица христианства здесь и что завоевание ее будет означать подчинение Христа Магомету. К чему тебе более ясное определение твоей славы? Я заранее приветствую в тебе меч Божий.

Магомет соскочил со своего ложа и в большом волнении стал ходить взад и вперед по комнате. Наконец он остановился перед князем Индии и радостно воскликнул:

— Я теперь понимаю, что подвиг, который не мог совершить мой отец, выпадает на мою долю. Но прости меня, князь, я в порыве радости прервал твою речь.

— К сожалению, я должен еще на некоторое время злоупотребить твоим терпением,— отвечал князь с ловкостью опытного дипломата,— но теперь лучше объяснить тебе все. Спустя несколько месяцев после того, как я расстался с Мирзой в Мекке, я прибыл в Константинополь и с тех пор каждую ночь, когда небо было ясно, наблюдал звезды. Я не могу передать тебе все мои исследования, все расчеты и выкладки на основании алгебраических и геометрических формул, но скажу только, что до сих пор я не получил от небесных светил ответа, когда настанет гибель этого города. Одно для меня ясно, что судьба Константинополя тесно связана с делением христианской церкви. Римский папа как будто это предчувствует и старается помирить распрю, но это не в его власти. Мы не можем ускорить этого события, так же как он не может его отсрочить. Но настанет день, когда Европа предоставит грекам защищать самих себя, и тогда тебе, Магомет, откроется путь к славе. Пока же твоя роль — выжидание.

— И долго мне придется ждать?

— Не знаю. Единственная возможность, однако, выведать тайну у небесных светил — это составить гороскоп султана Магомета при его восшествии на престол; если в ту минуту Марс будет господствовать в зодиаке, то тайна откроется, и христианская столица будет у ног твоих.

— А если Марс не будет господствовать?

— Тогда тебе придется еще ждать.

Магомет заскрежетал зубами.

— Не забывай, мой повелитель,— спокойно произнес князь Индии,— что судьба человека походит на стакан вина, который подносится рукой к губам, эта

рука может дрогнуть и вино разлиться, прежде чем достигнет губ. Часто случалось подобное от нетерпения и чрезмерной гордости.

— Ты напоминаешь мне,— отвечал Магомет, успокоившись,— слова Корана: «Всякое добро, посещающее тебя, о человек, приходит от Бога, а всякое зло приходит от тебя самого». Буду ждать. Я не боюсь этого, но научи меня, как мне побороть свой гордый дух.

Хитрый еврей внутрененно вздрогнул, хотя ничем не обнаружил своего волнения. Он чувствовал, что Магомет в его руках и что через него он мог бы перевернуть весь свет. Ему стоило только сказать: «Наступила минута», и он мог направить Восток, который он так любил, на ненавистный ему Запад. Если Константинополь отказался бы исполнить его план соединения религий, то теперь в его власти было заменить христианство исламом. Он ясно сознавал, что не Магомет, а он руководит событиями, которые может по своей воле ускорить или отсрочить.

— Ты можешь, о мой повелитель,— сказал он с полным хладнокровием,— сделать многое в это время. Тебе следует вести себя так, как будто уже Константинополь твой и только находится временно в пользовании другого. Изучи этот город снаружи и внутри, его улицы и здания, его стены и площади, его крепкие и слабые места, его обитателей, их связи с иноземцами и торговлю, его правителя и средства к защите, которыми он обладает, его ежедневную жизнь. В особенности тебе следует подстрекать распрю между греками и латинами.

— Конечно, это было бы хорошее занятие,— сказал Магомет,— но как я могу попасть в Константинополь?

— А как государи бывают всюду, не выходя из дворца?

— Чрез своих посланников, но я ведь не государь.

— Ты еще не государь, но и не государи могут иметь своих людей.

— А ты возьмешься за такое дело? — спросил тихо, почти шепотом Магомет.

— Прости меня, мой повелитель, но мое дело наблюдать по ночам за звездами.

— Найди тогда мне такого же человека, как ты.

— Я найду еще лучшего. На это дело может потребоваться много лет, — произнес старик, не обращая внимания на то, что Магомет при этих словах насупил брови, — и он должен жить в Константинополе, не возбуждая подозрения. Ему следует быть умным, ловким, иметь высокое положение, бывать при дворе и располагать широкими средствами, а вместе с тем пользоваться твоим доверием.

— Кто же это?

— Мирза.

— Мирза! — воскликнул Магомет, хлопая руками.

— Да, — продолжал старик, — отправь его в Италию, и пусть он приедет оттуда настоящим итальянцем, с титулом. Он говорит отлично по-итальянски, и на его преданность как исламу, так и тебе можно рассчитывать.

Магомет встал с места и заходил взад и вперед по комнате.

— Я так привык к Мирзе, что не могу с ним расстаться. Дай мне подумать. Останься здесь на завтрашний день, — сказал он.

Князь Индии вспомнил, что, по всей вероятности, дома его уже звали к императору, а потом ответил:

— Ты делаешь мне большую честь, но неосторожно с нашей стороны возбуждать сплетни в Константинополе, а там уже, вероятно, знают, что княжна Ирина и я занесены бурей в Белый замок, а может быть, там также известно, что этот замок посетил сын султана Магомет. Гораздо лучше отпустить меня и княжну, как только стихнет буря.

— Быть по-твоему, — отвечал турок добродушно, — мы понимаем друг друга, я буду ждать, а ты при первой возможности пришлешь мне весточку. Теперь же доброй ночи.

Он протянул руку, и еврей, преклонив колени, поцеловал ее.

— Если я хорошо тебя знаю, мой повелитель, то ты не будешь спать в эту ночь, а потому позволь мне дать тебе еще новый предмет для размышления. Этот предмет на столько выше всех других, на сколько небо выше земли.

— Встань, князь, — отвечал Магомет, — я не желаю, чтобы впредь ты так унижался передо мной: ты не только мой гость, но и мой друг. Твои слова возбуждают мое любопытство. Говори.

— Магомет, — сказал князь Индии, глядя ему прямо в глаза так энергично, что юноша невольно задрожал, — я знаю, что ты веришь в Бога. Пришло время восстановить единую веру в единого Бога. Если тебе предназначено овладеть столицей христианства, то лишь для того, чтобы водворилась на земле единая вера в единого Бога среди общего мира. Вот достойная тебя идея.

Слова старика произвели такое сильное впечатление на молодого турка, что он не заметил, как князь Индии вышел из комнаты.

XV

ОТЪЕЗД ИЗ БЕЛОГО ЗАМКА

Буря продолжалась до утренней зари, но с восходом солнца ветер спал, и наступила мертвая тишина. Последняя туча исчезла, и лазурное небо осеняло берега Босфора, освеженные недавним дождем.

После завтрака Мирза проводил еще раз князя Индии к Магомету. Их разговор касался того же предмета, как и накануне, и Магомет сознался, что одно из пророчеств князя Индии осуществилось, и он не спал всю ночь.

Магомет согласился послать Мирзу в Италию и поручить в скорейшем времени вернуться оттуда прямо

в Константинополь под видом богатого итальянского аристократа.

После полудня князь Индии и Сергей вышли из замка на берег и, убедившись, что на Босфоре тихо, решили тотчас отправиться домой.

Церемония отбытия высоких гостей из замка была такой же, как и при приеме.

Во дворе замка снова никого не было. Магомет с князем Индии и Сергием провожал паланкин до берега.

— Мне очень жаль,— сказала княжна, выходя на пристань и не подымая своего покрывала,— что мне придется уехать отсюда, не зная имени и титула того, чьим гостеприимством я пользовалась.

— Если бы я имел более высокий титул, чем действительно,— отвечал Магомет,— то с удовольствием поведал бы тебе как об этом титуле, так и мое имя, так как в этом случае я мог бы надеяться, что ты не забыла бы их среди веселой городской жизни. Титул коменданта Белого замка довольно скромный, но мое самолюбие вполне довольствуется им, и если ты, княжна, когда-нибудь вспомнишь обо мне, то лишь в качестве коменданта Белого замка.

— Быть по-твоему,— отвечала княжна,— хотя я не знаю, как отвечу на вопросы императора, кто оказал мне гостеприимство. Я боюсь, что он будет недоволен, если не сможет отблагодарить неведомого благодетеля его родственницы.

Магомет покраснел:

— Лучшая награда для меня — твои добрые слова, княжна.

Девушка также покраснела и, чтобы скрыть смущение, переменила разговор:

— Во время моего пребывания здесь особенно мне понравились рассказы арабского шейха, и я тебе очень благодарна. Я не хочу спрашивать его имени, но не могу не позавидовать человеку, который путешествует по всему свету, всюду встречает прием и знает столько прекрасных легенд.

— Его зовут, княжна, Абу-Обеидом,— отвечал поспешно Магомет,— а в пустыне он известен под именем Поющего Шейха. Он пользуется во всем мусульманском мире большим почетом, и ему открыты все двери. Когда он прибудет в Адрианополь, то он прямо отправится к султану, но если ты желаешь, княжна, то я уговорю его отсрочить свой отъезд и посетить тебя в твоём дворце. Скажи только, где и когда ему явиться к тебе, и он не опоздает ни на минуту.

— Скажи ему, что я жду его послезавтра утром в моём дворце в Терапии.

Обе лодки двинулись в путь, и, когда они пошли рядом в устье речки, княжна Ирина громко выразила свое удовольствие по поводу встречи с князем Индии.

— Я благодарна твоей дочери за ее общество и была бы рада, если бы ты отпустил ее ко мне в Терапию.

— Я сама была бы очень этому рада,— кивнула Лаель.

— Когда ты прикажешь, княжна, твое желание будет исполнено,— произнес старик.

— Завтра или на будущей неделе, когда хочешь. Я жду тебя и твою дочь. Прощай, да благословит тебя Господь!

Они расстались, хотя обе лодки направились к Константинополю.

Прибыв туда, князь Индии и Лаель вернулись домой, а княжна с Сергием остались до следующего дня в своём городском дворце.

Утром она представила монаха патриарху, который согласился принять его.

— Помни,— сказала княжна Ирина, прощаясь с Сергием,— что отца Илариона считают здесь еретиком и что его ученика ожидает или смерть, или пожизненное заточение. Будь терпелив и сноси все, а когда тебе будет не по силам существование здесь, то приезжай в Терапию.

СВАТОВСТВО ИМПЕРАТОРА

Возвратясь в Терапию, на следующий день княжна Ирина увидела с изумлением у своей пристани парадную придворную лодку с пятнадцатью гребцами. В ней прибыл один из высших сановников. Она тотчас приняла эго с почетом, и седовласый старик произнес длинную цветистую речь, что император Константин, вступив на престол, решил избрать себе достойную супругу.

Он говорил долго, а закончив, вдруг поклонился и, понизив голос, прибавил:

— Я указал нашему императору на тебя, княжна. Побледнев, Ирина вскочила.

— Да, княжна, я указал ему на тебя, и сам император прибудет завтра к тебе во дворец просить твоей руки.

Преклонив колени, он улыбнулся и добавил:

— Позволь мне первому приветствовать тебя как невесту императора. Я надеюсь, что ты не забудешь этого, когда сделаешься государыней.

Наступило продолжительное молчание.

Выросшая в монастыре, вдали от жителей Царьграда и слухов, княжна не знала, что греки считали Константина родившимся под несчастной звездой. В молодости, когда ему было двадцать четыре года, он женился на племяннице князя Эпира, принцессе Магдалене, получившей в крещении имя Феодоры. Но через два года Феодора умерла. В тридцать семь лет он женился на дочери владетеля острова Лесбоса, Катерине. Но и Катерина умерла через год. Он пытался вступить и в третий брак, но все его сватовства оканчивались неудачно. Были сделаны предложения Изабелле Орсини, посланцы в Неаполе собирали сведения об инфанте португальской, посол в Венеции пытался сосватать дочь дожа.

Но никто не хотел делить с императором шаткий трон Византийской империи.

Ирина и представить не могла, что сорокашестилетний император будет свататься к ней, но она была благодарна ему за милости к отцу и потому не могла оскорбить отказом.

— Встань,— сказала она сановнику.— Я благодарна тебе за эту весть. Передай императору, что я его жду и что мой дворец к его услугам.

На следующий день после полудня ко дворцу княжны Ирины в Терапии пристала парадная трирема с изображением Богородицы на носу, с широким красным парусом и ста двадцатью гребцами. На корме под малиновым балдахином сидел на золотом троне император, вокруг него помещалось значительное число сановных особ в пышных одеждах, а между ними сновали мальчики в белых костюмах и с курильницами в руках, которые распространяли нежное благоухание. Между кормою и носом находился отряд телохранителей с трубачами и герольдами. За триремой двигался целый флот маленьких лодок с зеваками, привлеченными этим блестящим зрелищем.

Прежде всего вышли на берег телохранители, а затем на украшенной коврами пристани, при звуке труб, появился император со своей свитой. На нем был золотой шлем, такая же кираса, кольчуга, вышитая шелком нижняя одежда, пурпурная мантия, большие шпоры, великолепный меч и бесконечное число драгоценных камней, сверкающих всюду, с головы до ног.

Громадная толпа, окружавшая пристань, огласила воздух радостными криками:

— Да здравствует Константин! Да здравствует император!

По-видимому, Константин был очень доволен радужным приемом, глаза его весело улыбались, и он любезно кланялся направо и налево.

У портика дворца его встретила княжна Ирина, окруженная молодыми девушками поразительной красоты и высокого происхождения. Но всех прелестней и грациозней была сама княжна, державшая себя с благородным достоинством.

При виде ее Константин остановился. Преклонив колени, Ирина поцеловала его руку, а когда он поднял ее, то она, вся покраснев, сказала:

— Государь и благодетель, я приветствую тебя в дарованном мне дворце не столько за оказанные мне милости, как за благо, которое ты изливаешь на твой народ.

Затем княжна представила своему высокому родственнику окружающих ее молодых девушек, которые все преклонили колени перед ним. Константин, славящийся рыцарским обращением с женщинами, сказал каждой что-нибудь любезное.

Император назвал княжне по имени и титулу сопровождавших его придворных, в числе которых был его брат, великий адмирал, протостратор, великий конюший, логофет, канцлер, протосинег, ловчий и прочие сановники. Все они были более или менее преклонных лет и, как ловкие царедворцы, низко преклонились перед той, которую уже считали своей будущей императрицей.

— Теперь, государь,— сказала княжна, когда кончилось представление свиты,— позволь проводить тебя во внутренние покои дворца.

Император подал ей руку. Она оперлась на нее, но, подзвав придворного, который являлся к ней с поручением от Константина, произнесла:

— Прости, государь, мне надо сказать ему два слова. Благородный друг, будь так добр, замени меня за столом, приготовленным для императорской свиты, и распоряжайся вместо меня.

Сказав это и подождав, пока все придворные отправились к роскошному столу, накрытому на чистом воздухе за портиком, она повела Константина в парадную приемную. Там не было ни цветов, ни мебели, кроме одного стула с высокой спинкой.

Император сел на приготовленное ему место, а Ирина опустилась перед ним на колени и, скрестив руки, сказала:

— Благодарю тебя, государь, за то, что ты предупредил меня о своем посещении. Всю ночь я молилась Пресвятой Деве, прося Ее вразумить меня, как мне следует поступить. Меня тревожило, как избавиться тебя от унижительного отказа. Я желаю сохранить достоинство женщины и не нарушить моей преданности к тебе, государь. Ты всегда был добр и милосерден к моему отцу и ко мне. Я никогда этого не забуду и потому привела тебя сюда, чтобы сказать с глазу на глаз до предложения о браке, что, питая к тебе преданную любовь, как верноподданная и родственница, я не могу любить тебя как жена.

— Отчего? — спросил с изумлением Константин.

— Не думай, государь, что я дерзка, но я так поступаю из любви и благодарности к тебе. Быть может, я отказываюсь от того, что мне еще не предложено, но ты можешь, возвратясь во дворец, сказать, что передумал и не делал мне предложения. Пострадаю от этого только я, так как злые люди станут рассказывать, что я наказана за надменность и желание быть императрицей. Но я буду утешать себя тем, что совесть моя чиста и что я избавила своего государя от жены, которая не любит его.

Император поник головой и насупил брови.

— Так, значит, правы те, которые меня уверяли, что только простые смертные могут выбирать себе подругу по сердцу,— мрачно произнес он после продолжительного молчания,— государям это возбранено. Я имею власть над жизнью и смертью всех своих подданных, но не могу жениться, на ком хочу.

— Государь,— сказала Ирина, нежно взяв его руку,— конечно, мне сладко слышать, что ты меня так любишь: я ведь все-таки женщина. Я не могу ответить любовью на твою любовь, я никого не любила до сих пор, а если когда-нибудь и полюблю, то буду всегда помнить то благородство, которое ты сегодня показал. У нас разные призвания, ты должен править империей, а я — служить Господу Богу. Мысль о том, что

моя мать умерла в тюрьме, а отец состарился в ней, постоянно заставляет спрашивать: «Какое право я имею быть счастливой?» Этот голос я всегда слышу, когда начинаю мечтать о любви и замужестве, тогда я бросаю мечты и возвращаюсь к служению Богу и ближним.

— Разве ты никогда не выйдешь замуж? — воскликнул Константин.

— Никто не может знать будущего. Но если наступит минута, что я буду в состоянии, пожертвовав собою, спасти свой народ или святую веру, то я с готовностью приму на себя этот крест.

— И без любви?

— Да. Без любви с своей стороны и даже с его. Земная плоть не моя, а Божия, и если Его святая воля укажет мне на подобную жертву, то я не стану заботиться об осквернении смертной оболочки бессмертной души.

Ирина говорила так горячо, что невозможно было сомневаться в ее искренности. Слушая ее, Константин подумал, что ей лучше остаться невестой Христовой, чем выйти замуж даже за него.

— Ты мудро избрала свой путь,— сказал он торжественно,— и да сохранит тебя Пречистая Дева от всякого горя и всяких бедствий, а я, Ирина,— прибавил он с глубоким чувством,— буду довольствоваться, если ты позволишь, отеческими заботами о тебе.

Молодая девушка подняла глаза к небу и промолвила со счастливой улыбкой:

— Боже милосердный! Я не заслуживаю тех благ, которые Ты ниспосылаешь мне.

— Слушая тебя, я серьезно обдумал свое положение и вижу, что мне следует не горевать о твоём отказе, а жениться на той, которую укажет мне мой верный Франза, хотя это не нравится моему двору, который всячески советовал мне сделать выбор среди византийских красавиц. Но пора. Пойдем к моей свите.

XVII ПОЮЩИЙ ШЕЙХ

Император и княжна Ирина медленно пошли к пировавшим придворным, которые при их приближении почтительно встали из-за стола.

Княжна подвела своего высокого гостя к креслу в виде трона под балдахин, а когда он поместился на нем, то по ее знаку слуги устали стол блюдами с холодным мясом, фруктами, хлебом и хрустальными флягами с вином. Хозяйка поместилась возле на стуле и стала гостеприимно угощать его.

Все придворные с любопытством смотрели на них обоих, недоумевая, сделал ли император предложение и приняла ли его княжна. План возведения на престол княжны Ирины впервые был предложен великим адмиралом, самым могущественным из греческих сановников, с целью подкопаться под влияние на Константина Франзы, который до сих пор играл огромную роль. Так как Франзе было поручено найти невесту для Константина, то великий адмирал и его сторонники задумали воспользоваться его отсутствием, чтобы женить императора на той, кого выберут они, чтобы упрочить свое положение при дворе. Напротив, друзья Франзы опасались подобного брака.

Но ничто ни в словах, ни в выражении лица того и другого не обнаруживало, чем кончилась их беседа. Константин решил пока ничего не говорить о своих намерениях и как можно позже объявить, что он отложил сватовство с княжной Ириной до приезда Франзы. Он очень мало разговаривал с Ириной, а под предлогом большого аппетита, возбужденного прогулкой по воде, молча принялся за еду. Что касается Ирины, то она начала рассказывать своему родственнику о ее приключении в Белом замке.

— Погоди, дочь моя,— перебил ее император,— это событие может иметь важность, а потому,— прибавил он, возвышая голос,— прошу прислушаться к

рассказу. Мой брат и великий адмирал, подойдите к нам ближе.

Указанные лица исполнили приказание государя и встали по его правую руку.

— Продолжай, дочь моя,— сказал Константин.

«Дочь!» — заметил великий адмирал с горькой улыбкой и понял, что задуманное им дело было проиграно.

Все придворные сгруппировались вокруг рассказчицы и со вниманием выслушали ее.

Когда она закончила, старый слуга Лизандр подошел к ней и с низким поклоном сказал:

— У ворот чужестранец, называющий себя арабом.

— Арабом? — воскликнула княжна.

— Он похож на араба,— кивнул Лизандр.— Но держится так достойно, что его можно принять за царя всех погонщиков верблюдов на свете.

— Государь,— обернулась Ирина к императору,— я назначила сегодняшней день для приема одного арабского сказочника по прозвищу Поющий Шейх, который направляется в Адрианополь для развлечения своими сказками самого султана. Конечно, если бы я знала, что ты посетишь меня сегодня, то я назначила бы ему другое время. Но, во всяком случае, он здесь, и тебе, государь, решить приму ли я его или нет. Но, быть может, тебе и твоей свите скучно у меня, и я буду очень благодарна Поющему Шейху, если он поможет мне развеселить вас.

Через минуту в портике показался Магомет. Он не подозревал, что во дворце император, но, узнав на берегу о его присутствии, из чувства отваги не захотел отступить перед царственным врагом. Сразу его глаза встретились со взглядом Константина. Конечно, император не подозревал, что перед ним стоит сын султана, и он взглянул на него спокойно, задумчиво; напротив, глаза шейха засверкали, он гордо поднял голову, и, хотя из-под его покрывала виднелись только загорелые щеки, маленькая бородка и блестящие

глаза, все придворные подумали: «Действительно, перед ними царь всех погонщиков верблюдов на свете».

— Пусть шейх приблизится,— сказала княжна, обращаясь к Лизандру.

Магомет подошел к ней и упал ниц, хотя знал, что по придворному этикету он должен приветствовать императора.

— Когда я приглашала тебя сегодня в свой дворец,— сказала княжна,— то я не знала еще, что великий государь удостоит меня своим посещением. Впрочем, он очень любит сказки и оценит твое искусство лучше меня. Государь, представляю тебе Поющего Шейха!

Магомет и Константин встретились лицом к лицу. Шейх, к удивлению всех присутствующих и даже к смущению Ирины, не упал ниц перед императором, но произнес просто и с большим достоинством, хотя не вызывающим тоном:

— Правитель Константинополя, если бы я был грек, римлянин или турок, то я почел бы за честь облобызать землю у твоих ног: так распространена по всему свету слава о тебе. Через несколько дней, если будет угодно Аллаху, я предстану перед султаном Мурадом и тоже не паду ниц перед ним. На моей родине преклоняются только перед одним Богом. Я араб. По нашему обычаю, если какой-нибудь шейх преклонится перед другим человеком, то этим он признает господство того человека не только над собою, но и над своим племенем. А если бы я сделал это относительно тебя, государь, то заслужил бы название изменника своего племени, и Аллах сказал бы обо мне: «Земля, проглоти его! Нет преступления хуже измены свободным независимым сынам пустыни!» Пусть теперь кто-нибудь дерзнет сказать, что я хотел оскорбить тебя, государь!

Все присутствующие переглянулись с удивлением: так поразило их красноречие простого араба.

— Дочь моя,— произнес Константин, обращаясь к Ирине,— я не знаю законов племени, к которому при-

надлежит твой гость, но я удовлетворен его объяснением. Попроси гостя ознакомиться нас с его талантом рассказчика.

Взгляд Магомета просветлел, и он поспешно ответил:

— В нашем Священном Писании сказано: «Если тебя приветствуют хорошо, то ты приветствуй еще лучше. Но ты, государь, осыпаешь меня такою милостью, что я не знаю, как ответить на нее, а когда мои братья в пустыне узнают, что я удостоился чести услаждать слух и султана, и императора своими рассказами, то они скажут, что я пользовался светом двух лучезарных солнц. Но, к моему несчастью, я не знаю твоих вкусов, государь; у меня есть рассказы и веселые и серьезные, и легенды, и сказки, и предания о героических подвигах, и поэмы о любви,— что же ты, повелитель Константинополя, желаешь слышать со своей родственницей, жизнь которой да продлится, пока будут ворковать горлицы на ее родине.

— Что вы скажете, друзья? — спросил Константин, обращаясь к присутствующим.

— Пусть он расскажет какую-нибудь историю о любви,— слышалось со всех сторон.

— Нет,— отвечал император,— мы уже не юноши, и нам приличнее слушать предания соседних стран. Не знаешь ли ты, шейх, какой-нибудь легенды о наших соседях, турках?

Шейх снял с головы покрывало и повесил его на руку. Бросив взгляд на его лицо, княжна Ирина невольно смутилась.

— Я расскажу вам о том, как турки сделались нацией,— начал он на греческом, но несколько ломаном языке.— Однажды в полдень лежал в своем шатре могучий шейх Эртогруль. Вдруг слышит он с востока барабанный бой, и словно эхо повторяет этот бой на западе. Выступают на равнину две бесчисленные военные рати. Слышен звон оружия, и вступают они в смертельный кровавый бой. Долго длилось сражение, и наконец более сильный враг стал одолевать

слабейшего. Тогда поднялся шейх Эртогруль и сказал своим воинам: «Хотя слабый не всегда прав, но всегда прав тот, кто слабому протянет руку помощи. На коней!» И во главе четырехсот воинов своего племени Эртогруль ринулся на помощь побежденному войску. Оно сомкнуло свои ряды и мужественно продолжало бой, который кончился победою. В минуту торжества позвал неведомый вождь победителей своего неожиданного союзника и спросил: «Кто ты?» Шейх ответил: «Я — Эртогруль». — «А чья равнина вокруг нас?» — «Того, кто странствует по ней». — «А чьи горы, смотрящие на равнину?» — «Мои стада пасутся на их зеленых скатах, и, значит, Аллах дал их мне». — «Нет, — отвечал неведомый вождь, — Аллах дал все мне: и эти горы, и эту равнину, и эти стада, но я отдаю их тебе, а вместе с ними в знак твоей власти надо всем возьми этот меч». И, сняв с себя дорогой, изукрашенный изумрудами меч, он подал его шейху. «Кто же ты?» — спросил изумленный Эртогруль. «Я Аладдин, и зовут меня Аладдином Великим». — «Пусть другие зовут тебя Аладдином Великим, а для меня и моих людей ты Аладдин Добрый».

Все молча слушали рассказ шейха, а когда он кончил, император, обращаясь к великому адмиралу, спросил:

— Ну, что ты скажешь?

— О самой сказке ничего не скажу, — отвечал тот, насупив брови, — а рассказчика считаю наглецом, и если бы это зависело от меня, то с удовольствием бросил бы его в Босфор.

— Я с тобой не согласен, — отвечал задумчиво Константин, — наши предки, как с римской, так и с греческой стороны, походили на Эртогруля и думали только о завоеваниях, а нам теперь тяжело отстаивать то, что они завоевали. А что, шейх, — прибавил он, обращаясь к рассказчику, — не знаешь ли ты еще чего-нибудь о твоём Эртогруле?

— Знаю, — отвечал шейх, — и расскажу тебе о его чудесном видении. Однажды пошел Эртогруль на охо-

ту и убил секирой лютого волка. Но вдруг исчез убитый волк, и на секире не оказалось даже его крови, а на месте волка оказался какой-то неведомый человек. Замахнулся Эртогруль мечом Аладдина и рассек его пополам. Но чрез мгновение неведомый человек стоял снова перед ним и улыбался, а на мече не видно было крови. «Я был волком, которого ты убил секирой, и человеком, которого ты разрубил мечом,— прибавил он,— но в сущности я не волк и не человек, а мысль Аллаха. А мысли не убить никому, а исчезнуть она может только перед другой, величайшей, мыслью. Помни это. А чтобы память обо мне сохранилась на веки в твоей голове, смотри,— и бросил семя на землю и сказал: — Расти, такова воля Аллаха». Из земли в то же мгновение показался зеленый росток, и потянулся он все выше, выше, пока не стал могучим деревом, и дерево это все росло, росло и наконец простерло свои громадные ветви надо всем светом, и все народы собрались под его ветвями и стали жить с тех пор как братья, в мире и согласии. «Смотри»,— повторил неведомый человек, и Эртогруль проснулся.

Второй рассказ произвел еще большее впечатление на слушателей. Но все смотрели на рассказчика недружелюбно.

— Однако нам пора,— сказал император, вставая,— прощай, дочь моя,— прибавил он, обращаясь к Ирине,— благодарю тебя за любезный прием. Мы провели здесь время очень приятно. Двери нашего Влахерского дворца всегда открыты для тебя.

Все придворные обратили внимание на слова Константина, и для них стало ясно, что он говорил с княжной как милостивый государь, но не как влюбленный жених.

Ирина взяла протянутую ей руку Константина и проводила его до ступеней портика. Проходя мимо шейха, император остановился и сказал со своим обычным добродушием:

— Дерево, которое видел шайх Эртогруль во сне, все еще растет, и ветви его простираются все далее и

далее, но оно не собрало еще под своей тенью всех народов земли, и, пока я жив, этого не будет. Если бы я сам не вызвал тебя на твой последний рассказ, то мог бы признать его оскорбительным. Теперь же возьми это кольцо и ступай с миром.

Шейх почтительно принял протянутое ему кольцо, но во взгляде, которым он проводил императора, виднелись надменность и угроза.

XVIII

МЕЧТЫ МАГОМЕТА

Когда император удалился со своей свитой и толпа, привлеченная на берег парадной триремой, разошлась, княжна Ирина снова позвала шейха. Он сильно интересовал княжну не только своими рассказами, но и своей личностью, казавшейся ей таинственной и загадочной.

— Твой родственник император,— сказал шейх, когда княжна начала разговор,— добрый и милосердный человек. Мои истории не должны были понравиться греку, и я скорее заслужил смерти, как говорил великий адмирал, чем подарок.

— Твои рассказы могли бы показаться хвастливыми в устах турка,— отвечала Ирина,— но ведь ты не турок.

— Это все равно, княжна, ведь император меня простил и даже подарил мне кольцо. Надевая это кольцо, я подумал, простил бы за такие рассказы меня Магомет.

— Магомет? — спросила княжна.

— Не пророк, а сын султана Мурата.

— А разве ты его знаешь?

— Я часто видал его, княжна, во время пиров и сопровождал его на охоту. Я не раз рассказывал ему историю и беседовал с ним о священных предметах.

Я бывал с ним не раз и в бою, так что я знаю его, быть может, лучше самой матери.

— Расскажи мне о нем.

— Я друг Магомета и скажу тебе все, что знаю, а когда увижу его в Адрианополе, то передам, что княжна Ирина расспрашивала о нем и не питает к нему никаких враждебных чувств.

— Я не враг никому. Бог приказывает нам любить всех ближних, как самого себя. Ты можешь, шейх, передать мои слова своему другу.

— Я передам ему все, и он будет очень благодарен тебе за твое сочувствие, относительно же него я могу тебе сказать, что о Магомете надо судить по его делам, как о цветке — по его благоуханию и о плоде — по его вкусу. Ты знаешь, княжна, что власть заманчива, и потому нельзя не отнестись с уважением к юноше, который, дважды возведенный на престол своим отцом, снова уступил его отцу по его желанию.

— Разве Магомет это сделал?

— Да. Но слушай меня далее, княжна. Магомет предан всей душой знанию. Ночью, после битвы, он окружает себя в своем шатре учеными, поэтами, законоведцами, философами, проповедниками. Его дворец походит на школу, и в ней можно услышать постоянные лекции и поучительные разговоры. Он говорит по-арабски, по-еврейски, по-гречески и по-латыни, поэзия — его любимое занятие, и он сам пишет стихи.

— А кто были его наставники?

— Сначала арабские профессора из Кордовы, приглашенные Муратом, а потом книги. Если бы я имел достаточно времени, то мог бы многое рассказать о тех книгах, которые видел в его руках. Он никогда не расстаётся с Кораном и с Библией.

— Во что же верит твой друг?

— Жаль, что он сам не может ответить на твой вопрос, но все-таки я могу сказать за него, что сын султана Мурата верит в Бога и в Священное Писание. Он верит, что было три пророка: Моисей, Иисус и Магомет, а считает последнего величайшим только по-

тому, что он был последний, а главное, он верит в Бога и молится Богу, как единому Богу, а Магомета считает его пророком, которого не следует смешивать с Богом.

— А какие еще ты видел, шейх, книги на столе Магомета?

— Много разных: и словари еврейские, греческие, латинские, и энциклопедию грандскаго мавританина Ибн-Абдаллаха, и астрономию Ибн-Юниса, и философию араба Азазали, и Гомера по-арабски. Но,— продолжал шейх, видя, что княжна слушает его все с большим и большим вниманием,— Магомет не только много читает, но и много мечтает. А из всех его мечтаний у него любимых три. Во-первых, он мечтает быть героем, хотя считает войну слугою мира. Во-вторых, он мечтает сделать свой народ соперником гениальной расы мавритан, а в-третьих, он мечтает после великой одержанной им победы основать великую столицу на Босфоре.

— Отчего не в Бруссе на Мраморном море?

— Нет божественнее местности на свете, как Босфор. Тут сходятся Запад и Восток, и Магомет мечтает соединить братскими узами тот и другой. Этот город он сделает центром всей земли, в нем он устроит прекрасную гавань для всевозможных судов, мраморный базар, крытый стеклом, для торговцев всего мира и караван-сарай для приема всех путешественников. Он выстроит университет, где будут одинаково учить и философы, и ученые, и поэты, и художники, и музыканты. Для всех будет радушный прием, и только у каждого спросится одно: верит ли он в Бога, и если верит, то милости просим.

— Это благородная мечта,— промолвила Ирина.

— А если среди таких мечтаний о всеобщем благе,— прибавил шейх, понижая голос,— Магомет позволяет себе мечтать и о своем личном счастье, то упрекнешь ли ты его за это, княжна?

— Что же он хочет еще?

— Слушай, княжна. Свет — источник жизни для мира, а любовь — источник света для жизни. Магомет мечтает, что он когда-нибудь встретит женщину, у которой сердце будет возвышеннее всех сердец и красота выше всех красот. Он узнает ее с первого взгляда, так как все его существо вдруг посветлеет при виде ее. Он так уверен в ее появлении, что уже мечтает о том храме любви, который воздвигнет для нее, для своей царицы, своей жемчужины, своей светлой лилии. Вот о чем мечтает Магомет. Считаешь ли ты это, княжна, нечестивым, надменным бредом?

— Нет,— отвечала тихо Ирина и закрыла свое лицо покрывалом, так нестерпимо жег ее пламенный взгляд шейха.

Он бросился на колени и поцеловал мраморный пол у ее ног.

— Я посол Магомета,— произнес он,— прости меня, что я не сказал тебе об этом раньше. Ты, княжна, была недавно гостьей Магомета.

— Я! — воскликнула Ирина, вскакивая с места.

— Он принимал тебя в Белом замке. Ты приняла его за коменданта крепости.

Ирина не могла произнести ни слова от изумления, а шейх продолжал:

— Он поручил мне, княжна Ирина, выпросить у тебя позволения явиться к тебе и у твоих ног высказать свою любовь, какую еще никто никогда не любил ни одну женщину.

Наступило молчание. И через несколько минут Ирина нарушила его, тихо промолвив:

— Разве он сомневается, что я христианка?

— Он сам мне сказал: я знаю, что она христианка, но я за это люблю ее тем более. Ведь моя мать была христианкой.

Вторично в один день Ирине пришлось ответить на царственное предложение. Но она и теперь не колебалась, а спокойно произнесла:

— Скажи Магомету, что его предложение заслу-

живает мягкого ответа, но он ошибается: я не та, о которой он мечтает. Она молода, а я стара, хотя не годами. Она весела, а я серьезна. Она полна жизни и надежд, а я рождена для горя и посвятила себя всецело вере. Она придет в восторг от того блеска, которым он окружит ее, а я смотрю на все как на суету сует. Она сделает для него мир царством счастья, а для меня это невозможно: я думаю больше о будущей жизни, чем о настоящей. Скажи ему, шейх, что если он мечтает о храме любви, то я мечтаю о храме небесном. Скажи ему, что я не отвергаю возможности моей души преклониться перед ним, как перед всем благородным и великим. Но до сей минуты моя душа не знает другой любви, кроме любви к Богу, Его Превечному Сыну, Деве Марии и небесным ангелам. Скажи ему, что хотя я и не презираю любви, так как и любовь от Бога, но я могла бы сделаться его женой, только если бы от этого зависело спасение моей веры. Только тогда, если бы к моей жертве присоединилась любовь, она потеряла бы свой нечестивый оттенок. Слышишь, шейх, передай в точности мои слова Магомету.

— Увы, княжна,— сказал он, печально поникнув головой,— как могу я передать такие слова моему другу, жаждущему твоей любви?

Когда шейх удалился, она долго смотрела ему вслед и с удивлением заметила, что, достигнув лодки, он взял из нее что-то, вернулся на берег к портику ее дворца и затем снова пошел к лодке. Она дождалась, пока шейх исчез из вида, и потом послала Лизандра посмотреть, не оставил ли он чего на портике.

— Неверный прибил к портику какую-то медную бляху со странным знаком,— сказал, возвратясь, старый слуга,— уж не проклятие ли это?

Княжна сама отправилась к портику. И действительно, ее глазам представилась медная бляха.

Недоумевающая, что бы это могло означать, она послала за дервишем, который долго жил в Константинопо-

ле, и старик, внимательно осмотрев надпись на портике, сказал:

— Только двое людей на свете могут оставить эту надпись.

— Кто именно?

— Султан и его наследник.

Княжна Ирина не произнесла ни слова, а Лизандр предложил снять с портика турецкую надпись. Но дровиш воскликнул:

— Не делай этого, княжна! Кто бы ни оставил этой надписи: сам Мурад, или Магомет, или посланный одного из них — она означает, что твое жилище взято под покровительство повелителя турок. Если бы завтра возникла война с турками, то твой дворец будет находиться в полной безопасности от них.

Итак, княжна Ирина узнала, что Поющий Шейх и комендант Белого замка были одним и тем же лицом: сыном султана Магометом. Три раза он являлся к ней, высказал свою любовь и предложил руку. Надписью же на портике он, очевидно, хотел сказать, что удаляется без отчаяния в сердце. Все это было так ново, неожиданно, что самые противоречивые мысли наполнили голову молодой девушки. Но среди этих чувств не было места для гнева.

Между тем Магомет, возвращаясь в Белый замок, выдержал тяжелую борьбу сам с собою. Все, что случилось с ним в последние дни, было так странно, так знаменательно. Отец вызвал его из Магнезии, где он управлял провинцией, в Адрианополь, так как выбрал ему невесту, дочь могущественного эмира. По правилу, ему следовало переправиться чрез Геллеспонт в Галиполи, но ему вздумалось заехать в Белый замок, а там он увидел княжну Ирину. С первого же взгляда на нее он забыл о своей невесте и влюбился в нее. Теперь же, возвращаясь из Терапии, он дал себе слово овладеть Константинополем не столько для славы и торжества мусульманства, как ради того, чтобы сделаться мужем Ирины.

Часть четвертая

ВЛАХЕРНСКИЙ ДВОРЕЦ

I

У ИМПЕРАТОРА

Князь Индии не ошибся в своих расчетах, что император пригласит его во дворец. На третий день после приключения в Белом замке у дверей дома, где он жил, остановился придворный гонец и, введенный в кабинет, объявил, что его величество назначает аудиенцию в этот день, в три часа, во Влахернском дворце.

В положенный час князь Индии вышел из дома и сел в ожидавший его паланкин

Он тщательно подготовился к визиту. Борода его была беспорочно бела. Тюрбан, белый, шелковый, поражал блестящим пером из бриллиантов. Длинная черная бархатная одежда была опоясана желтым кушаком, украшенным драгоценными камнями. На боку у него висела сабля с богатой рукояткой. Широкие белые атласные шаровары и красные, шитые золотом туфли довершали его наряд.

Шествие князя Индии по улицам Константинополя было самое торжественное. Впереди шел Нило в своем варварски сверкающем костюме, за ним четверо слуг

несли паланкин, рядом с которым шел Сиама в голубой парадной одежде, а позади двигались еще двое слуг в такой же одежде: один из них держал большой бумажный зонтик, а другой — подушку громадных размеров.

Привлеченная этим зрелищем толпа сопровождала паланкин до самого дворца.

Миновав ворота святого Петра в Золотом Роге, процессия остановилась у больших ворот дворца. Князь Индии вышел из паланкина и, заявив о своем имени дежурному офицеру, стал ожидать допуска во дворец.

Он стоял на мраморной площадке, окруженной высокой стеной, в конце которой, между двумя восьмиконечными башнями открывался крытый проход. По обе его стороны возвышались две большие статуи Победы с трубами в руках, а у подножия этих статуй скамьи из порфира для часовых. Несколько часовых теперь сидели, а остальные стояли, вытянувшись во весь рост, все были в одинаковых медных шлемах и кирасах, украшенных серебром. Они отличались русыми бородами, высоким ростом и громадными секирами. Князь Индии тотчас узнал в них императорских телохранителей, известных под названием варангиев и состоявших из римлян, саксов и германцев. Но его взгляд скользнул по их лицам и остановился на возвышавшейся перед ним горе.

В его памяти воскресло зрелище, которому он был очевидцем на этом месте в 449 году. Тогда сильное землетрясение уничтожило городские стены, и Феодосий, восстановив их, оставил за ними весь северо-восточный горный скат, заросший лесом, и только в одном месте сохранил по эту сторону ограды древнюю Влахернскую церковь, посвященную Богородице.

Близ этой церкви императоры устроили резиденцию. На берегу Золотого Рога развели зоологический сад, называвшийся кинигионом. Впоследствии к этому саду прибавлен был амфитеатр, в котором уст-

раивались бои львов и слонов, а по временам отдавали на съедение диким зверям преступников и еретиков.

Он также вспомнил, что прежние императоры предпочитали жить в Буколеонском дворце, на Мраморном море, где он близко знал Юстиниана, Гераклия, Ирину и Порфирородных. В особенности сохранились хорошо в его памяти отношения к императору Гераклию, в царствование которого овары и персы опустошили Скутари на западном берегу Босфора и осадили Константинополь. Такая паника овладела византийцами, что они едва не подчинились врагам, но патриарх Сергей спас Царьград. Он вынес на городские стены святую панагию и прошел с нею вокруг всего города. Враги вскоре бежали со страхом, уверяя, что на них посыпались стрелы от невидимых воинов и они видели на городских стенах женщину в белом. Спасенные византийцы признали, что эта женщина была Богородица и с тех пор посвятили свой город ее святому имени, а император выстроил на месте старой церкви новую, более великолепную, для защиты которой он всю гору окружил крепкой стеной и внес Влахерн в пределы города. Мало-помалу эта церковь все увеличивалась пристройками и отдельными часовнями. В последней из них по постройке хранилась святая панагия, и в нее не имел доступа никто, кроме императора, а если князь Индии однажды и проник туда, то лишь по особому императорскому разрешению, и он сохранил память о священной хоругви, окруженной бесчисленными драгоценностями. Не раз эта церковь горела, но часовня с панагией сохранялась от огня, так же как и от землетрясений и морских валов.

Пока князь Индии стоял у ворот, телохранители с любопытством рассматривали его, и один из них уронил даже свою секиру, не обратив этим на себя внимания старика.

Он вспомнил 865 год, когда Константинополь был снова осажден, на этот раз русскими, под начальством Аскольда и Дира. Они явились на многочисленных судах, высадились на европейском берегу и,

опустошив все на своем пути, подступили к городу. Патриарх Фотий убедил императора вынести святую панагию на берег и погрузить ее в воду Босфора. В то же мгновение вода в проливе забурлила, как в кипящем котле, русские суда погибли все без исключения, а люди, спасшиеся от смерти, поспешили во Влахернскую церковь и потребовали, чтобы их крестили в христианскую веру.

Потом перед его глазами восстал образ Петра Пустынника, которого торжественно принимали в этом дворце в 1096 году. Также ясно вспомнил он и об аудиенции, данной Алексом Комненом Годфриду Бульонскому и его рыцарям. Еще живее представилась ему картина осады Константинополя в 1093 году варангиями, которые разбили наголову хвастливого графа Монферата и толстого графа Фландрского, несмотря на помощь, оказанную им галерами старого Дондолы. Храбрые молодцы были эти варангии! Равнялся ли по мужеству и храбрости теперешний их отряд своим предшественникам? Он вопросительно взглянул на воинов, сидевших на каменных скамьях, и подумал, что, быть может, на его вопрос скоро будет дан ответ.

Пока он размышлял таким образом, к нему подошел придворный в мундире и пригласил его следовать за ним к его величеству. При этом он извинился, что князя Индии так долго задержали, но нельзя было сразу доложить о его посещении императору, так как последний был занят устройством церемонии, которая должна была произойти сегодня вечером.

Они двинулись в путь и, миновав две террасы, остановились перед третьей, где рабочие возводили балдахин из красного сукна.

— Здесь, князь, — сказал придворный, — если я не ошибаюсь, ты будешь присутствовать на вечерней церемонии.

В эту минуту перед глазами старика показался Влахернский дворец, чудо византийского искусства и царственной роскоши.

РАЗГОВОР С КОНСТАНТИНОМ

На третьей террасе перед мраморными воротами князь Индии вышел из паланкина возле флигеля, который значительно выдавался из общего фасада дворца. Само здание, стена и ворота были из белого мрамора.

Сказав несколько слов Сиаме, князь Индии оставил слуг, а сам последовал за своим проводником в ворота, за которыми поднималась лестница. Взойдя по ней, они прошли несколько шагов, пока не остановились перед дверью.

— Это приемная, — сказал придворный, — войди.

Четыре окна, завешенные тяжелыми занавесями, освещали эту комнату. Посредине стоял массивный стол, а возле него полированная медная жаровня. Пестрые коврики были разбросаны по полу, а вдоль крашенных стен стояли точеные стулья. Пригласив гостя сесть, придворный поклонился и исчез.

Спустя несколько минут в комнату вошло двое красиво одетых слуг с подносами, на которых находились фрукты — свежие и засахаренные, пряники, щербет, вино и вода. Гостя снова оставили одного, и хотя он стал есть и пить, но его очень удивляла странная тишина, царившая во всем здании.

Вскоре вошел придворный и, учтиво извинившись за беспокойство, сказал:

— Я придворный декан и в отсутствие Франзы исполняю его обязанности.

Видя, что декан пристально осматривает его с головы до ног, князь Индии заявил, что очень рад с ним познакомиться, так как он пользуется известностью во всем городе как умный, любезный и преданный царедворец.

— Я пришел, князь, — сказал он, — посмотреть, готов ли ты для аудиенции.

И, откинув портьеру, придворный пропустил вперед гостя.

Они вошли в обширный внутренний двор, окруженный со всех сторон галереей на колоннах. На четвертой стороне возвышалась великолепная лестница, которая сначала занимала всю ширину стены, а потом, с широкой площадки, раздавалась и вела двумя входами на галерею. Пол, ступени, балюстрада и колонны были из красного мрамора, лестница освещалась сверху из отверстия в потолке.

На ступенях стояли вооруженные офицеры, и так неподвижно, что казались статуями. На галереях находились еще другие вооруженные люди. Всюду царила полная тишина. Подойдя к полукруглой двери, князь Индии заглянул в нее и увидал в конце глубокой комнаты под пурпурным балдахином трон, на котором сидел император.

— Мы сейчас войдем к его величеству,— сказал вполголоса придворный,— следуй во всем моему примеру.

Они вошли в зал торжественных аудиенций. Придворный остановился на пороге, сложил руки на груди и упал на колени, опустив глаза вниз, потом он встал, сделал несколько шагов и опять встал на колени, затем продолжал подвигаться и наконец совершенно распростерся на земле. Князь Индии повторял эти движения, с тем только различием, что перед последним поклонением он поднял обе руки кверху, по обычаю восточных народов. Бархатный ковер лежал на полу от двери до трона, и потому это приветствие было совершать очень удобно.

У балдахина с левой стороны стоял громадного роста солдат с копьем и щитом для охраны императора, с другой стороны, у самого трона, помещался воин в желтой тунике, туфлях, вышитых золотом, и с большим мечом в руках. Вдоль стен тянулся длинный ряд военных, гражданских и духовных сановников в установленной парадной одежде. Здесь, так же как и в приемной, царила невозмутимая тишина.

— Встань,— сказал император, не двигаясь с места. Гость повиновался.

Последний из Палеологов был в торжественной одежде. На голове его была пурпурная бархатная шапка с золотым венчиком вокруг, украшенная бриллиантами. Нижняя одежда состояла из темно-пурпурного бархата, а сверху была накинута такая же мантия, обшитая жемчугом. Трон был четырехугольный без ручек и спинки, с инкрустацией из серебра и слоновой кости, а для рук на передних оконечностях были приделаны золотые шары. Правой рукой император опирался на один из этих шаров, а другая у него оставалась свободна. На шее виднелись четыре нитки жемчугов, которые соединялись с венцом на голове такими же нитями, ниспадавшими с обеих сторон головы, за ушами. Поза императора была спокойная и полная достоинства. Лицо его дышало благородством, и вообще князь Индии не мог не признать, что он редко видывал такого величественного государя.

— Путь к нам довольно трудный, но я надеюсь, что ты не устал,— сказал Константин, желая ободрить своего гостя.

— Государь, если бы этот путь был во много раз труднее, то я охотно поборою все трудности, чтобы удостоиться чести быть принятым императором, который славится во всех странах, в том числе и на моей родине.

Почтительный тон этого ответа понравился императору.

Прежде чем пригласить к себе этого странного человека, он приказал узнать о нем все, что возможно, но если бы оставалась хоть тень сомнения, то ее стусевало бы учтивое обращение князя Индии.

— Принеси вина,— сказал Константин, обращаясь к одному из придворных слуг, а потом, взглянув на гостя, продолжал: — Кем бы ты ни был, брамином или мусульманином, но я уверен, что ты не откажешься от глотка хиосского вина.

— Я не магометанин и не брамин. Моя вера учит меня быть благодарным Богу за все милости, расто-

чаемые Им всем, кого Он создал. Я с благодарностью выпью кубок, который ты, государь, предлагаешь мне.

Эти слова были произнесены почти с детской простотой, хотя они имели ясную цель возбудить любопытство императора. Последний уже хотел спросить своего странного гостя, к какой же религии он принадлежал, когда вошел в комнату виночерпий, юноша с длинными русыми кудрями, и, преклонив колени, подал серебряный поднос с двумя золотыми чашами и хрустальным кувшином. По знаку императора декан взял кувшин, наполнил обе чаши вином и подал одну императору, а другую гостю.

— Князь,— сказал Константин,— я пригласил тебя, чтобы выразить мою благодарность за услугу, оказанную моей родственнице, княжне Ирине, во время пребывания в Белом замке. Княжна говорит, что она провела время с большим удовольствием. Я отправил в замок посланца с выражением признательности коменданту. Но, по свидетельству княжны, я не менее обязан тебе.

— Государь,— отвечал князь Индии, качая головой,— буря угрожала мне так же, как и княжне, а потому я не понимаю, как я мог услужить твоей родственнице. Все, что я делал, имело целью оградить и меня самого. Напротив, я должен признаться, государь, что я гораздо более обязан княжне, чем она мне. Если бы она с удивительным мужеством и ловкостью не сослалась на свое высокое происхождение, то я, моя дочь и слуги были бы брошены в реку близ замка.

— Но, полагаясь на слова тобой же прославленной княжны, я должен повторить, что глубоко обязан тебе за оказанные ей услуги. Желаю тебе долго здравствовать, князь Индии, и всегда находиться, как теперь, среди друзей, которые готовы оказать тебе всевозможные дружеские одолжения.

И он поднял чашу с вином.

— Благодарю за твое милостивое внимание, государь,— отвечал гость.

И они оба выпили залпом вино.

— Сиденье для князя Индии,— произнес император.

Но когда принесли стул, то князь отказался сесть, говоря:

— В моем дворце, так как дома я исполняю обязанности государя, мне часто приходится давать аудиенции, которые мы называем дурбарами, и тогда ни один человек не может сидеть в моем присутствии. Я вижу, что ты, государь, хочешь совершенно пристыдить меня почестями, и если я отказываюсь, то не потому, что хотел бы тебя учить, а потому, что не желаю нарушать сам установленных мною для других правил.

Одобрительный ропот пробежал среди придворных.

— Да будет по-твоему, князь,— согласился император и продолжил: — Сегодня вечером крестный ход из святых обителей нашего города и окрестных островов выйдет из города при закате солнца, и я его встречу здесь, у двери храма Влахернской Божией Матери. Они проведут ночь в молитве. Хотя я не знаю, какую веру ты исповедуешь, князь, но полагаю, что тебе будет интересно присутствовать при этой службе, а потому я приказал приготовить тебе место, с которого ты мог бы видеть процессию, когда она поднимется по террасам, окружающим дворец. Всякий, кто видал это поразительное зрелище, уносил с собою убеждение, как тверда власть Христа над человеческими душами.

— Государь, ты слишком любезен. Меня очень интересует эта процессия. Если мы никогда не можем надеяться увидеть Бога нашими земными глазами, то наиболее подходящей заменой этому невозможному лицезрению будет зрелище толпы, ясно выражающей свою любовь к Богу.

Константин пристально взглянул на князя, который все более и более возбуждал интерес.

— Князь,— сказал он,— ты останешься здесь, пока ход дойдет до больших ворот, и тогда я отправлю тебя на отведенное тебе место, с проводником и телохранителем. Нам остается еще около часа, а потому

скажи мне, к какой вере ты принадлежишь? Если ты не брамин, не мусульманин, то ты, значит, или еврей или христианин?

III

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НОВОЙ ВЕРЫ

Хотя князь Индии знал, что рано или поздно император задаст этот вопрос, он не ожидал его так скоро. Он слегка побледнел и стал нерешительно озираться вокруг себя:

— Ты, государь, задаешь вопрос, будто бы я представляю какую-нибудь особую церковь или признанную религию, но моя вера — моя собственная.

— Говори и не бойся ничего, — отвечал Константин.

Старик бросил на императора взгляд, полный благодарности, и продолжал:

— Да, государь, я должен говорить без боязни, хотя вопрос, заданный тобою, уложил в кровавой могиле большее число людей, чем погибло их от войны, огня или наводнения. Конечно, подробно излагать мою веру я теперь не могу, на это не хватит времени, а потому я только определяю в нескольких словах, в чем заключается моя вера.

— Я не буддист, — продолжал князь Индии, — потому что я не верю, что душа после смерти обращается в ничто. Я не последователь Конфуция, потому что не могу низвести религию до философии или возвысить философию до религии. Я не еврей, потому что верую в Бога, который любит все народы одинаково. Я не мусульманин, потому что, поднимая глаза к нему, я не могу допустить, чтобы между мною и Богом находился человек, хотя бы пророк.

Император молчал, предчувствуя, к чему логически должен был прийти князь Индии.

— Я не христианин,— произнес старик среди мертвого молчания,— потому что я верую в одного Бога.

Все в зале как бы замерли и тревожно смотрели на императора, но тот спокойно произнес:

— Значит, твоя вера очень проста, но вместе с тем она возбуждает множество вопросов. Не правда ли, отец? — повернул император голову к своему духовнику, сидевшему у трона.

— Мы веруем во многое другое,— сказал духовник,— но было бы любопытно выслушать дальнейшие объяснения твоего гостя.

— В таком случае, посмотри, любезный логофет, когда у нас будет свободный день.

— Ровно через две недели, государь,— отвечал человек среднего роста и красивой наружности, подходя к трону и переворачивая несколько страниц толстой книги, которую он держал в руках.

— Так запиши этот день для выслушивания дальнейших объяснений князя Индии. Ты согласен, князь?

— Для меня все дни равны,— отвечал старик, опуская голову, чтобы скрыть улыбку удовольствия, показавшуюся на его лице.

— Значит, через две недели мы продолжим эту беседу. А теперь, князь, позволь мне задать несколько вопросов. Ты сказал, что ты государь. Где же твоя столица, как тебя величают, зачем ты пожаловал в наш город и почему ты, оставив государство, странствуешь по миру?

Эти вопросы быстро следовали один за другим, но так как князь Индии заранее подготовил на них ответы, то он быстро отвечал:

— Я убежден, что не одно любопытство побуждает тебя, государь, задавать мне вопросы, а потому спешу ответить: самый древнейший из индейских титулов — раджа, и я по рождению имею право на этот титул. Ты, вероятно, слышал, что существует в Радж-Путане город Удейпур у подножия Аравальских гор. Вот в этой-то жемчужине всей Индии я родился первым сыном раджи Мейварского, столица которого

Удейпур. Таким образом, я ответил на два твоих вопроса, а что касается до остальных, то позволь мне, государь, отложить ответ до следующей аудиенции: теперь на это не хватит времени.

— Хорошо,— отвечал Константин,— но я желал бы, чтобы ты хоть намекнул, зачем ты приехал сюда.

— Государь,— произнес князь Индии после минутного молчания,— самые несчастные те люди, которые пропадают под гнетом великих неосуществимых для них идей. Я один из таких несчастных. Удейпур не только красивейший из городов, но он славится веротерпимостью. Там одинаково свободно исповедуют свою веру брамины, индусы, таинги, магометане и буддисты. По смерти моего отца я сделался раджой, вступил на серебряный трон и в продолжение десяти лет чинил правосудие в зале дурбаров. Но мало-помалу я пришел к мысли проповедовать во всем мире веру в единого Бога.

Все слушатели притихли, как бы ожидая чего-то необыкновенного.

— Я странствую по всему свету, отыскивая сильных мира сего, которые были бы готовы исповедовать веру в единого Бога. Вот зачем я приехал в Константинополь.

— А где ты был, прежде чем приехал сюда? — спросил Константин.

— Легче было бы тебе, государь, спросить, где я не был. Я был везде, кроме Рима.

В это время к декану подошел один из придворных и что-то сказал ему на ухо, а тот произнес, обращаясь к императору:

— Прости, государь, но ты приказал напомнить тебе, когда настанет время отправляться навстречу крестного хода. Уже пора.

Сойдя с трона, император протянул руку князю Индии. Но когда князь, преклонив колени, поцеловал его руку, то Константин как бы неожиданно вспомнил:

— Твоя дочь тоже была в Белом замке?

— Да, государь, княжна удостоила мою дочь чести быть принятой в свою свиту.

— Если бы она осталась в ее свите, то мы могли бы надеяться увидеть ее когда-нибудь при нашем дворе.

— Униженно благодарю тебя, государь, за твое милостивое внимание к моей дочери.

Константин удалился, а князя Индии проводили снова в приемную комнату, где стали по-прежнему угощать лакомствами и напитками.

Он принялся за то и другое с удовольствием, так как находился в прекрасном настроении духа.

IV

ВЕЧЕРНЕЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Князь Индии и сам хотел побывать на церковной службе. Он не раз слышал, что эта служба производила сильное впечатление.

Место, отведенное для князя, находилось на дороге от третьей террасы к часовне, и его туда отнесли в паланкине, а там он увидел особо устроенную платформу, на которой под высоким балдахином стоял мягкий стул, а подле него жаровня с горевшими углями, чтобы защитить его от холода и сырости ночной поры. Перед платформой был установлен высокий шест с прикрепленной к нему корзинкой, которая была наполнена горючими веществами для освещения местности. Наконец, заботы о князе Индии шли так далеко, что на маленьком треножнике рядом со стулом были приготовлены вино и вода.

Прежде чем занять свое место, старик подошел к краю террасы и бросил взгляд на видневшуюся у его ног часовню. Но среди наступившей темноты он не мог ничего разобрать. В эту минуту со стороны города слышался глухой шум вроде рокота морских волн.

— Идут,— произнес рядом с ним какой-то суровый голос.

Князь обернулся и произнес:

— Это ты, отец Феофил?

— Да. Крестный ход идет.

Князь Индии вздрогнул и стал прислушиваться к отдаленному шуму, который все усиливался.

— Кажется, людей очень много? — заметил он, обращаясь к своему собеседнику.

— Больше, чем когда-либо.

— Отчего?

— По причине наших духовных распрей. Да, эти распри все умножаются. Сначала был разлад между церковью и тронем, а теперь церковь вооружилась сама на себя, и у нас две партии: римская и греческая. Один человек у нас сосредоточивает в себе всю набожность и все знание христианского Востока. Ты его сейчас увидишь: это Георгий Схоларий. Ему было свыше наитие восстановить эти торжественные всеобщие бдения, и он разослал гонцов во все обители, приглашая принять участие в сегодняшней службе.

— Он ученый человек, ваш Схоларий,— заметил князь.

— Да, в нем говорит разум пророка.

— Он патриарх?

— Нет. Патриарх принадлежит к римской партии, а Схоларий к греческой.

— А Константин?

— Он добрый государь, но, увы, слишком занят государственными заботами.

— Да, да, государи иногда так заняты, что не могут думать о спасении своей души. Но разве сегодняшняя служба имеет особую цель?

— Сегодняшнее всеобщее бдение имеет целью восстановить единство церкви и возвратить государству его славу.

— Понимаю. Схоларий хочет подчинить императора церкви.

— Император сам присутствует здесь.

Между тем процессия приближалась, и раздались звуки труб. Мало-помалу стала подниматься по террасам толпа в светлых одеждах, наполнявшая воздух протяжным пением.

Когда показался первый зажженный факел в шагах от часовни, то отец Феофил воскликнул:

— Вон! Смотри, Схоларий идет за трубачами.

— У него в руках факел?

— Да. Но если бы даже он бросил факел, то все-таки остался бы светочем церкви. Процессия.— продолжал отец Феофил,— не остановится у часовни, а пройдет ко дворцу, где к ней присоединится император. Если ты, князь, хочешь видеть все яснее, то я зажгу эту корзинку.

И через минуту запыхавший огонь осветил так хорошо всю местность, что можно было видеть как днем все мелкие подробности процессии.

Князь Индии с любопытством смотрел на Схолария. Это был человек высокого роста, худой как скелет, с обнаженной головой, впалыми щеками и тонкими чертами лица, в темной рясе и без сандалий на ногах. В одной руке он держал факел, а в другой крест.

В ту минуту, как он поравнялся с князем Индии, Схоларий взглянул на него, и глаза их встретились. Хотя прошло только мгновение, но тот и другой вздрогнули. Был ли монах недоволен, что иностранец смотрит, как на зрелище, на то, что он считает священным, или во взгляде князя Индии было что-то необыкновенное, но он посмотрел на него с злобным отращением и, высоко подняв крест, громко произнес:

— Заклинаю тебя, враг Иисуса Христа!

С своей стороны князь Индии, увидав перед своими глазами серебряное изображение на кресте из слоновой кости Иисуса Христа в терновом венце, ощутил какое-то странное чувство, и в глазах его помутилось.

— Что с тобой, князь? — спросил отец Феофил.

— Ничего,— отвечал старик, приходя в себя,— твой друг Схоларий великий проповедник.

— Да, его устами говорит сама истина.

— Должно быть, так,— произнес князь Индии, как бы рассуждая сам с собой,— но никогда никто не производил на меня такого впечатления, как этот человек. Или, быть может, на меня так влияют обстановка, пение, ночь?

— Нет, в этом человеке поражает присутствие Духа Божия.

В это время голова процессии приблизилась к часовне, и князь Индии, пораженный, он сам не знал чем, взглядом и фигурой Схолария, хотел было удалиться, но какая-то таинственная сила привлекла его к этой процессии, и он молча уселся на приготовленный ему стул.

Отец Фиофил встал возле него и начал объяснять, какие монахи принимали участие в ходе, по мере появления их у часовни. Все они были разделены на четыре отдела: братья из обители Константинополя, с соседних островов, с берегов Босфора и из различных скитов. Более получаса шли эти монахи в белых, серых, черных и желтых рясах, с обнаженными головами и босыми ногами.

Особое внимание князя Индии было обращено отцом Феофилом на братьев обители святого Иакова, как богатейшей и могущественнейшей в Константинополе.

— Они поставляют в святую Софию самых знаменитых проповедников,— прибавил он,— они отличаются знанием и хвалятся, что в продолжение сотни лет существования своей обители в ней никогда не было еретика.

Старик посмотрел на проходивших монахов в черных рясах и высоких черных клобуках: впереди шел игумен, до того старый и болезненный, что факел держал за него сопровождавший его юноша, в котором князь Индии узнал спутника княжны Ирины, разделявшего его заточение в Белом замке.

— Ты знаешь вон того юношу? — спросил он, указывая рукой на Сергия.

— Это недавно прибывший русский послушник. Два дня тому назад княжна Ирина представила его

императору во дворце, и он произвел большое впечатление на Константина.

Монахи продолжали идти за монахами, и наконец князю Индии наскучило следить за ними.

Прошло уже много времени, а монахи все шли, шли. Наконец показались епископы в сверкающих золотым шитьем одеяниях. Прислужники несли перед ними факелы.

Весь крестный ход выстроился перед дворцом и замер. Казалось, на площади колыхается море огня.

Вдруг на ступеньках дворца появился человек. Он был в простой черной рясе, и, когда он приблизился, князь Индии узнал императора — без короны, скипетра и телохранителей он поражал своей суровой простотой.

— Объясни мне, — спросил князь у отца Феофила, — почему церковь предстала здесь во всем блеске, а мой друг император является в таком виде, словно он лишился престола.

— Ты сейчас увидишь, что его величество один войдет в часовню. Он будет там в присутствии Бога. Поэтому всякое великолепие излишне.

Действительно, сверкавшее золотым одеянием духовенство окружило часовню, но только один Константин вошел в нее. Дверь часовни затворилась за ним, и все преклонили колени в молитве. Красноватый свет факелов освещал эту поразительную сцену. Пение прекратилось, бесчисленная толпа вокруг часовни хранила мертвую тишину.

— Князь, — сказал тихо отец Феофил, — всеобщее бдение началось. Более тебе не на что смотреть. Прощай!

И он также, опустившись на колени, стал молиться, перебирая четки и устремив глаза на часовню.

Князь Индии молча сел в паланкин. Он был так поражен виденным зрелищем, которое произвело на него удручающее впечатление, что, когда носильщики вынесли его из больших ворот, крикнул с нетерпением:

— Скорей! Скорей домой!

ПРЕСТУПНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Жизнь Сергия в Константинополе была очень однообразной. Патриарх, которому его представила княжна Ирина, отнесся к нему сочувственно, и по его совету Сергей поступил в братство святого Иакова.

Но все-таки Сергей не был счастлив. Душа его жаждала проповеднического подвига, а обстоятельства сдерживали его. Вокруг повсюду он видел необходимость в истинной Христовой проповеди. Находясь среди толпы, он сгорал от нетерпения наставлять на путь истинный. Но каждый раз, как он говорил о своих стремлениях княжне Ирине, она отвечала:

— Погоди, я знаю положение дел, а ты нет. Наша цель добрая, и Господь укажет время для ее исполнения, тогда и мученическая смерть будет не страшна. Я скажу тебе, когда надо действовать. Ты будешь тогда говорить не только за себя, но и за меня.

Слыша это, он успокаивался и ждал. Но по временам его душила тоска по родине, и он в блестящем Царьграде вздыхал об отдаленном Белом озере.

Постепенно у него появилась привычка после полудня, когда была хорошая погода, гулять вдоль городской стены, против древнего Халкедонского мыса. Отправляясь туда, он часто заглядывал в ипподром и святую Софию.

В этом месте городской стены находилась старая каменная скамья, с которой открывался прекрасный вид с одной стороны на Принцевы острова и азиатские владения за Бруссой к Олимпийским высотам, а с другой — на Буколеон с его террасами, а вдали на башню Исаака-ангела, возвышавшуюся над Влахерном, как часовой, стоявший на страже противоположных высот Галаты и Перы. От этой скамьи дорожка, гладкая и широкая, извивалась на север до Акрополя, а на юг до Юлианской гавани. На дорожку вело несколько лестниц, но главный путь к ней составляли каменные ступени близ императорской конюшни. В солнеч-

ные дни тут постоянно бывала публика, в особенности больные, гревшиеся на солнце.

В тот день, когда князь Индии находился на аудиенции у императора, Сергей пошел, по обыкновению, на свою любимую прогулку и уселся на скамью, на которой, кроме него, никого не было. Полюбовавшись расстилавшейся перед ним панорамой, он задумался и, перенесшись мыслями на свою родину, совершенно забыл, где находился.

Неожиданно он услышал голоса двух людей, остановившихся у скамейки и с жаром говоривших между собой.

— Она придет, — сказал один из них.

— А ты откуда знаешь? — спросил другой.

— Я ведь тебе уже говорил, что поручил постоянно наблюдать за домом старого князя. Посланный от него уведомил меня, что к дому принесли ее паланкин. А так как она любит всегда гулять здесь, то мы сейчас и увидим ее.

— Обдумал ли ты, чем рискуешь?

— Вот глупость!

— Не забудь, что князь Индии теперь во дворце и что он гость императора.

— Я все это знаю и основательно обдумал план, но если ты боишься, то обойдусь и без тебя. По закону, обольщение девицы наказуется тюремным заключением, которое можно заменить ссылкой, а в моем положении ссылка не будет продолжительна, и друзья помогут вскоре вернуться. Кроме того, подумай, ведь я похищаю только женщину. А разве ты слыхивал, чтобы в наше время наказывали похитителей женщин?

— Правда, женщины теперь самый дешевый товар на рынке.

— Конечно, индийская княжна редко попадается в Константинополе, и тем больше для меня соблазна. К тому же безнаказанность — одна из самых очевидных черт упадка Византийской империи. Вчера вечером мой дядя рассуждал, что только бедные и униженные подвергаются теперь каре. Значит, нам с то-

бой нечего бояться. Когда похищение княжны делается известным, то ее отец бросится во дворец и падет к ногам императора, требуя...

— А если он узнает, что ты похитил его дочь?

— Тем хуже для него. Мой почтенный дядя, в свою очередь, поспешит во дворец. Император не станет пренебрегать просьбой игумена, у него и так забот много, вон какие распри в церкви.

— Я об этом не слыхал.

— Как же, патриарх и Схоларий чуть ли не в открытую враждуют. Его величество сочувствует патриарху, а потому Схоларий выходит из себя и помимо желания патриарха назначил сегодняшнее всеобщее бдение. Патриарх обиделся и уехал на Святую гору, так что не будет участвовать в церемонии. Сегодня утром Схоларий публично назвал патриарха аземитом, что уже дурно, и врагом Бога и церкви, что еще хуже. По его словам, патриарх уговаривает признать главенство римского епископа, который не что иное, как сатана, вырвавшийся из ада. Сегодняшнее всеобщее бдение устроено нарочно Схоларием с целью уничтожить патриарха. Неужели ты думаешь, что его величество отдаст предпочтение князю Индии перед игуменом братства святого Иакова?

— А братство твоего дяди дружит с его величеством?

— В том-то и дело, что они презирают Схолария, и отказ со стороны императора в просьбе дяди мог бы примирить их со Схоларием. Ты понимаешь, что не только один князь Индии, но все князья этой страны не могли бы пересилить влияния моего дяди в настоящую минуту.

— Ну, если тебя не отговоришь, то будь по-твоему. Но хоть не будем говорить об этом в публичном месте.

— Пустяки. Выслушай лучше мой план. Ты знаешь, что у дяди прекрасная библиотека, и я нашел в ней любопытный документ, помеченный тысяча трехсотым годом. Это доклад патриарха собору епископов. Дело было в том, что какой-то сын сатаны с дьявольским ис-

кусством превратил императорский колодезь в вертеп разврата, и патриарх нашел нужным для очистки воды, с целью дальнейшего ее питья, произвести молебен об изгнании злых духов. В сущности же вот что возбудило все это. В Константинополе исчезла женщина, и тщетно ее всюду разыскивали. Об этом поговорили бы три дня и предали бы забвению, но за первым похищением последовало второе, а затем третье. Жертвы были молодые и красивые, а последняя и вовсе принадлежала к знатной семье. Столица взволновалась, а когда возникла еще четвертая жертва, то всюду распространилась паника, и родители всех красивых девушек стали опасаться за их безопасность. Еще пять подобных случаев окончательно свели с ума все константинопольское население, и по общему мнению — турки были виноваты в этих преступлениях. Их прямо обвиняли в похищении христианок с целью пополнения своих гаремов. Так и было порешено. Прошло три года, и уже стали забывать о похищении, как неожиданно одна женщина, опуская ведро в императорскую цистерну, вытащила туфлю с серебряной пряжкой. На подошве было какое-то имя, а когда известие об этом распространилось по всему городу, то оказалось, что это имя одной из похищенных красавиц. Наконец-то найден был ключ к великой тайне. Снова взволновалась столица, и со всех сторон посыпались требования исследовать колодезь. Сначала власти смеялись над предположением, что императорская цистерна могла быть местом для сокрытия преступлений, но потом они уступили, и на мрачные воды колодца была спущена лодка. Вот и она! — неожиданно произнес рассказчик.

— Кто?

— Дочь князя Индии. Вон в паланкине, слева. Посмотри.

Сергий, слушавший этот разговор с закрытыми глазами, чтобы заговорщики приняли его за спящего, взглянул из-под руки, которой он прикрывал свои глаза. Действительно, в нескольких шагах от него пронесли паланкин, в котором сидела та самая молодая де-

вушка, которую он видел в Белом замке. Теперь он испугался за ее безопасность и стал с еще бóльшим интересом прислушиваться к разговору заговорщиков, которые продолжали громко говорить между собой, как только паланкин с красавицей удалился.

— Вот так красавица! — произнес тот из них, который отговаривал товарища от рискованного предприятия.

— Ага! Ты теперь уже не считаешь меня безумцем? — отвечал со смехом другой. — Я решил, что она будет моей во что бы то ни стало, и настою на своем. Пойдем за ней.

— Погоди.

— Зачем?

— Скажи мне прежде, что произошло в императорской цистерне, когда в нее спустили лодку.

— В колодце нашли большой плот, на котором было устроено жилище с несколькими прекрасно меблированными комнатами.

— Удивительно!

— Пойдем, а не то она исчезнет из вида.

— Что же еще открыли в цистерне?

— Из воды вытащили красавиц или, лучше сказать, их кости. Остальное я тебе расскажу потом.

Они быстро удалились, и когда Сергей поднял голову, то он по-прежнему сидел один на скамейке. Холодный пот выступил у него на лбу, и он весь дрожал, как в лихорадке.

VI

ВИЗАНТИЙСКИЙ ФРАНТ

Сергей остался сидеть на скамье, но вся прелесть открывавшейся перед ним панорамы теперь исчезла для него. Он думал только о том, что дочь князя Индии может стать жертвой заговора.

Удаляясь из старинной обители на снежных берегах Белого озера, он, конечно, не полагал, что влюбит-

ся в Константинополе. По правде сказать, и теперь эта мысль была далека от него, и он просто думал, что одно чувство человеколюбия побуждало его спасти молодую девушку от грозившей опасности. К тому же еще другая причина подстрекала его на подобный поступок. Один из заговорщиков назвал себя племянником игумена братства святого Иакова. Это было его братство, он знал игумена. Неужели у такого прекрасного, почтенного человека был такой нечестный племянник? Конечно, бывали примеры. Во всяком случае, необходимо было последить за ним.

Поэтому Сергей встал и последовал за заговорщиками. Так как, по всей вероятности, он нашел бы их там, где оказался бы паланкин с княжной Индии, а последний направился к мысу Димитрия, то и Сергей пошел в ту сторону.

Вскоре он действительно завидел вдали паланкин и поспешил догнать его, но в нем оказалась какая-то пожилая женщина. Молодой послушник пришел в отчаяние. А что, если заговорщикам удался их план и они похитили свою жертву прежде, чем он успел предупредить ее?

Он поспешил назад, не зная, что предпринять, как неожиданно увидел тот самый паланкин, который он разыскивал. Он показался из-за Юлианской дворцовой башни, и рядом с ним шел гигант-негр, тот самый, который так удивил его в Белом замке. В первую минуту Сергей вздохнул свободно, так как присутствие негра его совершенно успокоило: этот колосс не дал бы в обиду свою госпожу, тем более среди бела дня.

Но не успел он подумать это, как к паланкину подошел с противоположной стороны какой-то человек, и в окно паланкина Сергей увидел, что молодая девушка быстро отшатнулась от подошедшего и закрыла лицо покрывалом.

Сергей тотчас узнал в этом человеке одного из заговорщиков, а через минуту подошел к нему и другой, сказал что-то и быстро исчез, первый же продолжал

идти возле паланкина и по временам что-то говорил испуганной девушке.

Молодой монах считал пока невозможным вмешаться, а счел всего лучше подождать, пока поравняется с ним паланкин, в надежде, что молодая девушка или негр его узнают. Во всяком случае, он был наготове.

Между тем он с любопытством стал рассматривать заговорщика. К его большому удивлению, это был не злодей с чудовищным лицом, а красивый молодой человек небольшого роста, с приятным выражением лица. Одно только в нем резало глаза — именно слишком пестрая одежда. На нем была светло-оранжевая туника, полосатые, с желтым узкие панталоны, красные башмаки, такая же красная шапочка с белым крылом, блестящая пурпурная мантия с большими эмалевыми пряжками на плечах и рапира на боку.

Впервые послушник видел перед собою византийского франта той эпохи и с тем большим изумлением спрашивал себя, неужели это племянник руководителя братства?

Пока он размышлял таким образом, паланкин приблизился к нему, и в одно мгновение с одной стороны молодая девушка, сидевшая в нем, протянула руки к Сергию, а с другой негр подскочил к дерзкому франту, схватил его на руки, как перо, и быстро понес к морскому берегу. Хотя при этом присутствовало немало народа, но никто не двинулся на выручку франта от страха, невольно внушенного всем колоссальными размерами негра.

Один Сергей кинулся на Нило, и в ту самую минуту, как он хотел бросить свою жертву в клокотавшие под набережной морские волны, схватил византийца и дернул его сзади с такой силой, что не ожидавший этого нападения негр выпустил его из рук. Византиец быстро вскочил на ноги и обнажил свою шпагу. Конечно, он не мог справиться с великаном, вооруженным громадным копьем, но в эту минуту толпа окружила

их. Молодого франта легко отбили от его страшного противника, и он исчез среди общего смятения.

Сергий был очень доволен, что он спас византийца, и тотчас поспешил к паланкину, желая успокоить встревоженную молодую девушку.

Действительно, когда он подошел к ней, то заметил, что она была очень бледна. Протянув ему руку, она сказала:

— Я тебя знаю и очень рада, что тебя встретила. Меня так напугали, что я больше никогда не выйду из дома, и теперь прошу тебя, не оставляй меня. Этот человек меня преследовал день за днем, и я не могла показаться на улице, чтобы не увидеть его. Для защиты от него отец послал со мною Нило, но я надеюсь, что он не убил его.

— Не бойся,— отвечал Сергей, пожимая руку молодой девушке,— он здоров и невредим.

— Я видела, как ты его спас, и очень благодарна тебе за это. Мой отец также поблагодарит тебя за твой благородный поступок. Не правда ли, мне теперь лучше возвратиться домой?

— Да,— отвечал Сергей, с сожалением расставаясь с маленькой ручкой, которая спокойно лежала на его руке,— а я провожу тебя до дома твоего отца.

И, обращаясь к носильщикам, он приказал им двинуться домой.

Идя рядом с паланкином, он не спускал глаз с розовой ручки, лежавшей в окне. Ему очень хотелось продолжить разговор, но неожиданно он почувствовал такую застенчивость, что не был в состоянии произнести ни слова. Наконец, молчание прервала Лаель и спросила его:

— А ты давно видел княжну, которая живет в Терапии?

— Недавно,— отвечал он,— я часто вижу ее и обращаюсь к ней за советами, когда мне нужно.

— Какая она красивая, добрая, какая смелая! Когда мы с нею попали в руки турок, то, видя ее хладнокровие, я сама перестала бояться. Сегодня она при-

слала гонца к моему отцу, приглашая меня к себе во дворец.

— И ты поедешь?

— Не знаю. Я не видела отца, после того как получила приглашение. Он у императора, но он очень уважает княжну и, вероятно, согласится. В таком случае я поеду в Терапию завтра.

Сергий мысленно решил также отправиться туда на другой день и с оживлением произнес:

— А ты видела сад за ее дворцом?

— Нет.

— Конечно, я не знаю, на что был похож рай, но я не могу себе представить ничего более райского, как этот сад.

Лаель ничего не отвечала и, откинувшись на спинку паланкина, молчала до той минуты, когда паланкин остановился перед ее домом. Тут она снова протянула руку Сергию и сказала:

— Я очень, очень благодарна тебе, и отец достойно поблагодарит тебя. Но... но...

И она покраснела.

— Но что?

— Я не знаю, как тебя зовут и где ты живешь.

— Я послушник Сергий и живу в обители святого Иакова. Теперь, когда ты знаешь, кто я, могу ли я спросить в свою очередь, как тебя зовут?

— Для людей, любящих меня, мое имя Гуль-Бахар, а для всего мира я Лаель.

— Как же мне называть тебя?

— Прощай,— сказала молодая девушка, не отвечая на его вопрос,— сегодня я не выйду из дома, а завтра поеду к княгине.

Когда паланкин внесли в дом, то Сергию показалось, что солнце померкло. Впервые он направился в свою обитель со светлыми мыслями в голове и до глубокой ночи все думал о молодой красавице.

VII ЕРЕТИЧКА

В то время когда монахи окружали часовню на Влахернских высотах и коленопреклоненно молились, к игумену обители святого Иакова подошел посланный от императора с просьбой, чтобы он занял место перед дверью святилища. Старик повиновался и всю ночь, несмотря на свою старость и болезнь, простоял там на коленях, молясь о благословении императора и империи, которые он пламенно любил. Рядом с ним находился Сергей, смиренно держа факел. Если бы это происходило днем ранее, то молодой послушник думал бы только о службе, но теперь образ молодой индийской княжны мешал ему молиться, и все его усилия отогнать от себя это видение ни к чему не приводили: он мечтал о ней.

Прошло много часов, и наступил конец ночи. Сначала показалась светлая полоса над Скутарийскими высотами, а затем настал день. Император вышел из часовни и вернулся во дворец.

Игумен обители святого Иакова так утомился, что не мог уже идти домой пешком, а отправился в паланкине. Сергей пошел рядом и, когда они достигли ворот монастыря, молча попросил благословения у старика.

— Не оставляй меня, сын мой,— сказал он,— твое присутствие служит мне большим утешением.

Хотя Сергей хотел отправиться в Терапию, он безмолвно последовал за игуменом, бережно провел его по коридору до скромной кельи, а там помог раздеться и лечь на койку.

— Ты добрый сын, Сергей,— сказал старик,— ты предан Богу, и Господь тебя благословит. Иди с миром!

Сергей поцеловал руку игумена и сказал:

— Отец игумен, позволь мне отлучиться на несколько дней, к княжне Ирине, в Терапию.

— Сын мой,— произнес игумен после минутного молчания,— я знал отца Ирины и всей душой сочувствовал ему. Я ходил со всем братством к императору, чтобы вымолить его освобождение из тюрьмы, а когда его освободили, то я сердечно радовался. Я говорю это для того, чтобы ты понял, как тяжело мне говорить против его дочери. Но я делаю это из чувства долга к тебе, которого Господь привел под мое покровительство. Княжна ведет жизнь, непривычную для нас, православных. Конечно, нет греха в том, что она ходит всюду с открытым лицом, причем, надо отдать ей справедливость, она ведет себя очень скромно. Но ее пример может дурно действовать на других женщин, не отличающихся ее высокими достоинствами, к тому же ее поведение, как оно ни скромно, привлекает слишком большое внимание. Еще непонятнее тот образ жизни, который она ведет в Терапии. Неприлично молодой женщине одной жить во дворце в такой близости от нечестивых турок. Не имея мужа, она должна была бы лучше поселиться в монастыре, в Царьграде или на островах. Конечно, я не верю, чтобы она во зло употребляла свою свободу, как ходят толки, что она, пользуясь своей свободой и одиночеством, поклоняется Богу не по канонам нашей церкви. Одним словом, она еретичка.

Сергий вздрогнул. Это обвинение дышало угрозой не только молодой княжне, но и ему самому.

— Отец игумен,— сказал он, желая узнать подробнее, в чем заключалась, по мнению игумена, ересь княжны,— я не обращаю внимания на те сплетни, которые ходят о княжне,— всегда клеветают на все чистое, светлое, но обвинение в ереси дело другое. Скажи мне, почему ты считаешь ее еретичкой?

— Я не смогу в двух словах тебе этого объяснить,— отвечал игумен,— но постараюсь дать тебе хоть понятие об этом. Ты знаешь и веришь, что вся суть православия заключается в символе веры, который установлен Никейским собором под председательством величайшего из императоров, Константина. Долго этот

символ веры был тверд, как камень, но теперь его хотят пошатнуть. Тебе известны те распри и партии, которые существуют в нашей церкви?

— Я слышал, что есть римская партия и греческая, но я так недавно прибыл в Константинополь, что желал бы узнать о них из твоих уст.

— Благоразумно сказано, — заметил игумен, — будь всегда так мудр, и благословение святого Иакова будет всегда на тебе! У нас две партии: греческая и римская, последнюю называют аземитской, но это глупое прозвище. Я и все мое братство принадлежим к римской партии и не обращаем никакого внимания, когда Схоларий презрительно называет нас аземитами. Мы не клятвопреступники, — прибавил он с неожиданным пылом, потом, несколько успокоившись, продолжал кратко объяснять основные пять пунктов различия между греческой и римской церквами, настаивая на правильности толкования последней, а когда он кончил это догматическое изложение, то произнес: — Все эти вопросы были порешены на недавнем флорентинском соборе, и там, одиннадцать лет тому назад, император, патриархи, митрополиты и другие служители алтаря подписали гепнотикон, или акт, об унии. Когда вернулись император и семьсот духовных лиц в Константинополь, то толпа, встретившая их, вопрошала: «Что вы сделали, как порешили насчет нашей веры?» Император молча поспешил в свой дворец, а митрополиты, епископы и другие духовные лица, в том числе Схоларий, отвечали, поникнув головой: «Мы продали вашу веру, мы стали аземитами». Толпа спросила: «Зачем вы подписали акт унии?» А они отвечали: «Мы боялись франков». Но мало того, что, говоря это, они нарушили клятву, данную при подписании акта унии, говорят, что многие из них взяли деньги за то, чтобы его подписать, следовательно, они прежде продали свою душу, а потом сделались клятвопреступниками. Только трое, и в том числе ваш теперешний патриарх, остались верными своей клятве.

— Я выслушал тебя, отец игумен,— произнес Сергей,— и прошу теперь указать мне все-таки, в чем же заключается ересь княжны Ирины?

Все это время Сергей стоял задом к двери и не заметил, что среди речи игумена в келью вошел кто-то и остановился недалеко от ложа старца.

— Она толкует Священное Писание по-своему и не согласна следовать толкованию святых отцов. Она составила себе свою веру, которая заменяет ей православные предания. Церковь никогда не сможет терпеть распространение ереси. Ну, прощай. Я слишком устал. В другой раз приходи ко мне, и мы подробнее поговорим об этом.

Сергей благословился и, обернувшись, хотел пойти к двери, но встретился лицом к лицу с тем молодым византийцем, которого спас из рук Нило.

VIII

АКАДЕМИЯ ЭПИКУРА

— Я хочу тебе сказать два слова,— произнес вполголоса византиец,— погоди минуту.

Молодой человек подошел к ложу, наклонился и произнес:

— Благослови, отец игумен.

— Я не видал тебя уже много дней,— отвечал игумен, положив руку на его голову,— но в надежде, что ты наконец внял моим просьбам и бросил своих товарищей, которые губят твою душу и чернят мое имя, а также из любви к тебе и твоей святой матери я готов тебя благословить.

Юноша, нимало не тронутый словами игумена, небрежно ответил:

— Ты никак не можешь понять, дядюшка, что все изменилось в Византии и что даже в ипподроме остались от прежнего только одни цветы. Сколько раз я тебе объяснял, что все, кроме монахов, хотя и среди

них есть исключения, теперь признают полезность греха.

— Это что такое! — воскликнул игумен.

— Это — удовольствия.

— Боже мой, Боже мой! Куда мы идем! — промолвил игумен и повернулся лицом к стене.

Сергий вышел из кельи и послал другого монаха к игумену, а сам подождал в коридоре юного византийца.

— Скажи теперь, что тебе надо от меня, — спросил Сергий.

— Нет, пойдем лучше в твою келью.

Когда они вошли в келью, то он предложил гостю единственный стул, который там находился по уставу братства.

— Нет, я не сяду, — отвечал юноша, — мне только надо сказать тебе два слова: братству святого Иакова следовало бы освободить моего дядю от тяжелых обязанностей, они ему не под силу.

— Но ведь это было бы неблагодарностью.

— Пустяки. Но, прости меня, кажется, тебя называют Сергием?

— Да, это мое имя.

— Ты не грек?

— Нет, я подданный русского великого князя.

— А я Демедий. Ну, будем друзьями. Ты, может быть, удивляешься, что я навязываю свою дружбу, но я обязан тебе спасением от сумасшедшего гиганта, который бросил бы меня в море, если бы не твоя помощь, а там такие подводные камни, что я разбился бы. Прими мою искреннюю благодарность.

— Я полагаю, что нечего благодарить человека, который спас от убийства одного ближнего и от смерти другого.

— Как бы то ни было, а я все-таки очень тебе благодарен. Ну, теперь я объясню, что хотел тебе сказать. Мой дядя добрый человек, и распри в церкви не дают ему покоя. При этом он думает только о той потере в силе и влиянии, которую несет церковь от этих

распрей, а потому он и его братство доходят в своем фанатизме до того, что всякий протест против установленных догматов кажется им ересью, и они готовы предать еретиков пытке и смерти. Я понял, что ты предан княжне Ирине, помни мои слова: ей грозит большая опасность.

— Боже избави!

— Предупреждаю, будь осторожен, когда дядя станет расспрашивать тебя после возвращения из Терапии о княжне Ирине. Я считаю, что этим предупреждением я отчасти заплатил свой долг за спасение жизни. А что, ты завтракал? — спросил он вдруг, переменив тон.

— Нет.

— Голодный — плохой собеседник, и не лучше ли мне прекратить свои речи?

— Нет, я не голоден и, может быть, не вернусь в обитель несколько дней, а твоя беседа меня очень интересует.

— Хорошо. Я постараюсь быть кратким. Церковь, раздираемая распрями, забыла о своей пастве, и эта паства без пастырей сама ищет себе зеленых лугов и свежих ручьев. Ты слышал когда-нибудь об академии Эпикура?

— Нет.

— Византийская молодежь нисколько не жалуется на то, что церковь забыла о ней, и, напротив, считает большим счастьем, что ей дозволяют свободно мыслить, и вот к чему они пришли: так как патриарх и Схоларий спорят о том, какая из христианских религий лучше — римская или греческая, то следует оставить в стороне их обеих и искать новую. Прежде всего возникла мысль о возвращении к язычеству, но поклонение многим богам неудобно, так как трудно сказать, который из них настоящий. Затем вспомнили, что никогда предки наши греки не жили так припеваючи, как в золотой век Платона и Пифагора. Поэтому решено остановиться на философии. Но и философий было много. Которую же нам предпочесть? Мы серь-

езно рассмотрели каждую из них и поочередно забраковали стоиков, циников и самого Сократа. Тогда нам остался один Эпикур, и в нем мы нашли спасение. Он имеет дело лишь с настоящей жизнью и предлагает свободный выбор между удовольствием и добродетелью. Вот мы формально и объявили себя эпикурейцами, а так как нам нужна была внутренняя организация, чтобы защищаться от преследования церкви, мы основали академию Эпикура. Она помещается в красивом храме, где мы три раза в неделю собираемся, чтобы слушать лекции и участвовать в прениях. Членов у этой академии уже несколько тысяч человек, и мы вербуем их не только в Константинополе, но и во всей империи.

— А что же лежит в основе вашего учения? — спросил Сергей.

— Принцип, что удовольствие — цель жизни.

— Но то, что для одного — удовольствие, не составит удовольствия для другого.

— Хорошо сказано, Сергей. Мы признаем удовольствия одного рода, — именно удовлетворение страстей. Очень не многие из нас предпочитают добродетель.

— И вы более ничего не делаете, как только стремитесь доставлять себе удовольствие?

— Да. Но для этой цели необходимо развитие трех главных качеств человеческой природы — терпения, мужества и рассудка, которые служат нам девизом.

— Нет. Вашим девизом должен быть разврат! — воскликнул с жаром молодой послушник.

— Ты ошибаешься, Сергей, мы совсем не такие дурные люди, как ты думаешь, и в доказательство этого я передам тебе поручение, данное мне академией. Выслушав вчера ночью на заседании мой доклад о твоём благородном поступке, академия единогласно признала тебя героем и поручила мне сказать, что двери ее всегда открыты...

— Довольно! — воскликнул Сергей. — Я более не могу тебя слушать. Ты и твоя академия — исчадие ада. Оставь меня в покое.

И он быстро направился к двери.

— Сергей, милый Сергей,— промолвил Демедий, схватив его за руку,— я не хотел тебя оскорбить. Останься, я еще хотел поговорить с тобой о совершенно ином. Ты отправляешься в Терапию, там будет княжна Индии. Ты ее знаешь?

— Да.

— Ты думаешь, что она дочь князя Индии?

— Да.

— Значит, ты ее не знаешь,— промолвил со смехом Демедий.— Она дочь еврея, лавочника на базаре.

— Откуда ты это взял?

— Княжна Ирина дает сегодня праздник,— продолжал византиец, не обращая внимания на его вопрос,— она пригласила на этот праздник всех рыбаков Босфора. И я там буду. Желаю тебе всякого удовольствия, Сергей, а главное, проснуться и смотреть на все открытыми глазами. Когда ты поймешь весь смысл нашего девиза «терпение, мужество, рассудок», то станешь сговорчивее, а я беру на себя, чтобы двери нашей академии всегда были открыты для тебя.

И они расстались.

IX

ПРАЗДНИК РЫБАКОВ

После ухода своего неожиданного гостя Сергей быстро позавтракал, на что потребовалось немного времени, так как монастырский завтрак, по правилам братства, был очень скуден. Подкрепив свои силы, он пригладил волосы, почистил свою рясу и, взяв четки, отправился на пристань рыбного рынка у Золотого Рога. Там он взял двухвесельную лодку и, прыгнув в нее, крикнул гребцам:

— В Терапию. К полудню!

Несмотря на красоту Босфора, по которому быстро понеслась лодка, русский послушник не любовался живописной панорамой, открывшейся перед его глазами, а углубился в свои думы о Демедии и Лаель.

Внутренний голос заставлял его вернуться в свою келью и предаться молитве, но он понимал, что эта молодая девушка один соблазн. Что она ему? Нечистая еврейка. Не поддавайся соблазну и отвернись от него! Но он вспомнил, как отец Иларион учил не отворачиваться от соблазна, а победить его, и, подкрепленный мыслью о своем учителе, Сергей решил не дать Лаель в обиду.

Между тем они поравнялись с маленькой Стенийской бухтой, из которой двигался целый флот разнообразных лодок, разукрашенных цветами, с сидевшими в них мужчинами, женщинами и детьми, которые громко пели.

— Вон рыбаки потянулись на праздник княжны Ирины, — сказали в один голос оба гребца. — Хорошая она женщина, да благословит ее Господь.

— Я отправляюсь туда же, — отвечал Сергей, — держитесь за ними.

Когда лодка Сергея вошла в состав веселой флотилии, то ее немедленно украсили цветами с соседних судов, и все вместе пестрой массой направились далее к Терапии.

Какое удивительное зрелище представляла эта знаменитая бухта! Всюду были видны лодки и лодки, сотни их были в движении, а другие сотни стояли неподвижно вдоль берега. Город был расцвечен флагами, и противоположная сторона также была разукрашена. Везде слышались веселые песни, хохот, говор. Византия могла быть в упадке, ее слава могла меркнуть, ее провинции могли отпадать одна за другой, ее императоры, двор, знатные люди, духовенство могли своим безумием ускорить это падение, но народ все по-прежнему любил праздники и умел веселиться.

Лодки, в том числе и та, на которой находился Сергей, наконец пристали к мраморной пристани у дворца княжны Ирины, и сидевшие в них стали свободно выходить на берег, где не видно было ни одного стража. Эти гости княжны были большею частью загорелые, черноволосые молодцы, в черных бархатных шароварах, красных кушаках и вышитых голубых куртках, ноги их были обнажены с колен до сандалий, головы были повязаны белыми платками. Глаза их ярко блестели, поступь их была ловкая, оживленная. У многих на обнаженной шее виднелись амулеты из серебра и раковин. Сопровождавшие их женщины были в коротких безрукавках, белоснежных рубашках, пестрых юбках и сандалиях. На головах у них виднелись маленькие фаты, приколотые большими гребнями. Хотя некоторые из них своей красотой оправдывали легенды о нимфах Цикладских островов, но большинство поражало преждевременно состарившимися чертами.

Что-то на воротах дворца обращало на себя особое внимание посетителей, и когда Сергей подошел к ним, то увидел небольшую бронзовую бляху с непонятной для него надписью. Она казалась турецкой или арабской, и ни Сергей, ни окружающие не могли ее разобрать. Неожиданно к воротам подошел цыган, который вел медведя. Увидав бронзовую бляху, он почтительно преклонил голову.

— Вот цыган нам расскажет, что это за надпись, — слышалось в толпе, — эй, нечестивый, подойди сюда поближе и прочти, что здесь написано.

— Мне нечего подходить, я и так вижу, но откуда вы взяли, что я нечестивый: я также верую в Бога.

— Ну, да ладно, читай надпись.

— Охотно. Молодой Магомет, сын султана Мурада, мой большой приятель, он долго жил в Магнезии, главном городе вверенной ему провинции, и никто так любезно не обращался со всеми, как он. С учеными он говорил о науках, а с поэтами — о поэзии, с охотниками он охотился, с певцами он пел и не раз угощал в своем дворце меня с моим медведем.

— Конечно, твой Магомет замечательный принц, но ведь у тебя спрашивали не о нем, а о надписи на воротах.

— Погодите, все придет в свое время,— отвечал цыган,— однажды я со своим медведем так позабавил Магомета, что он дал мне кошелек с золотыми, а медведю значок. И куда бы мы ни приходили с этим значком, нас всюду принимали с распростертыми объятиями и давали нам убежище и пищу. Вот посмотрите, на значке медведя та же надпись, что и на этих воротах. Значит, этот дворец, так же как мой медведь, находится под покровительством Магомета. Но когда же он здесь был?

— Никогда.

— Нет, он был.

— А ты почему знаешь?

— Эта бляха доказывает, что он был здесь и прибил ее на воротах, желая объявить, что дворец находится под его покровительством. Он сам дал моему медведю значок, и никто иной, кроме него или его отца, султана, не мог прибить этой бляхи на воротах дворца.

Сергию невольно вспомнились слова игумена о том, что непонятно, зачем княжна живет одна против турецких владений. Он слишком уважал княжну, чтобы заподозрить ее в чем-либо, но не мог не признать, что она представляла своим врагам предлог к преследованию, а потому решил серьезно поговорить с нею об этом.

Х ЦЫГАН

По случаю праздника в Терапии весь сад, окружавший дворец, был отдан в полное распоряжение прибывшей на гонку публики, но так велико было уваже-

ние к княжне, что никто не дерзал подойти к самому дворцу без особого приглашения.

Подойдя к внешним воротам, Сергей остановился перед толпой мужчин и женщин, которые окружали невысокую, но довольно большую платформу, покрытую новым, неупотребленным парусом. На каждом из ее углов возвышалась мачта, украшенная цветами. На галерее, пристроенной к портику, играла музыка, а на платформе весело танцевали.

Неподалеку, среди увитых венками колонн, виднелся балдахин, под которым сидела княжна Ирина, окруженная молодыми девушками. С открытой головой и лицом, она с удовольствием слушала музыку и смотрела на веселье толпы.

Увидав Сергея, который своей высокой фигурой возвышался над окружающими, княжна забыла придворный этикет и, встав, поманила его опахалом. При виде этого толпа с уважением расступилась, и он прошел к балдахину, где ему почтительно дали дорогу.

Княжна приняла его сидя. При виде ее красивого лица Сергей забыл обо всем, что хотел сказать. Никакое подозрение не могло устоять перед ее лучезарными глазами.

— Здравствуй, Сергей,— сказала она,— я очень рада, что ты приехал, и боялась, что не буду иметь удовольствия видеть тебя сегодня.

— Не только твои приглашения, но и малейшие желания для меня закон, а потому ты напрасно сомневалась в моем приезде.

— Ты был на всенощном бдении?

— Да.

— А ты видел императора? — спросила Ирина вполголоса.

— Нет,— отвечал он так же тихо,— его величество позвал нашего игумена в часовню, но когда он явился вместе со мной и я нес факел, то уже дверь была закрыта, и мы остались перед ней.

— Бедный император,— произнесла девушка печально,— я знаю, что он хороший человек, и жела-

ла бы всем сердцем помочь ему. Положение его ужасно. Отовсюду надвинулись тучи, и нет надежды на спасение. Извне грозят страшные враги, а внутри город, церковь и двор раздираются распрями.

Княжна замолчала и, взглянув на веселую толпу, через минуту прибавила:

— Отчего эти добрые люди могут забывать свои горести и веселиться, а нам это невозможно? Скажи, не принес ли ты какой-нибудь доброй вести? Но кто это пробирается в толпе?

Княжна снова просияла, хотя ее улыбка была несколько искусственна.

Сергий посмотрел в ту сторону, на которую указывала Ирина, но прежде всего его глаза остановились на лице Лаели, которая сочувственно смотрела на него.

— Я ожидала встретить тебя здесь,— сказала она.

Сергий хотел ответить, но княжна быстро встала со своего места и, подойдя к балюстраде портика, сказала:

— Иди сюда и объясни, что это такое.

Сергий бросил дружественный взгляд на Лаель и поспешил за княжной.

Через толпу пробрался к платформе цыган со своим медведем, и его появление возбудило страх в публике, которая огласила воздух криком и визгом. Сергий рассмеялся и сказал княжне:

— Не беспокойся, это цыган с медведем, я видел его у ворот дворца.

Он только хотел заговорить с княжной о медной бляхе на воротах, как внимание Ирины было отвлечено цыганом, который, увидав ее, распростерся по восточному обычаю, а затем мгновенно появился на платформе.

Цыган посадил медведя на задние лапы, а сам, поклонившись толпе, стал рассказывать о медведе с такими ужимками и уморительными жестами, что отовсюду послышался громких смех. По его словам, он с медведем странствовал по всему свету, был на Вос-

токе и странах, где живут франки и галлы; он представлял перед индейскими раджами, татарскими ханами, персидскими шахами и турецкими султанами. Он понимал все языки на свете, а его медведь был самым ученым, умным и способным на все зверем.

И цыган начал разговаривать со своим медведем на каком-то непонятном наречии, а медведь отвечал ему, или утвердительно кивая головой, или отрицательно качая ею. После такого довольно продолжительного объяснения цыган, не выпуская из рук ремня, на котором держал медведя, отошел в сторону, а медведь стал выкидывать всевозможные штуки. Прежде всего он встал на задние лапы, обернулся к княжне и упал ниц на пол. Публика стала громко аплодировать, а медведь снова встал на задние лапы, приподнял передние к голове и перекувырнулся.

Подойдя к краю платформы, цыган предложил публике вступить в бой с медведем, а когда никто не принял вызова, то сам решился вступить в единоборство.

Они начали ходить кругами, готовясь к схватке.

Цыган схватился обеими руками за ремень на шее медведя, а тот обнял его своими лапами, громко ворча. Долго они боролись, то наступая, то отступая. Наконец цыган, по-видимому, ослабел, лицо его побледнело, и медведь стал все сильнее и сильнее сжимать его своими лапами. Женщины и дети подняли крик, опасаясь, что медведь сомнет цыгана, и даже княжна Ирина просила Сергия поспешить на помощь несчастному. В эту минуту он сам закричал: «Помогите»,— и упал, как бы изнемогая.

Княжна в испуге отвернула голову, а Сергей быстро перескочил через балюстраду, но, прежде чем он достиг платформы, на ней было уже несколько человек. Видя это, цыган живо вскочил, наступил на заднюю лапу медведя и схватил его за высунутый язык. Зверь мгновенно грохнулся на пол, как бы мертвый.

Все поняли, что цыган их разыграл. Княжна рассмеялась сквозь слезы и бросила цыгану несколько зо-

лотых монет, а Лаель пришла в такой восторг, что кинула ему свое опахало. Он низко поклонился и, попросив музыку заиграть веселую пьесу, пустился в пляс со своим медведем.

XI

РАЗГОВОР СЕРГИЯ С КНЯЖНОЙ

Солнце нестерпимо жгло, и гости в Терапии стали мало-помалу искать тени под деревьями, окаймлявшими аллеи сада. Дети принялись за игры, старики и старухи забавлялись сплетнями, молодежь ворковала. Вскоре слуги разнесли угощение — хлеб, фрукты и вино.

Ирина спустилась к гостям. С блестящими от радости глазами, со счастливой улыбкой она обошла весь сад, подходя чуть ли не к каждому гостю и, дойдя до вершины мыса, выдававшегося на Босфор, села на каменную скамью, выточенную в виде кресла. Сергей пошел за ней.

Долго они молча смотрели на восхитительную панораму Босфора. Наконец княжна промолвила:

— Нет ли известий от отца Илариона?

— Нет.

— Я думала о нем. Он часто рассказывал мне о том времени, когда все в церкви были братьями и богатые считали себя только хранителями и раздавали свои богатства в пользу бедных. Я теперь понимаю, что действительно отец Иларион был прав: богатство приносит удовольствие только тогда, когда им делишься с неимущими. Голодные, холодные, больные не виновны в своих страданиях, и богатые должны быть их истинными братьями во Христе, помогая несчастным, насколько возможно. Но что это ты, Сергей, как будто чем-то озабочен? Садись и расскажи, что с тобой.

— Княжна, ты не знаешь, чего просишь,— начал молодой монах, и княжна быстро его перебила:

— Разве женщина не может слышать твоей исповеди?

— Нет. Но я нахожусь в затруднительном положении и не знаю, как из него выйти. Представь, княжна, что настоятель одного монастыря оказал покровительство молодому послушнику, стал обращаться с ним как с сыном и поведал ему великую тайну, заключающуюся в том, что другое лицо, также покровительствующее этому послушнику, лицо, всеми уважаемое и любимое, обвиняется в серьезном нарушении религиозного долга. Что делать послушнику, кому оставаться верным, игумену или своей благородной покровительнице, находящейся в большой опасности?

— Я знаю, о ком ты говоришь,— отвечала спокойно княжна,— ты, Сергей,— молодой послушник, настоятель твоего монастыря — обвинитель, а я — обвиняемая.

Потом она продолжала тем же спокойным тоном:

— А преступление, в котором меня обвиняют,— ересь. Но я не понимаю, почему ты считаешь свое положение затруднительным. Ты можешь сказать обвиняемой все, что передал тебе обвинитель: ему не грозят ни тюрьма, ни пытка, ни лютые звери. Все это угрожает только той, которая протянула тебе руку помощи и поручилась за тебя перед главой нашей церкви.

— Довольно, довольно! — воскликнул Сергей, выходя из себя.— Я не могу слышать твоих упреков.

— Скажи мне, в чем же меня обвиняют? — спросила она, немного успокоившись.

Рука княжны, опиравшаяся на мраморное сиденье, дрожала.

— Я боюсь, княжна, что мои слова тебя опечалят,— сказал Сергей, опустив глаза.

— Ведь это не твои слова. Говори. Я слушаю,— промолвила княжна.

— Он осуждает тебя за то, что ты живешь здесь, в Терапии.

Княжна покраснела и потом мгновенно побледнела.

— Он говорит, что турки находятся слишком близко от твоего жилища и что незамужней женщине в твоём положении было бы лучше всего жить в каком-нибудь монастыре на островах или в Константинополе. При теперешних же обстоятельствах тебя можно упрекнуть в том, что ты предпочитаешь преступную свободу законному браку.

— Но, вероятно, он указал, на чем основана эта молва, ведь такой почтенный человек не станет без всякого основания оскорблять беззащитную женщину.

— Кроме этого, он ни о чем не говорил.

— А ты знаешь, откуда идет этот слух? — спросила княжна, пристально взглянув на Сергия.

— Да, — отвечал он, опуская голову.

— Как? — спросила Ирина, широко открывая глаза.

Он ничего не отвечал.

— Я вижу, что тебе тяжек этот разговор. Но ты сам его начал, и мы должны довести его до конца. Говори.

— Мой язык отказывается повторить сплетни, но если ты приказываешь, то я не могу не сказать, что злые люди могут подумать: княжна Ирина живет в Терапии потому, что сын султана Магомет ее любовник, и что ей удобнее видеться с ним там, поэтому Магомет и прибил к воротам дворца бирку, и теперь дворец находится под его покровительством.

— Кто посмеет сказать подобное!

— Игумен моей обители.

Княжна побледнела.

— Это слишком жестоко, — промолвила она, — что мне делать?

— Представить, что только сегодня ты заметила эту бляху, и приказать снять ее при всем народе.

Она пристально посмотрела на него, и на ее лбу между бровями показалась морщина, которой Сергей

еще никогда не видел. В эту минуту невдалеке слышались громкий плеск воды, смех и рукоплескания.

— Посмотри, что случилось,— сказала княжна.

Довольный, что неприятный разговор прервался, он поспешил уйти и через несколько минут вернулся, приглашая княжну к бассейну.

Дело было в том, что цыган с медведем подошел к бассейну, где стояли Лаель и молодые девушки из свиты княжны. Медведь вырвался из рук цыгана и, бросившись в бассейн, стал плавать. Все попытки цыгана вернуть его к себе были тщетны, и зрители рукоплескали с громким хохотом, когда появилась княжна Ирина.

Она попросила цыгана не мешать бедному животному насладиться купаньем, и тот повиновался, так что медведь плавал на свободе, пока сам не захотел вернуться на сушу.

ХII

РАССКАЗ ЛАЕЛИ О СВОИХ ДВУХ ОТЦАХ

— Пойдем, пойдем! Сейчас начнется гонка,— раздалось среди толпы, и вскоре сад опустел, а все гости Ирины поспешили на берег.

Она сама пошла туда же, но тихо, не торопясь, так как знала, что без нее гонка не начнется. За ней последовала свита, Сергей и Лаель оказались позади всех.

Сначала они шли молча, любясь открывавшейся перел ними панорамой, но через несколько минут Сергей нарушил молчание.

— Я надеюсь, что тебе нравится праздник,— сказал он.

— Еще бы. Все здесь прекрасно, а княжна так добра, так мила. Если бы я была мужчиной, то влюбилась бы в нее по уши.

Она говорила добродушно, и Сергей не мог примириться с мыслью, чтоб такая наивная девушка могла

быть обманщицей и называть своим отцом человека, который им вовсе не был.

— Отчего ты мне ничего не говоришь о своем отце, здоров ли он? — наконец решился спросить он.

— О котором ты говоришь? Один из моих отцов Уель — торговец, а другой — князь Индии. Ты, вероятно, говоришь о последнем. Он меня проводил до пристани и посадил в лодку — тогда он был совершенно здоров.

— Как два отца? Но ведь это невозможно!

Сергий молча посмотрел на нее, как бы говоря: «Ты шутишь».

— Мы очень отстали, — сказала Лаель, — пойдем скорее, я могу говорить на ходу.

Они ускорили шаги, и по дороге Лаель рассказала ему, каким образом князь Индии сделался ее отцом.

— Ты видишь, — улыбнулась она, — что у меня действительно два отца, и, право, они оба так добры ко мне, так любят и так счастливы, что я не могу делать различия между ними.

— А скажи мне, кто такой князь Индии? — спросил Сергей.

— Я никогда не задавала ему этого вопроса, — растерялась девушка.

— Но ты знаешь что-нибудь о нем?

— Я знаю, что он был приятелем моего деда и прадеда.

— Разве он так стар?

— Об его летах я ничего не знаю. Но мне известно, что он очень ученый человек, говорит на всех языках и все ночи проводит на крыше своего дома.

— На крыше? — с удивлением повторил Сергей.

— Да, то есть все светлые ночи. Слуга выносит ему на крышу стул, стол, золотые часы, свиток бумаг, перо и чернила. Он всю ночь следит по небесной карте за течением звезд, отмечая на карте их положение в известный момент.

— Он астроном?

— Да, и астролог. Кроме того, он доктор, хотя лечит только бедных, химик, приготавливающий лекарства из растений, и математик. Наконец, он великий путешественник, и я полагаю, что нет места на свете, где бы он не бывал. С дальнего Востока он привез, например, своих слуг, из которых один африканский царь, а что всего страннее — все они немые и глухие.

— Это невозможно.

— Для него нет ничего невозможного.

— Но как он объясняется с ними?

— Движением губ.

— А они?

— Так же и, кроме того, жестами. Конечно, их обучил этому князь Индии. Особенно ловко объясняется на этом языке Нило.

— Тот черный гигант, который спас тебя от грека?

— Да. Это удивительный человек, он, в сущности, не слуга князя, а его товарищ. По рассказам князя, он был где-то в Африке царем и славился как храбрый воин и охотник на львов. Почему он последовал за князем, я не знаю.

— Скажи, говорила ли ты кому-нибудь о том, что у тебя два отца?

— Почему ты придаешь этому такую важность? — спросила она, глядя с удивлением на его лицо, которое действительно приняло серьезное выражение.

— Я хотел бы знать, многим ли известна эта история?

В сущности, его занимала мысль, откуда Демедий узнал, что князь Индии не настоящий ее отец.

— Я думаю, что всем — отвечала Лаель, — по крайней мере я не скрываю этого. Мой отец Уель хорошо знаком всем торговцам в Константинополе. Я слышала не раз от него, что со времени прибытия князя Индии его дела пошли гораздо лучше. Он прежде торговал различным товаром, а теперь он продает только драгоценные камни. У него появились покупатели из Галаты, которые берут у него драгоценные камни для рынков Рима и Франции. Мой второй отец большой

знаток в драгоценных камнях и часто дает добрые советы. Мой отец Уель, по всей вероятности, рассказывает о том, что князь Индии удочерил меня. Но, смотри, вся пристань полна народом. Поспешим скорей.

ХІІІ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЦЫГАНА В ГРЕБЦА

На пристани было устроено особое место для княжны: четыре весла воткнули в расселины мраморных плит, привязали к ним наверху перпендикулярно четыре других весла и все покрыли парусом, так что образовался балдахин, под которым, сидя на стуле, княжна могла, защищенная от солнца, следить за гонкой.

Весь берег от пристани до города и с другой стороны на юг был занят толпами зрителей, которые размещались также на многочисленных судах.

Между Фанаром, последним северным пунктом на Черном море, и Галатой в Золотом Роге находилось до тридцати маленьких местечек и селений на европейском берегу Босфора. Каждое из них было переполнено рыбаками, для которых после сети всего важнее была лодка, а потому эти рыбаки достигли замечательного искусства в управлении ею. На каждой их лодке было пять гребцов, и эти гребцы считали самой большой славой победить в гонке своих соперников. Так как все греки, а особенно византийские, отличались страстью к азарту, то гонки были очень популярны на Босфоре, по этому случаю держались большие пари, а получившие приз пять гребцов оставались до следующей гонки общепризнанными первыми гребцами в Константинополе.

Желая придать особый блеск своему празднику рыбаков, княжна Ирина, естественно задумала окончить его гонкой, для участия в которой необходимо было быть греком и рыбаком.

Со времени оповещения об этой гонке и до того дня, на который она была назначена, все тридцать рыбацких селений были переполнены приготавливавшимися к состязанию. Судя по разговорам и хвастовству, можно было подумать, что явится столько соискателей приза, что они не поместятся в бухте Терапии, но к моменту начала гонки выстроились только шесть лодок. Оспаривался приз — большой крест черного дерева с золоченым распятием, который предназначался для украшения лодки, одержавшей победу.

В три часа эти шесть лодок, каждая с пятью гребцами, спокойно колыхались перед балдахинной княжны, и на корме каждой из них виднелся флаг с обозначением того местечка или селения, представителем которого она являлась. Флаги были разного цвета, так чтобы их можно было заметить издали: так Уенимихали выбрала для себя желтый цвет, Буюкдере — голубой, Терапия — белый, Стения — красный, Балта-Лиман — зеленый и Бебек — белый и красный. У гребцов были белые рубашки, такие же шаровары, обнаженные ноги и руки, а куртка цвета флага.

Снаружи лодки были выкрашены в черную краску и блестели на солнце словно лакированные, а внутри у них не было ничего лишнего, чтобы не увеличить тяжести.

Гребцы казались спокойными и хладнокровными, но ясно было видно, что они, решились употребить все усилия, чтобы одержать победу.

Вдали у азиатского берега стояла галера, которая обозначала поворотную точку гонки. Гребцы должны были, достигнув этого пункта, обогнуть его и вернуться ко дворцу, сделав всего три мили.

Направо от балдахина княжны стояла высокая мачта, на которой поднимался белый флаг для оповещения, что началась гонка.

Все лодки выстроились в ряд справа налево, занимая места по жребию. На берегу и на воде воцарилась тишина. Еще минута, и лодки двинулись бы в

путь, но неожиданно произошло событие, отсрочившее начало гонки.

Рука княжны уже взялась за веревку, которая была протянута к ее стулу от флага на мачте, чтобы дать сигнал, как вдруг показалась седьмая лодка с четырьмя гребцами в черной одежде, которые гребли изо всех сил и громко оглашали воздух криками. Княжна не подняла флага и с удивлением смотрела на новых состязателей.

Лодка с черным флагом на корме и черными гребцами быстро пристала к пристани, один из гребцов, выскочив на нее, преклонил колени и громко воскликнул:

— Помилуй, княжна, и задержи немного гонку.

Все четыре гребца были видные, здоровенные мужчины, но они не походили на греков, и зрители громко приветствовали их криком:

— Цыгане! Цыгане!..

Хотя в этом крике слышался презрительный сарказм, но в нем не было злобной ноты. Никто не мог допустить мысли, чтобы эти неведомые, чуждые люди могли представить серьезную опасность к завоеванию победы избранными греками, а потому их появление не возбудило в толпе ни малейшего негодования.

— Кто вы такие? — спросила княжна.

— Мы живем в Буюкдере.

— Вы рыбаки?

— Если судить по количеству рыб, которое мы наловили в прошедшем году, и по ценам, за которые мы их продали на рынке, то никто на обоих берегах Босфора, от Фанара до Принцевых островов, не может сравниться с нами.

Это хвастовство возбудило всеобщий взрыв смеха.

— Но вы не можете принять участия в гонке, — сказала княжна, — вы не греки.

— Нет, княжна, это зависит от того, с какой точки зрения ты посмотришь. Если ты будешь решать вопрос не по происхождению, а по рождению и по месту пребывания, то мы греки почище многих знатных

особ при дворе его величества. Водой из потока, пробегающего через нашу долину, утоляли свою жажду наши отцы сто лет тому назад, как мы утоляем ее теперь.

— Хорошо сказано. Отвечай также на мой новый вопрос, и я допущу вас до участия в гонке. Что вы делаете с призом, если одержите победу? Я слышала, что вы не христиане.

— Мы не христиане! — произнес гребец, впервые подняв голову.— Я мог бы сказать, что вопрос о религии не поставлен в число условий гонки, но я не крючокотвор, а рыбак, и потому скажу прямо: если мы одержим победу, то поставим свой приз в громадное дупло старинного гигантского платана, растущего в нашем селении, и превратим это дерево в храм, который не уступит святой Софии в глазах всех, кому природа дороже человеческого искусства.

— Хорошо. Не допустить вас к гонке после такого обещания, данного при всем народе, означало бы покрыть себя стыдом в глазах Пресвятой Девы. Но отчего вас четверо?

— Нас было пятеро, но один из нас заболел, и по его совету мы хотим вызвать из присутствующих еще одного желающего!

— Хорошо. Вызывайте,— кивнула княжна.

Цыган выпрямился во весь рост и громко воскликнул:

— Сто нумий за гребца!

Ответа не было.

— Если не за деньги, то ради благородной княжны, щедро угощавшей ваших жен и детей, кто-нибудь выходи!

— Я! — произнес кто-то в толпе, и из нее выдвинулся цыган со своим медведем.— Возьмите кто-нибудь моего приятеля и подержите, а я займу место в лодке.

Громкий смех был ответом на эти слова, но княжна спокойно спросила у четырех цыган, довольны ли

они своим новым товарищем. Они посмотрели на него с сомнением, а один из них спросил:

— Ты гребец?

— Нет лучше меня на всем Босфоре, и я это докажу. Возьмите кто-нибудь медведя. Не бойтесь, его ворчанье так же безопасно, как гром без молнии.

Он бросил ремень в руки человеку, вызвавшемуся поддержать медведя, и прыгнул в лодку. В одно мгновение он скинул с себя верхнюю одежду, засучил рукава рубашки и так ловко схватил весла, что его товарищи сразу успокоились насчет его умения грести.

— Не бойтесь,— сказал он вполголоса,— я обладаю двумя качествами, которые обеспечат нам победу: умением и выдержкой. Княжна,— прибавил он, обращаясь к Ирине,— позволь мне сделать вызов желающим биться со мной об заклад.

Сергий заметил, что цыган, говоря с княжной, обнаруживал необыкновенно учтивый, почтительный тон.

— Слушайте меня все,— продолжал цыган, вставая в лодке после того, как Ирина разрешила ему говорить,— вот кошелек с сотней нумий. Кто хочет биться со мной об заклад, что наша лодка выиграет?

Никто не принял его вызова, и он тогда прибавил, обращаясь к своим товарищам:

— Все равно. Если никто не хочет биться со мной об заклад, то этот кошелек будет ваш в случае победы. Пусть мы не христиане, но мы покажем себя и осраим Буюкдере, Терапию, Стению, Бебек, Балту-Леман и Уенимихали. Ну, теперь, княжна, позволь нам занять седьмое место слева.

Вскоре княжна дернула за веревку, флаг взвился на мачте, и лодки двинулись при громких рукоплесканиях толпы.

Очень недолго лодки держались рядом, а вскоре выстроились одна за другой длинной лентой, причем впереди виднелся красный флаг. Обитатели Стении подняли победный крик, болея за своих, а когда стало

видно, что цыгане оказались позади всех, то отовсюду раздались насмешливые презрительные возгласы:

— Ишь, хвастался-то цыган!

— Лучше бы вам сидеть дома и пасти коз!

— Они плетутся как черепахи!

— Одно дело болтать, а другое грести!

— Ха! Ха! Ха!..

Все эти насмешки хотя и долетали до цыгана, но не лишали его хладнокровия. Чтобы доказать превосходство своей лодки, он с товарищами приналег на весла и быстро очутился впереди всех. Но оставаться в этом положении всю гонку стоило бы слишком большой траты сил и могло помешать окончательной победе, а потому он крикнул товарищам:

— Хорошо, ребята, приз и мой кошелек ваши! Ну, отдохните немного. Пусть вас перегонят, мы успеем взять свое.

Таким образом, снова цыгане пошли последними, и так они держались до самой галеры, означавшей поворотный пункт гонки. По правилам надо было обогнуть справа, так что прямая выгода была первым обогнуть ее, потому что первая лодка могла выбрать себе путь и описать наименьшую дугу. За четверть мили до галеры гребцы на всех лодках стали напрягать свои силы, чтобы прийти к галере первыми, и только одни цыгане, по указанию своего руководителя, держали левее, так что им приходилось сделать наибольшую дугу.

На повороте, однако, обнаружилась вся ловкость этого маневра. Пять лодок так круто повернули, что столкнулись между собой, и между гребцами произошла жестокая свалка, причем была пролита кровь. Этим воспользовались цыгане и спокойно обогнули галеру вторыми.

Толпа на берегу замерла. Все-таки впереди виднелся флаг Стении, но за ним близко следовал черный флаг цыган.

— Что это? Кажется, цыганская лодка идет второй,— спросила княжна Ирина, и, получив утверди-

тельный ответ, прибавила: — Пожалуй, христианский Бог найдет себе слуг среди неверных!

Увлечательность гонки усиливалась с каждой минутой. «Стения! Стения!» — слышалось в толпе, и пятеро представителей этого местечка так энергично работали веслами, что их победа казалась бесспорной. Но неожиданно посередине обратного пути черный флаг подался вперед и через несколько взмахов очутился впереди.

Все лица зрителей вытянулись, их головы поникли, и послышались печальные восклицания:

— Святой Петр от нас отвернулся! Ничего теперь не значит быть греком!

Цыгане пришли первыми среди мертвого молчания. Их предводитель бросил товарищам кошелек с деньгами и воскликнул:

— Спасибо, друзья, я доволен вами!

Потом он надел свою верхнюю одежду и, выскочив на пристань, преклонил колени перед княжной.

— Если у нас станут оспаривать приз, — сказал он, — то ты, княжна, видела, кто его взял, я полагаюсь на твою справедливость, на твою смелость.

Вскочив на ноги, он стал озираться по сторонам, отыскивая своего медведя.

— Он здесь, — крикнул кто-то в толпе.

— Дайте мне его, — произнес цыган, — он может служить примером для всех людей. Он честный, никогда не лжет и, зарабатывая много денег, отдает их мне. Дайте мне моего друга, он дороже мне всего на свете.

Вместе с этим цыган вынул из кармана опахало, брошенное медведю Лаелью, и стал обмахивать им свое покрасневшееся лицо.

Княжна и вся ее свита громко рассмеялись. Но Сергей с удивлением смотрел на цыгана. Ему казалось, что он где-то его видел, но никак не мог припомнить — где.

В эту минуту подвели медведя к цыгану, и он, схватив его за шею, поднял на задние лапы, обнял

обеими руками и торжественно направился вместе с ним к береговой дороге.

XIV

ВО ЧТО ВЕРИЛА КНЯЖНА

Этот разговор происходил между княжной Ириной и Сергием вечером, после гонки, в том самом внутреннем дворе, где она некогда читала письмо отца Илариона.

Княжна желала, чтобы Сергей вернулся сегодня ночью в обитель, потому что, вероятно, игумен захочет узнать, что здесь было.

Сергий поблагодарил княжну за ее приглашение на этот праздник, но она остановила его:

— Я сегодня не могла подробно отвечать на обвинения игумена, но теперь тебе надо хоть в двух словах выслушать ответ. Благодаря щедрости императора я имею жилище в городе и этот дворец. Я могу жить в любом из них. Ты сам видишь, как здесь хорошо, среди зеленых гор, в душистом саду, на берегу живописного Босфора. Преступник ищет уединения, а ворота моего дворца открыты днем и ночью, единственный мой защитник — старый Лизандр. Все, как христиане, так турки и цыгане, имеют свободный доступ сюда. Я не скрываюсь ни от кого, и меня охраняет лучше всякой стражи любовь соседей. Здесь я свободнее, чем в какой-либо обители в городе и на островах. Здесь меня ничто не беспокоит. Греки и латинцы ведут ожесточенную борьбу во дворце императора и в церквах, но они оставляют меня здесь в покое. Я в этом дворце живу, работаю, молю и славлю Бога на свободе. Кажется, в этом нет никакого греха? Так как меня обвиняют в том, что я оставляю на своих воротах медную бляху, то я объясню тебе, Сергей, почему я это делаю. Я не могу закрыть глаза на печальное положение империи. Она все более и более

уменьшается, так что вскоре всю империю будет составлять один Константинополь. Если мы еще пользуемся миром, то лишь потому, что теперешний султан стар, но, может быть, близко то время, когда охрана медной бляхи понадобится не только мне, но и многим моим соседям. Что бы ты сделал, Сергей, с этой бляхой, если бы ты находился на моем месте?

— Я сохранил бы ее.

— Значит, ты одобряешь мой поступок? Благодарю тебя. Что же мне остается еще объяснить? Да, насчет моей ереси. погоди немного.

Она встала, вышла в дверь, завешенную тяжелой занавесью, и через несколько минут вернулась назад со свертком в руках.

— Вот,— сказала она,— символ моей веры, за что меня обвиняет игумен. Возьми эту рукопись, она немногосложна и заключается только в нескольких словах.

Очувтившись в своей келье, Сергей бросился на койку вне себя от утомления и заснул детским сном.

Было уже восемь часов утра, когда он открыл глаза. Оглянувшись вокруг себя, он вспомнил все, что произошло накануне. Прежде всего он ощупал рукой, цела ли рукопись, данная ему княжной, а потом его мысли мало-помалу перешли к Лаели. Демедий оказался дерзким лжецом. Он уверял, что будет на празднике рыбаков, однако его там не было. Он не решился на такое нахальство, что очень порадовало Сергея.

Занятый этими мыслями, он случайно взглянул на стул, единственную мебель в его комнате, и с удивлением увидел на нем опахало. Чье оно было и как могло попасть в его келью? Он взял его в руки и пристально осмотрел. Это было то самое опахало, которое Лаель, в восторге от представления медведя, бросила цыгану.

Под опахалом лежала записка, которую Сергей прочел с еще большим изумлением:

«Терпение — Мужество — Рассудок.

Ты теперь поймешь лучше смысл этого девиза, чем вчера.

Твое место в академии все еще сохраняется для тебя.

Может быть, тебе пригодится опахало княжны Индии, а мне оно не нужно, я ношу его в своем сердце.

Будь благоразумным.

Цыган».

Сергий прочел два раза эту записку и в сердцах бросил ее на пол.

— Этот грек, — промолвил он, — способен на всякую гадость: на похищение, на убийство. Бедная Лалель действительно должна его опасаться.

XV

ПРОПОВЕДЬ КНЯЗЯ ИНДИИ О ЕДИНОМ БОГЕ

Мы снова перенесемся в приемную залу Влахернского дворца в тот день, когда князь Индии должен был, по приглашению императора Константина, изложить свои идеи о всеобщем религиозном братстве. Было ровно двенадцать часов дня.

В назначенное время император почти в той же одежде, что и в первый раз, явился в зал и занял свое место на троне под балдахинном. Все присутствующие сидели по обе его стороны полукругом, а посередине был поставлен стол.

На этот раз большинство слушателей были духовного звания, и блестящая одежда придворных терялась в бесконечном количестве серых и черных ряс.

Придворные долго думали, как рассадить всех приглашенных, и декан полагал, что всего лучше пускать их в зал по билетам, но император отверг этот план, говоря:

— Ты напрасно беспокоишься об этом, мой старый друг. Поставь просто стулья полукругом, и пусть всякий займет какое может место по мере прибытия.

Только посередине поставь стол для князя Индии, так как он обещал принести с собой старинные книги. Ни для кого не будет особых почетных мест, кроме патриарха, для него поставь особое удобное кресло со скамейкой направо от моего трона.

— А для Схолария?

— Схоларий, конечно, выдающийся проповедник, и, по мнению некоторых, даже пророк, но он ведь простой монах. Поэтому пусть он сядет там, где будет свободное место.

Приглашенные начали собираться очень рано. Все известные духовные лица оказались здесь. Когда вошел в зал император и уселся на троне, то воцарилась полная тишина. Он спокойно окинул взглядом все собрание, поклонился прежде патриарху, а потом направо и налево всем присутствующим. Кланяясь на левую сторону, он с улыбкой заметил, что там сидел Схоларий, который только потому пошел налево, что патриарх поместился направо.

Константин также бросил взгляд на группу женщин в серебристых покрывалах — они стояли у самой двери, окружая княжну Ирину, которая одна сидела. Император издали узнал ее и слегка кивнул ей головой.

— Пойди за князем Индии и приведи его сюда, если он готов,— сказал Константин, обращаясь к декану.

Церемониймейстер исчез и через минуту явился вместе с Нило. Негр, как всегда, был в великолепной блестящей одежде, а в руках у него была кipa старинных, пожелтевших книг и рукописей. Потом он удалился, и в залу вошел князь Индии.

Он остановился перед тронem и три раза распростерся по восточному обычаю.

— Встань, князь Индии,— сказал император, очень довольный этим знаком уважения.

Старик повиновался и, поднявшись, принял скромную позу. Голова его была опущена, а руки скрещены на груди.

— Не удивляйся, князь,— продолжал император,— что ты видишь перед собой такое многочисленное избранное собрание: все эти именитые особы сошлись сюда не столько по моему приглашению, сколько из любопытства к тебе и предмету твоей предстоящей речи. Господа,— прибавил он, обращаясь к присутствующим,— как вы, состоящие при моем дворе, так и вы, служители алтаря, молитвами которых держится наша империя, я считаю, что наш благородный индийский гость делает нам большую честь, согласившись изложить подробно новую веру в единого Бога. В первую аудиенцию он возбудил большой интерес как во мне, так и во всех присутствовавших лицах его рассказом о том, как он отказался от престола на своей родине, чтобы исключительно посвятить себя изучению религий. В ответ на мой вопрос он смело объявил, что он не иудей, не мусульманин, не индус, не буддист, не христианин, а что все исследования привели его к исповеданию веры, которую он определил одним словом — веры в единого Бога. По его словам, главной целью его жизни было соединить в одно все существующие религии. Впрочем, я приглашаю его теперь откровенно изложить свои мысли самому.

Снова князь Индии расprostерся и снова, встав, подошел к столу и стал раскладывать свои книги и рукописи. Когда все было готово, он поднял свои большие, глубокие, пытливые глаза, действовавшие с магнетической силой на всякого, на ком они останавливались, и начал говорить просто, ясно, негромко, но так, что его слышно было во всех углах залы.

— Это,— произнес он, указывая рукой на открытую перед ним книгу,— это Библия, священнейшее из всех священных писаний, это скала, на которой основана моя и ваша вера.

Шеи всех присутствующих вытянулись, и старик продолжал:

— Это одна из пятидесяти копий перевода Библии, сделанного по приказанию первого Константина

и под руководством Евсевия, известного вам всем по своей набожности и своему знанию.

При этих словах все присутствующие вскочили со своих мест, за исключением Схолария и патриарха, которые продолжали сидеть, причем последний набожно крестился. Общее любопытство, выраженное всеми присутствующими, объяснялось тем, что большинство их состояло из духовных лиц, которые знали о существовании пятидесяти копий греческого перевода Библии, но никогда не видали ни одной из них.

— Вот эти книги,— продолжал князь Индии, когда восстановился порядок,— священные писания для тех народов, которым они даны. Здесь Коран, книга Царей китайцев, Авеста персов, Сутры буддистов и Веды моих соотечественников индусов.

Говоря это, он указывал рукой то на одну книгу, то на другую.

— Я благодарю императора за его милостивые слова, которыми он вполне ясно определил мою историю и цель моей сегодняшней речи. Поэтому я прямо перейду к моему предмету. Старательно изучив все эти религиозные книги, которые вы видите перед собой, и посетив все страны, которые их породили, я пришел к следующим трем заключениям: во-первых, естественная религия, то есть поклонение Богу, доступна всем народам на всех ступенях развития; во-вторых, как различны листья на деревьях, так различны понятия о Боге у различных народов, что составляет вдохновенную религию; в-третьих, что от времени до времени появлялись вдохновенные пророки, которые выражали то или другое понятие о Боге, более подходящее к тем народам, среди которых они появлялись. Но если можно различно понимать Бога, то все-таки Он один, и все пророки в различных странах хотя по-разному, но стремились к одному Богу. Возьмите, например, Бодхисатву и прочитайте, что говорится в ней за тысячу лет до Рождества Христова. В ней ясно слышатся как бы отголоски того, что составляет основу вашей религии. Всюду и везде во всех

религиях видно одно стремление к Богу, и вера в Бога составляет связующее звено между ними всеми.

И князь Индии стал подробно излагать из священных писаний различных народов, как в разные времена разные пророки проповедовали в разных формах эту одну общую веру в Бога. Присутствующие с вниманием следили за каждым его словом. Схоларий молча все выше и выше подымал большой крест, который он держал в руках, как бы желая этим утратить еретика.

Наконец князь Индии умолк, бледный, усталый. На предложение императора сделать перерыв в своей речи он согласился и тяжело опустился на поданный ему стул.

В это время явились слуги и стали обносить присутствующих яствами и напитками.

XVI

КАК ПРИНЯТО БЫЛО ИЗЛОЖЕНИЕ НОВОЙ ВЕРЫ

Было бы лучше для князя Индии, если бы он не принял предложения императора о приостановке своей речи. Во время отдыха Георгий Схоларий, которого далее для сохранения исторической точности будем называть Геннадием, стал торопливо ходить между рядами духовных лиц. Он не принимал участия в угощении, а подходил то к одному, то к другому из своих сторонников и говорил что-то коротко, резко. Когда же князь Индии снова начал свою речь, то он заметил, что на него бросают со всех сторон гневные, презрительные взгляды. Очевидно, большинство было враждебно настроено против него, хотя он еще определенно не высказал своего плана об установлении общего религиозного братства.

Положив по-прежнему руку на Библию и расположив вокруг нее священные писания других народов, он начал далее развивать свои мысли тем же спокой-

ным тоном. Приведя примеры Бодхисатвы, Будды, Заратустры и Магомета, он смело, несмотря на ропот присутствующих, заявил, что он не сравнивает всех этих пророков с Моисеем и Христом, но для тех, которые исповедовали созданные ими религии, они были воплощение воли Божией настолько, что их образы ступшевывали самого Бога, составлявшего основу всех этих религий.

— Если спросить,— продолжал князь Индии,— у цейлонцев, в кого они верят, они ответят — в Будду; у турок, то они ответят — в Магомета; у персов, то они ответят — в Заратустру, вы ответите на этот вопрос — во Христа, а в результате получаются борьба, распри, войны, кровопролитие. И все это прикрывается именем Бога, верховным источником добра, правды, мира. Пришло, господа, время положить именем этого самого Бога конец братоубийственной войне между людьми, которые, в сущности, поклоняются одному Богу, но благодаря различным условиям и обстоятельствам не хотят этого признать.

Князю Индии не дали окончить, и его перебил тихий, мелодичный голос патриарха:

— В чем же выражаются все догматы твоей новой религии?

— В вере в единого Бога.

В зале раздались громкие крики, и среди них громче всех Геннадия, державшего высоко крест.

— Я хочу задать ему вопрос,— восклицал он, покрывая своим могучим голосом общее смятение.

Император предоставил ему слово, и среди мгновенно водворившейся тишины он произнес пламенно, гневно:

— А в твоей новой вере какое место занимает Иисус Христос?

— Ты сам знаешь, что он Сын Божий.

— А Магомет? Он что?

Если бы ярый аскет назвал Будду, то контраст не так поразил бы слушателей, но поставить рядом с Христом Магомета значило возбудить всю фанатиче-

скую злобу греков, которым приходилось столько страдать от магометан. Князь Индии, однако, не стал в тупик. Он ясно сознавал, что если греки не примут его проповеди, то он может променять крест на луну. Поэтому он смело отвечал:

— Магомет такой же Сын Божий для мусульман.

Тогда Геннадий стал неистово махать крестом по воздуху и громко воскликнул:

— Лжец, обманщик, посол сатаны, исчадие ада! Сам Магомет был лучше тебя. Ты можешь обелить сажу, соединить воду с огнем, создать льдину из крови, текущей в наших жилах, но тебе никогда не поставить Спасителя наравне с Магометом. Церковь без Христа — все равно что тело без души и глаз без зрачка. Братья, нам постыдно быть гостями с этим врагом человеческого рода у одного хозяина. Если мы не можем его прогнать отсюда, то сами можем уйти. Все, кому дороги Христос и церковь, следуйте за мной!

Лицо Геннадия пылало огнем, голос его звучал, как гром. Патриарх, бледный, крестился дрожащей рукой. Константин, предчувствуя свалку, послал четырех вооруженных офицеров для охраны князя Индии. Но это оказалось излишним, так как Геннадий со своими сторонниками бросился не на еретика, а к дверям. В зале произошло неопишное смятение.

Выйдя из дворца, князь Индии сел в паланкин и покинул Влахерн в сопровождении вооруженного эскорта.

XVII

ЛАЕЛЬ И МЕЧ СОЛОМОНА

Домой князь Индии возвращался печальным. Конечно, он не мог надеяться, что христиане оказались бы веротерпимее, чем мусульмане. Поэтому, отправляясь во дворец, он предчувствовал то, что случилось.

Делать нечего, ему приходилось навеки расстаться со своим планом, но он мог отомстить за неудачу, и он решился мстить. Ему было жаль Константина, но счастье улыбалось Магомету. Да здравствует Магомет!

В сущности, он предпочитал сына султана императору и со времени встречи с ним в Белом замке питал к нему большое сочувствие. Кроме личных достоинств, молодости и военной славы, Магомет мог сделаться его слепым орудием, стоило только умело влиять на самолюбие.

С такими мыслями вошел князь Индии в свой дом, и когда наступил вечер, то он приказал Сиаме отнести на крышу стул и стол.

В положенное время он уселся за стол на крыше и при свете лампы начал с улыбкой рассматривать карту неба. Это была работа Лаели, и он громко произнес:

— Какие она делает быстрые успехи!

Действительно, с того времени, как ее родной отец позволил ему удочерить Лаель, она необыкновенно развилась, и от этого он чувствовал естественную гордость. Прежде она была безграмотная, а теперь помогала ему в математических расчетах и приготовляла для него геометрические чертежи планет. Кроме того, она с удовольствием помогала ему в исследовании тайн звездного неба. Когда же он бывал болен, то она читала ему вслух.

Мало-помалу старик привык к молодой девушке. Она сделалась необходимым условием его жизни, и он готов был пожертвовать для нее всем.

Ночь сменила вечер. Князь Индии не сходил с крыши своего дома, но он не изучал звездного неба. В его уме происходила борьба. С одной стороны, жажда мести побуждала его отправиться к Магомету, а с другой — любовь к Лаели удерживала его в Константинополе.

Он долго сидел, погруженный в тяжелую думу, не обращая никакого внимания на принесенные Сиамой

воду и вино. Борьба между чувством мести и привязанностью к Лаели продолжалась в нем. Наконец он встал и громко произнес:

— Борьба кончена. Она одержала верх. Если бы мне предстоял только обыкновенный срок одной жизни, то, быть может, я остановился бы на противоположном решении. Но через сотни лет я могу встретить другого Магомета, и обстоятельства могут тогда сложиться еще удачнее, но другой Лаели мне никогда не видать. Прощай самолюбие! Прощай месть! Пусть свет заботится сам о себе, а я останусь простым зрителем. Я посвящу себя всецело ей и окружу ее такой роскошью, наполню ее жизнь такими постоянными развлечениями, что она и не подумает о другой любви. Ради нее я наполню Константинополь славой о себе. Я достигну всего этого благодаря моему богатству, и примусь за дело с завтрашнего же дня.

Следующий день он весь провел в начертании планов дворца, который он хотел выстроить для Лаели. Вторым днем он посвятил выбору удобного места для этого дворца, на третий он совершил купчую на тот участок земли, который ему показался наиболее удобным. На четвертый он составил рисунок великолепной стовесельной галеры, которая затмила бы все императорские суда и на которой Лаель могла бы кататься по Босфору на удивление всей Византии. В продолжение этих четырех дней Лаель постоянно была при нем, и он спрашивал ее совета относительно всякой мелочи.

Все эти планы веселили его, и он радовался как ребенок. Чтобы ничто не мешало выполнению этих планов, он убрал свои книги и ученые пособия.

Конечно, он иногда думал о том, что обещал Магомету, но эти обещания его нисколько не смущали. У него был всегда готов ответ на требования молодого турка: звезды еще не представили удовлетворительного сочетания. Поэтому он нимало не заботился о Магомете, тем более что осуществление его новых

планов требовало много денег, а следовательно, надо было позаботиться об их приобретении.

Рано утром на пятый день князь Индии отправился с Нило в Влахернский порт и выбрал там галеру, на которой он мог бы отправиться на несколько дней в Мраморное море. Около полудня он уже огибал на этом судне Серальский мыс

Сидя на корме, он разговаривал со шкипером галеры.

— Строго говоря, у меня нет никакого дела,— сказал он с улыбкой,— и город мне порядочно надоел, а потому мне захотелось покататься по воде. Держи в открытое море. Когда я вздумаю переменить курс, то скажу тебе. Погоди,— прибавил он, когда моряк хотел отойти,— как называют те острова, которые возвышаются среди голубых волн?

— Ближайший — Оксия, а более отдаленный — Плати,— отвечал шкипер.

— Они обитаемы?

— Да и нет. На Оксии был прежде монастырь, но теперь он упразднен. Быть может, по другую сторону и живут еще в пещерах схимники. Плати немного повеселее. Там три или четыре монаха неизвестно каких обитателей пасут несколько полуживых коз.

— А ты бывал на этих островах?

— Да, на Плати. В нынешнем году.

— Вели грести туда, и обойдем вокруг островов.

Капитан с удовольствием исполнил желание своего пассажира, и, стоя возле князя Индии во время обхода острова Оксии, он рассказывал легенды о знаменитых схимниках, которые жили некогда в его пещерах. Между ними особенно известны были Василий и Прусьян, которые, поссорившись, дрались на дуэли, к величайшему скандалу всей церкви, вследствие чего император Константин VIII сослал первого из них на Оксию, а второго — на Плати, где они и оставались до конца жизни, уныло смотря друг на друга из своих скитов.

По той или другой причине князь Индии обратил больше внимания на Плати, к которому они и подошли поближе. Как мрачны были развалины древней темницы на северной оконечности! Там могли жить только волки и летучие мыши, но не люди.

— Однако вон тот утес меня как бы манит к себе. Мне бы хотелось взлезть на него. Высади-ка меня.

С галеры спустили лодку, и через несколько минут князь Индии очутился на том самом месте берегового утеса, на который вышел пятьдесят шесть лет перед тем с целью схоронить на этом острове сокровища царя тирского Хирама.

Несмотря на это, он стал осторожно и медленно взбираться по утесу, как будто никогда тут не бывал, так что шкипер, оставшись на галере, со смехом следил за его неловкими движениями.

Как бы то ни было, он добрался наконец до вершины и очутился на поляне, покрытой тощей растительностью. Как и прежде, тут возвышались развалины башни, и старик с беспокойством подошел к тому камню, который он сам некогда привалил ко входу своей тайной сокровищницы. Камень находился в прежнем положении, и, убедившись в этом, князь Индии вернулся на галеру.

Он приказал идти далее к Принкипо и Халки, где галера провела всю ночь и следующий день, а ее пассажир убивал время экскурсиями в соседние горы и монастыри.

На вторую ночь он взял лодку и вышел в море с целью покататься вдвоем с Нило. Отправляясь в путь, он предупредил шкипера, чтобы он не беспокоился, если они долго не вернутся, так как на воде было очень тихо, они оба хорошо гребли и взяли с собой для подкрепления сил вина и воды в новых мехах.

Ночь была прекрасная, звездная, и на море было много катающихся в лодках, громко распевавших. Миновав всю эту веселую компанию, Нило напряг свои силы, и лодка быстро понеслась к восточному берегу острова Плати.

Выйдя на берег, князь Индии пошел прямо к известному ему тайнику, отодвинул камень и на четвереньках пополз по узкому подземному проходу. Его беспокоила мысль, находятся ли в сохранности оставленные там сокровища. Если бы только были взяты драгоценные камни, то это была бы небольшая беда, так как он мог обратиться тогда в иерусалимскую контору своего банка, но если пропал меч Соломона, то эта потеря была бы невозполнима.

Тихо, медленно пробирался он вперед, пока не нащупал ступеньки, осторожно спустился по ним, приподнялся на колени и левой рукой достал из отверстия в стене мех старого Нило. Несмотря на темноту, он развернул этот мех и с удовольствием ощупал в нем ножны меча с рукояткой из рубинов. Потом он вынул положенный им некогда рядом с мечом мех для воды, в котором хранились драгоценные камни. Он сосчитал один за другим все девять мешков с драгоценностями, которые наполняли этот мех, и осторожно перенес их в лодку, где положил мешки в новые мехи, из которых вылил воду, а меч Соломона завернул в свой плащ.

К полудню он вернулся на галеру и сказал шкиперу:

— Довольно кататься. Вези в город, но,— прибавил он, подумав немного,— высади меня на берег в сумерки.

— Мы достигнем пристани ранее заката солнца.

— Ну, так пройди по Босфору до Буюк-Дере и вернись обратно.

— Но офицер у городских ворот тебя не впустит, когда наступит ночь.

— Подымай якорь,— произнес князь с презрительной улыбкой.

Действительно, никто не помешал ему выйти на берег после полуночи, так как он шепнул офицеру у Влахернских ворот свое имя и сунул ему в руку золотой. По дороге домой никто не обратил внимание на

него и на Нило, так что они благополучно вернулись в свое жилище с привезенными сокровищами.

Но, подходя к дому, князь Индии случайно взглянул через улицу и увидел свет в жилище Уеля. Это было совершенно необыкновенное явление, и старик решил, убрав свои сокровища, отправиться к соседу, чтобы узнать о случившемся. Но едва он переступил порог своего дома, как Сиама бросился к его ногам; старик вздрогнул: очевидно, произошло какое-то несчастье.

— Что случилось? — спросил он с беспокойством.

Сиама вскочил, взял его за руку и повел к дому Уеля. Последний выбежал к нему навстречу и, бросившись на грудь князя Индии, воскликнул:

— Ее нет, она пропала!

— Кто?

— Лаель, наша дочь, наша Гуль-Бахар.

Князь Индии побледнел и, едва сдерживая свое волнение, спросил:

— Где она?

— О, друг мой и моего отца, ты человек могущественный и любишь ее, помоги мне в моем беспомощном положении. Сегодня вечером она отправилась в паланкине на прогулку к Буколеонской стене и с тех пор не возвращалась. Я побежал в твой дом, думая, не там ли она, но ее не оказалось. Я тогда взял Сиаму, и мы вместе отправились на поиски. Ее видели на Влахернской стене, в саду и в ипподроме, а затем ее след исчезает. Я поднял на ноги всех своих друзей на рынке, и теперь целая сотня людей разыскивает ее всюду.

— Она отправилась из дому в паланкине?

— Да.

— Кто нес его?

— Люди, уже давно служившие у нас.

— Где они?

— Их не нашли.

Князь Индии пристально посмотрел на Уеля. Глаза его метали молнии. Он ясно понимал, что Лаель ис-

чезла не добровольно, а кто-нибудь ее похитил. Если целью этого похищения был богатый выкуп, то через день или два похититель вступит в переговоры, а если нет... Старик не мог даже мысленно окончить этой фразы. Чистая сталь при крайнем напряжении лопа-ется без всякого предупреждения; так случилось и с этим крепким, мощным стариком. Он всплеснул рука-ми, зашатался и упал бы на пол, если бы его не под-держал Сиама.

XVIII

ПРАЗДНИК ЦВЕТОВ

Академия Эпикура не была фантазией Демедия. Она существовала так же, как многочисленные брат-ства в Константинополе, и даже была примечательнее многих из них.

Сначала одно название академии Эпикура возбуж-дало смех, а мудрые головы пессимистически улыба-лись, когда при них говорили об этом обществе, оли-цетворявшем, по их мнению, философское нечестие. С еще большим презрением начали относиться к этой академии, когда ее члены называли место своих собра-ний храмом. Это уже было чистое язычество.

Наконец, общее внимание было возбуждено объяв-лением о празднике цветов в академии и о первом пуб-личном шествии академиков из храма в ипподром.

Этот праздник происходил на третий день после отплытия князя Индии к острову Плати, так что в то самое время, когда этот почтенный чужестранец спо-койно спал на своей галере, утомленный посещением уединенного острова, византийские философы торже-ственно проходили перед громадной толпой, в процес-сии принимали участие до трех тысяч человек, и все они с головы до ног были усыпаны цветами.

Действительно, зрелище было достойно интереса, хотя вызывало улыбки. Между частями, на которые

была разбита колонна, шли отдельно юноши в одеждах со значками, принадлежавшими жрецам мифологических времен. Кроме того, девиз академии «Терпение, мужество, рассудок» слишком часто выставлялся, чтобы не обратить на себя внимания. Эти слова не только были написаны золотыми буквами на знаменах, но и находили себе выражение в прекрасно исполненных картинах.

Колонна три раза обошла вокруг ипподрома, и это заняло столько времени, что все присутствующие могли вполне изучить выражения лиц юных академиков, и это изучение привело только к тому, что здравомыслящие люди, качая головами, говорили друг другу: «Если так долго продлится, то что станет с империей? Неужели недостаточно теперешнего упадка? Страшно подумать, до чего доведут нашу бедную родину эти безбородые юноши!»

Когда кончился первый обход ипподрома и процессия выстроилась перед трехголовой бронзовой змеей, бывшей одним из чудес ипподрома, то те из участников шествия, которые несли треножники, поставили их на землю, из треножников поднялись облака фимиама, полускрывшие змею, как бывало в славные дельфийские дни.

Этот эпизод праздника возбудил негодование всех набожных греков, и сотни почтенных горожан поднялись со своих мест и ушли. Это, однако, не мешало шествию продолжаться, и при третьем круге треножники были подняты, и несшие их заняли свои места в процессии.

Сергий видел веселое зрелище с галереи от первого появления процессии из портика голубых до исчезновения ее через портик зеленых. Он смотрел с особым любопытством на все, происходившее перед ним, так как, с одной стороны, его приглашали вступить в члены академии и для него сохраняли место в ней, а с другой — он знал нечестивые цели этого учреждения и, часто думая о нем после разговора с Демедием, пришел к тому убеждению, что если государство и

церковь не принимали ничего против такого грешного дела, то, конечно, Бог не оставит его без законной кары.

В этот день Сергей пришел в ипподром, чтобы убедиться не только в том, какую силу имела академия, но и какое положение занимал в ней Демедий. Он так глубоко уважал игумена, который горько оплакивал своего блудного племянника, что решил сам вернуть юношу на путь истины.

Наконец, он не мог не удивляться Демедию, его смелости, удалству и ловкости. Кто мог бы, кроме него, так искусно разыграть роль цыгана на празднике у княжны Ирины? Кто мог бы, кроме него, так быстро превратиться из укротителя медведя в победителя-гребца на гонках?

Сергей при этом боялся его. Если Демедий действительно имел дурные намерения насчет Лаели, то никто не мог ему помешать. Сколько раз молодой послушник повторял про себя последние слова той записки, которую он нашел в своей комнате по возвращении с праздника рыбаков: «Может быть, тебе пригодится опахало княжны Индии, а мне оно не нужно, я ношу его в своем сердце». Кроме того, подслушанный им разговор на городской стене как нельзя лучше разъяснял тайное значение этих слов.

Сперва Сергей не мог разглядеть Демедия. Участники процессии были так покрыты цветами, что трудно было отличить одного от другого. При первом обходе он искал Демедия в каждой из отдельных частей процессии, а во втором он не спускал глаз с несших знамена и символы, но при третьем обходе ему повезло.

Во главе процессии шесть или восемь академиков ехали верхом, и почему-то Сергей до сих пор не искал Демедия среди этих выдающихся действующих лиц, хотя молодой грек, очевидно, занимал видное место в академии. Теперь он неожиданно нашел его в группе всадников и едва не вскрикнул от изумления.

Подобно своим товарищам, Демедий был вооружен с головы до ног: на нем были, так же как и на них, щит, лук и стрелы, латы, шлем, а в руке он держал копье, но все это было замаскировано цветами, между которыми по временам мелькала блестящая сталь. Лошадь, на которой он сидел, была украшена, сверх длинной, волочившейся по земле попоны, цветочными гирляндами.

Хотя эти украшения не прибавляли грации ни седоку, ни его коню, но их драгоценность не подлежала сомнению, и толпа приходила от них в восторг, определяя, сколько садов на берегах Босфора и на Принцевых островах были опустошены для этой цели.

С этой минуты Сергей никого и ничего не видел, кроме Демедия.

После третьего обхода арены всадники выстроились в два ряда у ворот зеленых и пропустили мимо себя всю процессию. Время быстро шло к вечеру, и уже тени ложились на западной стороне ипподрома. Но Сергей по-прежнему не покидал своего места и не спускал глаз с Демедия.

На карнизе, окаймлявшем ворота, появился какой-то человек и начал оттуда спускаться вниз. Эта попытка была сопряжена с опасностью, и потому все глаза были сосредоточены на смельчаке. Демедий взглянул вверх и поспешно подъехал к тому месту арки, где должен был спуститься смельчак, который с ловкостью кошки быстро спустился по колонне и соскочил на землю. Толпа приветствовала его громкими рукоплесканиями. Акробат приблизился к Демедию и что-то сказал ему. Спустя минуту он уже исчез в воротах, а Демедий занял свое место в процессии, но от зоркого взгляда Сергея не скрылось то выражение беспокойства, которое показалось на лице предводителя процессии; очевидно, полученное известие глубоко его взволновало.

ХІХ ДВОРЕЦ ЛАЕЛИ

Чтобы понять смысл этой встречи, надо перенестись из ипподрома в жилище Уеля.

Ночью, накануне того дня, когда князь Индии отправился на остров Плати, Лаель сидела с ним на крыше его дома. Он был счастлив ее присутствием, и они на этот раз не зажигали лампы, а довольствовались светом луны. Смотря прямо в лицо старику и положив руки на его колени, она с любопытством слушала рассказ его о том, что он хотел осуществить прежде своего отъезда из Константинополя.

— Мне пора ехать домой,— говорил он, не определяя, где именно находился его дом,— и я давно уехал бы отсюда, если бы меня не удерживала моя милая Гуль-Бахар. Я не могу ни расстаться с нею, ни взять ее с собой, так как в этом случае куда же денется ее отец? Когда она была еще ребенком, то мне было бы легче с ней расстаться, но теперь,— прибавил он,— ты настоящий идеал еврейской женщины, и душа твоя одарена огнем иудея. Я счастлив и не могу с тобою расстаться. Я не покину моей милой Гуль-Бахар, а окружу ее такими признаками любви, что она сама никогда не изменит мне и всегда будет любить меня так же, как до сих пор. Для этой цели я сделаю тебя настоящей княжной. Греки — народ гордый, но они будут преклоняться перед тобой, потому что ты будешь богаче и великолепнее всех. Твой дворец, твой двор и твои драгоценности затмят славу той царицы, которая посещала Соломона. Византийцы думают, что они великие зодчие, и кичатся своей святой Софией, но я им покажу, что из камня индийцы умеют создавать более великолепные, фантастические храмы, напоминающие прихотливые узоры небесных облаков.

Затем он стал подробно объяснять молодой девушке план дворца, который намеревался построить из гранита, поряира и мрамора. Точно так же подробно описал он и внутреннее устройство дворца с его гро-

мадными залами, открытыми галереями и фонтанами.

— Ты увидишь, как все это будет хорошо, и как Соломону помогал в постройке храма Хирам, царь тирский, так он поможет и мне в создании этого дворца.

— Как может он помочь тебе? — произнесла Лаель, качая головой. — Ведь он умер более тысячи лет назад.

— Да, он умер для всех, но не для меня. А что, мой дворец тебе нравится?

— Он будет удивительный.

— А как, ты думаешь, я его назову?

— Не знаю.

— Дворцом Лаели.

Она вскрикнула от радости, глаза ее заблестели таким счастьем, что старик был вознагражден.

— Однако, — продолжал он, — как ни великолепен будет этот дворец, но постоянно сидеть в нем надоест, и я придумал построить себе галеру. Дворец будет для тебя, а галера для меня.

И он так же подробно описал спроектированную им трирему во сто двадцать весел.

— Хотя это невиданное еще судно будет моим, но ты всегда будешь хозяйкой на нем, и мы с тобой посетим на триреме все морские города на свете. А как, ты думаешь, я назвал ее?

— Лаелью?

— Нет. Гуль-Бахар.

Она снова вскрикнула от радости и, как ребенок, забила в ладоши.

В этих разговорах прошла половина ночи, и наконец старик, объявив, что пора спать, проводил ее до дома.

— Завтра, — сказал он, прощаясь с молодой девушкой у ее жилища, — я уеду на трое суток, а быть может, на три недели; скажи об этом твоему отцу и передай ему, что я приказал тебе выходить из дому во время моего отъезда не иначе как с ним. Слышишь?

— Три недели не выходить из дому,— произнесла Лаель жалобным голосом,— это будет очень тяжело. Почему я не могу выходить с Сиамой?

— Сиама не может оказать тебе никакой помощи, даже не может позвать никого на выручку.

— А Нило?

— Нило поедет со мною.

— А, теперь я понимаю! — воскликнула она со смехом.— Ты боишься моего преследователя грека, но ведь он еще не оправился от страха и перестал меня преследовать.

— Ты помнишь цыгана, который показывал медведя на празднике у княжны Ирины? — спросил старик серьезным тоном.

— Помню.

— Это был твой грек.

— Неужели! — воскликнула Лаель с изумлением.

— Да, мне об этом сказал Сергей, и что еще хуже, дитя мое, он был там с одной целью — преследовать тебя.

— Чудовище! А я еще бросила ему свое опахало.

— Ничего,— произнес старик, стараясь ее успокоить.— Никто об этом не знает, кроме Сергея. Если я и упомянул теперь об этом, то лишь только для того, чтобы объяснить причину того, что я не желаю, чтобы ты выходила одна из дома во время моего отсутствия. Но если я действительно не вернусь раньше трех недель и Уелю нельзя будет сопровождать тебя, то я разрешаю тебе выходить из дома, но не иначе как в паланкине и со старыми болгарскими носильщиками. Я им довольно дорого плачу, чтобы быть уверенным в их преданности. Слышишь, дитя мое? И все-таки,— прибавил старик, простившись с девушкой и переходя улицу,— выходи не часто, гуляй только по многолюдным улицам и возвращайся домой до заката солнца. Ну, теперь прощай!

— Прощай! — сказала Лаель, подбегая к нему и целуя его в обе щеки.— Возвращайся скорей.

На следующий день, в полдень, князь Индии отправился в путь. Лаели этот день показался очень длинным.

Второй день прошел еще скучнее. Тщетно она читала книги, данные ей князем Индии; ничто ее не занимало, и она только думала о дворце и триреме, о которых ей говорил князь Индии. Она уже видела себя обитательницей великолепного дворца и пассажирской необыкновенной триремы. Девушка рисовала свою жизнь во дворце и на триреме в обществе не только князя Индии, но и... молодого русского послушника. Он был героем всех ее мечтаний и постоянно находился с нею и с князем Индии в ее фантастической жизни в чудном дворце и во время ее странствий на великолепной триреме.

Третий день заточения довел Лаель до отчаяния. Погода была прекрасная, и она невольно стала вспоминать о прежних своих прогулках по городской стене, возле Буколеона, тем более что она могла там встретить молодого послушника. Ей хотелось спросить его, действительно ли цыган с медведем на празднике у княжны Ирины был тот самый грек. Она краснела, вспоминая, что у этого ненавистного человека находилось ее опахало, и боялась, чтобы Сергей не объяснил это по-своему.

Наконец она не выдержала и приказала, чтобы в четыре часа явились болгары с паланкином. Так как Уель не мог сопровождать ее, а Сиама, по словам князя Индии, не был для нее достаточным покровителем, то она решила по крайней мере исполнить желание старика и явиться домой до заката солнца.

Ровно в четыре часа паланкин был у дома Уеля. Этот паланкин, по приказанию князя Индии, был так роскошно украшен извне мозаикой из разноцветных пород дерева, перламутра и золота, а внутри желтой шелковой материей и кружевами, что все в Константинополе знали его как принадлежность известного богача. Носильщики паланкина, болгары по происхождению, носили всегда роскошные ливреи, но на этот

раз они явились в обыкновенной одежде, на что молодая девушка не обратила внимания, а ни Уель, ни Си-ама не присутствовали при ее отъезде. Ее проводила только наставница, которая слышала, как она приказала носильщикам выбрать путь к Буколеонской стене самыми людными улицами.

— Я вернусь к закату солнца,— сказала Лаель, прощаясь со старухой.

Носильщики исполнили в точности приказание девушки, за исключением только того, что, увидав в ипподроме толпу, ожидавшую процессию эпикурейцев, они миновали это громадное здание и вошли в императорские сады через ворота, находившиеся к северу от святой Софии.

На городской стене было по обыкновению много гуляющих, и Лаель долго оставалась там, подняв шторы на окнах и с нетерпением отыскивая в толпе Сергея. Но время шло, и уже пробило шесть часов, когда надо было возвращаться домой, но Сергей все еще не появлялся. Делать было нечего, она должна была вернуться домой к закату солнца и приказала носильщикам повернуть назад.

— Прикажешь идти теми же улицами? — почтительно спросил один из носильщиков.

— Да,— отвечала она.

Носильщики переглянулись, но Лаель этого не заметила, а ее поразил пустынный вид стены, откуда удалялись уже все гуляющие. Поэтому она прибавила:

— Поторопитесь и найдите самую ближайшую дорогу.

Носильщики снова переглянулись и поспешно пошли по террасам сада.

На третьей террасе, где не было никого и только вдали виднелся двигавшийся навстречу другой паланкин, один из носильщиков споткнулся и упал. Жерди паланкина, находившиеся в руках упавшего, с треском воткнулись в землю, а Лаель вскрикнула.

Носильщики поставили паланкин на землю и, отворив дверцу, объявили, что дальше идти нельзя, так как одна из жердей сломалась и у них нечем было перевязать ее.

— Вот возьмите мой пояс,— сказала Лаель,— он может заменить веревку.

Они взяли пояс и долго возились, обматывая сломанную жердь, но, наконец, один из них подошел к дверце и сказал:

— Перевязанная жердь выдержит паланкин, но не с княжной. Не угодно ли тебе выйти и пойти пешком, а один из нас побежит вперед за другим паланкином.

— Вот паланкин,— воскликнула она, радуясь, как ребенок, и, указывая на приближавшихся носильщиков, прибавила: — Позовите их.

Носильщики переговорили между собой, и один из болгар, открыв дверцу чужого паланкина, сказал:

— Садись, княжна, они понесут тебя вперед, а мы пойдем сзади.

Лаель заняла место в новом паланкине и, затворяя дверцу, громко произнесла:

— Поторопитесь. Уже поздно.

Носильщики быстро двинулись в путь.

— Тише, тише,— слышался голос одного из болгар,— ну, теперь мы готовы и пойдем за вами.

Молодая девушка была очень довольна, что она возвращается домой, и, забившись в угол паланкина, начала думать о Сергии. Отчего он не пришел на прогулку? Неужели его задержал игумен? Как было жаль, что она его не видела и не могла расспросить о ненавистном греке.

Погруженная в эти мысли, она не смотрела по сторонам и только очнулась, когда неожиданно паланкин остановился и она с ужасом увидела, что вокруг царил мрак.

— Что это такое? Где мы? Это не дом моего отца Уеля.

Никто ей не отвечал, и она услышала сначала топот удаляющихся ног, а потом шум затворившейся тяжелой двери.

Страх напал на нее, и она лишилась чувств.

XX

ПЛАН ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Демедий был действительно верховным жрецом академии Эпикура. Поняв, что молодежи надоели постоянные распри, партии и секты, он очень ловко заменил религию философией, основанной на следующих принципах: «Природа — верховный законодатель, счастье — главная цель всех стремлений природы, а потому для юношей цель — удовольствие, а для стариков — раскаяние и набожность». Воплощением этой теории была созданная им академия, а ее девиз «Терпение, мужество и рассудок» подразумевал еще четыре слова, не заявляемые публично, но известные всем adeptам стремления к удовольствиям.

С той самой минуты, как его избрали верховным жрецом, он только и думал, как бы совершить какой-нибудь подвиг, который доказал бы, чего можно достичь, применяя девиз академии. Что касается средств, то он, кроме своего собственного состояния, имел в своем распоряжении кассу академии, в которой в то время имелись значительные суммы. Таким образом, он мог не останавливаться ни перед какими расходами, и весь вопрос заключался только в том, чтобы найти достойный предмет для подвига.

Однажды Лаель обратила на себя его внимание. Она отличалась красотой и возбуждала толки во всем городе. Поэтому ему показалось, что ею можно было заняться, но прежде всего предстояло разрешить две тайны: кто был князь Индии, и какие узы связывали его с Лаелью?

После долгих изысканий и размышлений Демедий установил, что князь Индии — это очень богатый еврей и только названный отец Лаели, которая была родной дочерью другого еврея, торговавшего бриллиантами.

Это как нельзя более соответствовало осуществлению планов Демедия. В Византии евреи находились вне закона, и в случае жалобы на его бесчестные действия по отношению к еврейке он мог подвергнуться только изгнанию. Он занялся поисками убежища, куда бы можно было безопасно спрятать юную еврейку. Долго он не мог найти ничего подходящего. Наконец, прочитав в библиотеке своего дяди историю императорской цистерны, он составил план.

Прежде всего он осмотрел цистерну, используя лодку с факелом на носу. Он измерил глубину воды, сосчитал устои, определил расстояние между ними, убедился, что воздух цистерны был совершенно чист.

Все дело сводилось к двум пунктам: надо было украсть красавицу и поместить в тайном убежище. Для того и другого ему необходимы были соучастники, но по возможности в малом числе. Первым из них должен был быть сторож цистерны; он оказался человеком бедным, нуждающимся; получив значительное вознаграждение, он выказал интерес к предприятию Демедия и даже стал давать ему полезные, практические советы.

Вскоре появился и второй сообщник.

Однажды утром на улице против дома Уеля расположился нищий с больной ногой. С утра до вечера он сидел на своей маленькой скамейке и просил милостыню, а каждую ночь Демедий получал подробный отчет обо всем, что делала Лаель.

Когда же он узнал, что она постоянно отправлялась на прогулку в Буколеонский сад в паланкине с болгарскими носильщиками, то приступил к их подкупу. Они согласились исполнить его желание за приличную сумму, тем более что им легко было освободиться от всяких преследований, перебравшись на турец-

кий берег Босфора; поэтому число сообщников возросло до четырех.

Теперь роли были распределены, и оставалось только назначить час начала игры.

Сторож цистерны один занимал маленький дом, который возвышался во дворе близ входа в цистерну. Он знал механику и взялся устроить плот с несколькими удобными покоем.

Демедий вместе с ним выбрал место, где прикрепит плот между четырьмя устоями цистерны.

Сообщение с плотом производилось при помощи лодки, которая была скрыта от взоров за одним из устоев.

Устройство жилища отняло много времени, но наконец все было завершено. Между тем верховный жрец эпикурейцев стал ощущать нежные чувства к своей жертве. Он так увлекался мыслью о том времени, когда она будет обитать в павильоне императорской цистерны, что не жалел ни денег, ни забот на украшение ее будущего жилища.

Но наиболее трудной частью всех приготовлений было устройство самого похищения Лаели и заключения ее в цистерну. Об этом он думал более и дольше всего. Наконец, он остановился на той мысли, что наиболее удобным будет заманить ее в Буколеонский сад и там заменить ее паланкин другим. Но для этого, к сожалению, пришлось увеличить число его сообщников до шести. Впрочем, никто из них, кроме сторожа цистерны, не имел ни малейшего понятия о том, что ожидало молодую девушку.

Читатели уже видели, как был исполнен план преступления, задуманного Демедием. Болгарские носильщики, быстро отделившись от своих собратьев, вернулись назад в Буколеонский сад, где уже никого не было по причине темноты, бросили свой паланкин на самом берегу, чтобы вызвать мысль о роковом исчезновении молодой девушки, а сами переехали на лодке в Скутари.

Узнав во время цветочного шествия от странного гонца о том, что Лаель отправилась на городскую стену в своем паланкине, Демедий решил, что необходимо отвести от себя всякое подозрение.

«Теперь пять часов,— решил он,— до шести она останется на городской стене, в седьмом она прикажет возвращаться домой, и болгарские носильщики поменяются в саду с подставными. Дай Бог только, чтобы русский послушник молился в своей келье. Здесь меня видят тысячи, а когда Лаель отправится в обратный путь, то я буду на глазах громадной толпы от храма до Влахерна. Только бы проклятый Сергей не проболтался».

Эпикурейцы вернулись в свой храм, и когда они убрали все доспехи и значки, то Демедий обратился к товарищам:

— Ну, братья, мы сегодня хорошо поработали. Мы показали Царьграду философию, увенчанную цветами как противовес религии, посыпанной пеплом. Но наша задача еще не кончена. На лошадей, братья, поедем к Влахернским воротам навстречу императору.

— Да здравствует император! — воскликнули они в один голос.

— Да,— повторил Демедий,— да здравствует император, и да настанет скорее та минута, когда ему надоедят священники и он сделается эпикурейцем!

И восемь всадников, покрытые цветами, поскакали по улицам Константинополя. Солнце садилось, и балконы были полны женщинами, которым всадники, проезжая, бросали цветы.

— От храбрых красавицам! — кричали они.— За улыбку — роза, за приветливый взгляд — другая!

Таким образом они достигли Влахернских ворот и там салютовали дворцу криком:

— Да здравствует Константин! Долгие лета императору!

На обратном пути Демедий повел своих товарищей по той улице, где находились дома Уеля и князя Индии. Он надеялся узнать там что-нибудь о случившем-

ся с Лаелью, и действительно, перед домом ее отца стояла группа взволнованных соседей.

— В чем дело? — спросил Демедий, осаживая лошадь. — Здесь кто-нибудь умирает или болен?

— Нет, — отвечали ему. — Дочь Уеля не вернулась домой к закату солнца, как следовало, и он послал друзей разыскивать ее.

Демедий с трудом удержался от улыбки и поспешно поскакал далее.

XXI ПОИСКИ

Трудно описать тревожное состояние души князя Индии. Злоба клокотала в нем, и он никак не мог примириться с мыслью, что ему нанесено было оскорбление, несмотря на его могущество и богатство; главное же, его сводило с ума сознание полной беспомощности и невозможности наказать злодея, похитившего его любимую Лаель.

Что ее спрятали где-нибудь в городе, он не сомневался и был вполне убежден, что рано или поздно его рука с мешком золота отопрет двери ее темницы. Но не будет ли поздно? Он мог добыть обратно цветок, но не окажется ли он увядшим? При этой мысли судорога пробегала по его телу. Если тот злодей, который совершил это преступление, избегнет его кары, то он выместит свою злобу на всей Византии.

Всю ночь он без усталости ходил взад и вперед по своей комнате, часы шли бесконечно, и он никак не мог дожидаться восхода солнца.

Наконец при первых лучах утренней зари он вышел из двери и, увидав Сиаму, сказал:

— Принеси мне маленькую шкатулку с моими лекарствами.

Когда Сиама исполнил это приказание и подал ему золотую шкатулочку, украшенную бриллиантами, то

он отпер ее и вынул из находившейся там серебряной баночки пилюлю, которую тут же проглотил.

— Отнеси назад,— сказал он, отдавая шкатулку Сиаме, и когда тот удалился, то старик прибавил, обращаясь к нарождавшемуся дню, словно к живому существу: — Здравствуй, день, я давно тебя жду и готов предпринять выпавшее на мою долю трудное дело. Клянусь, что не буду знать ни покоя, ни сна, ни еды, ни питья, доколе не совершу его! Недаром я жил четырнадцать столетий, и в этой погоне за злодеями я докажу, что не утратил своей хитрости. Я дам им срок два дня; если они в это время не возвратят мне моей Лаели, то горе им.

В эту минуту вернулся Сиама.

— Ты верный, преданный человек, Сиама, и я тебя люблю,— сказал князь Индии.— Принеси мне чашку напитка из листьев чипанго. Хлеба не надо.

Пока он ждал возвращения слуги, продолжал рассуждать сам с собой:

— Я выпью этого напитка не для утоления жажды, а чтобы лучше подействовала пилюля из мака.

Когда явился Сиама, то он сказал, обращаясь к нему:

— Сходи теперь за Уелем и приведи его сюда.

Когда вошел в комнату отец Лаели, князь Индии пристально взглянул на него и спросил вполголоса:

— Есть какие-нибудь известия?

— Никаких,— отвечал купец дрожащим от отчаяния голосом, грустно опустив голову.

— Мы братья,— продолжал князь Индии, подходя к нему и взяв его за руку.— Она любила нас обоих, а ни один из нас не может похвастаться, чтобы он любил ее больше другого. Ее поймали в ловушку. Нам необходимо ее отыскать. Душа моя слышит, как она взывает к нам из той бездны, в которую ее ввергли. Будешь ты, сын Иадая, делать то, что я тебе скажу?

— Буду,— отвечал Уель со слезами на глазах.— Ты человек сильный, а я существо слабое. Все будет по-твоему.

— Хорошо. Слушай меня. Мы найдем нашего ребенка, хотя бы ее запрятали в преисподнюю, но, быть может, она окажется или мертвой, или не тем чистым существом, которое мы так любили. Я думаю, что она была одарена такой возвышенной душой, что скорее предпочла бы смерть бесчестию, но как бы мы ее ни нашли, обещанной или мертвой, обязуешься ли ты во всем исполнять мою волю?

— Да.

— Я один буду решать, что нам делать и какие меры предпринимать. Но помни, сын Иадая, что я говорю не только как отец, но и как иудей.

Уель взглянул на князя Индии и вздрогнул от удивления, так как расширились зрачки старика от действия опиума. Его лицо дышало необыкновенной энергией, уверенностью в себе и таким пламенным одушевлением, словно мановению его руки повиновался весь мир.

— Ну, теперь, брат Уель, ступай и приведи сюда всех публичных писцов с рынка.

— Всех? Да ведь это будет очень дорого!

— О, сын Иадая, будь истым евреем! В торговле надо иметь в виду только барыш, а не расходы, а тут дело идет не о купле и продаже, а о чести, о нашей чести! Неужели христианин побьет нас и надругается над нашей дочерью? Нет, клянусь Авраамом и матерью Израиля, клянусь Рахилью и Саррой, клянусь всеми избранниками Бога, спящими на берегах Хеврона, что я не пожалею денег и заброшаю ими всю Византию. Они ослепят глаза греков и наполнят их карманы так, что не останется ни одного уголка в городе, ни одной расселины в семи холмах не исследованными. Ты сказал, что будешь мне повиноваться. Иди же за писцами и веди их всех с письменными принадлежностями. Торопись, время идет, а Лаель томится в своем заточении, тщетно взывая к нам о помощи.

Уель быстро исполнил распоряжение князя Индии, и в короткое время дом богача наполнился писцами, перья которых скоро забежали по бумаге под его дик-

товку. Через несколько часов на всех церквах, городских воротах и главнейших домах Константинополя появились следующие рукописные объявления, которые громко читались приставленными к ним людьми:

«Византийцы!

Отцы и матери Византии.

Вчера вечером дочь купца Уеля, молодая девушка шестнадцати лет, темнокудрая, с красивыми чертами лица, исчезла в Буколеонском саду из своего паланкина. Она злодейски похищена, и нет никаких слухов ни о ней, ни о болгарах, несших ее паланкин.

Награды.

Из любви к этой девушке, которой имя Лаель, я заплачу всякому, кто мне ее доставит живой или мертвой,

6000 золотых.

А тому, кто доставит мне ее похитителя или сообщит только имя какого-либо соучастника в этом преступлении с доказательством его вины, я выдам

5000 золотых.

Узнать о моем адресе в лавке Уеля на рынке.

Князь Индии».

Весь город поднялся на ноги. Никогда в нем не видно было такой беготни, такой суеты. Всюду: и на городских стенах, и в башнях, и в гавани, и в старинных зданиях, и в новых домах, от чердаков до подвалов, и в церквах, от колокольни до склепа, и в казармах, и в кладовых, и на судах, стоявших на якоре, произведены были тщательные поиски. Все окрестные леса были обысканы, подвергли обыску монастыри и обители; дно моря исследовали сетями, потревожили могилы и саркофаги на кладбищах — одним

словом, только одно место во всем городе осталось нетронутым — дворец императора. К полудню волнение из Константинополя перешло в Галату и на Принцевы острова. Так велика была чарующая сила объявленных наград, которые обе вместе составляли такое богатство, что мог соблазниться ими даже король. И повсюду слышались два вопроса: нашли ли ее и кто такой князь Индии? Бедному Уелю не было даже времени погоревать: так забрасывали его вопросами толпы любопытных.

Проверили общественные цистерны. В течение дня много добровольных ищеек являлись в императорскую цистерну, и их приветливо встречал сторож, который любезно допускал всякого к осмотру своего жилища и отвечал на многочисленные вопросы:

— Я вчера ночью был дома от заката солнца до восхода. В сумерки я закрыл ворота, и никто не мог войти сюда без моего ведома. Я знаю паланкин дочери Уеля: он красивейший во всем городе. Болгары пронесли его мимо моего дома, но назад не возвращались. Если желаете, можете осмотреть цистерну. Вот дверь во внутренний двор, а там находится спуск в цистерну. Но если бы молодая девушка была здесь, то разве я не знал бы об этом и не заявил раньше. Ведь золото имеет магическую силу и для меня. Я бы не прочь разом разбогатеть и бросить эту проклятую службу.

Эти слова не возбуждали сомнения ни в ком, и только одна группа настояла на том, чтобы осмотреть цистерну. Они спустились в нее по нескольким ступеням, бросили взгляд на высокие черные устои, исчезавшие во мраке, и, вздрагивая от холода, поспешили удалиться, бормоча:

— Уф!.. Как тут гадко!

Кроме непривлекательности вида цистерны, она еще отбивала искателей от подробного исследования своей величиной. Для основательного осмотра необходимо было спустить лодку, взять с собой факелы и се-

ти, одним словом — много забот и расходов. А так как результат был очень сомнителен, то никто и не решался на такой неблагодарный труд.

В продолжение целого дня дом князя Индии был главной квартирой всего движения, неожиданно объявшаго Константинополь. Еще в восемь часов утра принесли пустой паланкин, но в нем не было никаких следов, а вместе с тем и тайна исчезновения Лаэли осталась неразгаданной. Наступил полдень, и все-таки не было никаких известий о похищенной красавице.

Прошло еще несколько часов, и поиски стали ослабевать. Толпа начала расходиться, и на вопросы встречавшихся любопытных: «Куда идете?» — слышался один ответ: «Домой».

— Что же, ее нашли?

— Нет.

— Что ж, поиски кончены?

— Да.

— Отчего?

— Ясно, что болгары похитили молодую девушку и продали ее туркам. Князь Индии, кто бы он ни был, может выкупить из турецкого плена за гораздо меньшую сумму, чем назначенная им награда. И ему нечего торопиться. В турецких гаремах время не в счет.

Вечером Константинополь принял свой обычный, мрачный вид, и только всюду слышались громкие сожаления, что все усилия получить обещанную награду остались безуспешными. В доме князя Индии также водворилось спокойствие. На все его просьбы, чтобы продолжались поиски, ему отвечали советом возобновить их на другом берегу Босфора. Ему доказывали очень логично, что одно из двух: или болгары сами отвезли молодую девушку туркам, или ее отбили у них. Если бы они были убиты, то их тела были бы найдены, а в случае их невиновности они сами явились бы, так как они имели такое же право, как и все, на получение обещанной награды.

Признавая всю вескость этих аргументов, старик замолчал, а когда его дом очистился от постоянно менявшихся целый день посетителей, он стал по-прежнему ходить взад и вперед в сильном раздражении.

Поздно вечером явился к нему Уель, по выражению лица которого было видно, что он поддался отчаянию.

— Ну, что, сын Иадая, мой бедный брат! — спросил князь Индии. — Уже наступила ночь, и какие ты принес известия?

— Никаких. Только все говорят, что это дело носильщиков.

— Дай-то Бог, чтобы это было так. Тогда можно быть уверенным в ее безопасности. Всего хуже, что они могут сделать — это потребовать большого выкупа. Но я думаю, что они здесь ни при чем. Может быть, они соучастники, но не зачинщики, у них на такое не хватило бы ни смелости, ни решимости. Помни мои слова, преступником окажется какой-нибудь знатный грек, который рассчитывает на свои связи. Но кто бы он ни был, он не избегнет моей руки. Я найду его, хотя бы он скрылся на глубине ада и... а пока иди, мой друг, спать, а завтра утром снова приведи сюда писцов: им будет новая работа. погоди, тебе необходим отдых.

С этими словами князь Индии позвал Сиаму и велел ему принести золотую шкатулку с лекарствами, а когда его приказание было исполнено, то он вынул из нее пилюлю и подал ее Уелю.

— Прими это лекарство, и ты будешь спать как мертвый. Сон подкрепит тебя, и мы завтра примемся за новую работу.

В то самое время, когда начались во всем Константинополе поиски исчезнувшей Лаели, Сергей, встав рано утром, прислуживал игумену и ничего не знал о том, что волновало всех византийцев. Но не успел еще игумен умыться, как в келью вошел его племянник и почтительно поцеловал его руку, что вызвало улыбку на лице больного, истощенного старика.

— Да благословит тебя, Бог, дитя мое,— сказал он.— Я только что думал о поездке в Принкипо, чтобы восстановить тамошним воздухом мои упавшие силы, но если ты останешься со мной, то я отложу поездку. Сядь возле меня и раздели мою трапезу.

— Нет, я не аземит, а твой хлеб, по-видимому, на дрожжах,— произнес юноша, презрительно смотря на черный хлеб, лежавший на тарелке.— Я уже позавтракал и зашел только, чтобы осведомиться о твоём здоровье и рассказать тебе, что весь город взволнован событием, совершившимся вчера вечером. Оно так странно, так смело, так нечестиво, что невольно теряешь всякое доверие к обществу и сомневаешься в том, что не дремлет ли по временам Всевидящее Око Бога.

Игумен и молодой послушник с удивлением взглянули на Демедия.

— Я даже не знаю, как тебе рассказать об этом ужасе. Лучше я прочту тебе объявление, которое по дороге сюда я сорвал со стены. Впрочем, я попросил бы прочитать Сергия.

Демедий подал Сергию одно из объявлений, распространённых князем Индии по городу. Прочитав до половины с большим трудом, он умолк и посмотрел пристально на Демедия, который отвечал ему спокойным взглядом.

Молодые люди молча смотрели друг на друга.

Довольный успехом своего плана, Демедий беспокоился всю ночь только об одном: что сделает русский послушник? Сергей инстинктивно понял, что ему не следовало обнаруживать своих чувств, и отвечал на взгляд Демедия так спокойно и хладнокровно, что последний растерялся.

— Ну,— сказал Демедий, обращаясь к игумену,— я пойду и помогу в розысках. Награды назначены такие, что я не прочь заслужить одну из них.

С большим усилием сохранил Сергей свое хладнокровие при Демедии. Удалившись в свою келью, он стал с ужасом размышлять о судьбе бедной Лаели. В

ушах его как бы раздавался ее голос, звавший его на помощь, и он невольно отвечал: «Я слышу, но где ты?»

Услышав церковный колокол, он поспешил в церковь, но и там в ушах его звучал жалобный зов Лаели.

По окончании церковной службы он вышел на площадь, чтобы принять участие в общих поисках.

На улицах он всюду слышал только один вопрос: — Ну, что, нашли ее?

В сущности, он не обращал внимания ни на кого и шел прямо, сам не зная куда. У него не было никакого определенного плана, и он сознавал только одно, что сердце его надломлено, что все его существо обуеваемо страшным желанием отыскать молодую девушку и отомстить злодею за похищение.

Он не понимал, что им руководило новое для него чувство любви, что оно незаметно подкралось и овладело им.

Машинально он прошел через ипподром, миновал святую Софию и отправился через ворота святого Иулиана на городскую стену, где остановился только у скамьи, на которой он подслушал рассказ Демедия о преступлениях в императорской цистерне.

Долго сидел он на этой скамье, припоминая все, что говорил юный грек, и теперь эти слова получили для него новый страшный смысл. Он теперь был уверен, что Лаель была сокрыта в императорской цистерне и что виновником ее похищения был Демедий. Он хотел отправиться к князю Индии, но, поразмыслив, захотел сам убедиться в том, что императорская цистерна могла играть ту роль, которую он ей приписывал. Он невольно стал думать о последствиях своего поступка. Если он станет уличать Демедия в преступлении, то, очевидно, игумен с монахами восстанет против него и примет сторону Демедия. Как было ему, молодому чужестранцу, без всяких связей, вести борьбу с могущественным братством, имевшим громадную силу при дворе? Но эти мысли нисколько не охладили его пыла, и он прямо отправился к императорской цистерне.

Там он увидал сторожа, сидевшего у открытой двери. На первый взгляд он показался ему приятным человеком.

— Я приезжий в Константинополе, — сказал Сергей, подходя к нему. — Могу я осмотреть цистерну, она, кажется, открыта для публики?

— Да, ты можешь осмотреть ее. Вон дверь в конце коридора, она ведет во внутренний двор. Но если ты не найдешь спуска, то позови меня.

Сергей положил несколько маленьких монет в руку сторожа.

Двор был вымощен римским желтым кирпичом и не отличался большим пространством. Посредине его был огороженный овал, означавший вход в цистерну. Ничто не мешало свету падать с голубого неба во двор, за исключением одного угла, где возвышался маленький навес, под которым стоял паланкин с жердями, прислоненными к стене. Сергей взглянул на паланкин и его жерди, а затем обратил внимание на четыре ступени, опускавшиеся к платформе в три или четыре квадратных фута. Он сошел на эту платформу и убедился, что вся лестница находилась в восточной стене цистерны. Уже темнело, и он ощупью опустил еще на четырнадцать ступеней до другой площадки, одинаковой ширины с первой, но имевшей десять футов длины и несколько залитой водой. Он не мог идти далее и потому стал внимательно озираться по сторонам. Хотя он не мог много рассмотреть из-за темноты, но простиравшаяся перед ним водяная поверхность, таявшаяся по краям во мраке, производила сильное впечатление своей безграничностью. На расстоянии двух футов и с таким же промежутком возвышались два гигантских устоя, за ними виднелись другие устои, но как бы в тумане. Внизу ничто не останавливало взгляда. Подняв глаза вверх, он в темноте с трудом мог разобрать кирпичный свод, опиравшийся на коринфские капители ближайших устоев, и он понял, что крыша цистерны состояла из бесконечной системы отдельных маленьких сводов.

Но как ему, стоя на платформе в восточном углу резервуара, было определить его ширину, глубину и длину. Нагнув голову, он устремил свой взгляд в простирившийся перед ним мрак, надеясь увидеть противоположную стену, но это ему не удалось: он видел только одну стену, бесконечную, непроницаемую. Он глубоко втянул в себя воздух и убедился, что он был хотя и сырой, но очень мягкий. Он стукнул ногой изо всей силы, и удар откликнулся только наверху свода. Он громко крикнул:

— Лаель! Лаель!

Ответа не было, хотя в этом крике он вылил всю свою душу. Тогда он решил далее не пытаться разгадать тайны этого древнего сооружения и промолвил про себя, качая головой:

«Это возможно, совершенно возможно. Тут может быть дом на плоту, а в доме она. Да поможет ей Господь. Нет, да поможет мне Господь отыскать ее, если только она здесь».

Выходя во двор, он снова взглянул на паланкин, стоявший под навесом.

— Благодарю тебя,— сказал он, подходя к сторожу.— Давно построили эту цистерну?

— Константин начал ее постройку, а Юстиниан окончил.

— А что, ею пользуются?

— Да, черпают воду ведрами, опуская их через отверстие в сводах.

— А велика она?

Сторож засмеялся и отвечал:

— Я никогда не обследовал ее вполне, да, вероятно, и никто другой не занимался этим делом. Говорят, в ней тысяча устоев и источник ее небольшая речка. Рассказывают также, что многие опускались туда с лодками и никогда не возвращались на свет Божий. Еще существуют легенды о водяных, живущих в глубине этой цистерны, но я ничего об этом не знаю.

Сергий кивнул головой и быстро удалился.

ОБРАЩЕНИЕ КНЯЗЯ ИНДИИ

Всю ночь Сиама не отходил от двери комнаты своего господина и внимательно прислушивался к его шагам, которые ни на минуту не останавливались.

Наконец настал следующий день. Уель хорошо выспался и, встав рано, пошел на рынок, откуда послал к князю Индии всех свободных писцов.

Вскоре весь город покрылся новыми объявлениями:

«Византийцы!

Отцы и матери Византии!

Лаель, дочь купца Уеля, не найдена. Я предлагаю 10 000 золотых тому, кто доставит ее живую или мертвую, и 6000 тому, кто представит сведения, на основании которых можно будет отыскать и предать суду похитителя.

Это предложение действительно только в продолжение настоящего дня.

Князь Индии».

Это объявление не вызвало таких поисков, как накануне. По общему мнению, нечего и негде было искать, а потому все разговоры сосредоточивались на том, кто был этот богатый князь Индии. К десяти часам уже столько было наговорено о нем фантастического, что он изумился бы, узнай, что о нем говорят. Многие пришли к выводу, что он был очень богатый индиец, но не князь, и что интерес, проявленный им к похищенной молодой девушке, носит странный характер. Больше всего об этом говорил Демедий.

Никто во всем городе так не заботился о розыске Лаели, как Демедий. Он метался от места к месту, от городской стены к церквам, от садов к кораблям в гавани, так что не осталось ни одного уголка в Константинополе, куда бы не заглянул. Он был очень доволен результатами первого дня поисков. Особенно

его радовало то, что никто не упоминал о втором паланкине и, по-видимому, никто его не видел, тогда как разговорам о первом не было конца. К концу дня он первым прекратил поиски и стал убеждать всех, что, очевидно, еврейку похитили болгары и отвезли в турецкий гарем.

На другой день Демедий собрал своих товарищей по академии Эпикура и, сформировав из них несколько групп, разослал всюду: в Галату, в города по Босфору, на западный берег Мраморного моря, на острова, даже к Белградскому лесу. Он сделался героем дня.

Когда князю Индии доложили после полудня о том, что византийцы не хотели возобновлять поиски, он сказал недоверчиво:

— Как? Десять тысяч золотых не могут подстрекнуть их? Да они уже десять лет не видали такой суммы в своей казне.

Прошел еще час, и весть о совершенной неудаче второго объявления привела в ярость старика.

И только рассказы о поисках, которые вел Демедий, утешали князя Индии.

В конце дня слуги доложили, что пришел какой-то молодой монах и просит впустить его в дом.

Князь Индии уже давно слышал от Лаели о Сергии и потому с любопытством рассматривал русского послушника.

Волнуясь, тот говорил князю Индии о своих предчувствиях, что Лаель где-то в Константинополе, и просил дать ему в помощники великана Нило.

— Признаюсь, мне плохо верится в эти поиски,— отвечал старик, с любопытством глядя на русского послушника, но все же приказал Сиаме позвать Нило.

— А ты знаешь, как я объясняюсь с ним? — спросил старик.

— Да.

— Но не забывай, что он понимает приказания только по движению губ говорящего, а потому в темноте невозможно с ним объясняться.

Когда явился Нило и почтительно поцеловал руку своего господина, то князь Индии сказал:

— Это послушник Сергей. Он полагает, что может найти молодую княжну, и желает, чтобы ты ему помог. Ты согласен?

Негр кивнул головой.

— Лучше бы ему надеть греческую одежду. Он тогда менее обращал бы на себя внимание,— посоветовал Сергей.

Через несколько минут Нило преобразился в византийца. От прежнего наряда сохранился лишь голубой платок на голове.

Когда Сергей и Нило ушли, князь Индии остался один в своем опустевшем доме и предался самым мрачным мыслям. Он уже почти отчаялся отыскать Лаель, и теперь его занимала мысль о мести.

Мысленно перебрав всех, кто мог остановить поиски, он вдруг понял, кто же обладал в Константинополе такой властью, и заторопился во Влахернский дворец.

Император согласился его принять, и вскоре князя Индии ввели в тронный зал.

— Я не буду злоупотреблять твоим доверием, государь,— сказал князь Индии после приветствий.— Я знаю, какая тяжелая ответственность лежит на тебе. Что значит с твоей заботой о благе империи мое горе? Ты, государь, сделал для поисков моего ребенка все, что мог, но у меня в Византии есть сильный и могущественный враг. Вчера все сочувствовали мне, весь город вел поиски, а сегодня, хотя я предложил нашедшему гору золота, все оборвалось. Кто мог остановить всех людей? Только тот, кто меня ненавидит, кого я оскорбил. Кого же я оскорбил? Государь, позволь мне назвать того, кого я считаю своим врагом.

— Говори, князь, не бойся ничего,— кивнул император, тронутый горем старика.

— Здесь, в твоём присутствии, я проповедовал о братстве всех верующих, о новой вере в единого Бога. Но, как ты помнишь, многие угрожали мне, так ты

даже стал защищать меня. Это они возбудили всех против моей дочери. Этот мой враг — церковь! — почти крикнул он.

— Глава нашей церкви, — отвечал спокойно Константин, — сидел тогда рядом со мною, и он не прерывал тебя, не угрожал тебе.

— Ты, государь, глава церкви, — поклонился старик.

— Нет, князь, ты ошибаешься. Я — сын церкви, но я не ее глава.

Князь Индии побледнел, но через минуту он перекинул свое волнение и произнес с видимым спокойствием:

— Прости, государь, что побеспокоил, и позволь мне уйти. У меня очень много дел.

Константин наклонил голову в знак согласия.

Князь Индии снова поклонился, а затем выпрямился во весь рост и, сверкнув глазами, произнес:

— Государь, ты мог восстановить справедливость, но ты этого не захотел. Ты мог выбрать одно из двух: повелевать церковь или предоставить ей повелевать тобою. Ты выбрал последнее — и ты погибнешь, а вместе с тобою погибнет и твоя империя!

С этими словами он поспешно направился к дверям среди общего изумления, но, не дойдя до них, он вернулся, преклонил колени перед императором и прибавил прежним тоном беспомощного отчаяния.

— Государь, ты мог спасти меня и не захотел, но я тебя прощаю. Вот, — прибавил он, вынимая из кармана громадный изумруд, — я оставляю тебе этот талисман. Он принадлежал царю Соломону, сыну Давида, я нашел его в гробнице Хирама, царя Тирского. Он твой, возьми его, но достойно покарай похитителя моей Гуль-Бахар. Прощай, государь!

Прежде чем присутствующие пришли в себя от удивления, он положил драгоценный камень к ногам императора и быстро удалился из залы.

— Этот человек сошел с ума! — воскликнул Константин.

Вернувшись домой, князь Индии еще не успел войти к себе в комнату, как ему доложили, что кто-то уже давно желает его видеть.

Вскоре в комнату вошел человек с загорелым лицом и в одежде простого рыбака.

— Ты князь Индии? — спросил он на прекрасном арабском языке и с таким достоинством, как будто он всегда жил при дворе.

Старик молча поклонился.

— Ты князь Индии, друг султана Магомета? — повторил вошедший.

— Султана Магомета? Ты ошибаешься, сына султана Магомета.

— Нет, султана Магомета.

В глазах князя Индии мелькнула радость, которую он не знал уже два дня.

— Прости, князь, — продолжал незнакомец, — что я в такой одежде, но мой повелитель приказал прибегнуть к этому переодеванию. Я принес тебе письмо.

Он вынул из-за пазухи бумагу и подал ее с поклоном. Князь Индии развернул пакет.

«Магомет, сын Мурада, султана султанов, князю Индии.

Я вскоре возвращаюсь в Магнезию, мой отец, — да сохранит его молитва пророка, всемогущего пред Богом, — быстро ослабевает физически и умственно. Али, сын Абед-Дина Верного, обязан в тот самый момент, как великая душа моего отца перенесется в рай, прискакать к тебе с быстротой ветра и передать тебе нечто, что ты, конечно, поймешь».

Прочитав эту записку, князь Индии прошелся по комнате взад и вперед, чтобы собраться с мыслями, и потом сказал:

— Что ты привез мне, Али, сын Абед-Дина Верного?

Турок отстегнул медную пряжку, которой была закреплена одна из его сандалий, и, вынув оттуда крепко свернутую атласную желтого цвета ленту, подал ее князю.

— Вот, что я привез. Слава Аллаху, я исполнил свое поручение.

Развернув атласную ленту, князь Индии увидал на ней странную диаграмму.

— Сын Абед-Дина,— произнес он,— это гороскоп, но не о рождении, а о смерти.

— Мой повелитель был уверен, что ты это подумаешь,— отвечал турок.— Но он справедливо говорит, что смерть его отца должна считаться моментом его восшествия на престол, а потому и гороскоп его жизни должен начаться с гороскопа смерти его отца.

— Где он теперь?

— Вероятно, по дороге в Адрианополь. В эту самую минуту, как умер его отец, к нему была послана депеша великим визирем.

— А каким путем он поедет?

— Через Галиполи.

— Вот, возьми это в награду за добрую весть, Али,— сказал князь Индии, подавая ему перстень.— Отправляйся сейчас в обратный путь. Прежде всего заезжай в Белый замок и скажи коменданту, что я сегодня ночью приеду туда. Затем отправляйся навстречу к султану Магомету и скажи ему, что я понял присланное мне, исполню свое обещание и присоединюсь к нему в Адрианополе.

Когда посланец удалился, князь Индии, глядя на диаграмму, подумал: «Родился не человек, и даже не султан, а громадная империя, которую я сделаю могущественной, чтобы наказать Византию. В этой вести о восшествии на престол Магомета в такую минуту, когда моя душа подвергнута отчаянию, я вижу руку Провидения. Я слышу голос Бога: «Брось Лаель, она для тебя погибла, соверши дело, для которого я Тебя призвал. И я исполню эту волю».

И он заходил по комнате в сильном волнении.

Прошло несколько минут, и он немного успокоился. Тогда он позвал Сиаму, расспросил, надежно ли упакованы священные книги, положены ли драгоцен-

ные камни в новые мешки, приготовлены ли лекарства.

Все оказалось готовым к долгому путешествию, и князь Индии продолжил:

— Шкипер судна, что у меня на службе, должен ждать меня в гавани, перед воротами святого Петра. Я сегодня ночью переберусь на судно, но не знаю, в котором часу. Ты заранее позови носильщиков и вместе с ними перенеси ящики и драгоценности к воротам святого Петра, подашь сигнал и перевезешь на судно все мои вещи. Возьми с собою и всех остальных слуг. Ты понял?

Сиама кивнул головой.

— Все остальное мое имущество пусть остается здесь.

Сиама поцеловал руку князя Индии и вышел из комнаты.

Оставшись один, князь Индии пошел на крышу своего жилища. С минуту он задумчиво смотрел на стол, у которого столько раз сидела Гуль-Бахар, помогая ему наблюдать за звездами. Потом он стал ходить взад и вперед по кровле, бросая взгляды на открывшуюся перед ним панораму. Он мрачно перебегал глазами от старинной церкви во Влахерне на Галатские высоты и башню Скутари, а когда его взгляд остановился на Мраморном море, лицо просияло. С той стороны горизонта поднимались черные тучи, и оттуда дул свежий ветер.

— Господи! — произнес он, сверкая глазами. — Гордыня человеческая восстала против меня, и злые люди хотели меня погубить, но Ты заступился за меня, и поднимающийся ветер довершит мою месть.

Громко произнеся эти слова, он опустился на стул и сидел до тех пор, пока солнце не зашло и наступивший холод не прогнал его в дом.

Там царила полная тишина. Князь Индии прошел по всем комнатам, останавливаясь по временам и прислушиваясь к завыванию ветра за окнами.

Когда наступила ночь, он перешел через улицу к Уелю. Их разговор был очень краток, они больше молчали. Оба были убеждены, что Лаель была для них навсегда потеряна, но не хотели в этом сознаваться.

Наконец князь Индии объявил, что ему пора ехать, и, вынув из кармана запечатанный кошелек, подал его Уелю.

— Все-таки, может быть, наша Гуль-Бахар еще найдется, но меня тогда не будет в Константинополе. Отдай ей этот кошелек. Он полон драгоценных камней, из которых каждый представляет состояние. Если она не вернется в продолжение года, можешь сделать с этими драгоценностями что хочешь.

— Ты надолго уезжаешь? — спросил Уель.

— Не знаю. Я странник. У меня нет ни родины, ни дома. Прощай, Господь с тобой!

С этими словами он удалился и пошел в свой дом. На пороге он остановился, крепко запер за собою дверь, потом прошел в кухню, собрал в жаровню оставшиеся угли, снес ее в сени под лестницу и навалил на нее груды мебели, которую изломал на куски. Устроив большой костер, он поставил лампу среди углей, а сам поднялся на крышу.

Вскоре до него донеслись треск горевшего дерева и удушливый запах гари. Он все-таки не опускался вниз, пока не начал задыхаться от смрада и дыма. Тогда он быстро сбежал вниз и, отворив дверь, выскочил на улицу.

Вокруг все спало, а ветер дул с такой силой, что старик едва держался на ногах.

— Ха, ха, ха! — произнес он с диким торжеством. — Огонь и ветер хорошо отомстят за меня!

И он поспешно удалился по пустынной улице, направляя свои шаги к воротам святого Петра.

По дороге он время от времени останавливался и со злобной радостью смотрел на зарево, видневшееся над тем кварталом города, в котором он жил.

— Гори огонь, дуй ветер! — бормотал он про себя. — Византийские лицемеры и ханжи, вы узнаете,

что Бог Израилев не терпит злодеев, обольщающих дочерей его избранного народа. Пылай огонь и пожирай этот нечестивый город! Ветер, раздувай шибче это мстящее злым людям пламя! Не жалейте никого, пусть погибнут и невинные вместе с нечестивыми!

Улицы Константинополя уже наполнялись толпами, которые в испуге безумно бегали во все стороны, оглашая воздух криками.

Князь Индии продолжал свой путь, но со злобной радостью следил за объявшею город паникой. Ничто не ускользало от его торжествующего взгляда: ни бледность испуганных лиц, ни молитвы, громко обращаемые к Влахернской Богородице, ни крики и стоны женщин и детей. Наконец он достиг гавани, отыскал свою галеру и, усевшись на палубе, приказал шкиперу как можно скорее грести к Босфору.

Полагая, что старик в испуге бежит от пожара, шкипер приказал своим гребцам налечь на весла, и при свете уже распространившегося по всему небу зарева галера быстро двинулась в путь.

Но ветер был так силен, что, когда она обогнула Серальский мыс, то несшиеся с Мраморного моря валы стали выбивать весла из рук гребцов. Они подняли крики, и шкипер сказал, обращаясь к князю Индии:

— Я плаваю по этим водам с детства, но никогда не видел такой ночи. Надо вернуться в гавань.

— Разве недостаточно светло?

— Свету-то слишком много,— произнес шкипер, крестясь дрожащей рукой,— но ветер и волны...

— Пустяки. Гребите дружной, а за Скутарийскими высотами будет тише.

Шкипер удивился, что человек, обратившийся в бегство от огня, не боится бури. Но делать было нечего, он должен был повиноваться.

Когда галера пошла вдоль азиатского берега, князь приказал держать путь вверх по Босфору, к Белому замку.

Комендант замка встретил на пристани друга нового султана. Прежде чем войти в замок, старик обер-

нулся и бросил еще раз торжествующий взгляд на горевший Константинополь.

— Ну, огонь и ветер сделали свое дело,— промолвил он.— Так всегда небо карает обольстителей невинных девушек и гордецов, отворачивающихся от истинного Бога.

Спустя час он уже мирно спал.

Между тем во всем Константинополе был переполох. Вскоре после полуночи дежурный офицер императорской стражи разбудил Константина и даже, забыв этикет, схватил его за руку:

— Проснись, государь, проснись и спаси свою столицу: она вся в огне!..

Константин быстро оделся и прежде всего взбежал на башню Исаака. Открывшееся перед ним зрелище наполнило его душу ужасом, но он был храбрый человек и никогда в критическую минуту не терял присутствия духа. Он видел, что огонь прямо шел на Влахерн, где, за недостатком добычи, он должен был сам собою прекратиться. Все, что лежало на его пути, спасти было невозможно, но при энергичных усилиях легко было прекратить распространение огня направо и налево. Император приказал всем солдатам вместе с чиновниками помогать тушить огонь.

До восхода солнца он не покидал башни. На рассвете он увидел, что выгорела только линия домов от пятого холма до восточной стены дворца. Жертв пока никто не мог определить. Все предполагали, что князь Индии тоже погиб в огне.

Весть о том, что Уель, сын Иадая, умер от тяжелых ожогов, дошла до Белого замка через несколько дней, поразила князя Индии. Неужели злая судьба, как в старину, тяготеет над ним? Неужели, в силу произнесенного против него небесного приговора, всем, близким ему, всем, которых он любил и с которыми был в дружбе или деловых отношениях, грозит

рано или поздно смерть? Прежде всего погибла Лаяль, потом Уель, а теперь за кем очередь?

Дом Уеля, как известно, находился против жилища князя Индии, и их отделяла только узкая улица. Вскоре огонь перебросило к нему, и хотя Уель сумел выбраться из дома, но, вспомнив о драгоценностях, оставленных князем Лаяли, бросился назад в горевший дом. Драгоценности он достал и вынес на улицу, но получил такие тяжелые ожоги, что умер на следующий день. За несколько минут до кончины он продиктовал письмо княжне Ирине, в котором просил ее от своего имени и от имени князя Индии взять на себя заботу о Лаяли. К письму он приложил кошелек с драгоценными камнями.

XXIII

СЕРГИЙ И НИЛО НАПАЛИ НА СЛЕД

Рано утром Сергей вышел из дома князя Индии вместе с Нило. Около полудня они оба шли по улице, которая вела к жилищу сторожа императорской цистерны. За ними следовал разносчик с лотком фруктов. Увидав издали сторожа, сидевшего по обычаю перед своей дверью, Сергей остановился и сказал разносчику:

— погоди, я спрошу у этого человека, не дозволит ли он мне войти в свою комнату и спокойно поесть фруктов, тогда я у тебя куплю.

Он подошел к сторожу и произнес:

— Здравствуй, добрый друг!

— Здравствуй,— отвечал сторож.— Это ты был вчера? Рад тебя видеть.

— Благодарю. Я желал бы поесть фруктов, но не ловко есть на улице, а потому я думал, что ты позволишь мне войти в комнату, тем более что я и тебя приглашаю.

С видом знатока сторож пощупал один апельсин на лотке.

— Конечно, зайди, — кивнул он.

Сергий пропустил вперед себя разносчика и подал незаметно Нило условный знак.

Нило, осмотревшись по сторонам, прошел через крытый проход во внутренний двор, где одним взглядом охватил все: плитами устланный двор, лестницу, ведущую в цистерну, стены, окружающие с трех сторон двор, и стоявший в углу паланкин. Он улыбнулся, оскалив свои жемчужные зубы. Еще раз осмотревшись, он быстро подошел к паланкину, отворил дверцу, сел в него и убедился, что оттуда можно было видеть разом и вход в цистерну, и дверь в жилище сторожа. Затем снова вышел из паланкина и опустился в цистерну, пристально осматривая все, что останавливало на себе его внимание.

Очувтившись на нижней платформе, он задумался. Белые устои, громадные по величине, и окружающий мрак производили на него удручающее впечатление, тем более что в его глазах темнота всегда была переполнена призраками. Нило не боялся этих призраков, но ощутил суеверный страх, от которого он не сразу отделался, и тогда он пристально устремил свой взгляд в воду, желая убедиться, было ли в ней течение. Когда он увидел, что течение отсутствует, то поспешно поднялся наверх и, по-прежнему осторожно посматривая по сторонам, сел в паланкин и опустил шторы.

Между тем Сергей, чтобы дать время Нило, удерживал сторожа и разносчика в комнате под предлогом выбора фруктов. Потом он отпустил разносчика и долго распробывал со сторожем апельсины, виноград и смоквы.

Во все это время, по счастью, не явился ни один посетитель. Наконец Сергей, поблагодарив сторожа, удалился. Весь остальной день он провел на скамейке в ипподроме, время от времени заглядывая на улицу,

которая вела в цистерну, чтобы убедиться, сидит ли у двери сторож.

Когда настал вечер, он снова вернулся к цистерне и укрылся под воротами, против жилища сторожа.

После захода солнца сторож запер ворота железным засовом. Скрип ворот предупредил Нило о том, что он остался один, но это несколько его не испугало. Вскоре он услышал шаги по двору и, выглянув из-за шторы, увидел, что какой-то человек с фонарем направляется к цистерне. Это был сторож.

Нило тихо вышел из своей засады и последовал за ним. Он увидел, как сторож при свете фонаря сел в лодку и, взяв весла, исчез во мраке. Нило вернулся в паланкин и стал по-прежнему терпеливо ждать. Прошло много времени, пока сторож не вышел из цистерны и удалился в свое жилище.

Нило хотел было впустить во двор Сергия, но, поразмыслив, решил, что еще рано, и продолжал караулить.

Между тем Сергей, оставаясь в своей засаде, видел поднявшуюся бурю, а затем и быстро распространившийся по городу пожар. Мимо него пробежали толпы народа, объятые ужасом, но он не трогался с места. Он так же, как Нило, терпеливо ждал.

После полуночи он начал раздумывать, не лучше ли бросить, по-видимому, тщетное ожидание и поспешить на помощь погорельцам. Пока он колебался, в начале улицы показался человек, быстро шедший из ипподрома. Несмотря на то что он с головы до ног был закутан в плащ, Сергей тотчас узнал в нем Демедия. Забыв теперь о пожаре и его жертвах, он весь обратился в зрение.

Демедий остановился у ворот и постучал. Через минуту ворота отворились, и он исчез.

Как только послышался стук в ворота, Нило незаметно стал следить, как сторож впустил какого-то человека в свое жилище, а потом проводил его в цистерну. Сердце негра радостно застучало. Перед ним был давно ожидаемый враг.

Когда ему показалось, что Демедий и сторож дошли до нижней платформы, Нило тихонько последовал за ними к лестнице.

Оба, сторож и грек, сели в лодку и отчалили.

Нило пошел к воротам, как вдруг услышал шаги возвращающегося сторожа. Он едва успел спрятаться за паланкин. Но не успел сторож вступить на порог своей двери, как Нило бросился и схватил его за горло.

Скорее из страха, что на него напал черт, присланный из ада, чем от боли, сторож рухнул мертвым на землю. Нило стащил в паланкин и оставил там бездыханное тело. Потом он отломал жерди, на которых носили паланкин и, опустившись с ними в цистерну, соорудил плот, вроде того, на котором он плавал по своим родным рекам.

Негр забыл в пылу борьбы о том, что говорил ему Сергей, и, освободившись от одного врага, вздумал разделаться с другими сам, без чужой помощи.

XXIV

ЦИСТЕРНА ВЫДАЕТ СВОЮ ТАЙНУ

Пора вернуться к Лаели.

Когда носильщики внесли во двор паланкин с девушкой, сторож запер ворота, взял в своей комнате фонарь и, отворив двери паланкина, вздрогнул.

Похищенная лежала бледная, почти мертвая, и только слабо колыхавшаяся грудь доказывала, что она жива.

«Вот она и в наших руках,— подумал он.— Не понимаю, зачем он так убивался. Он мог за гораздо меньшие деньги получить живую красавицу, а не полумертвую. Впрочем, это его дело. Во всяком случае, он будет доволен, что она не будет плакать и сопротивляться».

Он осторожно поднял девушку, отнес ее в цистерну,

тихонько опустился с нею по лестнице и положил на дно лодки, которая стояла у нижней ступени. Прежде чем отчалить, он неожиданно увидал блестящую на груди Лаели брошку и, отстегнув ее, спрятал в свой карман, а потом стал энергично грести. Ему пришлось несколько раз поворачивать лодку то в ту, то в другую сторону, огибая многочисленные колонны и опоры. Трудно было сказать, какого направления он держался и сколько времени плавал, но наконец достиг крестообразного плота, причаленного между четырьмя громадными колоннами, поддерживавшими крышу цистерны.

Лаель по прежнему находилась в бесчувственном состоянии. Сторож поднял ее и внес в дверь маленькой одноэтажной постройки на плоту. Хотя внутри этого помещения царил непроницаемый мрак, сторож прямо подошел к ложу и положил на него молодую девушку.

— Ну, мое дело покончено, — произнес он, тяжело переводя дыхание. — Теперь остается только осветить дворец. Если она очнется в такой темноте, то умрет со страха.

Он вернулся к лодке, взял фонарь и с его помощью зажег большую люстру, висевшую на потолке. Комната ярко осветилась.

Жилище на плоту состояло из трех комнат: первой направо — столовой, второй налево — спальней, а третьей, прямо против входа — гостиной. В столовой блестяли хрусталь и серебро на роскошно накрытом столе, в спальне манила богатейшая кровать с розовыми занавесами и волнами самых редких кружев, в гостиной была мягкая, удобная мебель, крытая драгоценными шальями, которым позавидовали бы в любом персидском гареме. Здесь всюду виднелись художественно расположенные веера и опахала, а в углу возвышался лист полированной меди величиною в рост человека, заменявший зеркало. Подле него находилась подставка с туалетными принадлежностями.

Магомет мечтал построить дворец любви, а тут

был дворец сладострастия, созданный по всем правилам эпикурейства, как его понимал Демедий. Он не пожалел на устройство этого храма ни средств, ни усилий, рассчитывая пользоваться им долго, и не только предназначал его Лаели, но и целому ряду красавиц, которые могли заменить ее в его сердце. Смена же одной фаворитки другою была тем легче, что вокруг находилась мрачная вода, которая могла скрыть навеки надоевшую красавицу. Одним словом, этот храм сладострастия в глазах Демедия должен был быть настоящим храмом академии Эпикура, где как он, так и его друзья могли не на словах, а на деле поклоняться своему божеству.

Сторож, не обращая внимания на роскошь помещения, занялся приведением в чувство девушки. Он стал spryskivatsya ee lytso vodoю и энергично обмахивать ее опахалом из белоснежных страусовых перьев, с ручкой, украшенной драгоценными камнями.

К его величайшей радости щека Лаели мало-помалу начали покрываться румянцем, и она открыла глаза.

Лаель приподнялась и с ужасом стала озираться по сторонам. Все, что она увидела, так напугало ее, что она снова лишилась чувств. Сторож снова прыснул на нее водой.

— Где я? — спросила Лаель, когда снова очнулась.

— Во дворце...

— Напрасно я не послушалась отца, — промолвила девушка, перебивая сторожа. — Умоляю тебя, отпусти меня! Отец богатый человек и озолотит тебя. Умоляю тебя на коленях, доставь меня к отцу!

И она бросилась к ногам сторожа.

Сердце его дрогнуло, и он отвернулся, чтобы не поддаться чувству сожаления. Лаель схватила его за руку и продолжала тем же умоляющим голосом:

— Прошу тебя, отведи меня домой.

— Все твои мольбы напрасны, — отвечал резко сторож, стараясь резкостью придать себе мужество. — Я не могу вернуть тебя домой, хотя бы твой отец осы-

пал меня золотом, даже если бы я хотел, то все-таки не в силах этого сделать. Будь благоразумна и выслушай меня. Все, что здесь, принадлежит тебе, если ты захочешь есть, пить или спать, то найдешь все, что тебе надо. Только будь благоразумна и перестань умолять меня. Замолчи, а не то я сейчас уйду.

— Ты уйдешь, не сказав мне, где я, зачем я здесь и кто меня сюда доставил? О, Боже мой! Боже мой!

И она в отчаянии бросилась на пол.

— Я сейчас уйду,— продолжал сторож, как ни в чем не бывало.— Но я буду приходить каждое утро и каждый вечер за приказаниями. Не бойся ничего. Никто не хочет тебе сделать ни малейшего вреда. Если тебе будет скучно, то тут есть книги, а если ты поешь или играешь, то можешь выбрать любой музыкальный инструмент. Хотя я не горничная, но позволь мне тебе посоветовать умыть лицо, пригладить волосы и вообще быть как можно веселее, потому что рано или поздно он придет.

— Кто он? — спросила Лаель, всплеснув руками.

Сторож не мог далее выносить этого зрелища и поспешил уйти, торопливо произнеся:

— Я приду утром.

Он взял с собою фонарь, запер дверь и, усевшись в лодку, поплыл, бормоча про себя:

— Ох уж эти женские слезы.

Оставшись одна, бедная девушка долго лежала на полу, горько рыдая.

Наконец слезы несколько успокоили ее, и она стала раздумывать, что произошло. Прислушиваясь к окружающему безмолвию, которое не нарушалось никаким звуком, она поняла, что находится не на улице и не в обитаемом доме. После этого она стала осматривать свою темницу и прежде всего остановилась перед медным зеркалом. Сперва она даже не узнала себя, такой казалась она изменившейся и не походившей на саму себя: черты лица выражали отчаяние, волосы были распущены, глаза красные, испуганные, одежда в беспорядке.

Вид этого так смутил ее, что она отскочила от зеркала и бросилась на кровать, уткнув голову в подушки. Но она не могла спать, часто вскакивала и бегала по трем комнатам, отыскивая выход из темницы, но в ней не было ни окон, ни дверей, кроме одной, запертой извне двери.

Она не знала, когда кончилась ночь и начался следующий день. Часы одинаково протекали для нее в страхе и мрачных мыслях. Если бы она слышала хоть какой-нибудь звук: человеческий голос, звон колокола или даже однообразный крик кукушки, то ей было бы как будто легче. Но все вокруг было тихо, безмолвно.

Сторож сдержал свое слово и пришел утром, чтобы поправить лампы и спросить, не желает ли она чего. Снова разыгралась сцена отчаяния и мольбы, снова он бежал, повторяя про себя:

— Ох уж эти женские слезы.

Однако, вернувшись вечером, он нашел ее более спокойной и уже думал, что она привыкает к своему положению. Но, увидав его, она по-прежнему стала умолять выпустить ее на свободу, и он в третий раз обратился в бегство.

Во вторую ночь она чувствовала такое утомление, что инстинктивно легла на кровать и заснула. Сколько времени она спала, трудно было определить, но сон подкрепил, и она уже могла думать теперь более или менее осмысленно о своем положении. Ее более всего удивляло, что князь Индии и Сергей не принимали мер к ее освобождению. Мало-помалу ее мысли начали путаться, и она впала в полузабытье.

Услышав звук весел и почувствовав, как пол комнаты заколыхался, она присела на кровать, удивляясь, зачем вернулся сторож. Но у двери послышались шаги, и чья-то непривычная рука начала медленно отпирать замок.

Она вскочила, думая, что ее нашли, что это входит отец, но тотчас снова упала на кровать.

Дверь отворилась, и вошел Демедий.

Не поворачивая лица, он вынул ключ из замка, вставил обратно с другой стороны и запер дверь. Она видела только руку в перчатке, и хотя сначала не признала Демедия, но для нее стало ясно, что это не отец.

Он вел себя как дома. Он вынул ключ из замка и спрятал его, а потом подошел к зеркалу и стал спокойно охорашиваться. Он снял шляпу с перьями, поправил себе волосы, снова надел ее, снял перчатки и засунул их за пояс, рядом с большим кинжалом.

Притаив дыхание, Лаель следила за всеми его движениями, недоумевая, знает ли он о ее присутствии. Отойдя от зеркала, он пошел прямо к ней и остановившись, снял шляпу.

— Вероятно, дочь князя Индии не забыла меня? — сказал он.

Молодая девушка тотчас поняла все и в ужасе забилась в угол кровати. Ее широко раскрытые глаза дико смотрели на него, словно перед ней явилась смерть.

— Не бойся,— произнес Демедий нежным голосом,— ты никогда не была в меньшей опасности, чем теперь.

Она продолжала молчать, и ее пристальный взгляд выражал все тот же смертельный страх.

— Я вижу, что ты меня боишься,— продолжал он,— но позволь мне сесть возле тебя, и я расскажу, где ты, зачем ты здесь и кто тебя доставил сюда... Нет, позволь мне лучше сесть у твоих ног... Я буду говорить не о себе, а только о моей любви к тебе.

Она продолжала молчать, и ее взгляд показался ему теперь таким страшным, что он невольно вздрогнул и подумал, что она в таком положении или может наложить на себя руки, или сойти с ума.

— Скажи мне, княжна, обходится ли с тобою представленный к тебе человек с должным уважением? Если он посмел чем-нибудь тебя оскорбить или святотатственно к тебе прикоснуться, то только скажи, и я его убью на твоих глазах. Вот посмотри, я для этого взял кинжал.

Она не произнесла ни слова и не изменила своего пристального взгляда.

Ему становилось нестерпимо странное и глупое положение, в котором он находился. Он приготовился к сцене слез, гнева, оскорблений, упреков, но это безмолвное отчаяние приводило его в тупик.

— Неужели я должен говорить с тобою на таком расстоянии,— произнес он, выходя наконец из терпения.— Ты знаешь, что я могу силой добиться того, о чем униженно прошу тебя.

И эта угроза не подействовала на молодую девушку.

Он тогда прибегнул к новой уловке.

— Что это! — воскликнул он, бросая удивленный взгляд на столовую и подходя к ней ближе.— Ты ничего не ела. Два дня твои хорошенькие губки не прикасались ни к еде, ни к вину? Я этого больше не дозволю.

Он положил на тарелку печенье, налил красного вина в кубок и поднес ей то и другое, преклонив колени.

Она вскочила, бледная как полотно.

— Не подходи! — произнесла она громким, резким голосом.— Это твой дворец, ты вошел в него со своим ключом. Выведи меня отсюда и возврати отцу.

Она произнесла эти слова как бы в припадке сумасшествия. Но Демедий был доволен и тем, что принудил ее говорить, а потому спокойно поставил на стол тарелку и кубок, вернулся к ней и произнес:

— Я буду повиноваться тебе во всем, исключая это: я ни за что не возвращу тебя отцу. Я доставил тебя сюда из любви к тебе, не только рискуя всем на свете, но даже погубя свою душу. Сядь и выслушай меня. Мы молоды, и лучшие годы жизни к нашим услугам. Зачем мне прибегать к насилию и терять терпение. Ты в моих руках, и никто не отобьет тебя от меня. Ты здесь далеко от всего мира, и я один могу тебя здесь видеть днем и ночью. Ты не знаешь, какой врач время. Он может излечить все недуги души и

ума. Проходит месяц, проходит год, проходят годы — и все изменяется, ненависть уступает место любви. Вот я, княжна, и выбрал время своим орудием. Мы вместе с ним добьемся...

Он не окончил фразы. Что-то тяжелое ударилось о плот, и он заколыхался. Демедий инстинктивно схватился рукой за кинжал. В ту же минуту послышалось сперва легкое прикосновение к замку в двери, а потом чья-то рука с силой потрясла ее.

— Мерзавец, я его научу! — воскликнул Демедий.

Снова плот затрясся, и дверь, сорванная с петель, грохнулась на пол.

Демедию нельзя было отказать в храбрости. Он ничуть не испугался, а вытащил кинжал и заслонил собою Лаель. Еще секунда — и перед ним стояла мощная фигура Нило.

Колоссальная черная фигура Нило, с которой вода стекала большими каплями, его пестрая одежда, блестящие белые зубы и сверкающие глаза произвели на Демедия потрясающее впечатление. Ему показалось так же, как прежде сторожу, что из преисподней явился дух мщения. Однако он не испугался и, надеясь на свой кинжал, приготовился к борьбе.

Пока противники пристально смотрели друг на друга, Лаель, узнав негра, с криком радости бросилась к нему. Демедий инстинктивно протянул руку, чтобы ее удержать, но этим воспользовался Нило и схватил его за руку с такой мощью, что грек дрогнул всем телом, шляпа свалилась с его головы, а кинжал грохнулся на пол. Но он еще не сдавался, и другой рукой хотел ударить ключом по голове. Это ему, однако, не удалось, и его рука попала в такие же тиски, как первая, кости хрустнули, он побледнел как полотно, а глаза едва не выскочили из орбит. Тут мужество его покинуло, и в нем не достало храбрости гладиатора безмолвно встретить смерть.

— Спаси меня, княжна, спаси меня! — воскликнул он. — Вели ему оставить меня, а то он убьет меня.

— Оставь его, Нило, оставь ради меня! — воскликнула Лаель, забыв зло, сделанное ей. Но негр был глух.

Если бы он даже слышал ее просьбу, то вряд ли исполнил бы ее, так как он боролся с врагом не только своим, но и своего господина, а к тому же в минуту торжества он был безжалостен. Не слыша слов девушки, он с диким победным криком схватил Демедия, вынес его из двери на лестницу плота и, взяв за волосы опустил в воду, где держал, пока... пока считал достаточным.

Лаель не последовала за ним, видя по лицу Нило, что его воля была непреклонна. Она бросилась на кровать и заткнула уши руками, чтобы не слышать воплей несчастного.

Через некоторое время негр вернулся к ней один.

Он поднял с полу упавший с плеч грека плащ, завернул в него девушку, перенес ее почти без чувств в лодку, привязал к корме свой плот и отправился в обратный путь.

Достигнув благополучно ступеней цистерны, он бережно вынес Лаель и положил на верхнюю площадку, потом он снес туда же жерди от паланкина и наконец, быстро перебежав двор, впустил в ворота Сергия.

Трудно передать радость послушника и Лаели. Наконец Сергей взял за руки девушку и вывел ее во двор, где посадил на стул сторожа.

— А где сторож? — спросил он у Нило.

Негр повел его к паланкину и, отворив дверцу, выбросил на землю бездыханное тело сторожа.

— А где грек? — спросил пораженный монах.

Негр пояснил знаками, что Демедий находился в глубине цистерны.

— Как! Ты его потопил?

Нило утвердительно кивнул головой.

— Боже мой! Что будет с нами? — с ужасом промолвил Сергей.

Но негр не дал ему долго предаваться этим мрач-

ным мыслям и знаками указал на необходимость докончить взятое на себя дело.

Они посадили Лаель в паланкин, просунули в него жерди и отправились в путь.

Конечно, Сергей прямо направился в дом Уеля, но его глазам представилось страшное зрелище: от домов еврея и князя Индии осталась одна груда пепла.

Не долго думая, Сергей отправился в городской дом княжны Ирины. Молодую девушку приютили там, а Сергей быстро полетел в лодке в Терапию.

Узнав, в чем дело, княжна немедленно поспешила в Константинополь.

Вскоре ей передали завещание Уеля и кошель с драгоценными камнями.

С этих пор она стала попечительницей сироты.

Часть пятая

МИРЗА

I

ХОЛОДОМ ПОДУЛО ИЗ АДРИАНОПОЛЯ

Была половина февраля 1451 года. Константин уже был императором более трех лет, доказав всему миру, что он справедливый и добросовестный государь. Оставалось еще доказать, был ли он великим императором, но для этого не представлялось случая.

В одном отношении его положение было необыкновенное. Большая дорога из Галиполи в Адрианополь, проходящая к югу от древней столицы, принадлежала туркам, которые пользовались ею для военных, коммерческих и административных целей, благодаря чему Константин был территориально окружен со всех сторон и имел, в сущности, одного соседа — султана Мурата.

Время изменило мусульманского властителя: от гордых мечтаний о завоеваниях и победах он перешел к желанию мирно прозябать в громадных мраморных галереях, окруженных душистыми садами, среди певцов, сказочников, философов и красавиц, походивших на гурий магометанского рая. Находиться в дружеских

отношениях с таким соседом было нетрудно, и византийскому императору надлежало самому иметь только мирные стремления. К тому же когда он вступил на престол после смерти Иоанна Палеолога, то его права оспаривал брат Димитрий, и для разрешения распри между ними был выбран, по обоюдному согласию, султан Мурат, который решил спор в пользу Константина, чем связал его узами благодарности.

Таким образом, считая себя вполне безопасным относительно внешней политики, Константин, по вступлении на престол, занялся главным образом приисканием себе невесты, но в этом деле ему не повезло. В конце концов его посол Франза избрал в невесты грузинскую царевну, но на пути в Константинополь она умерла.

Однако, как ни был серьезен этот вопрос, он ступшеывался перед другим, гораздо более важным, усмирением вечно враждовавших религиозных партий. Это требовало таких качеств в императоре, которыми, по-видимому, не обладал Константин. Он дозволял всякого рода сектантам открыто вести свою проповедь, чем возбуждалось негодование всех преданных сынов церкви, и последствием того, что император не сумел подчинить себе религиозные партии, было то, что они подчинили его себе.

В настоящее время положение императора Константина неожиданно осложнилось, и ему пришлось разом иметь дело с двумя важными вопросами: одним по внешней, а другим по внутренней политике.

Мурат умер, и его престол перешел к Магомеду. Исчез старый порядок вещей с дружескими, любезными дипломатическими отношениями, и явилась необходимость определить, как будут впредь относиться друг к другу новый султан и Константин. Вот в чем заключался вопрос внешней политики.

Так как этот вопрос затрагивал самые живые интересы греков, то императору приходилось сделать первый шаг к его разрешению. Он и взялся за это дело, вполне понимая всю опасность своего положения.

На вопрос греческого посла в Адрианополе о том, как будет вести себя Магомет, последний отвечал торжественным заявлением, что свято сохранит все существующие договоры. Ответ обрадовал Константина, он собрал в Влахернском дворце советников и терпеливо выслушал их советы. После долгих прений были приняты и одобрены императором два важных решения.

Уже было сказано, что мать Магомета была христианка. Дочь сербского князя, она, по-видимому, сохранила и в гареме султана свою веру, а после смерти Мурата вернулась на свою родину. Ей было тогда пятьдесят лет. Было решено отправить Франзу в Адрианополь с поручением предложить матери султана руку императора.

Франзе было поручено и другое дело, которое требовало меньшей ловкости. В Константинополе жил тогда изгнанник, Орхан, о котором было известно, что он внук султана Солимана. Во время царствования Иоанна Палеолога Орхан стал разыгрывать в греческой столице роль претендента на султанский престол, и его права, должно быть, имели кое-какое основание, потому что Мурат заключил с императором договор, по которому он обязался платить Константину большую сумму за удержание изгнанника в Константинополе. Императорский совет нашел удобным теперь потребовать увеличения этой суммы, и Франзе были даны соответственные полномочия.

Верховный комиссар Византии был принят очень любезно в Адрианополе. Конечно, он прежде всего представился великому визирю, Калилу-паше, который был опытен в политических делах и всегда дружил с греками, вероятно, ввиду влечения к ним его старого повелителя Мурата. Он посоветовал Франзе не поднимать вопроса об увеличении суммы, так как новый султан не боялся Орхана, и если бы последний вздумал предъявить свои права, то Магомету было легко с ним справиться. Но Франза не послушался этого совета и прямо заявил Магомету, по каким двум делам он явился к его двору. Молодой султан поразил его

мягкостью и любезностью своего ответа. Относительно брака с султаншей он выразил свое полное сочувствие и просто передал это дело на усмотрение матери, а что касается Орхана, то отложил ответ до более удобного времени.

Франза остался на некоторое время в турецкой столице и был очень доволен оказанным ему блестящим приемом, а еще более настроением нового султана. В его глазах Магомет был олицетворением миротворца. Все свое время он посвящал оплакиванию своего царственного отца и составлению плана дворца, по всей вероятности, той всемирной сторожевой башни, которую он потом выстроил в Адрианополе.

Но хорошо было бы для императора Константина и для всех христиан Востока, если бы доверчивый Франза мог подслушать разговор юного Магомета с князем Индии в одну из тех ночей, которые греческий посол провел в Адрианополе.

— Ну, государь,— успыхал бы он тогда из уст князя Индии.— Теперь гороскоп готов, и все предсказывает, что скоро можно начинать войну с византийцами. Мы уже согласились с тобой, что сочетания планет Сатурна, Юпитера и Марса как нельзя более соответствуют нашему плану.

— Я предпочел бы, чтобы Марс господствовал,— заметил молодой султан, также изучавший астрологию.

— Ты, государь, совершенно прав. Я сам предпочел бы господство Марса и именно ждал до сих пор, когда это совершится.

— Когда же это будет! — воскликнул с нетерпением Магомет.— Хотя, избави Аллах, торопиться, так как многое надо подготовить.

— Я понимаю твое нетерпение, государь. Тебя ожидает жатва славы, и ты хочешь поскорее собрать ее, но помни, что ходом планет управляет один Аллах, и умерь свой пыл. Знай, что, по последним моим исчислениям, можно будет начать войну в будущем году.

— В какой день, в каком часу совершится вели-

кое дело?— воскликнул Магомет, вне себя от волнения.

Князь Индии углубился в рассмотрение лежавших перед ним чертежей и спокойно отвечал:

— В четыре часа двадцать шестого марта....

— А в каком году?

— В тысяча четыреста пятьдесят втором.

— В четыре часа, двадцать шестого марта тысяча четыреста пятьдесят второго года,— медленно повторил Магомет, взвешивая каждое слово.— Нет Бога, кроме Бога!

Он вскочил и стал быстро ходить взад и вперед по комнате, желая скрыть свое волнение даже от князя Индии.

— Ну, теперь ты можешь идти,— сказал он, останавливаясь перед стариком,— но не отлучайся далеко. В таких важных обстоятельствах никто не может оказать мне большей помощи, как истолкователь планет.

Князь Индии поклонился и вышел из комнаты.

Франзе надоело ждать ответа по обоим вопросам, тем более что император требовал его возвращения в Константинополь, и он уехал, поручив другому послу следить за разрешением порученных ему дел и по возможности торопить окончание их.

Вскоре после этого Магомет отправился в Азию, чтобы усмирить восстание в Карамании. Греческий посол следовал за ним из города в город, из лагеря в лагерь. Это наконец так надоело султану, что он, призвав посла, сказал ему:

— Скажи моему достойному другу, императору Константину, что султанша Мария отвергла его предложение.

— Дозволь спросить, государь,— возразил посол, пораженный резким лаконизмом ответа,— какой причиной объяснила свой отказ султанша?

— Никакой Она просто отказывает ему. Вот и все.

Посол отправил немедленно курьера в Константинополь с этим ответом и впервые сообщил своему го-

сударю, что он сомневается в искренности нового султана.

Он мог бы сообщить еще более полезные сведения своему повелителю, если бы ему удалось подслушать следующий разговор Магомета с князем Индии.

— Как долго мне еще надо терпеть эту собаку — гяура! — воскликнул гневно султан. — Он не только не давал мне покоя во дворце, но еще теперь преследует меня всюду. Отвечай: сколько времени мне необходимо его терпеть?

— До двадцать шестого марта тысяча четыреста пятьдесят второго года, — отвечал спокойно князь Индии.

— А если я велю его убить?

— То император пришлет другого.

— Но зато сколько дней и ночей я проведу спокойно.

— А разве государь, все готово? Разве кончена твоя перепись, разве полны твои арсеналы, разве вооружено достаточное число судов, матросов, солдат, разве припасены необходимые капиталы?

— Нет.

— Ты, государь, хотел завести пушки. Разве ты нашел подходящих оружейников?

Магомет насупил брови.

— Я позволю себе дать тебе совет, государь: отвечай отказом по вопросу о браке, а насчет увеличения суммы по договору оставь вопрос открытым. Этим ты будешь держать в своих руках императора, который гораздо более нуждается в деньгах, чем в жене.

— Хорошо, — отвечал Магомет, — пришли ко мне секретаря.

А когда секретарь явился, то султан приказал ему призвать греческого посла, которому и объявил свою волю.

Сообщая императору ответ Магомета, посол должен бы, если бы ему было известно все, прибавить, что человек, именующий себя князем Индии, в сущ-

ности, исполняет должность великого визиря, которым номинально состоит Калил-паша.

Все эти дипломатические переговоры, не принесшие никаких плодов, заняли более полугода. Но теперь отложим рассказ о них и посмотрим, более ли успешно разрешил Константин великую задачу внутренней политики.

II

ОТГОЛОСОК ПОХОРОН ИГУМЕНА

Пожар уничтожил все жилища на двух холмах Константинополя и остановился только у садовой ограды на восточной стороне Влахерна. Откуда начался огонь, сколько сгорело домов и сколько погибло людей в борьбе с разъяренной стихией — было предметом разговоров в продолжение многих дней.

Для оказания помощи пострадавшим от огня Константин не жалел денег из своей собственной казны. Он также лично руководил очисткой погоревшей местности от остатков пожара, и население, следуя его примеру, энергично принялось за это дело. Когда Галата, отложив в сторону все распри, пришла на помощь соседям и трудом, и деньгами, то казалось, что вернулись времена давно забытого христианского братства. Но, увы, это братство, созданное в минуту необходимости, так же быстро исчезло, как и возникло.

На второй день после пожара император вернулся во дворец после долгого наблюдения над работами, чтобы отдохнуть, но под портиком встретил посланного княжны Ирины, которая просила немедленной аудиенции.

Константин тотчас исполнил ее просьбу и с удивлением узнал от нее о спасении Лаели. На этот раз он потерял присутствие духа, чего с ним никогда не случалось, и, опасаясь, чтобы не возникло народного

волнения, когда история молодой девушки делается общим достоянием, собрал чрезвычайный совет, на котором назначил особых стражников для расследования дела, а прежде всего был послан отряд солдат для оцепления цистерны.

Подобно императору, стражники никогда не слышали о преступлениях, которые скрывала в старину эта цистерна, а потому ее осквернение казалось им чем-то новым, невероятным, и они приступили к следствию очень скептически. Но, выслушав показания Сергия и Лаели, они должны были признать, что дело принимало вид заговора, противообщественного и антирелигиозного. Но кто были виновники этого заговора и где их искать?

Произнесенное Сергием имя Демедия навело их на целый ряд предположений. В первую минуту им показалось, что все эти обстоятельства дают предлог императору уничтожить академию Эпикура, что было уже давно желательно ради общественной нравственности, но при более здоровом обсуждении они нашли опасным уличить племянника могущественного игумена, за которого могло жестоко отомстить братство святого Иакова, имевшее тогда громадную силу.

В большом недоумении и смущении они предприняли осмотр цистерны, все еще надеясь, что не оправдается подозрение насчет Демедия, и захватили с собою Нило, которого они предполагали сделать козлом отпущения.

Но с той минуты, как они вступили во двор цистерны, одно открытие за другим скоро уничтожило всякую тень сомнения. Прежде всего они увидели мертвое тело сторожа, который умер со страха, что и выразилось на его искаженном лице.

Затем стражники спустились в цистерну, и Нило свез их на лодке во дворец сладострастия, который привел их в удивление своим необыкновенным устройством. Но где был создатель этого дворца? Пока ходили за сетями, чтобы обследовать воды колодца, стражники подробно осмотрели три комнаты и соста-

вили опись всему, что находилось в них. Когда принесли сети, Нило указал место, где он кинул в воду с плота своего врага. С первого же раза он вытащил мертвое тело. Стражники больше всего хотели, чтобы это оказался не племянник игумена. Все глаза устремились в воду. Прежде всего на ее поверхности появилась белая рука с кольцами на пальцах. Нило схватил за нее и выбросил на плот человека в блестящей, богатой одежде.

— Это он, это Демедий! — воскликнули все в один голос.

Избегнуть скандала теперь было невозможно, и стражники, отнеся мертвое тело в жилище сторожа, отправили гонца к императору, объясняя ему, в чем дело, и спрашивая его приказаний, так как они сами не хотели взять на себя тяжелой ответственности.

Константин поступил в этом случае энергично и тотчас понял, какую пользу он мог извлечь из этого неприятного дела. Открытый заговор был, очевидно, составлен против столицы и общества, а потому он, не колеблясь, решился действовать самым строгим образом, а если бы могущественное братство заступилось за преступника, то этим только выдало бы себя и представило бы предлог к принятию мер против него. Но только чтобы успокоить свою совесть, он послал Франзу к игумену, чтобы осторожно приготовить его к плачевной вести, и сам последовал за ним в обитель, где почтенный игумен, пораженный роковым ударом, умер на его руках.

Печально вернувшись в Влахерн, он приказал выставить тела обоих преступников на два дня перед жилищем сторожа цистерны, а саму цистерну открыть для осмотра всем желающим убедиться воочию, какой храм нечестия, по его собственному выражению, воздвигли эти позорные враги общества. Он также издал указ о закрытии академии Эпикура и назначил особый день для принесения благодарности Богу за открытие противообщественного заговора. Нило он приказал заключить в тюрьму под предлогом, что его

следует отдать под суд, но в глубине своей души восторгался его мужеством и решил, как только будет возможно, не только освободить его, но и щедро вознаградить.

Все население Константинополя пришло в волнение. Многочисленные толпы посещали цистерну, крестились, с ужасом смотря на выставленные мертвые тела, и громко выражали одобрение всем действиям императора. Ночью, на второй день, трупы Демедия и сторожа были преданы земле без православного отпевания, и никто не проронил слезы на неосвященной могиле.

Наконец наступил день благодарственного молебна в святой Софии, и Константин обещал лично там присутствовать. Он уже надел свою парадную царскую одежду и готов был отправиться в церковь, как к нему явился дежурный офицер при дворцовых воротах, выходящих во Влахернский порт.

— Государь! — воскликнул он. — В городе мятеж.

— Сегодня молебен. Кто же смеет осквернить мятежом такой святой день?

— Я не знаю, — отвечал офицер, — я передаю только то, что слышал. Сегодня на рассвете проходили похороны игумена братства святого Иакова.

— Да, — отвечал Константин, грустно вздохнув, — я сам хотел присутствовать на этих похоронах, но в чем же дело?

— Братия святого Иакова и многочисленные делегаты от других монастырей собрались на его могиле. Явился Геннадий и своей пламенной речью так взбудоражил слушателей, что они, поспешно поставив гроб игумена в склеп, разбежались по улицам и стали возбуждать народ к мятежу.

— О Пресвятая Богородица! — воскликнул император гневно. — Неужели греки — бессловесные животные или идиоты, не понимающие, что сами накликают на себя гибель? А он, этот дух беспорядка, разве он не понимает, какие несчастья может навлечь его безумие на весь народ? Мое терпение готово лопнуть.

На минуту глаза его блеснули энергией, и если бы он послушался тайного голоса, шептавшего, что пора действовать решительно против религиозных партий, то, быть может, он отвратил бы от себя, Константинополя и всего христианского Востока те тяжелые бедствия, которые вскоре должны были разразиться над колыбелью христианства и на долгие века изгнать отсюда Христову веру.

— Государь,— продолжал офицер,— я повторяю то, что слышал. В своей речи на могиле игумена Геннадий признал весь ужас преступления Демедия и справедливость той кары, которая его посетила, но, по его словам, во всем виновата была академия Эпикура, а еще более церковь и государство, которые терпели подобное...

— Он нападал на церковь?

— Нет. Он оправдывал церковь, говоря, что она растлена патриархом-азимитом. По его словам, пока этот слуга нечестия и ереси будет руководить церковью, она будет идти по пути гибели.

— А государство? Что он говорил о государстве?

— Он сравнивал церковь с Самсоном, а патриарха — с Далилой, которая хитростью лишила Самсона силы. Государство он называл сообщником Далилы, а Рим — языческим жрецом, старавшимся через посредство растленной церкви и развращенного государства ввести поклонение ложному богу.

— Господи! — воскликнул Константин и инстинктивно подал знак телохранителю, который стоял возле и держал меч.

Но через секунду он пересилил свое волнение и спокойно прибавил:

— Но к чему вела его проповедь? Какой путь он указал братьям?

— Он называл их излюбленными слугами Бога, защитниками Христа и умолял их поднять оружие за святую веру отцов.

— А он говорил, что им следовало делать?

— Да.

Лицо Константина приняло выражение радостного ожидания, он надеялся, что его враг и враг церкви совершит теперь нечто такое, что можно подвести под политическое преступление, а следовательно, даст ему возможность арестовать и по крайней мере изгнать беспокойного монаха.

— Геннадий прямо указал, что благодарственное богослужение в храме святой Софии,— продолжал офицер,— было подготовленным свыше предлогом для начала крестового похода за святую веру. Но, по его словам, не следовало прибегать к вооруженной силе, так как насилие есть адское наваждение, нужно было просто отказать патриарху в его содействии богослужению. Он уверял, что в эту ночь к нему явились ангел Господень и Богородица, которые объявили ему волю Божию. Государь, ты знаешь, как могущественно действует его пламенная речь. Монахи бросились на улицы и стали уговаривать народ не ходить в собор на богослужение.

— Довольно! — произнес император решительным тоном.— Добрый Григорий не будет один воссылать благодарение Господу.

Обращаясь к Франзе, Константин прибавил:

— Созови сюда весь двор в парадных одеждах, я пойду в собор в торжественном шествии и нуждаюсь в присутствии каждого из них. Смотри, чтобы все явились. Кроме того, передай мой приказ, чтобы вся армия и моряки с судов отправились со знаменами к святой Софии. Вместе с тем дай знать патриарху, чтобы он ничего не боялся и был вовремя в соборе. Что же касается мятежников, то пусть никто не мешает их демонстрации. Я надеюсь, что мало-помалу лучшие из братии образумятся.

Вскоре после полудня собор святой Софии был окружен войсками, и при барабанном бое император вступил в храм со всем своим двором. Таким образом, седовласый патриарх совершил богослужение не

один, но и Геннадий добился своего: народ не принял участия в этом богослужении.

По окончании службы Константин с тем же блеском вернулся во дворец, а когда он остался наедине с Франзой, то произнес задумчиво и с видимым беспокойством:

— Скажи мне, друг мой: ведь первый Константин также имел много забот из-за религиозных распрей?

— Да, если верить истории.

— Какие же меры он принял, чтобы прекратить эти распри?

— Он созвал собор.

— И больше ничего?

— Кажется, больше ничего.

— Да, ты прав. Он сначала укрепил веру, а потом стал защищать ее. В его время Арий проповедовал веру в единого Бога, как противоположность веры в Троицу. Вот его первый Константин и подверг тюремному заключению на всю жизнь. Не правда ли, Франза?

Хитрый дипломат понял, к чему вел речь император, но, отличаясь трусливой осторожностью, заметил:

— Ты прав, государь. Первый Константин поступил именно так, но он мог разыгрывать роль героя. Он незыблемо утвердил церковь и держал весь свет в своих руках.

Константин тяжело вздохнул и долго молчал.

— Увы, друг мой,— промолвил он через некоторое время,— народа ведь не было в святой Софии. Я боюсь...

— Чего ты боишься, государь?

— Я боюсь,— продолжал император, вздохнув еще глубже,— что я не государственный муж, а только воин, что я могу служить Богу и империи только мечом, а в крайнем случае принести в жертву лишь свою жизнь.

Те внутренние затруднения, которые озабочивали Константина в то время, когда Магомет вступил на турецкий престол, еще более осложняли переговоры, начатые императором с новым султаном. После памятного дня, когда народ не участвовал в благодарственном молебне, религиозные распри еще более усилились, и постепенно император лишился, с одной стороны, популярности, а с другой — поддержки монашествующих братств. Положение дел так обострилось, что Константинополь разделился на два лагеря: в одном главенствовал Геннадий, а в другом — император и патриарх.

Месяц за месяцем ненависть между противниками росла, и дело наконец дошло до того, что императорская партия заключала в себе только двор, армию и флот. Даже преданность этих элементов была настолько призрачна, что император, в сущности, не знал, на кого можно положиться.

Личности, обиды, клевета, ложь, изветы и насилие заменили аргументы в борьбе. Сегодня религия возбуждала греков бороться друг с другом, а завтра — политика. Но во все это время Геннадий был главной, руководящей силой. Он прибегал к таким мерам, которые наиболее были сродни натуре византийцев. Строго придерживаясь религиозных вопросов он ловко избегал случая подать повод императору к законному преследованию его и вместе с тем с необыкновенной хитростью распространял по всем монастырям убеждение, что Влахернский дворец стал притонем азимитов. Что же касается патриарха, то он сумел подвергнуть его отречению в святой Софии. Всякий, кто осмеливался проникнуть в собор, предавался проклятию, и весь народ отворачивался от патриарха, как от прокаженного. Сам же Геннадий с каждым днем все более и более становился народным кумиром. Он редко покидал келью, постоянно молился, каялся, что некогда подписал проклятый акт унии с латинами. По его словам, когда силы ему изменяли, так как плоть немощна, то на помощь являлась Богородица. Из аскета он незаметно сделался пророком.

МИРЗА ИСПОЛНЯЕТ ПОРУЧЕНИЕ МАГОМЕТА

Только что начинали расцветать покрытые зеленью берега Босфора. В садах и защищенных уголках европейского берега по временам показывались ранние бабочки. Но в том году начало мая отличалось таким холодом, как будто бы на дворе стоял апрель или март. Вода была холодной, воздух резкий, солнце обманчиво.

Часов в десять утра константинопольцы, гулявшие по городской стене, выходящей к морю, были поражены странными звуками, которые неслись с Мраморного моря. Через некоторое время ясно определилось, что эти звуки раздавались на галере близ Сан-Стефано. В определенные промежутки времени показывались маленькие облачка дыма, а затем слышались глухие удары. Тогда еще не наступила эпоха артиллерии, но о пушках уже всем было известно. Торговцы привозили с Запада в Золотой Рог образцы новых орудий, но они были так грубы и примитивны, что не годились ни на что, кроме салютов. Поэтому константинопольцы не испугались выстрелов, а лишь ими овладело любопытство узнать, кто так расточительно жег порох, и теперь ждали с нетерпением, когда судно подойдет ближе.

Галера продолжала быстро идти, стреляя по-прежнему. Она была выкрашена в белый цвет, а ее флаг ничего не говорил о национальности ее экипажа, так как на нем были диагональные полосы — зеленые, желтые и красные.

— Это не генуэзский флаг.

— И не венецианский, так как на желтом поле нет льва.

— Так чей же это флаг?

Вот что слышалось на городской стене, пока галера, обогнув Серальский мыс, входила в гавань. Поравнявшись с Галатской башней, она салютовала в последний раз, и тут ясно обнаружилось, что на желтой

полосе флага виднелся герб.

— Эта галера принадлежит какому-нибудь важному господину,— решили все на берегу.

— Но кто он?

Не успели бросить якорь в илистое дно Влахернской гавани, как от судна отчалила маленькая лодка с матросами в красных тюрбанах, белых шароварах и коротких куртках без рукавов. С ними находился офицер, также в широком тюрбане. Толпа любопытных зевак окружила этого офицера, когда он вышел на берег и потребовал, чтобы его провели к начальнику караула. Очутившись лицом к лицу с ним, он подал ему письмо и сказал на ломаном греческом языке:

— Мой господин, прибывший на этой галере, просит, чтобы ты прочел эту записку и передал ее куда следует. Он надеется, что тебе известны требования этикета, и будет ждать ответа на своей галере.

Поклонившись, офицер, или шкипер, сел обратно в лодку и направился к судну, а начальник караула развернул записку и прочел следующее:

«Галера «Сан-Агостино», 5 мая 1451 г.

Нижеподписавшийся христианский дворянин из Италии, из замка Корти на восточном берегу близ древнего города Бриндизи выражает свои преданные чувства его величеству императору Константину, защитнику святой веры в распятого Сына Божия, и смиренно заявляет, что он, по профессии рыцарь, обнажал меч не в одном кровавом бою, посвящен в рыцари самым его святейством, папой Николаем V. Так как в его стране царит мир, кроме баронских междоусобий, которым он нисколько не сочувствует, то он и покинул свою страну с целью искать подвигов за границей. Прежде всего он предпринял паломничество к Гробу Господню и привез оттуда много священных предметов, которые желал бы представить его величеству. Благодаря долгому пребыванию среди мусульман, которым Всевышний в неведомой нам своей премудрости дозволяет осквернять Святую Землю своим

присутствием, он говорит на арабском и турецком языках. До сих пор он, по благословению его святейшества папы, вел борьбу с этими врагами Бога, преимущественно на море, забирая в плен варварийских пиратов в Триполи и заставляя их грести на его галере. Славный город Константинополь известен ему уже давно по слухам, и он желал бы поселиться в нем до конца своих дней, поэтому он просит, чтобы его просьбу передали его величеству императору, а пока будет дан ответ на нее, ему было бы дозволено стоять спокойно на якоре в своей галере.

Уго, граф Корти».

Начальнику караула это письмо показалось довольно странным и самая просьба излишней, так как в Константинополь дозволялось приезжать и селиться всякому без различия национальностей и званий. Правда, в последнее время торговля упала, и благодаря хитрости жителей Галаты доход с ввоза товаров был очень незначителен, но все-таки старый Царьград сохранил свои рынки, и на них гостеприимно принимали весь свет. Однако итальянские графы были известны во всем свете своей воинственностью, и обыкновенно государи тех стран, куда они являлись, не отказывали им в аудиенции. Поэтому офицер императорских телохранителей отправил полученную бумагу прямо во дворец.

Пока она шла до Константина, мы скажем несколько слов о том, кто был граф Корти.

Только что пришедшая в Константинополь галера отличалась не одними только пушками. На корме возвышалась постройка, небольшая, с плоским потолком и круглыми окнами по сторонам. Эту новинку судостроители Палоса и Генуи называли капитанской каютой. Владелец судна, поравнявшись с Сан-Стефано, взобрался на крышу каюты, откуда смотрел с любопытством на открывавшуюся перед ним панораму. Он был так занят этим зрелищем, что ни разу не сел, хотя ему и принесли туда кресло.

Чтобы избавить себя от необходимости описывать наружность владельца судна и не томить читателя, скажем сразу, что граф Корти был не кто иной, как Мирза эмир-эль-хаджи. Мы, конечно, помним разговор князя Индии с Магометом в Белом замке о необходимости иметь постоянного агента в Константинополе и об использовании в этой роли Мирзы, как наиболее способного для этого человека. Этот совет Магомет принял. Хотя между теперешним внешним видом Мирзы и прежним существовало громадное различие, но в одном отношении он оставался тем же: весь с головы до ног он был в военных доспехах. По-прежнему на голове у него был шлем с забралом, кольчуга на теле и на ногах, золотые шпоры на стальной обуви, только верхняя одежда не зеленого, а красно-кирпичного цвета. Это пристрастие к своему оружию объяснялось отчасти привычкой, а отчасти преданностью Магомету, который обожал рыцарские доспехи.

ЭМИР В ИТАЛИИ

Мы теперь знаем, кто такой граф Корти. Он прибыл в Константинополь с поручением следить за всем, что делается в византийской столице, и не спускать глаз с княжны Ирины. Но прежде чем мы расскажем о его деятельности в Константинополе, нелишне сказать два слова о том, действительно ли он остался прежним Мирзой.

В ту самую минуту, когда мы представили его снова читателю на палубе его галеры, он пристально смотрел на открывавшуюся перед ним панораму, но ничего не видел. О чем же думал в эту минуту Мирза?

Согласно приказанию Магомета он отправился из Белого замка в ту самую ночь, когда был назначен тайным агентом в Константинополь. Он никому не говорил о своих намерениях, так как знал, что тайна была необходимым условием порученного дела. По той же причине он купил у странствующего дервиша,

находившегося в свите Магомета, его одежду и осла. На рассвете он уже был за Босфорскими горами, затем намеревался обогнуть восточный берег Мраморного моря и Геллеспонта, откуда греческое население было почти выселено турками, а в Дарданеллах он хотел сесть на корабль и отправиться прямо в Италию. Хотя это был долгий и тяжелый путь, но благодаря ему он мог совершенно исчезнуть из глаз всех знавших его, что было необходимо для успеха его предприятия. Одежда дервиша гарантировала его от всяких задержек на дороге, так как дервиш считался священной особой и был обыкновенно так беден, что не мог возбудить корыстолюбия ни в ком. Ни один мусульманин не заподозрил бы в этом скромном человеке, в серой рясе, в грубых сандалиях, на смирном осле, знатную особу султанского двора.

В Дарданеллах тогда собиралось много греческих, венецианских и генуэзских торговцев. Там Мирза купил себе итальянскую одежду, выучил как свой итальянский и сделался настоящим итальянцем, он раздобыл карту итальянского берега, чтобы избрать порт.

Однажды он вспомнил разговор с князем Индии в Зарибе, вспомнил о том, что говорил князь относительно его выговора, и его собственные слова насчет того замка или дома, откуда его украли в детстве. Какая-то женщина вынесла его из дома на песчаный берег под голубым небом, между фруктовым садом с одной стороны и морем — с другой. Он помнил шум волн, разбивавшихся о песок, темно-зеленый цвет фруктовых деревьев и зубчатые ворота в замке. Согласно этому князь Индии сказал, что подобное описание подходит к местности на восточном берегу Италии, вокруг Бриндизи.

Теперь его мысли сосредоточились на Бриндизи. Странно сказать, теперь ему приходили в голову такие мысли, которых он прежде никогда не знал. С того времени, как его взяли в плен турецкие пираты, он никогда не спрашивал себя, кто был его отец, жива ли его мать? Он сделался настоящим янычаром.

И вот теперь, отправляясь в Италию, он неожиданно и впервые стал задавать себе вопрос: где была его мать, помнит ли она его, оплакивала ли она его исчезновение, сколько могло быть ей лет? И он стал рассчитывать, что если ему сейчас было двадцать шесть лет, то ей могло быть около сорока пяти.

Эти мысли так подействовали на Мирзу, что его мужественное сердце стало нежно биться и жаждать ласки матери. Он решился отправиться на восточный берег Италии. Конечно, история нападения пиратов на замок должна была произвести много шума и остаться в памяти многих людей, так как это совершилось не очень давно.

Как ни трудны были поиски, но все-таки можно было найти замок, из которого его похитили. Вместе с жаждой отыскать мать проснулось в нем и чувство родины, хотя еще очень смутное.

Среди судов, стоявших в Дарданеллах, было несколько отходивших в Венецию, а одно из них держало рейс на Отранто. Это было быстрое судно с хорошим экипажем и здоровыми гребцами. Отранто находилось близ Бриндизи к югу, и отыскиваемый Мирзой замок мог лежать между этими двумя городами. К тому же, выдавая себя впоследствии в Константинополе за итальянского аристократа, он будет вынужден указать на место нахождения своих владений, а потому Бриндизи мог оказать ему услугу и в этом отношении. Таким образом, он нанял судно, отходившее в Отранто.

Достигнув этого города, он выдал себя за путешественника и старательно стал изучать, что могло пригодиться ему впоследствии. Он жил и одевался хорошо, а преимущественно держался религиозных кружков. В то время в Италии было царство силы, господствовавшей над правом, и борьбы гвельфов с гибенинами, но эмир не касался политики.

Случайно он встретился со стариком, очень образованным и проводившим все свое свободное время в библиотеке одного из местных монастырей. Мало-по-

малу выяснилось, что он прекрасно знает берег от Отранто до Бриндизи и далее до Полиньяно.

— В моей молодости,— говорил старик,— жители этого берега много терпели от набега мусульманских пиратов. Высаживаясь со своих галер, они предавали огню жилища, убивали мужчин и похищали женщин. Они даже осаждали замки. Наконец, нам пришлось образовать береговую стражу для отпора пиратам. Я был офицером в этой страже, и мы не раз выдерживали бой с мусульманскими разбойниками.

— А вы не вспомните название какого-нибудь замка? — спросил Мирза, старательно скрывая свое волнение.

— Да, вот лет двадцать назад напали на замок графа Корти, в нескольких милях от Бриндизи. Граф храбро защищался, но был убит.

— У него была семья?

— Жена и малолетний сын. По счастью, графиня была на каком-то празднике, а потому избежала опасности, но мальчика, двух или трех лет, пираты взяли в плен, и он исчез без вести.

— А графиня жива?

— Да, она не оправилась от нанесенного ей судьбой тяжелого удара, до сих пор каждое утро и вечер она ходит молиться в часовню, которую выстроила на месте сожженного замка.

На дальнейшие вопросы Мирзы старик подробно рассказал историю рода Корти, который славился знаменитыми воинами и прелестными красавицами.

Всю ночь после рассказа Мирза видел во сне графиню и, под впечатлением этих слов, рано утром отправился на лодке в Бриндизи. Развалины замка находились в пяти милях от города. Мирза отправился около полудня в путь пешком. Дорога шла через горы и долины, среди живописной местности, но он находился в таком взволнованном состоянии, что не обращал внимания на красоты природы.

У фермы, полускрытой виноградниками, он остановился и попросил молока, а когда утолил свою жаж-

ду, то заплатил золотой. Хорошая женщина, угощавшая его, стала призывать благословение Пресвятой Девы на щедрого господина, не подозревая, что перед ней был мусульманин.

Наконец дорога круто повернула направо, к песчаному берегу. На повороте дороги из леса виднелось мраморное изваяние Богородицы с Младенцем на руках. Перед статуей, украшенной свежими венками из цветов, стояла каменная скамейка. Мирза сел на нее и задумался, не спуская глаз с лица Богородицы, которая, ему казалось, также смотрела на него. Вдруг улыбка показалась на устах статуи. Мирза вскочил. Вздрогнув, он быстро пошел далее.

Уже наступили сумерки. Среди фруктовых деревьев, тянувшихся с левой стороны, становилось темно, а направо слышался унылый плеск морских волн. Уже на небе показались звезды, и вскоре должна была наступить ночь, а развалин замка все еще не было видно.

Мирза ускорил шаги. Он не боялся, так как страх был неведом его сердцу, но ему хотелось разглядеть, прежде чем наступит совершенный мрак, замок своих предков и жилище своего детства.

Наконец наступила полная темнота, и среди нее неожиданно раздался серебристый церковный звон колокола.

Кто-нибудь умирает.

Он пошел быстро вперед и через несколько шагов, выйдя из-за деревьев, наткнулся на каменную массу, высоко поднимавшуюся к небу. Он понял, что это зубчатые ворота замка.

Колокол продолжал уныло звонить, наполняя сердце Мирзы каким-то непонятным, мрачным чувством.

«Мусульманин не должен откликаться на христианский призыв к молитве», — подумал он, и вдруг ему пришла в голову мысль, что его мать была христианка. Он вспомнил изображение Богородицы, которая как будто улыбалась ему, и подумал: «А если моя

мать теперь молится по призыву этого колокола и мой приход будет ответом на ее молитву?»

От этой мысли на глазах выступила непривычная слеза.

Пока эти мысли теснились в его голове, он переступил через порог древних ворот. Смутно видел он окружавшие его предметы и ощупью пробирался по дороге, вдоль деревьев и кустов, среди которых уныло гудел ветер. Наконец он достиг площадки, загроможденной остатками железных перекладин и деревянных балок. Это были развалины замка.

Колокол продолжал звонить.

Мирза повернул налево, чтобы обойти снаружи жилище своих предков.

Достигнув задней стороны развалин, он увидел огоньки в окнах небольшой постройки, возведенной среди них, и услышал человеческие голоса. Они приближались, и через несколько минут он увидел, что с возвышения спускалось несколько мальчиков в белой одежде, которые несли в руках свечи, защищенные бумажными фонарями. За ними показался целый ряд монахов в черных рясах с блестящими лысыми головами.

В конце процессии шла женщина в черной одежде. Мирза напрягся. Он вспомнил, что старик в Отранто рассказывал, как каждое утро и вечер графиня Корти ходила молиться в устроенную среди развалин часовню.

— Это она, это графиня, это моя мать!

Он видел теперь перед собой только одну эту печальную фигуру в черной одежде. Она шла тихо, с достоинством, и хотя не была молода, но из-за благородной осанки не казалась старой.

Мальчики и монахи скрыли от него фигуру женщины.

— О Аллах и его пророк! — тихо воскликнул он. — Неужели я не увижу ее лица, неужели она не узнает, что я ее сын?

До сих пор он думал об одном: как бы увидеть

мать. Но теперь впервые он задумался: признаться ли ей?

Между тем процессия вошла в ворота замка.

Мирза побежал вокруг стены в надежде встретить процессию с другой стороны и близко увидеть графиню. Но не успел он сделать несколько шагов, как остановился, дрожа всем телом, словно ребенок. Он неожиданно в одно мгновение понял странное положение, в котором находился: если он откроется графине, то придется рассказывать с той самой ночи, как его похитили пираты. Конечно, ему нечего стыдиться своих геройских подвигов, и кому же эти подвиги кажутся столь славными, как не сердцу матери? Но, однажды вступив на путь откровенности, нельзя было на нем остановиться. А как мог он, христианин по рождению и крещению, рассказать матери, что он сделался мусульманином? Это нанесло бы бедной женщине еще более тяжелый удар, чем все те, которые поразили ее до тех пор. Нет, это было невозможно. Он был на это неспособен, и к тому же новая жизнь, начатая со лжи, должна была кончиться рано или поздно очень плохо. Он должен был сказать ей, что приехал в Италию с целью подготовить погибель христианского государства для торжества мусульман. Конечно, узнав об этом, она проклянет его, как чудовище.

В эту минуту перед бедным Мирзой восстал образ Магомета. Он вспомнил его слова при прощании, его доверие к нему. Неужели он изменит ему ради своей матери? К тому же Мирза был воином в душе и всего более на свете дорожил военной славой, а с изменой Магомету прощай и слава.

Что было ему делать? Он нашел свою мать, она была подле него и в эту самую минуту молилась о его возвращении. Должен он был броситься в ее объятия и вместе с тем изменить своему другу и благодетелю?

Между тем послышался стук отворявшейся двери, и из нее вышел монах в черном облачении. За его спиной виднелась часовня, ярко освещенная. Еще несколько минут, и пропадет навсегда возможность уви-

деть мать. И, однако, эмир стоял неподвижно. Сердце его колебалось. В его душе происходила страшная борьба между любовью и долгом.

Наконец он машинально двинулся вперед. Мальчики со свечами в руках посмотрели на него с удивлением, монахи широко раскрыли глаза. Но эмир никого не видел, ничего не сознавал, кроме того, что его мать стояла перед ним в трех шагах.

Длинная черная фата скрывала ее голову, ее руки, белые, как слоновая кость, лежали скрещенными на черном платье. Два или три раза она подняла правую руку, чтобы перекреститься, и на одном из ее пальцев блестело обручальное кольцо. Она, очевидно, была не старуха, но состарилась от горя. Ни разу она не подняла своего лица.

«О Аллах! — подумал эмир. — Это моя мать, но если я не могу сказать ей, что я ее сын, если я не могу назвать ее матерью и броситься к ней на шею, то, Аллах, если ты всемилосерд, дозвожь мне хоть раз увидеть ее лицо, а ей дозвожь увидеть меня».

Но она не поднимала своего лица, и оно было скрыто фатой.

Еще две минуты, и она исчезла за дверью часовни.

Слезы брызнули из его глаз. Он простер руки к ней и бросился на колени. Но когда он поднял голову, то ее уже не было перед ним, и он знал, что она его не видела.

Он последовал за ней в часовню, но в дверях его остановил один из приближенных графини. В часовню не пускали чужих.

Он пустился в обратный путь. Достигнув каменного изображения Богородицы, он остановился и присел на скамейке.

Он просидел около часа, обдумывая свое положение. Он не хотел изменить принятого им твердого решения — сначала отправиться в Константинополь, а потом снова приехать в Италию. Но совесть мучила его. Зачем было подвергать бедную мать новым горестям? О, если бы она только увидела его. Но если

она его не увидела, то это была воля Аллаха, и эмир несколько утешился. Во всяком случае, он недаром был в Бриндизи: он нашел не только мать, но и графский титул, не вымышленный, а настоящий. С этой минуты он решил называть себя графом Корти.

Прежде чем покинуть скамейку, он пристально посмотрел на изображение Богородицы. Теперь ночь окутывала статую мрачным покрывалом, и не видно было Ее лица. Но по какому-то странному влечению он подошел к статуе и поцеловал ее ногу.

Из Бриндизи эмир отправился в Венецию и провел две недели в этом славном городе, где купил галерею, на которой впоследствии появился у Золотого Рога. Затем он поехал в Рим. В Падуе он купил все необходимое вооружение для рыцаря и собрал целый отряд кондотьери, то есть наемников разных национальностей. В это время папа Николай V был чрезвычайно озабочен усмирением своих вассалов, постоянно враждовавших между собой и немилосердно грабивших соседние города. Графу Корти, как уже стал открыто называться эмир, случайно удалось спасти один из папских замков от нападения шайки мароде-ров, и Николай V, приняв его, спросил, какой он желал бы награды за свой подвиг.

— Я желал бы прежде всего, чтобы ты собственноручно посвятил меня в рыцари,— отвечал граф Корти.

Папа взял меч из рук одного из своих телохранителей и совершил над графом обряд посвящения в рыцари.

— А еще чего ты желаешь, сын мой?

— Мне надоело сражаться с людьми, которые должны бы быть христианами, прошу тебя, поручи мне вступить в борьбу с варварийскими пиратами, которые опустошают моря.

Его просьба была исполнена, и папа снова повторил:

— А еще чего ты желаешь?

— Ничего более, святой отец. Благослови меня и

вели выдать мне свидетельство за твоей печатью об оказанных мне тобою милостях.

То и другое было охотно даровано.

Граф Корти немедленно распустил своих кондотьеры, поспешно направился в Неаполь, а оттуда вернулся в Венецию. Там он запасся большим количеством лучшего миланского оружия и самой модной венецианской одеждой.

На своей галере он поплыл в Триполи, а по дороге пленил мавританское судно, которое отдал, как добычу, матросам своей галеры, отправляя их домой. Пленных мавританских моряков он приказал отпустить, а затем нанял их же себе в матросы, чем, конечно, заслужил их вечную благодарность.

Затем граф направился в Алеппо, купил кровных арабских лошадей и пошел прямо в Константинополь.

Вот каким образом очутился бывший эмир-Мирза, а теперь граф Корти, на палубе галеры у Золотого Рога.

До сих пор он успешно исполнял взятое на себя трудное дело, но нельзя сказать, чтобы он был счастлив. Ему удалось найти мать, отечество и религию своих предков. Но он находился в таком положении, что не мог признать открыто ни того, ни другого, ни третьего. Печальные мысли постоянно теснились в его голове, и граф Корти был далеко не тем веселым, беззаботным эмиром, которого так любил Магомет.

V

КНЯЖНА ИРИНА В ГОРОДЕ

Приемная в городском доме княжны Ирины, проводившей в Константинополе зиму, состояла из большой овальной залы, разделенной посередине накрест двумя розовыми мраморными колоннами, которые соединялись арками, с шерстяными занавесями, перехваченными богатыми шелковыми шнурками с кистя-

ми. Каждое из отделений залы освещалось сверху окнами, а для обогрева были устроены маленькие жаровни. Пол был мозаичный, в клетку желтого и розового цвета. Меблировка заключалась в большом количестве резных кресел и стульев, многочисленных пестрых коврах и массивных столах с медной и яшмовой инкрустацией. На столах стояли каменные кувшины в форме ваз и хрустальные стаканы. Стены были покрыты арабесками, среди которых виднелось несколько картин. Двери без занавесей были расположены друг против друга, а окна на потолке, конической формы, были из чистого стекла.

На стуле в одном из отделений роскошной залы сидела княжна и вышивала на пальцах. Возле, на маленьком столе, были разложены необходимые материалы для вышивания, под ее ногами лежала львиная шкура.

Налево от княжны, на гряде подушек, лежала бледная, еще не совершенно оправившаяся от перенесенных волнений Лаель. Княжна Ирина вняла просьбе сына Иадая и, взяв молодую девушку под свое попечительство, окружила ее заботами.

В других частях залы находились приближенные к Ирине молодые девушки и женщины. Одни читали, другие вышивали, третьи пели, так как Ирина предоставляла им полную свободу.

Только что одна из девушек пропела конец песни, возбуждавший громкие рукоплескания, как в комнату вошел старик Лизандр и доложил княжне, что ее желает видеть Сергей. Она вместо ответа наклонила голову, и Лизандр, удалившись, через минуту ввел русского послушника.

Хотя обращение Сергея отличалось почтительным характером, но в нем ясно проглядывала уверенность в том, что его присутствие приятно. Это не означало, что он был фамильярен с княжной Ириной, но она ни от кого не требовала применения формального этикета и просто считала, что каждый человек, даже импе-

ратор, обязан был преклоняться перед ней. Но Сергей был ближе для нее, чем все остальные по разным причинам. Никогда она не видывала человека, который так мало знал свет и был бы так прост, так добродушен. Поэтому он нуждался в советнике и руководителе; эти обе обязанности она охотно взяла на себя, частью из чувства долга, частью по доброй памяти к отцу Илариону.

Ирина знала о любви, которую питали друг к другу Сергей и Лаель. Они, как дети, не скрывали своих чувств.

Мир сурово обошелся с Сергием, и хотя он мужественно старался скрыть это, но Ирина видела, что он страдал. По ее мнению, он заслуживал общую благодарность за то, что спас Лаель и дал императору возможность уничтожить нечестивое учреждение, созданное Демедием. Но, к несчастью, могущественное братство святого Иакова питало к Сергию явную ненависть. Они утверждали, что он мог спасти Лаель, не причинив смерти Демедию, и даже обвиняли его в двойном убийстве — прежде племянника, а потом и дяди. Из уважения к императору, который одобрял действия Сергия, они не изгнали юношу из своей среды, но он уже не решался пользоваться привилегиями. Его келья была пуста, и все службы совершались без него. Одним словом, братство ждало только удобного случая, чтобы выместить на нем свою злобу, а он продолжал надеяться, что его отношения с братством так или иначе поправятся. Не имея никаких занятий и послушаний, он жил в доме патриарха и в свободное время ходил по старинным церквам Константинополя, а также часами катался в лодке по Босфору.

Глаза Лаели радостно сверкнули, когда Сергей подсел к ней.

— Я надеюсь, что тебе лучше сегодня, — сказал он серьезным тоном.

— Да, гораздо лучше. Княжна говорит, что я могу выйти погулять в первый же хороший весенний день.

— Как жаль, что не могу ускорить приход весны. Но я нанял лодку с двумя искусными гребцами. Вчера мы доплыли до Черного моря и назад, остановившись только для завтрака у подножия горы Гиганта. Они говорят, что могут плавать каждый день.

— А ты останавливался в Белом замке? — спросила с улыбкой Лаель.

— Нет. Я боюсь, что комендант обойдется со мной без княжны не так любезно.

— А где ты был сегодня?

— Утром я изучал Священное Писание, а потом пошел посмотреть старинную церковь у водопровода. К моему удивлению, я нашел на церковном дворе стадо козлов. Это какое-то святотатство.

— Эта церковь принадлежит одному из братств, которое имеет право распоряжаться ею как хочет, — заметила княжна.

— Мне грустно это слышать, — произнес Сергей и, видя, что княжна снова занялась своей работой, продолжил, обращаясь к Лаели: — После этого я отправился в Влахернский порт. Ты слыхала, княжна, — прибавил он, — о недавно прибывшем в Константинополь знатном итальянце?

— Нет. Расскажи.

— О нем говорит весь город. Он путешествует на своем судне, как купцы и государи, а он не купец и не государь. Он вошел в порт, салютуя из пушки, как великий адмирал. На судне его развевается никому не ведомый флаг. Его часто видят на палубе в блестящем, как серебро, вооружении. Кто он такой? Все задают себе этот вопрос, и никто не может ответить. Многие ездили к его судну и говорят, что оно совершенство в своем роде, никогда в Константинополе не видавали такой прекрасной галеры. Но матросы на ней темнолицые чужестранцы в чалмах, с черными бородами и чудовищными, нехристианскими лицами. Никого не пускают на это судно, кроме рыбаков и продавцов фруктов, а они уверяют, что слышали какие-то нечеловеческие голоса в глубине судна.

Княжна Ирина едва не рассмеялась, а Сергей серьезно продолжал:

— Как бы то ни было, мне хотелось посмотреть на корабль и на его владельца. Судно стояло у самой набережной, и оно разгружалось. Носильщики уносили выгруженные уже вещи, но куда — я не мог узнать. При мне свели с палубы пять лошадей. Таких коней я никогда не видывал: два серые, два гнедые и один караковый. Они смотрели прямо на солнце, не моргая, и вдыхали в себя воздух, словно какой-то напиток, их шерсть блестела, как шелк, хвосты развевались по ветру, как флаги. Это были чистокровные арабские кони! У каждой лошади шел человек высокого роста, худощавый, в чалме и черной одежде. К кораблю подъехали двое придворных, очевидно, посланные императором, и владелец судна сошел на берег и вместе с ними поскакал в город.

— А ты хорошо его рассмотрел? — спросила Лаель.

— Да, он был от меня так же близко, как ты.

— Я вижу, — сказала княжна, приостанавливая свою работу, — как легко могут распространиться слухи об этом чужестранце. Он воин-христианин, он провел много времени в Святой Земле, получил благословение папы Николая для борьбы с африканскими пиратами. Он — итальянский дворянин по имени граф Корти. Император принял его, отвел ему помещение в Юлиановском дворце.

Княжна Ирина снова принялась за работу, но в эту минуту вошел в комнату Лизандр и громко произнес:

— Три часа!

Княжна медленно встала и удалилась, а за нею последовали и все ее приближенные.

Сергей остался один с Лаелью.

— Скажи мне что-нибудь о себе, — сказала девушка.

— Тучи нависли надо мной, но я не унываю, они рано или поздно исчезнут. Впрочем, и теперь окружаю-

щий меня мрак освещен лучом света — ты ведь меня любишь.

— Да, я тебя люблю,— отвечала Лаель с детской простотой.

— Братство выбрало нового игумена,— продолжал Сергей.

— Я надеюсь, что это добрый, хороший человек.

— Бог милостив: император, патриарх и княжна Ирина отстоят меня. Игумен не пойдет против них, и ему, конечно, не удастся изгнать меня. Я его не боюсь и буду поступать так, как считаю правильным. Мне ставят в вину то, что я спас тебя.

— А как дела у Нило?

— Он ни в чем не нуждается.

— Я поеду к нему, как только мне разрешат выходить.

— Его келья в Кинегоне очень удобна, и офицер, которому поручен надсмотр за ним, получил приказание от императора, чтобы он не испытывал ни в чем недостатка. Я видел его два дня тому назад. Он не знает, за что его держат в тюрьме, но ведет себя очень спокойно. Все свое время он посвящает выделке военных и охотничьих орудий из материала, который я ему доставил. Он уже приготовил столько луков, стрел и копий, что все стены его кельи увешаны ими, и любопытные постоянно теснятся, чтобы взглянуть на это диковинное оружие. Он такой же любимец публики, как Тамерлан — царь львов. Кстати, он показал мне хитрую сеть, которую он смастерил из тонких нитей для ловли львов. Ты не согласишься, как он передо мною ловко набрасывал эту сеть на воображаемого льва и потом, бросаясь на невидимого врага, безжалостно рубил его. Сейчас он занят другим. Какой-то торговец слоновой кости дал ему клык слона, и он вырезает на нем целые военные сцены. Ему хорошо в келье, но он все спрашивает, когда возвратится князь Индии. Он не верит, что князь умер, на все слова недоверчиво мотает головой, как бы говоря: нет, он путешествует и вернется.

Сергий был так занят своим рассказом, что не заметил, какое впечатление вызвали у девушки его последние слова.

— О, прости, я забыл, что князь Индии был тебе отцом,— спохватился он, покраснев.— Но мне пора идти. Княжна отправляется в святую Софию, и, быть может я ей нужен. Прощай, до завтра.

Он поклонился и вышел из комнаты.

VI

ГРАФ КОРТИ В СВЯТОЙ СОФИИ

Дворец Юлиана состоял из целого ряда зданий разных стилей, но величественных и роскошно украшенных. Его окружал сад, а Юлианский порт представлял большой бассейн, вырытый в земле, наполненный водой из Мраморного моря и соединенный с Босфором проходом в городской стене.

Граф Корти нашел дворец в очень хорошем состоянии и был рад, что ему и его свите отведено было такое уединенное жилище, тем более что рядом, у самой лестницы дворца, стояла на якоре его галера, лодка которой всегда могла быть к его услугам.

Отведенная ему часть дворца находилась в южной его стороне. Понадобилась неделя, чтобы рабочие придали его жилищу приятный, даже роскошный вид, что было необходимо для достойного исполнения той задачи, которую он взял на себя по поручению Магомета.

Но, несмотря на все свои хлопоты по устройству нового жилища, он нашел время посетить Ипподром, Буколеон и святую Софию. Но прежде чем начать свою деятельность в Константинополе, он с нетерпением ждал вести от султана. Он уже написал подробный отчет о своих похождениях в Италии, дальнейших странствованиях и прибытии в Константинополь, но ждал обещанного от султана гонца, чтобы отправить доклад. Слово одобрения со стороны Магомета прида-

ло бы ему новые силы для продолжения предпринятого дела, тем более что он находился в очень мрачном настроении.

Ожидая прибытия гонца от султана и обдумывая, как безопаснее принять и отпустить его, граф Корти пришел к мысли, что лучше всего ему выпросить у императора назначение охранять со своими людьми дворец и порт Юлиана, благо он и его галера находились там. В этом не было бы ничего необыкновенного, так как на службе у Константина находилось много чужестранцев.

В один из дней, когда он был на палубе своей галеры, к нему прибыл придворный, сообщивший, что император назначил ему аудиенцию на другой день в двенадцать часов.

Граф Корти показал придворному свое помещение, не пропуская ничего, ни кухни, ни конюшни. Гостеприимство произвело прекрасное впечатление, и нельзя было сомневаться, что император получит самый лестный отзыв о чужестранце, тем более что граф угостил самым дорогим итальянским вином.

Пока граф Корти принимал представителя императора, случилось нечто необыкновенное. Экипаж галеры неожиданно услышал пронзительный крик и увидел черную лодку, подходившую к Юлианскому порту. В ней стоял человек, очень бедно одетый, и высоко держал деревянный лоток с рыбой. Он-то и оглашал воздух пронзительным криком. Часовой у порта отрицательно покачал головой, когда незнакомец предложил ему рыбы, но пропустил его. Приблизившись к галере, незнакомец вступил в разговор с матросами, а затем его лодка подгребла к пристани, и рыбак пошел со своей рыбой во дворец. Долго блуждал он по нему, пока нашел кабинет. Его не пустили, и он поставил свой лоток с рыбой на пол и уселся с твердой решительностью дожидаться.

Вскоре появился граф, провожавший придворного. Увидав рыбака, он пристально посмотрел на него и, обращаясь к придворному, сказал:

— Какая прекрасная рыба.

— Да, Босфор славится ею.

— Иди на кухню, у тебя купят рыбу,— кивнул он рыбаку.

Потом, обращаясь к привратнику, прибавил:

— Потом приведи его ко мне. Я люблю рыбную ловлю, и, может быть, он согласится показать мне, как здесь ловят рыбу.

Через некоторое время рыбак был введен в кабинет графа, который сидел за столом, заваленным книгами и бумагами. Когда они остались одни, то глаза их встретились.

— Ты Али, сын Абед-Дина? — сказал граф.

— Да, эмир.

— Велик Бог!

— Да будет благословенно имя его.

Они давно знали друг друга.

Тогда Али снял красный платок, которым была повязана его голова, и, вынув из него кусок пергамента, подал графу.

Граф развернул пергамент.

«Этот человек прислан к тебе с деньгами. Можешь ему довериться. На этот раз прежде всего напиши мне о себе, а потом о ней; но следующие послания начинай с известия о ней. Моя душа изныла от нетерпения».

На пергаменте не было ни числа, ни подписи, но граф почтительно прикоснулся к нему губами. Он знал этот почерк так же хорошо, как свой.

— О, Али,— сказал он, сверкая глазами,— с этого времени ты будешь называться Али Верный, сын Абед-Дина Верного.

— Хорошо,— с улыбкой отвечал Али,— но мне пришлось долго тебя ждать. Я привез тебе деньги и, признаюсь, состарился от одной заботы о сохранении этих денег. Я привезу их тебе завтра, и когда отдам, то произнесу на радостях сорок молитв пророку. Да будет благословенно его имя.

— Нет, не завтра, Али, а через день, и тогда принеси свежей рыбы. Тебе опасно сюда являться, и те-

перь уходи. Но прежде скажи мне что-нибудь о своем повелителе. Он действительно султан из султанов, каким обещал быть? Где он, здоров ли, что он делает?

— Не торопись, эмир, я не могу ответить сразу на все твои вопросы.

— Но я так давно живу среди христиан и не имею о Магомете никаких известий.

— Да, эмир, падишах Магомет будет величайшим истребителем неверных со времен падишаха Османа. Вот ответ на твой первый вопрос. Он здоров, и хотя еще похудел, но душа его живее, чем когда-либо. Вот ответ на твой второй вопрос. Он живет в Адрианополе и, как все считают, строит мечети; но я скажу тебе, что он отливает пушки для ядер величиной с гробницу его отца. Вот ответ на твой третий вопрос. Что касается четвертого, то есть того, что он делает, то достаточно тебе знать, что он готовится к войне, и в этом ему помогают все, от шейх-уль-ислама до багдадских сборщиков податей. Общая перепись скоро будет окончена, и уже наберено в солдаты полмиллиона людей.

— Довольно, Али, остальное в другой раз.

Граф Корти вынул из стола пакет, завернутый в кожу и запечатанный большой печатью.

— Это для султана. Но как ты доставишь его?

— Я вынесу его отсюда под рыбой,— отвечал с улыбкой Али.— Рыба свежая, и в Кашмире бывают цветы, которые пахнут хуже. Но в следующий раз я приготовлю более надежный тайник.

Али сунул пакет за пазуху и вышел из комнаты. Когда он проходил мимо привратника, то пакет лежал уже под рыбой.

Оставшись один, граф Корти бросился в кресло. Он получил от Магомета весть, которую ожидал с таким нетерпением. Он держал в руках письмо, говорящее о таком доверии султана, которое было не слыхано до сих пор на Востоке. Но, несмотря на это, настроение его оставалось мрачным. Слова Али о том, что

Магомет готовится к войне, льет пушки, не вызывали у него сомнения. В сущности, он находился в таком мрачном настроении оттого, что ему претило то ложное положение, в котором он оказался. Порученное ему дело заключалось в обмане и предательстве, и он чувствовал позорный характер подобного дела.

Чтобы найти себе в чем-нибудь утешение, он вторично прочел записку Магомета и теперь остановился на тех словах, которые касались Ирины. Ах да, он и забыл о ней. Ему необходимо познакомиться с ней, и как можно скорее. Эта мысль начала его тревожить, и он решил тотчас отправиться в город. По его приказанию привели каракового коня, и граф Корти, надев стальной шлем, вскочил в седло.

Было три часа пополудни; солнце ярко светило, улицы были полны народа, а в окнах и на балконах виднелись группы любопытных. Конечно, рыцарь на великолепном коне, сопровождаемый смуглым слугой в мавританской одежде, обратил на себя всеобщее внимание. Но ни рыцарь, ни слуга как бы не замечали производимого ими впечатления и не удостоивали ответом громко высказываемые зеваками вопросы.

Повернув в северную часть города, граф неожиданно увидел купол святой Софии. Он показался ему обращенным кверху громадным серебряным сосудом, державшимся чудом на небе. Он невольно остановил лошадь и почувствовал желание войти в это чудное здание.

Перед собором он отдал лошадь слуге и один вошел во внешний двор.

На площадке толпились солдаты, граждане, монахи. Граф обошел обнаженное, суровое здание собора с наружной стороны и невольно обратил на себя все взгляды. В это время из улицы повернул во двор длинный ряд монахов в серой одежде с непокрытыми головами; они громко пели в нос и в особенности поразили графа своими бледными лицами, впалыми глазами и всклокоченными бородами. Он не мог не заметить, что итальянские монахи были веселые, толстые, круг-

лолицы, а эти, все молодые люди, казались подлинными аскетами. Он вспомнил, что, по рассказам, в святой Софии происходили службы ежедневно, от пяти часов утра до полуночи.

Во двор выходили пять больших бронзовых дверей, широко открытых, и, видя, что монахи стали входить в одну из них, он направился в соседнюю. В притворе собора он остановился и тотчас забыл о монахах. Со всех сторон его окружали стены, украшенные цветной мозаикой, а над ним виднелся Христос, судивший мир. Он никогда еще не видывал подобной картины и потому так впился в нее глазами, что не заметил, как монахи прошли мимо него.

Очнувшись от первого сильного впечатления, он подошел к одной из девяти также бронзовых дверей, которые вели вовнутрь собора, и слегка дотронулся до нее. Она отворилась без всякого шума. Еще два шага — и он стоял в соборе святой Софии.

Читатель, вероятно, помнит, что посланцы русского великого князя Владимира, сына Ольги, приехав в Константинополь, сделались христианами, как только увидели святую Софию. Подобное же впечатление произвело это зрелище и на графа Корти. В известном смысле он был также неверующий полуварвар. Много часов он провел с Магометом, рисуя планы великолепных дворцов и мечетей. Но что значили все их проекты в сравнении с тем, что он видел перед собой. Если бы его глазам представился неожиданно Каприйский грот со всеми его чудесами природы, то он не был бы так поражен. Он медленно продвинулся на несколько шагов и стал жадно смотреть вокруг себя; его взгляды охватывали общий абрис открывшейся перед ним картины, а не останавливались на частностях и мелочах, на вышине и ширине, на глубине и богатстве, на разноцветном мраморном полу, колоннах, разнообразных сводах, выдающихся галереях, карнизах, фризах, балюстрадах, золотых крестах, блестящих окнах, алтаре, сверкавшем бесчисленными зажженными свечами и драгоценными камнями; на лампадах, подсвечниках,

церковных сосудах, хоругвях и образах, на малых куполах, которые постепенно уносились к центральному куполу, по величине и красоте превосходящему всякое описание.

Как долго стоял граф Корти, пораженный величием святой Софии, он сам не знал, а пришел он в себя только благодаря неожиданно раздавшемуся пению; он вздрогнул.

Прежде всего ему пришла в голову мысль о сравнении святой Софии с Каабой. Он вспомнил тот день, когда он упал полумертвым у подножия черного камня. Как та картина была мрачна в сравнении с этой. Там был мрачный камень, окруженный фанатиками, а здесь... Все сияло, все было светло, лучезарно. Естественно, ему пришла в голову мысль, что этот храм принадлежал к той вере, которую исповедовала его мать. Он вспомнил, как она шла ночью в часовню, чтобы молиться о его возвращении. Глаза его наполнились слезами, сердце дрогнуло. Отчего ее вера не могла быть его верой? Впервые задал он себе этот вопрос.

Тем временем из алтаря вышел епископ, окруженный духовенством в богатом облачении. Ему надели на голову митру, сверкавшую драгоценными камнями, и золотую ризу; тогда он произнес молитву и, подняв с престола чашу, вознес ее. Раздалось торжественное пение, которое наполнило нежной мелодией своды. Все опустились на колени; невольно, сам того не чувствуя, граф Корти сперва последовал их примеру, но быстро вскочил и теперь стоял один во всей церкви. Ему стало неловко выделяться в большой толпе. Неожиданно он увидел направлявшийся прямо на него ряд женщин. Все они были в белых фатах, но лицо первой женщины было открыто. Еще несколько шагов, и он увидел ее лицом к лицу. Из-за нежного румянца, заливавшего ее щеки, она казалась ребенком. Глаза ее были опущены, а губы слегка двигались, словно она принимала участие в пении, торжественно наполнявшем церковь. Ее лицо блистало каким-то лучезарным светом. Сердце графа Корти тревожно забилося, так

как нет на свете человека, который может оставаться равнодушным перед женской красотой, какие бы обеты он ни давал.

Она направлялась к главным дверям, а так как он стоял перед этой дверью, то, поравнявшись с ним, на мгновение остановилась и с удивлением посмотрела на этого рыцаря во всеоружии.

— Прости, рыцарь, что я помешала твоей молитве,— сказала она с улыбкой.

— А я, сударыня,— отвечал он,— благодарю Бога, что оказался перед этой дверью.

Он посторонился, и она вышла из церкви.

Теперь собор, за минуту еще поражавший его своим величием, показался графу Корти совершенно простой, обыкновенной церковью. Он уже не слышал пения и не видел окружавшего его великолепия. Его глаза не покидали двери, за которой она исчезла.

Он словно очнулся от сна, и первая мысль, пришедшая ему в голову, были слова Магомета: «Ты узнаешь ее с первого взгляда».

Это была она, она, о которой писал Магомет на пергаменте, принесенном в этот день верным Али.

Тогда он вспомнил все, что ему говорил Магомет, прощаясь в Белом замке. В ушах его раздавались слова его повелителя: «Всякий, кто увидит ее, влюбится в нее», а также: «Не забывай, что в Константинополе я должен принять ее такой же непорочной, как я видел ее в последний раз».

Машинально вышел он из церкви, сел на лошадь и поехал домой.

Мысленно повторял он все одно и то же: «Всякий, кто увидит ее, влюбится в нее». Тщетно старался он отогнать от себя преследовавшую его мысль, тщетно старался уверить себя, что возненавидит ее. Все-таки внутренний голос повторял в его сердце в продолжение остального дня и наступившей затем ночи: «Ты полюбишь ее, как все ее любят».

В сущности, он уже любил ее.

ПИСЬМО ГРАФА КОРТИ К МАГОМЕТУ

В двенадцать часов воздух не так ясен и тени ложатся длиннее, а вечером снега с горных вершин придают воздуху свежесть: вот единственное различие между наступившим сентябрем и концом июня в Константинополе.

Граф Корти постепенно привык к своей новой роли. Его положение становилось все тяжелее, чем более он содействовал катастрофе, которая должна была уничтожить империю, не сделавшую ему ничего дурного. Но всего невыносимее была для него любовь к княжне Ирине, так как он должен был удерживать свою страсть из преданности Магомету, не позволяя себе никаких мечтаний и надежд.

Однако, несмотря на постоянную борьбу в его сердце самых противоположных чувств, он продолжал исполнять то, что он считал своим долгом, и аккуратно посылал Магомету отчет о своей деятельности. Мы приведем из его писем несколько отрывков.

Вот что писал он, например, в своем донесении после того, как в первый раз посетил святую Софию.

«Повергаю себя к твоим стопам, о мой повелитель, и молю Аллаха сохранить тебя в вожделенном здоровье и силе, а также оказать тебе помощь во всех твоих мудрых начинаниях... Ты просил меня всегда говорить прежде всего о родственнице императора. Вчера я отправился в церковь, которую греки уважают более всего на свете и которая, говорят, выстроена Юстинианом. Ее громадные размеры поразили меня, и, зная, как мой повелитель любит подобные великолепные здания, я не обинуясь заявляю, что если бы не было другой причины для завоевания этого нечестивого города, то было бы достаточно для этого обращения святой Софии в мечеть. Богатства, собранные там в течение веков, неисчислимы; но все великолепие собора, сверкавшего на солнце всеми цветами радуги, поблекло в одно мгновение, как только появилась

княжна Ирина. Ее лицо блестит, как тысяча звезд. Вся ее фигура представляет такое сочетание красоты и грации, что даже Гафиз, любимый поэт моего повелителя, не сумел бы ее воспеть и удовольствовался бы только словами: эту песню из песней не выразить никаким стихом. Проходя мимо меня, она заговорила со мной, и в ее голосе звучала любовь. Но вместе с тем она отличается царственной осанкой, вполне достойной той, которая будет царить над всем миром благодаря моему повелителю. И относительно княжны Ирины я скажу то же, что о святой Софии: для обладания ею тебе стоит поднять весь свет против этого нечестивого города. Ты один, мой повелитель, достоин ее. Как счастлив буду я, если пророк позволит мне быть смиренным орудием твоего благополучного бракосочетания с ней».

Это послание оканчивалось следующим образом.

«По приглашению его величества императора я имел вчера аудиенцию в его Влахернском дворце. Двор был в полном сборе, и после представления императору я познакомился и со всеми придворными. Всем распоряжался на этом приеме Франза, которого мой повелитель знает. Я сначала боялся, чтобы он меня не узнал, но он слишком предан отвлеченным размышлениям, чтобы видеть то, что у него под носом. Князь Нотарий также был там и много разговаривал со мною об Италии. По счастью, я знаю более его о городах, обычаях и современном положении этой страны гяуров. Он поблагодарил меня за сообщенные мною сведения, и когда я рассказал ему, по какому случаю папа выдал мне свидетельство, то он прекратил мой допрос. Я имею основание, а также император, держать ухо востро относительно этого человека. Франза — человек не опасный, но князь Нотарий — дело совершенно иное. Относительно императора я могу смело сказать, что он мой друг и что через месяц я буду пользоваться его полным доверием. Это прекрасный, храбрый человек, но очень слабохарактерный. Он способный полководец, но у него нет ни помощника, ни солдат;

он слишком доверчив для политики и слишком религиозен для государственного деятеля. Все свое время он посвящает духовным лицам и церковным обрядам. Я уверен, что мой повелитель похвалит меня за принятую мною меру, чтобы приобрести его доверие. Я поднес ему одного из коней, приведенных мною из Алеппо, и такой прекрасной арабской лошади он никогда не видал на своей конюшне. Поэтому сам император и весь его двор вышли на улицу, чтобы полюбоваться удивительным животным».

В третьем донесении говорилось:

«Я обедал во дворце; за столом присутствовали многие офицеры армии и флота, члены императорского двора, патриарх, епископ, княжна Ирина, окруженная значительным числом высокородных дам и девиц. Его величество среди этого собрания был солнцем, а княжна Ирина — луной. Он сидел на возвышенном месте в одном конце стола, а она помещалась против него. Между же ними, по обе стороны, занимали место гости. Я смотрел только на луну и невольно думал, что вскоре мой повелитель будет источником ее света, а она, красота из красот, будет достойным спутником лучезарной славы моего повелителя. Его величество оказал мне честь подвести меня к ней. Вспоминая о том, чем она будет для моего повелителя, я хотел пасть ниц перед нею, но вспомнил, что итальянцы не прибегают к подобного рода приветствиям... Она удостоила меня разговором. Ее ум так же прелестен, как и ее красота. Я очень почтительно заговорил с нею и предоставил ей выбрать тему разговора. Она выбрала религию и войну. Если бы она была мужчиной, то из нее вышел бы великий полководец, но, будучи женщиной, она глубоко религиозна. Самая любимая ее мечта — приобретение вновь христианскими державами гроба Господня. Она спросила, правда ли, что папа благословил меня на борьбу с пиратами Триполи, а когда я отвечал утвердительно, то она воскликнула с жаром: «Война была бы самым благородным делом, если бы всегда имела целью крестовый поход». Потом

она стала расспрашивать меня о святом отце; так как она называет папу святым отцом, то я полагаю, что она принадлежит к той партии, которая признает его главой церкви. Она желала знать, на кого он походит, ученый ли человек, представляет ли достойный пример духовенству, отличается ли веротерпимостью и окажет ли помощь христианам на Востоке, если бы им угрожала большая опасность... Конечно, моему повелителю будет нелегко привести княжну на путь истины, но никто никогда не раскаивался в тех усилиях, которыми в конце концов приобретается любовь. Я помню, что в детстве мой повелитель старался научить говорить ворона и райскую птицу. После долгих усилий ворон стал кричать «Аллах, Аллах», но райская птица упорно безмолвствовала, и, однако, мой повелитель любил ее больше ворона, объясняя свое пристрастие к ней тем, что ее перья очень блестящи».

Вот еще несколько отрывков из посланий:

«Несколько дней тому назад я поехал верхом из Золотых ворот и, повернув направо, направился к воротам святого Романа, вдоль городской стены. Это очень внушительная постройка, но ров так загроможден, что я сомневаюсь, можно ли пустить в него воду. Я подробно осмотрел ворота. По своему центральному положению — это ключ к Константинополю. Затем я старательно исследовал всю дорогу и окрестность до Адрианопольских ворот. Я надеюсь, что мой повелитель найдет удовлетворительной прилагаемую карту моей рекогносцировки. Во всяком случае, она верна».

«Его величество пригласил меня на охоту с соколами. Мы отправились в Белградский лес, откуда Константинополь добывает главным образом пресную воду. Роза роз моего повелителя была с нами. Я предложил ей моего каракового коня, но она предпочла свою лошадь. Помня твою инструкцию, я во все время держался около нее. Она прекрасно ездит верхом, хотя вообще греки не отличаются в этом искусстве. Сокол поймал цаплю за горой, через которую, кроме императора, никто не дерзнул перебраться. Я когда-нибудь

им покажу, как надо ездить верхом. Во всяком случае, княжна благополучно вернулась с охоты».

«Я, как всегда, аккуратно исполняю свои обязанности и ежедневно посещаю княжну. Она отличается от всех женщин тем редким качеством, что всегда одна и та же. В этом она отличается от планет, которые иногда затмеваются тучами... Вчера от княжны Ирины я поехал в арсенал, находящийся в северной части нижнего этажа ипподрома. В нем собраны всякого рода орудия для нападения и защиты: луки, самострелы, стенобитные машины, копья, дротики, мечи, щиты и т. д. Так как ты, мой повелитель, отличаешься смелой, отважной душой, то могу сказать тебе, что император хорошо подготовлен к войне. Если бы он во всех отношениях был также бдителен, то грозил бы большею опасностью моему повелителю. Но кто понесет на войну все это оружие? Туземных солдат недостаточно, чтобы образовать один отряд императорских телохранителей. Он может надеяться для своей защиты только на стены Византии. Церковь полонила всю молодежь, и они променяли меч на четки. Таким образом, если воины западных держав не окажут поддержки, Византия сделается легкой добычей».

«Мой повелитель приказал мне жить с царской роскошью, поэтому я только что вернулся из поездки с гостями по Босфору до Черного моря на моей галере. Для княжны Ирины был поставлен трон на крыле моей каюты, и под ним был устроен шелковый балдахин. Мы бросили якорь в бухте Терапии и посетили дворец, а также сады княжны Ирины. На одной из колонн, окружающих наружные ворота, она указала мне на медную бляху, и я с удивлением узнал на ней почерк моего повелителя с его царственным знаком. Я едва не простерся ниц перед ним, но вовремя удержался и спокойно спросил, что это такое? Она покраснела, опустила глаза и ответила дрожащим голосом. Она расспрашивала меня о тебе, мой повелитель, но я из осторожности сказал, что ничего не знаю, кроме рассказов турков, с которыми я случайно встречался.

Мне нечего описывать дворец в Терапии, так как мой повелитель сам бывал в нем. К большому моему сожалению, княжна Ирина осталась там, и я уже начал отчаиваться насчет возможности сообщать тебе сведения о ней, как она пригласила меня посещать ее в Терапии».

«Но все-таки очень рад за моего повелителя, потому что октябрьские ветры, дующие с Черного моря, вынудили княжну возвратиться в свой городской дом, где она будет жить до лета. Я видел ее сегодня. Благодаря жизни на чистом воздухе, ее щеки зацвели, как розы, ее губы пунцовы, словно она ела гранаты, ее глаза ясны, как у ребенка, ее шея бела, как у горлицы, а ее походка напоминает колебание лилии на стебле. О, если бы я только мог сказать ей хоть слово о моем повелителе!»

«Все на Востоке слыхали о византийском ипподроме; я с любопытством посетил его на прошедшей неделе и сегодня. В продолжение долгих веков византийское самолюбие кичилось этим великолепным зданием, но теперь от него осталось немного. На северном конце арены, имеющей около семидесяти шагов в ширину и четырехсот в длину, находится полуразоренное здание, низ которого был превращен в арсенал, а верх в места для публики. Над этими местами возвышается павильон императора, из которого он смотрит на бега колесниц и борьбу голубых и зеленых. На всей арене валяется столько мраморных и каменных обломков, что можно было бы выстроить из них тот дворец, о котором ты мечтаешь, мой повелитель. Посередине арены находятся три замечательных предмета: высокая четырехугольная колонна, в четыреста футов, теперь обнаженная, но некогда покрытая медными листами; обелиск из Египта и узкая витая колонна, изображающая три перевившиеся между собою змеи, поднимающие свои головы кверху. Нынешний император не оказывает этим руинам чести своим посещением, но византийцы часто ходят туда и любуются, как офицеры и солдаты ездят верхом по арене. Моему повелите-

лю должно быть известно, что в этом городе живет сын некоего Орхана, который называет себя законным наследником блаженной памяти Солимана; этот сын Орхана содержится греками как будто в заточении. Претендент на султанский престол, как истый турок, хвалится своими воинскими доблестями и искусством наездника. Он даже, говорят, намерен пойти войной на тебя, мой повелитель, когда умрет его отец, старый Орхан. Посетив ипподром на прошедшей неделе, я увидел, что при многочисленных зрителях, молодой Орхан показывал свою прыть, как наездник. Многие очень хвалили его ловкость, а я заметил, что выдвигал на Востоке и лучших наездников. Сын претендента, узнав, что я итальянец, согласился померяться силами со мной и вступить со мною в бой. Вчера было назначено наше состязание. Громадная толпа собралась на любопытное зрелище, и в том числе сам император, на подаренном ему мною сером коне. Мы начали с верховой езды, и я побил Орхана в вольтах, полувольтах, прыжках и т. д., затем мы стреляли на скаку в цель. Он попал в мишень двумя стрелами из двенадцати, а я всадил в центр мишени все двенадцать стрел. Наконец очередь дошла до борьбы копьем и секирой. Я предложил ему выбрать любое из этих орудий. Он взял копье, но при первом же нападении я перерубил его копье секирой. Все зрители громко мне рукоплескали, а Орхан, выйдя из себя от гнева, заявил, что это была простая случайность, и потребовал продолжать борьбу, но император вступился и приказал нам обоим драться на копьях или на секирах. Мой противник бросился на меня с остервенением, но я, отбив его удар, сбросил его с седла своим щитом. Он упал на землю, обливаясь кровью. Его подняли и унесли с арены, а император пригласил меня с собою во дворец. Я очень сожалел, что мне не удалось убить этого наглеца, но, во всяком случае, моя репутация в Константинополе обеспечена, и меня считают храбрым бойцом».

«Его величество формально доверил мне охрану городских ворот, находящихся против моего жилища.

Благодаря этому, я могу всегда связываться с тобою, мой повелитель, и, в сущности, ключи Царьграда в моих руках. Однако я буду покупать рыбу у Али. Она самая свежая на городском рынке».

«Княжна здорова, и щеки ее пылают зарей в честь тебя, мой повелитель, но я нашел ее вчера в большом смущении. Во дворце получено неблагоприятное известие от византийского посла в Адрианополе. Султан дал наконец ответ по вопросу о договоре об Орхане. Прекращена уплата денег. Я рассчитал, что этот ответ должен совпасть с получением моего письма о поединке с молодым Орханом, а потому счастлив, что мог оказать хотя эту небольшую услугу моему повелителю. Узнав о полученном из Адрианополя известии, я отправился прямо от княжны в Влахернский дворец. Там заседал большой совет, но меня все-таки допустили к императору. Константин настоящий воин, но его окружают слабые люди. В ту минуту, как я вошел в зал совета, шло обсуждение ответа, полученного из Адрианополя. Его величество выразил мнение, что ответ и прекращение выплаты были признаком воинственных намерений султана, а потому необходимо готовиться к войне. Франза полагал, что дипломаты еще не все сделали. Нотарий спросил, какие приготовления к войне намерен был сделать император. Его величество отвечал, что он был намерен купить орудия и порох, снабдить амбары и хранилища продовольствием на случай долгой осады, увеличить флот, укрепить городские стены и очистить рвы. Он также хотел отправить посольство к папе, чтобы просить помощи у христианских держав Европы. На это Нотарий отвечал: я предпочитаю видеть в Константинополе турка в чалме, чем папского легата. Все члены совета подняли ужасный шум и разошлись в смятении. Я пожалел бедного императора. Он выказывает столько мужества и вместе столько слабости. Его столица и остатки некогда могучей империи могут быть спасены, только если Рим окажет ему помощь. Но для этого потребуют отказа от православия унии с Западом, а в случае несогласия предо-

ставит Византию своей судьбе. Если бы ты, мой повелитель, решил завтра постучать в ворота Константинополя, то Нотарий отворил бы одни из них, а я другие. Но император все-таки будет сражаться: у него душа героя».

«Княжна Ирина безутешна. Патриотка, следящая за политикой, она видит, в каком положении находится империя, она проводит целые ночи в слезах, и в глазах ее видны следы постоянной бессонницы. Но я надеюсь, что, когда наступит для нее самая печальная эпоха, мой повелитель сумеет ее утешить».

«Я не писал тебе, мой повелитель, уже более недели. Али был болен и говорит, что выздоровеет, только когда перестанет дуть из Константинополя христианский ветер. Он умоляет тебя, мой повелитель, прибыть сюда и водворить порядок в стихии. Дипломатическая неудача императора усилила политические распри. Сторонники римлян повторяют слова Нотария, сказанные на большом совете, и обвиняют Константина в измене Богу и отечеству. В сущности, его мнение служит верным отголоском того, что думает вся греческая церковь; но все-таки эта церковь его плохо поддерживает. Княжне Ирине в последнее время что-то нездоровится: она очень побледнела и не дожидается весны, когда будет в состоянии вернуться в Терапию. Она объявила мне, что завтра будет особая служба в святой Софии. Там будут присутствовать представители всех монашеских обителей Константинополя и его окрестностей. Она надеется, что в результате будет примирение всех партий».

Корти понимал, что, служа султану, он изменял императору. Сколько раз, сидя по ночам за составлением писем, он вскакивал из-за стола под влиянием укоров совести. Не лучше ли было ему бежать в горы или на море, чем строить втайне ковы против человека, слепо ему доверившемуся. Но, увы, он был скован те-

перь узами, более могучими, чем преданность своему повелителю. Он мог покинуть Магомета, но не княжну Ирину. Опасность, грозившая с каждым днем все более и более Царьграду, грозила и княжне. Предупредить ее об этом было излишне, она никогда не оставила бы столицы, и мысль о силе ее воли в сравнении с его собственным слабым характером причиняла ему страдания. Писать о ней в поэтическом духе было для него нетрудно, потому что он любил ее, но мысль о том, что он хлопотал о соединении ее судьбы с судьбой своего повелителя, наполняла сердце адской мукой. Поэтому бегство для него было бесцельно, он всюду помнил бы о ней.

Недели шли за неделями, месяцы за месяцами, и Корти все более и более впадал в мрачное отчаяние.

VIII

ХРИСТОВА ВЕРА

В назначенный день для торжественного богослужения в святой Софии древний храм был переполнен. На хорах виднелось немало женщин, в том числе княжна Ирина. Для нее было приготовлено место на возвышении, так что она могла видеть через балюстраду все, что происходило внизу, где с одной стороны сидел на троне император во всех своих регалиях, а с другой — патриарх.

За решеткой, отделявшей место императора, толпились, как некогда в Влахернском саду во время ночного бдения, монахи всех братств и обителей, с хоругвями и иконами, а за ними городские жители и военные.

Служба совершалась патриархом. Патриарх прошел в алтарь и вернулся с чашей со Святыми Дарами. Все в церкви, не исключая императора, преклонили колени. Патриарх приблизился к Константину и причастил его, а затем отворили решетку, и должно было

начаться приобщение всех верующих, но никто из присутствующих не двинулся вперед, а в толпе раздался голос:

— Мы приглашены сюда, святой отец, для причастия, но многие из нас считают грехом приобщаться опресноками.

Патриарх ничего не отвечал, а громко произнес: — Со страхом Божиим и верою приступите!

В эту минуту в церкви поднялся страшный шум, и вся толпа, стоявшая на коленях, внезапно поднялась, наполняя своды громким ропотом.

Несмотря на свою старость и слабость, патриарх отличался силой воли. Он не дрогнул, спокойно посмотрел вокруг себя и вернулся на свое место. Потом он послал в алтарь одного из церковных слуг, и когда тот принес простую рясу, то он надел ее сверх своего золотого облачения. В этом виде он подошел к открытой решетке и обвел взглядом всех присутствующих; ясно было, что он считал перерыв службы святотатством, а потому хоть внешними признаками хотел отстраниться от участия в этом грехе.

— Я слышал, что сказал монах, осмелившийся поднять голос из церкви,— произнес он твердо, решительно,— и, с Божией помощью, отвечу ему. Но прежде всего я замечу, что хотя нас разделяют некоторые догматы и обряды, но в основах нашей веры мы не расходимся. Одной из этих основ служит вера в пресуществление хлеба и вина в Пречистое Тело и Кровь Спасителя. Против этого ведь никто не спорит?

Патриарх умолк, но никто ему не возражал.

— Я знаю, что все в этом согласны,— продолжал он,— а потому, если кто-либо из нас ощущает теперь нечестивое желание нарушить святость храма Божия спорами и распрями, то пусть помнит одно, что среди нас — Христос, Спаситель в плоти и крови.

Говоря это, старец торжественно указал на чашу со Святыми Дарами.

Во многих местах церкви послышались громкие возгласы:

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе!

— Теперь,— произнес снова патриарх,— я отвечу на замечание монаха. Да, в этой чаше опреснок, но разве он не пресуществился в пречистое Тело Господне?

— Да, да! — слышалось в толпе, но тотчас эти крики были заглушены более многочисленными:

— Нет! Нет!

Смятение все увеличивалось, и тогда император, подойдя к патриарху, шепотом сказал ему:

— Дело дойдет до драки, святой отец.

— Не бойся, сын мой, Господь сумеет отделить пшеницу от плевел.

— Но кровь неповинных ляжет на мою совесть. Не вынести ли панагию?

— Нет, рано,— отвечал упорный старец,— не забывай, что это греки, и надо дать им время поспорить и покричать. Еще рано, и они всегда успеют раскаяться в своем заблуждении.

Константин вернулся на свое место и стал оттуда следить за всем, что происходило в церкви.

Шум и гвалт дошли до того, что все присутствующие казались пьяными. Они разделились на два лагерь: одни укоряли нарушителей священного обряда, а другие призывали анафему на желавших приобщить православную паству католическими опресноками. Все одинаково кричали, махали руками и сжимали кулаки, одним словом, эта сцена была чисто византийская, немыслимая ни для какого другого народа.

Мало-помалу волнение перешло и на хоры, но женщины оказались исключительно сторонниками греческой партии, и они во весь голос стали кричать, забывая всякое приличие:

— Аземит! Аземит!..

Княжна Ирина, облокотившись на балюстраду, со страхом смотрела вниз.

Случайно ее глаза остановились на высокой фигуре Сергия, стоявшего у самой решетки перед алтарем.

Наконец патриарх уступил, и по знаку императора сначала раздалось громкое пение: «Свят! Свят! Свят!

Господь Бог Саваоф!» — а затем из алтаря появилась неожиданная процессия. Впереди шли мальчишки с зажженными свечами, а затем церковнослужители в белых одеждах, с кадилами в руках; позади же двое монахов несли широкую хоругвь на золотом древке, с золотой бахромой и многочисленными венками из цветов.

При виде хоругви, на которой, несмотря на ее ветхость, ясно виднелся лик Богородицы, император, патриарх и все находившиеся за решеткой упали на колени. Люди, несшие хоругвь, остановились у входа за решетку и водрузили ее там.

Во всей церкви раздались крики:

— Панагия! Панагия!.. Пресвятая дева! Покровительница Константинополя! Среди нас не только Господь Иисус Христос, но и Пресвятая Богородица. Достойно есть, яко воистину, блажити Тя, Богородицу!

Вся толпа, забыв распри, бросилась к решетке и преклонила колени.

Когда Панагию водрузили, то Сергей случайно оказался под самыми ее кистями и невольно сосредоточил на себе внимание всей коленопреклоненной толпы, тем более что голова его была обнажена, волосы ниспадали широкой волной на плечи, а лицо вдохновенно сияло под лучами солнца.

В эту минуту Сергей взглянул на княжну Ирину; она, как бы наэлектризованная, поднялась со своего места и махнула ему рукой.

Он понял этот знак. Давно желанная, давно ожидаемая минута настала. Кровь прилила к его сердцу, и он побледнел как мертвец. Быстро закрыл он обеими руками глаза, затем отнял руки от лица, поднял голову и, выпрямившись во весь рост, сделал рукою знак, что хочет говорить.

Толпа замерла; все глаза устремились на него, все жадно стали прислушиваться к его голосу.

— Братья,— начал он,— не знаю, откуда я набрался храбрости и по чьему велению я решаюсь говорить, если мною не руководит Иисус Христос, присутствующий среди нас во плоти и крови.

Голос юного послушника дрожал. Лицо его сияло красотой, и многотысячная толпа, смотря на него с изумлением, не знала: оборвать его, как дерзкого наглеца, или слушать, как нового пророка.

— Братья,— продолжал он более твердым голосом,— вы теперь раскаиваетесь в своем святотатственном поступке, но утешьтесь, раскаяние покрывает всякую вину. Ведь Господь простил тех, которые издевались над Ним, плевали Ему в лицо, распяли Его и пронзили копьем. Если Он простил этих злодеев, кичившихся своим нечестием, то неужели Он будет менее милосерд к нам, раскаявшимся грешникам.

Молодой проповедник поднял голову выше прежнего и стал говорить уже совершенно спокойно, уверенно.

— Я теперь, братья, перейду к причине всех ваших бедствий, я покажу, почему вы восстаете друг против друга и прибегаете к насилию, словно насилием можно разрешить богословский спор. Ваши распри не основаны на словах Господа, последняя мольба Которого к Богу Отцу заключалась в том, чтобы все верующие в Него были как один человек. Если кто-нибудь из вас полагает, что распри, ссоры и насилие, в которых вы только что раскаивались, основаны на слове Спасителя, то пусть он заявит об этом, пока еще среди нас присутствует Иисус Христос во плоти и крови. Вы все молчите, так я еще задам вам вопрос: может ли кто из вас сказать, положив руку на сердце и призвав Господа в свидетели, что церковь, к которой он теперь принадлежит, та самая церковь, которую создали апостолы? Выходи и говори, кто осмелится!

Ни один голос не нарушил безмолвной тишины, царившей в соборе.

— Вы хорошо делаете, братья, что молчите,— произнес снова Сергей,— если бы кто-нибудь из вас сказал, что его церковь та самая, которую создали апостолы, то я указал бы ему, что здесь две партии, из которых каждая считает свою церковь истинной. Если вы признали, что обе эти церкви составляют одну апостольскую церковь, то зачем же вы отказались от при-

нения святых тайн? Нет, братья, не думайте, что вы принадлежите к апостольской церкви. В вашей церкви не сохранилось первоначальной христианской общины, в ней нет того единства, о котором молил Бога Иисус Христос, а вместо единства царят ненависть, зависть, распри, насилие. Ваша вера не Христова, а человеческая! И если вы прикрываетесь именем Христа, то это только обман, и больше ничего.

В эту минуту игумен братства святого Иакова проложил себе дорогу к решетке и, остановившись перед ней, громко воскликнул, обращаясь к патриарху:

— Это еретик!

Тут слова его покрылись страшным шумом и криком толпы, поднявшейся на ноги.

Игумен, поняв, что настала минута действовать, выступил вперед и громко сказал:

— Это человек из нашего братства. Он святотатственно поднял руку на нашу церковь. В истории нашего древнего братства никогда не упоминается о подобном еретике, мы требуем, чтобы его отдали нам для суда.

Патриарх вздрогнул и поднял руки к небу, словно прося помощи. Его колебание было видно всем, и присутствующие с лихорадочным нетерпением ждали, на что он решится. Княжна Ирина, вскочив со своего места, искала глазами взгляда императора; но он так же, как все, сосредоточил свое внимание на патриархе.

Неожиданно раздался голос Сергия.

— Если я говорил неправду, то заслуживаю смерти; если же я говорил то, что мне внушает Дух Святой, то Бог спасет меня. Я не боюсь человеческого суда. Довольно,— сказал он еще громче, обращаясь к игумену,— идем, я следую за вами.

Игумен отдал Сергия двум братьям.

Выходя из церкви, Сергий поднял руки к небу и громко воскликнул к толпе:

— Будьте свидетелями моих последних слов! Люди не могут судить меня, как еретика, за то, что я верю в Бога и Его предвечного Сына Иисуса Христа.

Многие из толпы остались в соборе и приняли свя-
тые дары, но большинство бросились к дверям.

IX

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ГРАФА КОРТИ К МАГОМЕТУ

«Нет Бога, кроме Бога, и Магомет пророк Его! Да хранят они моего повелителя в здравии и да осуществят все его надежды. Вот уже три дня, как я не вижу княжны Ирины, хотя постоянно являюсь в ее дом. Но слуги отвечают, что княжна молится в часовне. Но ты, мой повелитель, не смущайся этим известием, и я тебе объясню причину, почему горюет княжна. Ты, конечно, не забыл моего описания торжественной службы в церкви святой Софии, где патриарх хотел примирить враждующие партии. Но результат оказался совершенно иной. Нотарий, вероятно, по наущению Геннадия, распустил в народе слух, что император и патриарх знали о готовящемся выступлении послушника Сергия, о котором я писал тебе, мой повелитель. Вчера ночью братство святого Иакова призвало этого послушника к своему суду. Они признали его опасным еретиком и приговорили отдать на съедение старому льву в Синегиионе, Тамерлану, который известен тем, что поглотил много человеческих жертв.

По выходе из церкви святой Софии княжна Ирина отправилась во дворец и умоляла императора спасти молодого послушника от суда. По несчастью, политические обстоятельства держат императора в тисках. Почти вся церковь против него, и его единственную поддержку составляло до сих пор братство святого Иакова. Что ему было делать? Если бы он спас русского послушника, то погубил бы себя. Поэтому он был вынужден объявить княжне Ирине, что не может вмешаться в суд. Бедная красавица! Мой повелитель, пора тебе явиться сюда и утешить ее во славу Аллаха!»

«Я не отправил вчерашнего своего письма по причине непопутного ветра, а потому прибавлю еще несколько слов. Сегодня утром я, по обыкновению, отправился к княжне Ирине и получил обычный ответ, что она не может меня принять. Все эти дни и ночи меня мучила мысль, что если я не могу ее увидеть, то неужели не найду средства оказать ей помощь. К чему же вся моя сила и ловкость, как воина, если я не могу употребить их на пользу той, которая дороже всего на свете моему повелителю. По дороге к княжне я узнал, что завтра будет исполнен приговор над несчастным Сергием, и, возвращаясь домой, мне пришло в голову посетить Синегион, где публично произойдет эта казнь. Я все-таки надеялся, что, быть может, помогу княжне. Ведь если бы я отказался пойти на бой со львом, смерть которого осушила бы слезы княжны, то мой повелитель никогда не простил бы мне этого.

Вот верное описание Синегиона: северная городская стена опускается с Влахернской вершины вниз к Золотому Рогу, и там, при пересечении ее с другой городской стеной, идущей с востока, находятся небольшие низенькие ворота, у которых всегда стоит караул. Пройдя эти ворота, я очутился в пустом пространстве, окруженном с востока городской стеной, с юга — горами, а с севера — гаванью. Какого именно размера эта гладкая, покрытая травой поляна, я не могу сказать, но в поперечнике до гавани не меньше полчетверти или три четверти мили. По всем направлениям идут тут дорожки и дороги, а местами виднеются кусты и дубы, а среди них небольшие домики, предназначенные для зверей и птиц. В одном из них была также коллекция рыб, а в другом — пресмыкающихся. Но самая большая постройка, называемая галереей, удивила меня тем, что внутренность ее представляет настоящий греческий театр, только совершенно круглый и без сцены. Арена, усыпанная песком, имеет в диаметре пятьдесят шагов, а вокруг нее над каменной стеной, в двадцать футов вышины, расположены

скамьи для зрителей, а для императора устроено парадное ложе на восточной стороне. В стене арены виднеется несколько дверей с тяжелыми засовами, которые ведут в клетки, где в былые времена содержались дикие звери, а теперь содержатся преступники. Кроме того, в стене находится четверо ворот: под императорским ложем, на севере, юге и на западе. По этому описанию мой повелитель может набросать себе на бумаге план Синегиона, или зверинца, на арене которого завтра бедный послушник искупит свою ересь. В былые времена здесь происходил бой диких зверей, а теперь единственное кровавое зрелище, которое дозволяют себе византийцы, заключается в том, что они время от времени любят, как лев пожирает еретика. В этих случаях говорят, все скамьи для зрителей переполнены.

Я надеюсь, что мой повелитель не найдет этого описания скучным, так как, во-первых, я хотел дать ему понятие о том месте, где произойдет завтра казнь, а, во-вторых, когда совершится то событие, о котором ты жаждешь знать, мой повелитель, то тебе придется взглянуть на эту местность с военной точки зрения.

Только что явился Али. Как я полагал, его задержал ветер, но он принес мне удивительную рыбу, и я сожалею, что не могу послать ее тебе. Но теперь тебе уже недолго ждать. Скоро все, что здесь есть, и земля, и вода, со всем находящимся в них, будет принадлежать тебе. Избранному любимцу судьбы нечего обнаруживать нетерпение: его судьба свершится в час, назначенный Провидением».

Х

БОРЬБА СО ЛЬВОМ

В десять часов утра на пристани святого Петра появилась женщина.

Густое покрывало и длинная широкая одежда по-

крывали ее с головы до ног. На руках были грубые перчатки, а на ногах — еще более грубая обувь.

На пристани было много народа, и все торопились переехать в зверинец. Хотя лодочников было немало, но они торговались с пассажирами и громко перебраливались между собой.

— Я не согласен. У меня лодка на несколько мест, а жена приказала как можно больше выручить сегодня денег. Теперь редко бывает такой праздник, и уже давно не видали, как Тамерлан обедает.

— Я заплачу тебе за все места.

— За все пять?

— Да.

— Вперед?

— Да.

Найдя пустую лодку и договорившись с хозяином, женщина молча уселась на скамью и, когда лодочник отвалил от пристани, загроможденной всякого рода судами, протянула ему золотую монету.

Лодочник взглянул на золото, насупил брови и поднял весла.

— У меня нет сдачи, — сказал он, — и такими деньгами тебе со мной не рассчитаться; давай другие, а то я вернусь.

— Друг мой, — произнесла спокойно женщина, — доставь меня скорее к первым воротам Синегнона, и монета твоя.

— Клянусь Пресвятой Богородицей, что моя лодка полетит, как птица, ты только сядь на середину... Вот так... Хорошо.

Лодочник был здоровенный, искусный в своем ремесле парень, и действительно лодка полетела с невероятной быстротой, как на гонке.

Женщина в лодке не обратила никакого внимания на движение, царившее в заливе. Она сидела, поникнув головой и закрыв лицо руками.

— Мы почти доплыли, — сказал наконец лодочник. Не поднимая покрывала, женщина взглянула на

берег, где в низенькой стене виднелись ворота, перед которыми стояла большая толпа.

— Высади меня здесь.

— Берег топкий, ты здесь не выйдешь.

— Ничего, положи весло на землю, и я по нему проберусь.

Через минуту женщина была на берегу, откуда бросила лодочнику обещанную золотую монету, и, не дожидаясь благодарности, поспешно направилась к воротам.

Очувтившись внутри Синегиона, она прошла мимо толпы, обсуждавшей готовившуюся казнь, точно это была новая комедия.

Пройдя галерею, женщина достигла северной части здания. Широкий крытый проход вел к воротам, которые отворялись прямо на арену. Перед проходом стоял солдат иностранного легиона.

— Друг мой,— сказала женщина, подходя к нему и говоря умоляющим тоном,— еретик, который пострадает сегодня, еще здесь?

— Его доставили сюда вчера ночью.

— Бедный человек,— произнесла женщина,— он мне родственник, нельзя ли его видеть?

— Приказано никого не пропускать, и к тому же я не знаю, где он находится.

Женщина залилась слезами и стала в отчаянии ломать себе руки. Неожиданно с арены послышался рев дикого зверя, и женщина вздрогнула.

— Это рычит Тамерлан,— объяснил солдат.

— Боже мой! — воскликнула женщина.— Лев уже выпущен на арену.

— Нет, он еще в клетке. Его не кормили три дня.

— Можно мне постоять у двери на арену?

— Да, но если ты родственница, то тебе будет тяжело видеть его смерть.

Женщина ничего не отвечала, а вынула из кармана золотой, который положила на ладонь своей руки.

— Я не прошу, чтобы ты нарушил приказание, но

дозволь мне постоять у ворот и посмотреть на несчастного, когда его выведут на арену.

— Хорошо,— сказал солдат, взяв золотую монету,— в этом нет ничего дурного. Иди.

Женщина быстро подошла к решетчатым воротам, сквозь которые виднелась арена.

Арена была пуста и посыпана мокрым песком, а над окружавшей ее, словно колодец, высокой стеной виднелись тысячи зрителей—мужчин, женщин и детей, в праздничных одеждах.

Казнь была назначена в полдень, и до этого времени женщина, стоя у ворот, плакала, вздыхала и молилась. Солдат вскоре совершенно забыл о ней. Она заплатила ему за свое место, и ему нечего было о ней беспокоиться.

Прошел целый час, и долетавшие веселые крики и смех толпы наполняли ужасом сердце женщины.

— Милосердный Боже,— лепетала она едва внятно,— и это творится Твоим именем.

Случайно глаза ее остановились на засове, которым были заперты ворота, и она заметила, что кольцо засова находилось близ нее, так что ей стоило только дернуть его рукой, и она очутилась бы на арене.

Неожиданно прямо напротив нее в стене отворилась большая дверь, и из нее выглянул человек гигантского роста. Открывшееся перед ним зрелище, по видимому, его изумило, и он быстро исчез, захлопнув за собой дверцу; но женщина все-таки успела заметить, что это был негр, а публика, увидав его, подняла громкий ропот, которому стал вторить какой-то дикий рев.

— Тамерлан! Тамерлан! — весело воскликнула толпа и начала неистово рукоплескать.

Женщина в ужасе отскочила от ворот.

Спустя немного времени вышел на арену зритель и, осмотревшись вокруг, направился к другой двери в стене. На его стук вышли двое: вооруженный солдат и молодой человек. На последнем была черная ряса, доходившая до босых ног, с чрезвычайно длинными рукавами, из которых не видно было даже пальцев.

Вся толпа мгновенно замерла, и из уст в уста стало переходить одно слово, произносимое со страхом, не лишённым сожаления:

— Еретик... еретик...

Это был Сергей.

Солдат провел его до центра арены и оставил его там. Удаляясь, он уронил свою перчатку, и Сергей, наклонившись, поднял ее и подал ему. Потом он спокойно, бесстрашно поднял голову к небу и скрестил руки на груди. Он дышал таким спокойствием, что можно было подумать, не знал ли он о своем помиловании или спасении.

Когда солдат удалился, раздался звук трубы. В ту же минуту отворилась дверка налево от ворот, у которых стояла женщина, и оттуда тихо вышел лев, моргая глазами, не привыкшими к свету. Он остановился на пороге и, медленно поворачивая свою огромную голову то в одну сторону, то в другую, как бы спрашивал себя, действительно ли он на свободе.

Наглядевшись по сторонам и вдохнув свежий воздух, Тамерлан неожиданно заметил человека. Он высоко поднял голову, наострил уши, встряхнул своей гривой и замахал хвостом. Желтые глаза его заблестели, как уголья, и он огласил арену громким ревом.

Через минуту лев медленно вышел на арену и стал подбираться к Сергию.

Толпа с лихорадочной дрожью смотрела то на человека, то на зверя; но в этом зрелище была такая тайная притягательная сила, что никто не мог оторвать глаз.

Лев вдруг остановился и стал озираться с каким-то беспокойством. Сперва тихо, а потом все скорее он кружил по арене вдоль стены, как бы отыскивая лазейку и не обращая никакого внимания на человека.

В толпе, еще за минуту млевшей от ужаса, раздался гневный ропот, словно она выражала возмущение, что ожидаемое кровавое зрелище откладывается из-за непонятной трусости зверя.

Неожиданно ворота под императорским ложем от-

ворились, и толпа снова замерла. Через арену быстро шла женщина, направляясь к монаху. Льва ожидала теперь не одна, а две жертвы.

Женщина была вся в белом, с обнаженной головой и босая. Лицо ее сияло.

— Боже милостивый! Это княжна Ирина! — раздалось в толпе.

Мужчины закрыли глаза руками, а женщины стали кричать.

Между тем, никем не замеченный, снова показался в дверях своей клетки негр-гигант. На этот раз он не удалился, а, увидав монаха, княжну и льва, стал пробираться к арене. За поясом у него виднелась короткая сабля, а на левом плече нечто вроде рыболовной сети.

Лев остановился. Он повернул голову, устремил свои сверкавшие глаза на двух людей и стал медленно продвигаться к ним, раскрыв пасть и высунув язык. Раздался дикий, торжествующий рев.

Нило, выйдя на арену, встал перед послушником и княжной. Пристально глядя в глаза подходившему зверю, он расправил свою сеть и ждал нападения.

Тамерлан остановился, прилег на землю, оглашая воздух тревожным ревом.

Пока все глаза были устремлены на арену, в императорской ложе произошло смятение: кто-то в блестящих воинских доспехах пробирался между братьей из братства святого Иакова, занявших всю ложу. Он расталкивал их, перепрыгивал через скамьи, а когда очутился перед стеной, отделявшей зрителей от арены, то прежде бросил на песок свой плащ и меч, а потом соскочил туда сам. Он быстро надел себе на руку щит, другой рукой схватил меч и, вполне понимая намерение негра, подбежал к нему и встал позади него, закрывая Сергия и княжну. Зрители подняли визг, крик.

Этот шум подействовал на Тамерлана. Он гордо взглянул на толпу и стал быстрее приближаться к своим жертвам. Он высоко держал свою гриву, но языком и хвостом касался земли; он уже более не рычал и из-

вивался всем телом, точно змея. Нило ожидал его неподвижно, как статуя, а за ним стоял настороже граф Корти, зорко следя за каждым движением льва. Между ними оставалось тридцать футов, потом двадцать пять, наконец, двадцать. Лев остановился, присел и с диким ревом прыгнул. В то же мгновение в воздухе просвистели свинцовые гирьки, привязанные к сети.

Чудовище заревело, заскрежетало зубами, стало кататься по песку, силилось освободить то одну, то другую лапу и все более и более запутывалось. Нило быстро наносил ему удар за ударом саблей.

Наконец, гордость Синегиона лежала бездыханной на песке. Отовсюду кричали зрители.

В эту минуту граф Корти подошел к Нило и с удивлением спросил:

— Кто ты такой?

Нило улыбнулся и знаком показал, что он нем и глух.

Тогда граф повел его к княжне Ирине, упав перед ней на колени, прибавил:

— Лев убит, княжна, и вот кто тебя спас.

Ворота под императорским ложем вдруг отворились, и в них показался сам Константин верхом на лошади, которая была вся в пене от быстрой езды. Он въехал на арену, осадив коня, и слез.

— Это твое дело, граф? — спросил Константин, подойдя к мертвому льву.

— Нет. Вот кто его убил.

И граф указал на негра.

Император молча снял со своей шеи золотую цепь и надел ее на Нило. Потом он направился к княжне Ирине и нежно поцеловал ее в лоб.

— Успокойся, — сказал он, — сейчас принесут паланкин, и ты отправишься домой.

— А Сергей? — спросила девушка.

— Братство должно отказаться от своих прав на него.

Император объяснил, что, отдавая Сергия на суд братства, он никогда не думал, что дело дойдет до каз-

ни, а если он и дозволил вывести льва на арену, то полагал, что игумен удовольствуется впечатлением на толпу этого страшного зрелища и в последнюю минуту помилует Сергия. Но когда до него дошла весть, что дело в Синегионе принимает такой характер, то он приказал седлать коня и поскакал туда. По дороге он узнал, что вместе с Сергием вышла на арену и княжна Ирина.

Через некоторое время принесли паланкин, и княжна Ирина отправилась домой.

К вечеру Синегион принял свой обычный мирный характер. Но этот день остался надолго в памяти византийцев, между прочим, еще потому, что с того времени братство святого Иакова стало открыто действовать против императора.

На следующий день Сергей был назначен причетником придворной часовни, чем прекратились все его отношения с братством.

Часть шестая

КОНСТАНТИН

I

МЕЧ СОЛОМОНА

Снова перенесемся в Белый замок на берегу Сладких Вод.

Было 25 марта 1452 года. Стоявшая уже несколько дней холодная, туманная и бурная погода неожиданно переменилась. В полдень прояснилось, и солнце ярко светило в безоблачном небе.

Вокруг замка стояла лагерем армия, и дым разведенных между палатками костров заволакивал синеву неба.

Вода у берега была покрыта бесчисленными галерами, мачтовыми кораблями, барками, ботами.

Как на земле, так и на Босфоре виднелись люди в чалмах, а развевавшиеся знамена имели полумесяц и звезду на красном поле.

Мало-помалу день стал клониться к вечеру, и, когда исчезли последние лучи солнца, морские ворота против дворца Юлиана отворились, и из них вышла лодка, направившаяся в Мраморное море. Пять гребцов

сидели на веслах, а на корме помещались два человека: граф Корти и Али, сын Абед-Дина Верного.

За два часа до этого Али с большим запасом свежей рыбы явился во дворец и, допущенный к графу Корти, сказал ему наедине:

— Эмир, прибыл ваш повелитель Магомет.

При этом известии Корти задрожал.

— Где он? — глухо спросил граф, но тотчас, перебив свое волнение, прибавил: — Да будет любовь Аллаха спутником всей его жизни.

— Он в Белом замке с муллами, пашами и инженерами. Он велел, чтобы ты явился к нему сегодня ночью.

— Да хранит его Аллах.

При наступлении ночи граф Корти, спрятав свое вооружение под серым плащом, сел в рыбацью лодку и отправился вместе с Али к Белому замку.

В полумиле за Сладкими Водами лодка была остановлена, и граф Корти воскликнул:

— Что это такое, Али?

— Военные галеры султана вошли в Босфор, а это их авангард.

Но графу Корти стоило только показать перстень Магомета, и их тотчас пропустили.

Прежде чем перейти к свиданию графа Корти с Магометом, надо сказать несколько слов о том, что случилось с другом султана.

Он сделался христианином и был влюблен в княжну Ирину.

Константин, сам настоящий рыцарь, и, в сущности, более рыцарь, чем государственный деятель, всегда сожалел, что не имел товарища, с которым мог бы делить свое пристрастие к оружию, лошадям, собакам, охоте, военным упражнениям и атлетическим забавам. Поэтому он стал искать общества Корти и задумал приблизить его к себе. Теперь граф Корти должен был днем жить в Влахернском дворце, а ночью — в Юлианском, причем за ним осталась охрана городских ворот.

Спустя несколько месяцев он уже был любимцем Константина и пользовался его полным доверием. Странно сказать, но он теперь был таким же другом императора, как прежде Магомета. Он фехтовал с ним, ездил верхом, обучал его искусству владеть мечом и луком. Ежедневно, в продолжение нескольких часов, жизнь Константина находилась в его руках, и он мог ударом меча или секиры освободить Магомета от соперника, о котором он сам писал султану: «Я считаю, мой повелитель, что ты выше его во всем, но все-таки будь осторожен, если когда-нибудь судьба приведет тебя к поединку с ним».

Но теперь случилось нечто, чего не ожидал Корти. Он стал питать к своему новому покровителю дружеские чувства, которые мешали исполнению его долга. У Магомета надо всем преобладали животные страсти, а Константин отличался милосердием, благородством. Граф Корти не мог не видеть различия между христианским государем и повелителем, руководящимся только страстями.

Перемена, происходившая в нем, еще более обострялась его отношением к княжне Ирине.

После события в Синегионе он из деликатности некоторое время сам не являлся к княжне, а посылал каждое утро слугу осведомиться о ее здоровье. Но вскоре он получил приглашение во дворец княжны, и его посещения с тех пор стали все более и более учащаться. Отправляясь в Влахерн и возвращаясь оттуда, он каждый раз заходил к ней, и при всяком свидании любовь его к ней росла.

Конечно, княжна не могла не заметить его чувств, но она старательно скрывала от него, что их замечает, и ничем его не поощряла.

Как-то княжна подарила ему Евангелие. Много раз он брал в руки Евангелие, но не мог его читать. Эта святая книга как бы обвиняла его: ты сын христиан и раб Магомета. Какому господину ты служишь? Лицемер, изменник, Иуда, кому ты поклоняешься — Магомету или Христу?

Он упал на колени, закрыл лицо руками и попробовал молиться, но он мог только промолвить:

— Господь Иисус, Пресвятая Дева! О, моя мать, моя мать!

Между тем наступил час, когда он составлял очередное послание к Магомету. Взяв письменные принадлежности, он написал первое слово: «Княжна», — потом схватился за сердце и вскочил в ужасе.

Он как бы увидал перед собою образ любимой женщины, и она, глядя на него с упреком, говорила: «Ты меня любишь, но что ты делаешь? Ты изменяешь моему императору и доносишь своему повелителю о всех моих передвижениях, о всех моих поступках; ты служишь орудием чужой любви. Предатель, ты продаешь меня за деньги!»

Граф Корти зажал себе уши, чтобы не слышать этого голоса.

Стыд душил его. Тщетно выходил он в сад, чтобы подышать свежим воздухом, тщетно ложился спать, он не знал ни покоя, ни сна.

На следующее утро он приказал, по обыкновению, седлать коня, но не решился ехать в Влахерн. Как мог он смотреть на лицо человека, которому изменял? Он вспомнил с ужасом о княжне. Как было ему отвечать на ее улыбку, зная, что он обязался выдать ее Магомету? Мрачное отчаяние терзало его душу.

Он поскакал к воротам святого Романа, а затем выехал за город. Долго скакал он на своем чистокровном арабском коне, не зная, куда и зачем. Давно уже наступил полдень, а он все скакал и скакал. Быстрота движения и резкий воздух как бы успокаивали его. Наконец он достиг бесконечного, темного Белградского леса и, соскочив с лошади, провел целый день на берегу ручья. Поздно вечером он вернулся домой, более спокойный. В эту ночь он спал как убитый.

На следующее утро он отправился в Влахерн и на вопрос императора, почему не был во дворце накануне, ответил, что устал от городской сутолоки и целый день был за городом.

Император был в этот день более любезен чем когда-либо, а княжна Ирина показалась ему еще очаровательнее. Вечером он написал Магомету обычное послание, а всю ночь проходил по саду.

Так шли недели и месяцы, пока наконец наступило 25 марта, когда граф Корти получил приказание Магомета явиться в Белый замок. Сколько планов избавления себя от этого безвыходного положения составлял он в промежутках между колебаниями, самобичеванием. Ему хотелось бросить Магомета и перейти на сторону императора. Это давало ему право носить в бою цвета княжны Ирины. Но его удерживал страх, он знал хорошо Магомета. Из всех планов ему более всего улыбалось бегство. Морские ворота были в его руках. Он мог выйти в Мраморное море, а там недалеко была Италия и его отцовский замок. Но ему пришлось бы тогда расстаться с княжной Ириной, и это было сверх сил.

В таком настроении находился граф, когда явился Али с приглашением в Белый замок.

Прибыв в Белый замок, он был тотчас проведен к султану.

Приемная комната была освещена одной свисавшей с потолка лампой, которая тускло освещала находившихся у дверей камергера, вооруженного часового и двух блестяще одетых пажей. Отдав камергеру свое оружие, граф стал ожидать, пока о нем доложат.

В это время из внутреннего покоя вышел человек в черной бархатной одежде и в сопровождении слуги. Это был князь Индии.

Он шел тихо, неслышными шагами; глаза его были опущены вниз. До сих пор граф Корти всегда встречался с ним с удовольствием, но теперь он неожиданно почувствовал к нему отвращение.

Слуга, шедший за князем, нес что-то завернутое в зеленую шелковую материю, шитую золотом.

Поравнявшись с графом Корти, старик остановился, поднял глаза и с улыбкой сказал:

— Кого я имею честь видеть — графа Корти или эмира-Мирзу?

Корти покраснел. Но он не растерялся и, тотчас сообразив, что этот старик должен был пользоваться доверием султана, спокойно сказал:

— Мой повелитель Магомет должен разрешить этот вопрос, а не я.

— Хорошо сказано, — заметил князь Индии, переменяв тон и относясь с сочувствием к Корти. — Я очень рад, что мое мнение о тебе подтвердилось. Данное тебе поручение было очень тяжелое, но ты исполнил его удивительно успешно. Наш повелитель Магомет много раз благодарил меня за твое назначение, так как я подал ему эту мысль. Он с нетерпением ждет тебя. Пойдем к нему вместе.

Магомет стоял, вооруженный с головы до ног, у стола, на котором горела лампа и лежали секира и две больших карты. В одной из них Корти узнал план Константинополя и его окрестностей, составленный по его съемкам.

Немного поодаль стояли два визиря — Халиль-паша и его соперник Саганос-паша, шейх Актем-Сед-Дин и мулла Курани, проповедь которого сильно воздействовала на воинов. Все четверо находились в той позе, которой турки всегда придерживаются в присутствии своего повелителя: головы были наклонены, руки сложены на животе, а если они и поднимали глаза во время речи, то потом быстро их опускали.

— Вы будете руководствоваться этим планом, — сказал Магомет, указывая своим советникам на ту карту, которая была неизвестна графу Корти, — возьмите его и прикажите сегодня же ночью снять с него копию, потому что если звезды будут нам покровительствовать, то я завтра утром пошлю на тот берег каменщиков.

Советники почтительно преклонились перед государем и не промолвили ни слова.

Магомет обернулся к князю, и хотя глаза его оста-

новились на графе Корти, но он ничем не обнаружил, что узнал его.

— Подойди, князь,— продолжал он,— какую весть ты принес мне?

— Мой повелитель,— отвечал князь, падая ниц перед султаном,— в еврейском Священном Писании говорится так о влиянии планет на действия людей: «Цари Ханаана вели войну в Танахе, и небо оказало им помощь, а звезды сражались против Сизеры». Ты теперь султан из султанов, двадцать шестое марта будет памятным днем, потому что в этот день ты можешь начать войну с нечестивыми греками. С четырех часов утра те самые звезды, которые сражались против Сизеры, будут сражаться за Магомета. Пусть все, любящие его, возрадуются и поклонятся ему.

Советники султана упали ниц, и князь Индии сделал то же. Только граф Корти один стоял, и Магомет это заметил.

— Слышите,— сказал султан,— соберите всех каменщиков и других рабочих, а также судовщиков. В четыре часа утра я начну свой поход против Европы. Так решили звезды, а их воля для меня закон. Встаньте.

— Четыре сановника поднялись с пола и стали пятиться к двери.

— Мой повелитель,— произнес князь Индии,— дозвожь им остаться на минуту.

По знаку султана они остановились, а князь Индии подозвал Сиаму и, взяв у него из рук сверток, положил его на стол перед султаном.

— Это для тебя, мой повелитель.

— Что это такое?

— Это символ твоей победы. Тебе известно, мой повелитель, что царь Соломон в свое время господствовал над всем миром. В гробнице Хирама, царя тирского, друга Соломона, я нашел меч Соломона. Я взял этот меч и решил дать его тому, кто, как Соломон, будет господствовать над всем миром. Разверни его, Магомет.

Султан, развернув шелковую материю, отскочил, закрыв лицо руками.

— Халил, Курани, Акшен-Сед-Дин, вы все идите сюда и скажите, что это такое: мои глаза не могут видеть, они ослеплены.

Меч Соломона лежал на столе во всем своем блеске: его лезвие сверкало, как солнце, ножны были усыпаны бриллиантами, а рукоятка была из одного громадного рубина.

— Возьми меч, Магомет,— сказал князь Индии.

Молодой султан взял меч и поднял его, но едва он прикоснулся к рукоятке, как из-под рубина посыпался дождь жемчугов. Он молча и с неописуемым изумлением смотрел на меч и на эти жемчуга.

— Ну, теперь, мой повелитель, иди на Константинополь,— произнес князь Индии, опускаясь на колени и целуя ногу султана,— тебя поведут туда и звезды, и меч Соломона. Христос уступит Магомету свое место в святой Софии. Начинай завтра в четыре часа.

Советники султана также прильнули к его ноге и удалились из комнаты.

II

МАГОМЕТ И ГРАФ КОРТИ ПРИБЕГАЮТ К СУДУ БОЖИЮ

По удалении из комнаты князя Индии и султанских советников Магомет сел к столу и стал играть мечом Соломона, любуясь жемчугами и отыскивая таинственные надписи. Время шло, и граф Корти полагал, что султан забыл о его присутствии. Наконец Магомет поднял глаза и, вскрикнув от удивления, произнес:

— О, Аллах! Это действительно ты, Мирза. Подойди поближе и дай убедиться, что ты действительно передо мной.

Граф подошел к нему и нагнулся над его плечом.

— Ты помнишь, Мирза,— продолжал султан,— как

мы начали учиться с тобой еврейскому языку. Против твоей воли я заставил тебя заниматься со мной, пока ты не научился хотя немного читать. Ты предпочитал итальянский язык и отказался ехать на Сидонский берег для розыска старинных еврейских надписей. Ты помнишь это?

— Да, мой повелитель, это были счастливейшие дни моей жизни.

— А ты помнишь,— продолжал Магомет со смехом,— как я выдержал тебя три дня на хлебе и воде, а потом выпустил на свободу, потому что не мог жить без тебя. Но к делу. Посмотри на бриллианты под этой рукояткой, они, кажется, расположены в виде каких-то букв?

— Да,— отвечал Корти,— они ясно составляют имя.

— Какое?

— С-о-л-о-м-о-н.

— Так я не ошибся,— произнес Магомет,— и князь Индии меня не обманул. Удивительный он человек: я не могу его постигнуть. Чем я его ближе узнаю, тем он становится мне более непонятным. Самое дальнее прошлое ему так же известно, как мне настоящее. Я часто спрашивал его, когда он родился, но он всегда отвечает одно: я скажу тебе это, когда ты возьмешь Константинополь. Он ненавидит Христа и христиан... Но отчего ты такой странный в эту великую ночь, когда я спущу своих военных собак на гяуров? Отчего ты так изменился? Отвори дверь и крикни, чтобы тебе принесли стул, да взгляни, не подслушивает ли нас кто-нибудь. Старик Халил, уходя отсюда, не спускал с тебя глаз.

Корти исполнил приказание султана, и когда принесли стул, то молча сел на него.

— Сними шляпу,— произнес Магомет,— ты теперь не тот Мирза, которого я отправил в Италию и Константинополь; я хочу видеть твое лицо.

Корти повиновался, и Магомет стал пристально

смотреть ему в глаза, которые, не моргая, отвечали на его взгляд.

— Бедный Мирза, я любил тебя более, чем отца и братьев; я любил тебя так, как любил свою мать, и больше тебя я люблю только одно существо на свете. Правда смотрит твоими глазами. Да, ты так же правдив, как Бог свят.

— Прежде чем ты будешь продолжать дальше, мой повелитель,— беспокойно прервал его граф,— не лучше ли тебе выслушать меня?

— Может быть,— отвечал султан нерешительно, но после минутного молчания прибавил: — Ну, говори, я тебя слушаю.

— Ты прав, мой повелитель, я действительно не тот Мирза, который уехал в Италию. Ты видишь перед собой самого несчастного из людей, для которого смерть была бы желанным избавлением. Я ничего не скрою от тебя, мой повелитель. Видит Бог, я скажу всю правду. Уезжая, я любил только тебя и считал тебя светом мира, а теперь я узнал греческого императора. Я христианин.

Голос графа Корти не дрогнул, и он спокойно произнес это, хотя глаза Магомета засверкали огнем.

К великому удивлению графа. Магомет не пришел в ярость. Глаза его вдруг стали влажными, и он грустно произнес:

— Я отношусь к тебе, как к брату, и люблю тебя, несмотря ни на что. Твои письма подготовили меня к тому, в чем ты только что сознался. Читая твои письма, я говорил себе: Мирза жалеет гяура-императора и кончит тем, что полюбит его. Ну, так что ж? Я все-таки предпочитаю, чтобы меня боялись, чем жалели. Дни Константина сочтены, а мои только начинаются. Наконец, жалость не поведет к измене, и Мирза всегда останется мне верным. Перейдем теперь к твоим письмам из Италии; читая их, я думал: бедный Мирза, он узнал, что он итальянец и что ребенком его украли; он нашел свой родительский дом и свою мать, благородную, святую женщину; он кончит тем, что сдела-

ется христианином; я сделал бы то же на твоём месте. Вот что нашли по моему указу.

Магомет вынул из ящика, стоящего на столе, кружевной воротник с булавкой, украшенной камеей.

— Узнаешь, что изображено на этой камее?

Граф пристально посмотрел на камею и сказал дрожащим голосом:

— Это герб Корти.

— А что тут вышито? — спросил Магомет, вынимая из того же ящика и подавая Корти красные сафьяновые детские сапожки.

— Это какое-то имя... Уго.

— Так называли тебя при рождении.

Корти бросился на колени перед султаном.

— Я не знаю, что мой повелитель хочет сделать со мной, — воскликнул он, — даруешь ли ты мне жизнь или смерть? Умоляю тебя, отошли это моей матери.

— Встань, Мирза, я хочу видеть твоё лицо, а не затылок.

Граф снова сел на стул. Тогда Магомет продолжал:

— Я догадался по твоим письмам, что ты любишь княжну. Ведь я послал тебя в Константинополь, чтобы оберегать ее и в случае необходимости умереть за нее. Кто же лучше влюбленного мог исполнить подобное поручение? К тому же, отправляя тебя, я ведь предсказал, что ты полюбишь ее. Посмотри, Мирза, — продолжал Магомет, взглянув на рубин своего перстня, — с тех пор как ты уехал, не проходило часа, чтобы я не смотрел на этот камень, и никогда он не терял своего цвета. Видя это, я говорил себе: Мирза любит ее, потому что он не может не любить ее, но Мирза — сама правда и никогда, как Бог свят, не изменит мне. Он передаст мне ее из рук в руки в Константинополе...

— Но выслушай меня, мой повелитель, я должен тебе все высказать, хотя и боюсь, что вызову твой гнев. Я христианин, и, как Иуда, продавший Христа, я готовлю гибель христианской вере! Я люблю женщину и принял на себя обязательство передать ее не-

винной, непорочной другому человеку. О, мой повелитель, это не может больше продолжаться. Чувство стыда, как ястреб, терзает мое сердце. Освободи меня от клятвы или предай меня смерти. Если любишь меня, дай мне свободу. Или вели меня убить. Я не боюсь смерти!

— Я удивляюсь, что тот, кого я называл своим братом, так мало меня знает,— отвечал Магомет, сверкая глазами.— Как ты можешь, Мирза, говорить мне такие вещи? Но довольно, я недаром послал за тобою: данное тебе поручение в Константинополе оканчивается в четыре часа наступающего утра. Другими словами, приготовление к войне окончено, и начинается война с гяурами. Ты военный человек, ты рыцарь искусный и храбрый. В предпринимаемой мною войне, со всеми ее битвами и единоборствами, ты должен принять участие. Не так ли?

— Конечно, мой повелитель,— произнес Корти, просветлев.

— Но вопрос в том, с кем ты будешь воевать: со мной или с гяурами?

— О, мой повелитель...

— Не перебивай меня. Я предпочту, чтобы ты служил Константину.

— Почему, мой повелитель?

— Я признаю, что ты превосходишь в военном искусстве многих из моих сторонников, но я желаю, чтобы ты вступил в борьбу совершенно свободным, а потому освобождаю тебя не только от данного тебе поручения, но и от всех обязательств относительно меня. Ты теперь вернешься в Константинополь совершенно свободным. И совесть твоя свободна, и меч твой свободен. Будь, если хочешь, христианином и не посылай мне больше известий о том, что делает император.

— А княжна Ирина! — воскликнул граф Корти.

— погоди, Мирза, очередь дойдет и до нее,— отвечал Магомет с улыбкой.— Деньги, данные тебе, и все, что ты на них купил: галера, лошади, оружие и все прочее,— принадлежат тебе. Ты заслужил все это.

— Я не могу принять этой милости,— произнес, покраснев, Корти.— Моя честь...

— Молчи и слушай меня, эмир, я никогда дешево не ценил твоей чести. Когда ты был Мирзой-эмиром, ты был всем обязан мне, но для графа Корти это положение постыдно. После четырех часов сегодняшнего утра ты перестаешь быть у меня на службе. Мирза, мой сокол, улетит далеко от меня, исчезнет навеки, и если я снова когда увижу его, то уже христианином, графом Корти, чужестранцем, врагом...

— Врагом? Я никогда не буду врагом моего повелителя!

— Это будет зависеть от обстоятельств, а теперь поговорим о княжне Ирине. Да, поговорим о ней,— прибавил Магомет, положив руку на плечо графа Корти.— Я решил дать тебе новое повышение, эмир: с завтрашнего дня мы будем соперниками.

Корти широко раскрыл глаза от изумления.

— Клянусь райской дверью роз, как влюбленный, и этим мечом Соломона, как рыцарь, что я желаю придать нашему соперничеству благородный, справедливый характер. С одной стороны, я имею преимущество над тобой, так как для женщин знатность и богатство все равно что огонь для мотыльков. Но зато ты имеешь двойное преимущество передо мной: ты христианин и можешь видеть ее постоянно. Я отдаю тебе в собственность все, что ты получил от меня, не в виде уплаты за твои услуги, а из гордости. Султан Магомет не может быть соперником простого рыцаря, имеющего только свой меч.

— У меня есть поместья в Италии.

— Это все равно, как если бы они были на Луне. Я окружу со всех сторон Константинополь, прежде чем тебе удастся занять хоть один грош у евреев. Но предположим, что ты мог бы продать и свою галеру и своих лошадей, то что бы ты ответил на вопрос императора, куда ты их дел.

— Я не понимаю моего повелителя,— произнес граф Корти.— Я никогда не слыхивал ни о чем подобном.

— Неужели я не могу выстроить мечети с пятью минаретами только потому, что их строили всегда с тремя! — воскликнул султан.— Ну, да не в этом дело, ты согласен, все равно, христианин ли ты или мусульманин, возложить на Бога разрешение нашего соперничества?

— Я все более и более удивляюсь тебе, мой повелитель.

— Тебя это удивляет, потому что ново для тебя, но я думал об этом месяцами. Мне нелегко было дойти до этого. Я согласен отдать наш спор на суд Божий: пусть небо решит, чья будет княжна, моя или твоя. Согласен?

— Когда и где будет угодно моему повелителю. Я всегда готов, ему только стоит назначить своего заместителя.

— Нет, я не согласен на поединок. Константинополь еще никогда не брали враги, и всякий, кто осаждал его, принужден был отступать. Быть может, меня ждет подобная же участь, но все-таки я пойду на приступ, а ты защищай константинопольские стены, как умешь. Если я потерплю поражение, то мы признаем это судом Божиим, и княжна будет твоей. Но если я одержу успех и возьму город, то...

— То что, мой повелитель?

— Ты отведешь ее перед последним боем в святую Софию и там передашь ее мне из рук в руки по воле Божией.

Граф Корти побледнел, потом покраснел и задрожал.

— С кем я говорю: с Мирзой или с графом Корти? — произнес с усмешкой Магомет.— Разме христиане не доверяют суду своего Бога?

— Но ты предлагаешь мне, мой повелитель, разыграть в кости княжну Ирину.

— Положим, что так.

— И победителю достанется княжна, как рабыня. Это унижительно. Каков бы ни был исход осады, пусть Ирина сама отдаст свою руку тому, кому захочет.

Султан ничего не ответил.

— Хорошо,— сказал он наконец,— я согласен.

Корти хотел уже удалиться, но Магомет его остановил.

— Граф, быть может, для защиты и спасения княжны Ирины тебе придется связаться со мною. Как ты это сделаешь?

Корти задумался.

— Когда ты увидишь меня с черным щитом в руках и с особым значком на копье, то знай, что я хочу тебе что-то сообщить. Я тогда пушу в твой лагерь черную стрелу, внутри нее ты найдешь записку.

— Хорошо. Еще раз прощай.

Выйдя из комнаты, граф Корти встретил в коридоре князя Индии.

— Час тому назад я назвал бы тебя эмиром,— сказал он с улыбкой,— а теперь я знаю, что ты граф Корти, и я нарочно остался поджидать тебя, чтобы выразить благодарность за моего друга Нило. Если ты, граф, желаешь окончательно меня облагодетельствовать, то пришли Нило с Али, который вернется сюда сегодня же ночью.

— Хорошо. Я пришлю его.

Корти посмотрел прямо в глаза старику, ожидая, что он спросит о Лаели, но тот только поклонился и сказал:

— Мы еще увидимся.

Отвезя в Константинополь графа Корти, Али немедленно вернулся к султану, захватив с собою Нило, который был вне себя от радости, что увидит своего старого господина.

III

КРОВАВАЯ ЖАТВА

В четыре часа утра множество лодок с тысячей каменщиков и шестью тысячами рабочих отчалила от азиатского берега и направилась к Европе.

— Нет Бога, кроме Бога, и Магомет его пророк! — раздавалось на всех этих лодках, за которыми двинулись суда с камнем, известью и деревом.

Прежде чем взошло солнце, на земле был начертан трехугольный форт, и рабочие принялись за дело. Три паши: Халил, Сарудже и Саганос — руководили работами на каждой стороне форта, а всем распоряжался Магомет, держа в руках меч Соломона.

Хотя постройка была громадная, но не было недостатка в материале, его поставляла Азия, и даже христианские церкви на Босфоре безжалостно разбирались на камень.

Таков был первый шаг Магомета в той войне, которой он так давно жаждал.

Через пять месяцев 28 августа работа была окончена. В последующие два дня Магомет сделал подробную рекогносцировку до самого Константинопольского рва, а 1 сентября он уехал в Адрианополь.

Спустя несколько дней после окончания предпринятого Магометом на Асометонском мысе сооружения из ворот Влахернского дворца, носивших название Калигарии, выехал небольшой отряд всадников.

Предводителем этого отряда, не превышавшего десяти человек, был граф Корти. Целая толпа провожала его, и в воздухе раздавались приветственные крики, так как весь Константинополь в последнее время привык видеть в нем храбрейшего рыцаря.

Как всегда, он сидел на своем любимом арабском коне и был закован в броню с головы до ног, но в доказательство того, что он принимал участие в открытом бою, его вооружение состояло не только из меча и копья, но также из секиры, лука со стрелами и маленького щита.

Сопровождавшие его девять бедуинов были одеты и вооружены так же, как он, за исключением того, что у них не было конических шапок на головах и красных шаровар на ногах.

Греки не верили, что султан серьезно намеревался взять их столицу.

Когда на Асометонском мысе стал возвышаться форт, с которого можно было видеть улицы Константинополя, легкомысленные греки смеялись,— башню в тридцать футов толщины не передвинешь с места.

Однажды разнеслась весть, что из надводной батареи нового турецкого форта был сделан залп по проходившему судну, которое затонуло. Узнав, что это судно было под венецианским флагом, греки единогласно воскликнули:

— Это понятно. Султан не хочет допустить венецианцев в Черное море. Турки и венецианцы всегда воевали между собой.

Несколько позже пришло известие, что султан, остававшийся в Баш-Кегане под тем предлогом, что воздух на Босфоре лучше, чем в Адрианополе, заключил договор с войсками в Галате, которые обязались сохранять нейтралитет. Но спокойствие византийцев было невозмутимо.

— Это победа для генуэзцев,— говорили они.— Не плохо, что венецианцы потерпели поражение.

По временам на византийских базарах появлялись странники и рассказывали, что по приказанию султана льют такие крупные орудия, что в дуле их может поместиться шесть связанных между собою человек.

— Магомет,— шутили они,— вероятно, собирается салютовать в рамазан жителям Луны.

— Однако он безумнее, чем мы полагали,— говорили другие.— От Адрианополя так далеко, что необходимо приделать к его пушкам крылья, но и тогда нелегко будет научить их летать.

Иногда приходили вести из азиатских провинций, что султан формирует громадную армию и что у него было уже полмиллиона солдат, а будет и миллион.

— О, он желает покончить с Гуниадом и его венгерцами,— восклицали греки.— Умно, что он собирает для этой цели такое большое войско.

В доказательство того, что Константинополю не грозила никакая опасность, городские ворота были постоянно открыты днем и ночью.

Наконец греческие послы были изгнаны Магометом. Это случилось в то время, когда он находился в Баш-Кегане; они сами привезли весть о своем изгнании, но и тут греки не упали духом. Городские ворота по-прежнему оставались открытыми, и через них византийцы доставляли продовольствие в турецкий лагерь, соперничая с жителями Галаты. Мало этого, каждое утро из Влахернского дворца отправлялся в Баш-Кеган под военным эскортом фургон с лучшими яствами и винами; передавая все это турецкому офицеру, начальник греческого эскорта постоянно говорил: «От его величества императора римского и греческого турецкому султану Магомету, которого да хранит Бог»

За шесть месяцев до начала работ по сооружению форта против Белого замка Константин был предупрежден о намерениях султана. Это известие он получил от Халила-паши, и что бы ни побуждало последнего так действовать — дружба, чувство сожаления или корысть, император принял к сведению сообщенное им. Он собрал совет и предложил тотчас объявить войну, но сановники высказались за отправку посольства с протестом. Вскоре был получен оскорбительный ответ. Убедившись в трусости своих советников, Константин начал вести двойную игру: с одной стороны, он, угождая своим советникам, держался политики переговоров, подарков, а с другой — напрягал все силы, чтобы подготовиться к войне.

Он знал, что духовенство и монашество были его врагами, предпочитая турка аземату. Трудно было себе представить более тяжелое положение, чем то, в котором находился император. Для него оставалась только одна надежда: в Европе было много воинов, жаждавших воевать где бы то ни было, и папа мог наберечь добровольцев для спасения Византии. Но согласится ли на это папа? Император отправил посольство в Рим, прося во имя Христа оказать ему помощь и обещая признать господство папы.

Между тем его послы рассыпались по берегам

Эгейского моря и скупали оружие, военные снаряды и съестные припасы, которые привозились в Константинополь на оставшихся судах греческого флота. Каждые два или три дня приходило в Босфор судно с различными запасами и выгружало их в кладовые под ипподромом. Таким образом, к тому времени, когда окончен был форт на Румели-Гисаре, одной заботой у него стало меньше, но зато другая все более и более тяготила его, и целые часы он проводил на Исааковой башне, нетерпеливо смотря на Мраморное море в ожидании флота с военной помощью. Осада Константинополя была неизбежна, а он не мог рассчитывать на своих подданных не только в военных действиях в открытом поле, но даже для защиты городских стен.

Константинополь был окружен полями. Пока сеяли и готовились к жатве, турки не беспокоили греческих земледельцев. Но в июне месяце, когда начали золотиться колосья, турецкие лошади и мулы стали опустошать поля, а если греческие караульные прогоняли их, то являлись турецкие солдаты и били их немилосердно. Земледельцы обратились с жалобой к императору, и он отправил посольство к Магомету, прося его сохранить урожай от гибели. Но в ответ султан приказал уничтожить весь урожай. Начались столкновения с крестьянами. На юге и на севере близ Гисара было много убитых с обеих сторон.

Когда весть об этом дошла до Константина, то он послал за графом Корти.

— То, что мы давно ожидали, наступило. Кровь пролита,— сказал он.— Нельзя далее отсрочить войны. Правда, мы еще не получили помощи от папы, но уже нам недолго ее ждать, и мы должны покуда защищать сами себя. Народ равнодушен, но я возбужу в них военный пыл. Ступай к Гисару, собери мертвые тела и привези их сюда. Я выставлю их в ипподроме, и, быть может, подействует на них кровавое зрелище.

Чтобы добраться до дороги в Гисар, которая шла к северу от Галаты, графу Корти пришлось миновать

Синегион и Эюбский квартал и у европейских Сладких Вод перейти через мост и направиться налево от Перу параллельно Босфору. Местами виднелись хижины, покрытые соломой, а по обе стороны тянулись неубранные поля.

Граф ехал молча, радуясь, что наконец нашелся случай проявить себя перед императором и княжной Ириной.

— Турки! — неожиданно воскликнул проводник. — Вон.

Действительно граф увидел на холме столб дыма. Скомандовав на арабском языке своему отряду, граф поскакал вдоль холма.

Вскоре его встретила толпа испуганных крестьян.

С вершины холма он увидел, как по полю пшеницы бегают огонь. Облако дыма скрывало турецких солдат, частью конных, частью пеших.

Корти передал свое копье проводнику и приказал остальным всадникам воткнуть копья в землю. Обнажив сабли, они бросились вперед.

До неприятеля оставалось около двухсот шагов, и турки с удивлением смотрели на атаку маленького отряда.

Приблизившись к кромке огня, Корти пришпорил лошадь и с боевым криком: «С нами Бог и Влахерская Божия Матерь!» — поскакал через горящее поле.

Турецкие всадники обнажили мечи и натянули тетивы на луках, но пешие воины бежали.

Один из турок, в более блестящем вооружении, чем другие, в белой чалме, с бриллиантовым пером, пытался сомкнуть отряд, но тщетно. Корти врезался в его середину.

Граф сошелся в единоборстве с блестящим всадником, но борьба продолжалась недолго: турок сразу был обезоружен и запросил пощады.

— Сын Исфендиара, — сказал граф, — ты сам убивал беззащитных крестьян, а теперь просишь пощады?

— Мне было приказано! Вчера здесь убили наших воинов.

— Они защищались. Ты заслужил смерти, но поклянись, что передашь султану мое копье, и я тебя помилую.

Сын Исфендиара взглянул на значок из желтой шелковой материи с красной луной, над которой виднелся белый крест, и, узнав знамя телохранителей султана, покачал головой.

Едва успели турки исчезнуть по направлению к Гисару, как на поле показались крестьяне. Все убитые греки были положены на носилки. Погребальное шествие двинулось к Константинополю.

Предчувствуя, что турки тотчас начнут военные действия, граф Корти разослал гонцов по всему берегу Босфора, предупреждая, чтобы крестьяне бросили свои поля и бежали в город. Таким образом, за погребальным шествием толпа все прибывала, и, наконец, на мосту через европейские Сладкие Воды она разрослась до целой армии мужчин, женщин и детей, которые несли свои пожитки, сколько каждый мог захватить. В воздухе стояли вопли, крики, а дорога была орошена слезами. Происходило поголовное бегство населения Византии.

Корти со своим отрядом долго оставался вблизи рокового поля, ожидая возвращения врагов. Вечером он послал гонца к императору и укрепился во главе моста. Когда стемнело, шайка турецких воинов спустилась с холма, отыскивая свои жертвы, но, столкнувшись с отрядом Корти, быстро отступила.

К полуночи все селения, покинутые жителями от Галаты до Фанара на Черном море, были превращены турками в пепел. Во власти греческого императора оставалась теперь только одна столица.

Похоронное шествие было встречено у городских ворот придворным духовенством и факельщиками. Быстро разнеслась по Константинополю весть о выставленных мертвых телах на ипподроме, и громадные толпы устремились к воротам. Впереди шествия несли на двадцати носилках тела убитых в окровавленных одеждах. Вокруг шли факельщики с зажженными

факелами, а позади — духовенство с зажженными свечами и громадная толпа несчастных беженцев.

На ипподроме император, верхом, окруженный придворными и телохранителями, ожидал шествие. Он приказал поставить носилки посередине арены и громко произнес, обращаясь к несметным толпам, наполнившим ипподром:

— Пусть весь город взглянет на наших несчастных соотечественников. Они пролежат здесь весь завтрашний день, и каждая рана на их теле будет взывать к мести. Послезавтра же мы решим, что нам делать: сражаться, бежать или сдаться.

В продолжение всей ночи приступили к закрытию городских ворот и к надежному укреплению. Везде были усилены караулы, и никому не дозволялось выйти из города. При этом было схвачено несколько евнухов султана, и греки хотели их умертвить, но Константин воспротивился этому и отправил их к Магомету.

На следующий день Магомет ответил объявлением войны.

Как было определено, тела убитых оставались целый день в ипподроме, и перед ними прошло все население Константинополя. На следующую ночь тела предали земле.

Но результат этой демонстрации не оправдал надежд императора. Греки громко выражали свою ярость, но страх лишил их мужества. Толпы бежали из города. В Константинополе осталось только сто тысяч человек, но и они не хотели драться.

Только пять тысяч греков согласились взяться за оружие.

IV

ОТВЕТ ЕВРОПЫ

Влюбленный человек, хотя бы он был героем, одержав много побед, всегда робеет в присутствии

возлюбленной, и для него легче встретиться лицом к лицу с врагом, чем объяснить ей в своей любви.

Подвиг графа Корти в Синегионе, где он смело вышел на бой со львом, сделали его популярным, а защита крестьян еще более увеличила его славу. Имя итальянского рыцаря было на устах у всех византийцев.

Те, которые прежде смеялись над его привычкой ходить в полном вооружении, теперь восхищенно смотрели, как он проезжает в своих блестящих доспехах.

Граф Корти знал, что он пользуется общей любовью.

Итальянская галера графа была переведена из бухты Юлиана к Золотому Рогу, вошла в императорский флот, а сам граф был назначен начальником телохранителей императора.

Эта новая должность вынудила, наконец, графа Корти перебраться в Влахернский дворец, и спустя несколько дней он уже сформировал отряд в пятьдесят человек, в числе которых были и его девять бедуинов.

Конечно, более всего он радовался тому, что имел возможность во всякое время видеть княжну Ирину.

Когда она отправлялась в Влахерн или в святую Софию, он постоянно находился в ее свите. Часто она приглашала его в свою молельню и молилась вместе с ним, причем он, подражая ей, становился на колени и крестился, но, в сущности, скорее поклонялся в эту минуту своей земной любви, чем Богу.

По условию, заключенному с Магометом, он был совершенно свободен и мог признаться ей в своей любви, но, когда наступала минута объяснения, им овладевал такой страх, что он откладывал со дня на день страшный разговор. Эта нерешительность его мучила и терзала. В такие минуты он жаждал сразиться с каким-нибудь врагом и мечтал, чтобы Магомет оказался у городских ворот.

Между тем ипподром был превращен в Марсово

поле, где круглый день обучали жителей владеть оружием, стрелять из лука, обращаться с катапультами, ружьями и пушками, а так как всякая торговля уже давно прекратилась, то ипподром сделался местом, куда стекалось все население Константинополя. Туда отправился и граф Корти.

На той же неделе, однако, как он, так и император со всеми верными ему византийцами были обрадованы действительно важным событием. Рано утром с Мраморного моря показался целый ряд военных судов, которые, судя по флагам, были христианские. Было замечено, что турецкие галеры стали двигаться по Босфору, по всей вероятности, приготавлилась морская битва, и городские стены по соседству с мысом Деметрием покрылись толпой любопытных, среди которых находился сам император. Он приказал своему маленькому флоту быть готовым выступить для оказания помощи шедшим в Константинополь судам. Турки, по счастью, не выказали намерения помешать высадке прибывших. Входя в Влахернский порт, суда расцветились венецианскими и генуэзскими флагами, а стоявшие на их палубе люди в полном вооружении дружно отвечали на приветственные крики, раздавшиеся на берегу.

Константин лично встретил прибывших, а княжна Ирина, в сопровождении многих знатных женщин, смотрела на эту сцену с городской стены.

Вечером во дворце произошел торжественный прием, на котором Джустиниани, прибывший во главе флотилии из Генуи, представил императору две тысячи рыцарей. Затем последовал парадный банкет.

За длинным столом император сидел посередине, а напротив него помещалась княжна Ирина. По обе их стороны сидели гости, среди которых рассадили жен, дочерей и сестер знатных византийцев.

Что касается итальянских рыцарей, то история сохранила имена некоторых из них с обозначением тех должностей, которые они занимали во время осады Константинополя, стоившей жизни многим из них.

Тут были: Андреа Диниа, начальник галер, венецианец Кантарино, руководивший защитой Золотых ворот; генуэзец Катанео, командовавший на городской стене от Золотых ворот до ворот Саламбрия; два брата Бочиарди, защищавшие Адрианопольские ворота; Леонардо де Лангаско, начальствовавший у Деревянных ворот; венецианец Травизано, который с четырьмя товарищами охранял гавань между портом Святого Петра и мысом Деметрием.

Кроме того, здесь же находились: немец Иоанн Грант, которому была поручена защита Харизийских ворот, и испанский консул Педро Джулиани, охранявший город с моря от мыса Деметрия до порта Юлиана.

Хотя большая часть из этих людей были действительно искатели приключений, но они явились на помощь к императору Константину, не ожидая благословения папы, и верно послужили защите христианства от магометан.

V

ГРАФ КОРТИ СТАНОВИТСЯ РЫЦАРЕМ КНЯЖНЫ ИРИНЫ

Было утро в конце февраля, когда граф вошел в приемную княжны в военных доспехах, что говорило о поспешности, с которой он покинул службу на городских стенах.

— Я надеюсь, что хоть ты здоров и невредим, с Божиею помощью,— приветствовала его княжна.— Я не жду хороших вестей с того времени, как патриарх Григорий бежал, чтобы избежать своих преследователей, а в особенности с тех пор, как кардинал Исидор вздумал служить обедню в святой Софии по-латыни и безумный Геннадий привел в ужас весь народ своими проклятиями, я не жду ничего хорошего.

Она опустила в кресло, а он встал возле нее

— Княжна, ты решила остаться в городе. Если турки возьмут город, то по закону войны победителю достанется не только все, что находится в городе, но и все живущие в нем. Нас, бойцов, ожидает смерть, а ты, благородная, целомудренная дева, можешь подвергнуться тому, чего не в силах произнести мой язык.

Она вспыхнула, потом побледнела и отвечала:

— Я знаю, о чем ты говоришь. Я хотела искать спасения в бегстве, но меня останавливает то, что я Палеолог и родственница императора. Ведь другие женщины также остаются в городе, разделяя судьбу своих мужей и братьев. Как же мне не исполнить долг?

Глаза графа засверкали.

— Есть слухи о новых пушках. Они достают далеко. Султан поведет на приступ такую армию, какой Константинополь еще никогда не видывал. Каждый день отряды пехоты переходят через Геллеспонт у Галиполи и через Босфор у Гисара, а вокруг Адрианополя кочуют толпы всадников. Все дороги северо-запада переполнены обозами с продовольствием и стенобитными машинами. Большая часть городов по берегам Черного моря признала власть Магомета, а те, которые оказали сопротивление, превращены в развалины. Турецкая армия опустошает Морею, и назначенный туда начальником брат императора пропал без вести: он или умер, или бежал. Турецкий флот покрывает все окружающие нас воды, и с городских стен можно видеть до четырехсот судов. Теперь уже нельзя рассчитывать на помощь христианской Европы, вся надежда на гарнизон Константинополя. Но, увы, княжна, даже с помощью прибывших иностранцев, нас, защитников, недостаточно, чтобы охранить даже те городские стены, которые выходят на материк.

— Если ты думаешь, что поколебал мою решимость, то ошибаешься: я предала себя в руки Бого-

родицы и во что бы то ни стало останусь здесь. Да будет воля Божия!

— Я был в этом уверен, княжна, но считал своим долгом предупредить тебя о грозящей опасности. Но теперь я перейду к другому.

Он бросился на колени и, простирая к ней руки, воскликнул:

— Позволь мне быть твоим рыцарем и посвятить тебе не только мой меч, но мою жизнь.

Княжна быстро поднялась со своего места.

Она сняла со своей шеи розовый шелковый шарф и, нагнувшись, надела его на шею графа, так что концы опустились ему на грудь.

— Если я и нарушаю женскую стыдливость,— сказала она, покраснев,— то знай, что меня побуждает к этому любовь к стране, вере и моему императору. Встань, граф Корти, с этой минуты я буду молиться, чтобы Бог сохранил тебя среди всех опасностей.

Граф поднялся с пола и быстро удалился из комнаты.

На следующий день император принял окончательные меры к достойной встрече Магомета. Он разделил городские стены на несколько секторов, начиная от Золотых ворот, или Семи Башен, и до Синегииона: Начальников этих секторов мы уже назвали, и теперь следует только прибавить, что папский легат, кардинал Исидор, принял на себя начальство над портом и, сняв облачение, заменил его военными доспехами.

Предвидя, что наступление начнется с ворот святого Романа с их двумя башнями, то начальство в этом месте было поручено самому Джустиниани.

Покончив с этими распоряжениями, Константин приказал вывезти на городские стены все орудия и военные снаряды, собранные в ипподроме.

При виде оснащенных таким образом стен с развевающимися знаменами и толпой защитников Константин несколько успокоился и стал вспоминать, как

султан Мурад, несмотря на храбрость, отступил в свое время от этих стен со своими янычарами.

— А ведь сын не храбрее отца,— прибавил он, обращаясь к кардиналу Исидору.

— Бог ведает,— отвечал тот, крестясь по-католически и по-гречески.

Затем император со всей своей свитой возвратился во дворец. Было сделано все, что можно, и оставалось только ждать неприятеля.

VI

МАГОМЕТ У ВОРОТ СВЯТОГО РОМАНА

Апрель месяц долго не начинался. Наконец наступил его первый день: небо было покрыто тучами и сильный ветер дул с Балкан.

Что касается султана, то он медлил не от недостатка воли или энергии. Два месяца потребовалось на то, чтобы перевезти пушки из Адрианополя, но вместе с ними двигалась и армия, которая мало-помалу заняла все окрестности. Наконец начался новый месяц, и уже тогда Магомет более не медлил, а быстро расположил всю свою армию в боевой позиции на расстоянии пяти миль от городских стен.

Шестого апреля в десять часов утра император взошел на башню святого Романа, находившуюся на лево от ворот. С ним были Джустиниани, кардинал Иосиф, Иоанн Грант, Франза, Феофил Палеолог, князь Нотарий и еще несколько греков и чужестранцев. Они хотели сами рассмотреть, какое положение занимала турецкая армия.

Погода была весенняя, и легкий ветерок прогнал облака тумана.

Крыша башни святого Романа была плоская и представляла громадную платформу, на которую взбирались по внутренней деревянной лестнице. Вдоль всей платформы шел парапет в рост человека;

в некоторых из его амбразур были поставлены небольшие орудия, а другие приспособлены к стрельбе из луков и ружей. В разных местах платформы были собраны груды военных снарядов, а в углу у самых ворот возвышалось императорское знамя с греческим золотым крестом на белом поле.

Все защитники башни собрались здесь; почти все они были византийцами, а потому встретили императора с обычными криками.

Константин достойно занимал место во главе своей свиты, и никто не мог с ним соперничать, даже итальянец Джустиниани, в военной доблести. Забрало на его шлеме было приподнято, и его лицо дышало одушевлением, которое придавало силу защитникам города.

Соседние башни справа и слева мешали видеть всю линию городских стен, но к югу долина расстилалась как на ладони. Трава покрывала еще недавно обработанные поля, и Константин, глядя на развернувшуюся перед ним панораму, знал, что скоро исчезнет и эта трава. От наполненного водою рва под первой, или внешней, городской стеной шла дорога к кладбищу, усеянному белыми мавзолеями и надгробными памятниками, на которых с печальным предчувствием останавливались глаза Константина.

— Что это за шум? — воскликнул один из сопровождавших императора воинов.

Все стали прислушиваться.

— Это гром.

— Нет, гром раскатывается, а тут частые удары.

Константин и Джустиниани переглянулись, а Иоанн Грант спокойно сказал:

— Это барабанный бой. Турки наступают.

Через несколько минут раздались крики:

— Вон слышатся трубы!..

— Ясно доносятся боевые крики!..

— А вот и блещут шлемы!..

Действительно вскоре показались турецкая пехота и всадники. Тысячи византийцев вскарабкались на

городские стены и с любопытством смотрели на медленно наступавшего врага.

— Пресвятая Богородица,— произнес наконец император,— армия у султана действительно многочисленна и тянется от моря до Золотого Рога, но, признаюсь, я разочарован. Я ожидал увидеть блеск оружия, щитов и знамен, а тут все серо и черно. Скажи, достойный Иоанн Грант, ты, говорят, часто и победоносно боролся с турками, неужели их армия всегда выглядит так неприглядно?

— Этот жалкий внешний вид,— отвечал немец,— происходит оттого, что большинство в армии набраны из Азии: эти воины не имеют ничего за душой и жаждут только наживы. Посмотрите, через несколько дней грабежа они будут выглядеть совершенно по-другому. Но вон, смотри, государь, двигаются янычары: вот ими ты останешься доволен.

Действительно, направо от ворот показался отряд солдат в блестящем вооружении. Джустиниани обратил внимание Константина на то, что многочисленные отряды всадников спешили и немедленно стали воздвигать земляные укрепления.

— Похож или нет новый султан на своего отца,— произнес он,— но, во всяком случае, его действия обнаруживают большее знание военного дела. Он, очевидно, намерен земляными сооружениями оградить свою армию, а нас окружить осадной линией от порта до моря. С завтрашнего дня только птицы смогут проникать в город с суши.

Пока он говорил, за янычарами показалось желтое знамя, и Иоанн Грант воскликнул:

— Это знамя телохранителей султана. Магомет близко. Вот он!

Из толпы турецких воинов отделился человек высокого роста, в блестящих доспехах, с шлемом на голове и с копьем в руке. Он направился к городским воротам, словно желая постучаться в них. За ним следовала небольшая свита военных и гражданских.

— Магомет очень смел,— произнес Константин,—

но так как нам нечего стыдиться своих стен и ворот, то пусть он любуется на них сколько хочет. Слышите, воины,— прибавил он, видя, что вокруг него стали заряжать орудия,— не стрелять, дозвоьте ему осмотреть стены и спокойно уехать.

В эту минуту императору было доложено, что какой-то рыцарь, по всей вероятности граф Корти, выехал из городских ворот и направился к турецкому лагерю.

Константин с любопытством стал следить за рыцарем, который, перебравшись верхом через несколько досок, оставшихся от моста через ров, воткнул в землю свое копье.

— Он с ума сошел! — воскликнул Константин.

— Нет,— отвечал Иоанн Грант,— ты видишь, как он поскакал к неприятелю, трубя в свой боевой рог. Он вызывает Магомета на единоборство.

Три раза протрубил свой вызов на бой итальянец, и Магомет, узнав Мирзу, понял, что этот вызов означает, что княжна здорова.

Сын Исфендиара, узнав унизившего его недавно врага, сказал:

— Государь, позволь мне наказать этого нахала.

— Ты уже попробовал его руки,— отвечал Магомет с улыбкой,— но я тебе не мешаю.

Соперники встретились; они были одинаково вооружены, и так как сын Исфендиара был вызван на бой, то ему предстояло выбрать оружие. Он избрал лук.

Каждый взял в левую руку лук и, положив на свое место стрелу, выехал на открытую поляну у кладбища. Сначала они кружились друг около друга, закрываясь щитом и старательно удерживая противника на расстоянии двадцати шагов от себя. Зрители замерли.

Наконец турок выстрелил, целясь в шею лошади, Граф успел отскочить и крикнул:

— Эй, ты сражаешься со мной, а не с моей лошадью. Ты дорого заплатишь за свое лукавство!

Он пришнорил коня, приблизился к турку, и в ту

самую минуту, как последний закинул руку за правое плечо, чтобы достать вторую стрелу, граф натянул тетиву.

— Берегись! — воскликнул он.

И стрела вонзилась в отверстие между кольчугой и головным убором турка. Он даже не вскрикнул и грохнулся на землю мертвым.

Все, что было у убитого соперника: лошадь, оружие, доспехи, — принадлежало теперь победителю, но Корти не обратил на это никакого внимания и, отъехав назад на несколько шагов, начал снова трубными звуками вызывать на бой нового охотника.

Более десяти воинов просили султана разрешить им принять вызов дерзкого гяура.

— Тебе надоела жизнь? — отвечал Магомет одному из них, арабскому шейху, который всего более настаивал на вступлении в бой с христианским рыцарем.

Шейх высоко поднял длинное, тонкое копьё, которое он держал в руке, и спокойно отвечал:

— Меня побуждает честь моего племени и слава Аллаха.

— А сколько раз ты молился вчера? — спросил Магомет, видя, что он возлагает твердую надежду на свое оружие.

— Пять раз, государь.

— А сегодня?

— Два.

— Ступай. Но так как у твоего противника нет такого копьё, то он поступит справедливо, защищаясь мечом.

Шейх, сидя на кровном арабском коне, высоко поднявшись на своих коротких стременах, полетел на врага.

Видя, что шейх быстро вертит копьём в воздухе, Корти понял его маневр и, не подпуская его близко, выстрелил из лука. Стрела отскочила от кольчуги. Корти выхватил меч и стал гарцевать то вправо, то влево, стараясь помешать удару врага.

Шейх, неожиданно направив копье, бросился на графа с диким криком.

Те, кто стоял на городской стене, затаили дыхание.

Корти прильнул к шее лошади и закрылся щитом. Копье пролетело над его головой, и, прежде чем шейх успел осадить лошадь, граф наскочил на него и, положив руку на плечо, крикнул:

— Сдавайся!

— Никогда, христианская собака! Делай со мной, что хочешь.

Граф одним ударом меча рассек его копье пополам.

— Отчего ты меня не убил? — спросил шейх.

— Я хочу дать тебе поручение к Магомету. Скажи ему, что он находится под выстрелами пушек на башне и только присутствие императора удерживает от стрельбы. Поторопись предостеречь его. А теперь сойди с коня, он мой.

Шейх соскочил с лошади, но насупил брови, а когда до его ушей долетели восторженные крики греков, то он остановился и сказал:

— Христианин, дай мне еще раз побороться с тобой! Сегодня, завтра, когда хочешь.

— Пусть твой государь разрешит это.

Граф вернулся со своим призом к копыю, которое он воткнул в землю, и набросил на него поводья арабской лошади, затем еще раз громко раздались звуки его трубы.

Шейх подошел к Магомету и передал ему слова соперника.

Султан нахмурил брови.

— А он ничего более не велел мне сказать? — спросил он, думая о княжне Ирине.

— Он сказал, что готов со мной сражаться еще раз сегодня или завтра, как ты решишь. Умоляю тебя, государь, позволь мне снова помериться с ним: я не могу жить без моей лошади.

— Дурак! — отвечал Магомет, покраснев от гнева. — Разве ты не понимаешь, что когда мы возьмем

Константинополь, то ты получишь обратно свою лошадь. Я не позволю тебе больше с ним драться, в день приступа ты будешь мне нужен.

С этими словами Магомет повернул коня и медленно удалился к своим всадникам.

Между тем Корти, видя, что никто более не принимает его вызова, перестал трубить и вернулся в город со взятой в бою лошадью.

Император со своей свитой, и в том числе графом Корти, отправился осматривать далее турецкую позицию. Всюду виднелись войска и быстро воздвигаемые земляные укрепления.

При закате солнца Константин осмотрел море и Босфор против Золотого Рога. Там виднелись сотни судов.

— Осада начата,— сказал генуэзец, обращаясь к императору.

— А результат в руках Божиих,— ответил Константин.— Поедем теперь в святую Софию.

VII

БОЛЬШАЯ ПУШКА ЗАГОВОРИЛА

На следующее утро первый луч солнца осветил часовым на городских башнях знаменательное зрелище. Всю ночь они слышали отдаленный гул, как бы от тяжелой работы, производимой толпами народа, а теперь тотчас за линией их выстрелов возвышался бесконечный земляной вал, в котором местами торчали мраморные плиты с соседнего кладбища.

Хотя Византия не раз подвергалась осадам, но никогда осаждающие не принимали таких мер.

Наступил полдень, а работа с турецкой стороны по-прежнему продолжалась: вал рос, а за ним, против ворот святого Романа, виднелись столбы дыма от громадного лагеря.

Настали сумерки, а работа не прекращалась.

В полночь городским часовым показалось, судя по долетавшим звукам, что враги приближаются к константинопольским стенам. И они не ошиблись. С восходом солнца обнаружилось, что впереди вала выдвигались отдельные заграждения. Греки по приказанию императора стали забрасывать осаждающих камнями и копьями. Турки старались прикрыть перестрелкой постройку своих ограждений.

Это был открытый бой. В полдень он еще продолжался и не переставал до самой ночи.

Первый успех был на стороне осажденных.

Однако это не мешало работе на сооружении заграждений, и с городских стен было видно, как к ним подвозились всякого рода осадные орудия, известные со времен Александра и до крестовых походов.

На третий день работа была окончена и передовые заграждения полностью вооружены.

Турки начали стрельбу из своих укреплений, но очень медленно, как бы привыкая, что вызывало шутки среди старых солдат, оказывавших помощь грекам.

— Это новички,— смеялись они,— турки не умеют направлять удары. Не бойтесь,— прибавляли они, обращаясь к молодым воинам,— ваш город охраняют две стены, а между ними ров с водою. Мы еще весело отпразднуем не одно Рождество в следующем столетии, прежде чем мусульмане доберутся до нас, если они будут действовать так же, как до сих пор. Стреляйте, ребята, хладнокровнее, не торопитесь и каждым выстрелом кладите врага.

На внешней стене, которая была ниже и естественно подвергалась бóльшей опасности от врагов, так же, как на внутренней, постоянно появлялся император, не зная ни усталости, ни страха.

— Эти стены прочны,— говорил Константин, стараясь поддержать дух осажденных.— Персы хотели их уничтожить, но после долгих усилий должны были отступить. Мурад, отец этого юноши, потерял много месяцев, осаждая наши стены, и когда он бежал, то

ни один камень в стенах не оказался сдвинутым с места. То же повторится и теперь. С нами Бог!

По истечении первых трех дней молодые греки привыкли к опасности и стали даже подшучивать над ней.

На четвертое утро император, сделав объезд всех городских стен, взойшел на Багдатскую башню, возвышавшуюся над воротами святого Романа, и, найдя там Джустиниани, сказал ему:

— Этот бой шуточный, капитан, у нас убито только два человека, и ни один камень в стене не дрогнул. Мне кажется, что султан только отвлекает наше внимание от подготовляемых им серьезных действий.

— Государь,— отвечал генуэзец,— небо одарило тебя душой и глазом настоящего воина. Только что старик Иоанн Грант говорил мне, что желтый флаг на возвышенности против нас означает главную квартиру султана и что с ним не следует путать его боевое знамя. Поэтому я полагаю, что если бы нам удалось проникнуть чрез толпы янычар, то мы увидели бы, что султанская палатка поставлена там недалеко и что он готовится атаковать именно эти ворота. К тому же посмотри, против нас нет ни одной стенобитной машины или какого-либо старинного орудия для метания камней. Наконец обрати внимание на то, что мы не слышали еще свиста ядер, бомб и пуль, а мы знаем, что у них и пушки, и мортиры, и ружья в изобилии. Я убежден, что султан, по справедливому твоему замечанию, государь, только играет с нами до сих пор, а тайно устанавливает свои новые орудия. Завтра или послезавтра он откроет из них огонь, и тогда...

— Что тогда?

— Миру дан будет новый урок в военном деле.

Лицо Константина омрачилось, и он промолвил словно про себя:

— Боже милостивый! Если моя империя погибнет благодаря моему безумию, простишь ли Ты меня?

Генуэзец с удивлением посмотрел на него, и Константин поспешно прибавил:

— Я расскажу тебе эту историю. Однажды один пушкарь, по имени Урбан, пришел к убеждению, что возможно строить пушки гораздо бóльшего калибра, чем до сих пор. По его словам, он изобрел такую смесь металлов, из которой можно было вылить пушку, способную выдержать громадные заряды. Если бы я предоставил ему необходимые материалы, то он брался наделать мне таких пушек, которые могли бы защитить Константинополь лучше всяких стен и катапульт. Но он запросил так много, что я рассмеялся и отпустил его. Потом я узнал, что он отправился в Адрианополь. Султан Магомет принял его, устроил ему литейную мастерскую, и вот пушка невиданных размеров, которую видели по дороге к Константинополю, сделана. Мне горько подумать, что эта пушка могла быть моей.

— Государь,— отвечал генуэзец, пораженный рассказом императора.— Ни один император в Европе не принял бы подобного предложения. Еще не доказано, что Магомет, со своей юношеской доверчивостью, не обманут хитрым дакийцем. Но смотри, что там делается.

Против ворот святого Романа показалась толпа янычар, а за ними длинный ряд волов, которые тащили, по-видимому, громадную тяжесть.

— Это везут большую пушку,— произнес Константин.— Они ставят ее на позицию.

Джустиниани обратился к метателям камней и скомандовал:

— Пли!..

На янычар и погонщиков волов посыпался дождь камней.

— Камни не попадают! — воскликнул генуэзец.— Неприятель слишком далеко. Давайте пушки!

Эти пушки были небольшие железные орудия на высоких колесах, которые заряжались полдюжиной

свинцовых снарядов величиной с грецкий орех. Их прицелили, и в воздухе раздался свист снарядов.

— Цельтесь выше! Как можно выше! — кричал гонуэец.

Второй выстрел был так же неудачен, как первый.

— Государь, — сказал гонуэец, возвращаясь к императору, — помешать установке большой пушки можно только вылазкой.

— Нас мало, а их много, — отвечал Константин задумчиво. — На городской стене один воин стоит сотни в поле. Их пушка — первый опыт. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Ты, государь, прав, — отвечал гонуэец.

Долго хлопотали турки, прежде чем установили на свое место чудовище, которое стало грозить Константинополю своим черным циклопым взглядом.

— Дакиец недурный инженер, — сказал император, обращаясь к Джустиниани.

— Смотри, он везет новые орудия, — гонуэец указал на длинные ряды волов, которые подвозили еще несколько пушек.

Через некоторое время с обеих сторон чудовища расположились еще такие же три медные жерла, которые, в случае успеха, должны были разгромить ворота святого Романа.

Установка других орудий продолжалась весь вечер. Солнце уже готово было исчезнуть в пурпурном сиянии на горизонте, когда султан вышел из своей палатки и снова приблизился к большой пушке, у которой находился пушкарный мастер с помощниками.

Урбан опустился на колени:

— Уйди, государь. Тебе грозит здесь опасность.

Магомет гордо усмехнулся:

— Ты навел пушку на ворота?

— Да. Но умоляю тебя, государь...

— Довольно. Встань и начинай стрельбу.

Дакиец молча положил наружный конец фитиля в горшок с раскаленными угольями, и когда он заго-

релся, то все помощники пушкаря разбежались. При орудии остались только Урбан и Магомет.

— Отойдем, государь, на два шага; нам лучше будет виден полет ядра.

Фитиль догорел. Из дула блеснул свет, показалось белое облако, и раздался оглушительный удар.

В первую минуту Магомет был оглушен, но он не спускал глаз с черного шара, который, перелетев через ворота и башню, исчез в городе.

Урбан снова упал на колени:

— Смилуйся, государь, смилуйся!

— За что? За то, что ты не попал в ворота? Но ведь это не твоя вина. Встань и посмотри, в порядке ли орудие.

Когда ему донесли, что пушка несколько не пострадала от выстрела, то султан сказал, обращаясь к подошедшему к нему визирю Халилу:

— Дай этому человеку большой кошелек с золотыми. Клянусь Аллахом, благодаря этой пушке Константинополь будет у моих ног.

И, несмотря на оглушительный звон в ушах, Магомет, веселый и счастливый, вернулся в свою палатку.

Между тем Константин и Джустиниани смотрели за полетом ядра, которое пролетело над их головами, как метеор. Они не видели, куда оно упало, но слышали, что оно ударилось о какой-то дом среди города. Они оба перекрестились и молча посмотрели друг на друга.

— Теперь нам остается только вылазка,— промолвил Константин.

— Да,— отвечал генуэзец,— мы должны сбить орудие.

Так как турки не намеревались продолжать стрельбу, то император со своим советником спустился с башни.

Вылазка была задумана очень искусно. Решено было отворить ночью ворота, находившиеся под Влахернским дворцом, и, выйдя из них, граф Корти с конным отрядом должен был броситься неожиданно на

защищавших батарею янычар. В то же время Джустиниани с пехотой обязан был двинуться из ворот святого Романа на орудия.

Этот план был ловко исполнен. Корти вывел свой отряд во мраке ночи и застиг турок врасплох. Он проскакал мимо перепуганных янычар и, обогнув батарею, вонзил в землю свое копьё перед самой палаткой Магомета. Если бы греки поддержали его, то он мог бы вернуться в город с царственным пленником. Пока турки обратили все свое внимание на появившихся в тылу всадников, Джустиниани со своими солдатами сбили пушки с лафетов. Потеря янычар была очень значительна, а осажденные едва пострадали. Они вернулись в город через ворота святого Романа, никем не преследуемые со стороны врагов.

Услыхав шум перед своей палаткой, Магомет схватил оружие и выбежал из нее вовремя, чтобы услышать военный крик графа Корти и схватить копьё, воткнутое графом у его палатки. При виде значка на этом копьё с изображением креста, попирающего луну, ярость султана была беспредельна. Он приказал посадить на кол агу и всех уцелевших защитников батареи.

Во время дальнейшей осады еще не раз бывали вылазки, но ни одна уже не застала неприятеля врасплох.

VIII

ВТОРАЯ ПРОБА ОРУДИЙ

Едва византийцы успели вернуться в город после своего удачного подвига, как янычары вернулись на батарею, и там началась лихорадочная работа. Снова слышались крики погонщиков волов и стук молотков. Осажденные были убеждены, что они окончательно испортили пушки, а потому не могли понять, что происходило в неприятельском лагере. Только на

второе утро выяснилось, в чем дело. При первых лучах восходящего солнца часовые на городских башнях увидели сквозь амбразуры дула большой пушки и других подобных орудий в количестве четырнадцати штук.

Немедленно дали знать об этом императору. Он явился вместе с Джустиниани на Багдатскую башню.

— Государь,— сказал генуэзец,— изменник дакиец, должно быть, мастер своего дела: он привел в порядок сбитое мною орудие.

— Я боюсь, что мы недостаточно оценили нового султана,— произнес Константин после некоторого молчания,— как ни был велик отец, но сын может его превзойти.

Генуэзец молчал, пока Константин не задал ему вопроса:

— Что же нам теперь делать?

— Государь,— отвечал он,— очевидно, наша вылазка была неудачна. Мы убили несколько неверных и доставили неприятность султану, а больше ничего. Теперь он настороже, и нам нельзя повторить вылазку. По моему мнению, лучше всего предоставить ему испытать свои орудия. Быть может, городские стены устоят.

Недолго пришлось ждать второй попытки стрельбы. Вскоре янычары с громкими трубными звуками очистили перед батареей, и раздался ряд выстрелов. Некоторые из снарядов пролетели в город, но два из них попали в башни, которые дрогнули, словно от удара землетрясения. Во все стороны разлетелись осколки камня, и поднялось облако пыли. Солдаты, стоявшие у метательных снарядов, в страхе опустились на землю. Константин молча посмотрел на генуэзца, и тот приказал открыть пальбу со своей стороны.

Прошло немного времени, как император с удивлением увидел, что какой-то человек, в легком вооружении, вышел из-за турецкой батареи; он нес охапку кольев и стал втыкать их в землю по различным на-

правлениям, на открытом пространстве перед городским рвом.

— При новых орудиях вводятся и новые методы,— сказал Джустиниани, обращаясь к Константину,—приступ отложен, и неприятель подведет траншеи.

Действительно, в эту самую минуту толпа рабочих с лопатами и кирками наполнила равнину и стала быстро рыть землю для траншей.

К полудню эта работа настолько подвинулась, что осаждающие были прикрыты горами выкопанной земли. Тогда снова дали залп с батареи. По-прежнему башня, на которой находился император, сотряслась в своей основе. После того как рассеялись облака пыли, над самой ее кровлей оказалась значительная расселина.

Граф Корти находился со своим отрядом у подножия этой башни. Он с беспокойством следил за полетом ядер, исчезающих в городе, и его мучила мысль, что княжна Ирина могла подвергаться опасности. Он крестился при каждом свисте, но это его не успокаивало, и он наконец послал сказать императору, что отправляется в город выяснить, какой вред наносили выстрелы зданию.

Не успел он проехать несколько шагов по улицам, как увидел, что жители выбежали с ужасом из домов.

Корти пришпорил лошадь.

Чем далее пробирался он в город, тем тревожнее билось его сердце,— по бледным, устрешенным лицам жителей он видел, что приближался к тому месту, где падали ядра. Там обитала княжна.

Наконец толпа на улице так увеличилась, что он не мог больше ехать и, соскочив с лошади, пошел пешком. Люди толпились у двухэтажного дома.

— Что случилось? — спросил он у пожилого человека.

— Посмотри, небо ясное, а ударил какой-то метеор, уверяют, что это турецкое ядро. Убиты две женщины и ребенок. Боже милостивый, спаси нас, грешных!

Корти хотел подойти к дому, но не успел сделать

и нескольких шагов, как должен был остановиться перед толпой женщин, стоявших на коленях и громко молившихся. Издали он бросил взгляд на полуразрушенный дом и увидел, что у дверей его стояла женщина высокого роста и с золотистыми волосами, развевавшимися по ее плечам. Она хладнокровно отдавала приказание людям, выносившим мертвое тело.

Сердце графа дрогнуло. Он бросился вперед.

— Боже милосердный! — воскликнул он. — Княжна! Что ты тут делаешь? Разве нет мужчин, которые могли бы распорядиться вместо тебя?

— Граф, — отвечала она, — это мне надо спросить, что ты тут делаешь?

Глаза ее вопросительно смотрели на него.

— Пока мы ничего не можем противопоставить туркам, — произнес он, — я отправился в город посмотреть, какой вред нанесли выстрелы. Но если говорить правду, я бросился сюда, чтобы посмотреть, не нуждаешься ли ты в моей помощи.

— Граф Корти, — спокойно отвечала она, — ты мешаешь вынести труп.

Корти отошел в сторону, и мимо него пронесли женщину, всю в крови.

— Это последняя? — спросила княжна.

— Мы больше не нашли.

— Бедная. Да будет воля Господня! Отнесите ее в мой дом и положите рядом с другими жертвами. Пойдем со мной, — прибавила она, обращаясь к графу.

Она двинулась за носильщиками.

Труп внести в часовню и уложили рядом с бездыханными телами пожилой женщины и девушки. Священник, находившийся там, принялся служить панихиду. Ему помогал Сергей. Граф Корти был во время службы рядом с княжной.

Неожиданно раздался страшный треск. Стоявшие на коленях упали ниц в страхе, но голос священника не дрогнул, а княжна Ирина даже не изменилась в лице.

На улице слышались крики, и княжна, повер-

нувшись к графу, сказала тихим, но решительным голосом:

— Пойдем, может быть, нуждаются в моей помощи. А ты, отец,— прибавила она,— вместе с Сергием продолжай службу.

В дверях Корти остановился:

— Подожди, княжна, я должен вернуться к городским воротам. Император может меня потребовать, но я не могу оставить тебя в опасности. Я найду безопасное место. Если не в городе, то...

Он замолк, понимая, что задуманный им план был двойной изменой — и в отношении императора, и в отношении Магомета.

— Продолжай же.

— У меня стоит корабль в гавани. Мы с тобой выйдем в море, где нас не остановят мусульмане. Мы прямо понесемся в Италию и там будем жить спокойно, счастливо.

Он снова остановился.

— Боже, прости мне, грешному! — произнес он наконец.

— Граф Корти,— тихо отвечала княжна Ирина,— я никогда не напому твоих слов. Я останусь здесь, готовая принести себя в жертву. Я ничего не боюсь, и ты не бойся за меня. Мой отец был герой. Я докажу тебе, что женщина может быть так же храбра, как мужчина. Я тебе прощаю и верю, что ты истинный рыцарь. Пойдем, я провожу тебя.

Он поник головой, молча последовал за ней на улицу.

Соседнее здание было полуразрушено новым ядром, но, по счастью, в нем не было жителей.

Семь раз в этот день турки возобновляли канонаду против ворот святого Романа, и хотя многие из ядер перелетали через городские стены, они производили панику среди обитателей Константинополя. К ночи все, кто могли, нашли себе убежище в подвалах и под сводами зданий. Только одна княжна Ирина смело

ходила по жилищам, разнося несчастным пищу, перевязывая раны и утешая страждущих.

Между тем после второго залпа из орудий Магомет вошел в ту часть своей палатки, которая служила кабинетом, так как находившийся в ней большой стол был усеян картами, а также чертежными принадлежностями. Поверх всех бумаг лежал меч Соломона и стальные, позолоченные перчатки. Серединный столб, поддерживавший верх палатки из верблюжьей ткани, был разукрашен копьями, щитами и оружием, над которыми развевались два флага: боевой турецкий и тот, который граф Корти водрузил у султанской палатки во время вылазки. Через отверстие в кровле проникали свет и воздух.

Это отделение султанской палатки было соединено с другими четырьмя ее отделениями: одно из них занимал Халил, другое было спальней султана, третье — занято стойлами для лошадей Магомета, а в четвертом помещался князь Индии.

Магомет был не в полном вооружении, и хотя его шея, руки и туловище были покрыты тонкой золоченой кольчугой, вроде той, которую носил граф Корти, но на ногах у него виднелись широкие шелковые шаровары, стянутые на икрах, и красные остроконечные башмаки. Кроме того, в руках у него была нагайка с тяжелой рукояткой. Если бы Константин увидел его в эту минуту, то узнал бы в нем инженера, который утром разбивал траншеи.

Один из придворных встретил Магомета обычным образом — распростерся перед ним на полу, ожидая приказаний.

— Подай мне воды, я хочу пить, — произнес султан.

Когда его желание было исполнено, он прибавил:

— Позвать князя Индии!

Старик явился в своем обычном костюме: в черной бархатной одежде, в такой же шапочке, широких шароварах и туфлях. Его волосы и борода были гораздо длиннее, чем в то время, когда он жил в Константинополе; поэтому он казался старше и дряхлее. Он прек-

лонил колени пред султаном, бросив проницательный взгляд на своего повелителя.

— Можешь идти,— сказал Магомет, обращаясь к придворному, и, оставшись вдвоем с князем Индии, он произнес со сверкающими глазами: — Бог велик, все для него доступно! Никто не может сказать «нет», когда Он говорит «да». Никто не может ему сопротивляться. Радуйся со мною, князь, Бог на моей стороне. Его могучий голос — в громе моих пушек. Радуйся, князь, Константинополь мой; его башни, пережившие столько веков, и стены, обратившие в бегство столько победителей, дрожат. Я сотру их с лица земли. Город, бывший твердыней врагов истинной веры, я в одну ночь обращу в ислам. Из церквей я сделаю мечети. Радуйся, князь, встань и радуйся со мной, что Бог избрал меня орудием великих дел.

Он схватил со стола меч Соломона и, размахивая им, стал ходить взад и вперед.

— Я радуюсь вместе с тобой, государь,— отвечал старик, поднимаясь с пола и ожидая, чтобы прошел первый порыв радости Магомета, так как знал, что призван им для какого-нибудь серьезного дела.

— Скажи,— произнес наконец Магомет, останавливаясь перед ним,— указали ли звезды тот день, когда я могу пойти на приступ Константинополя?

Князь Индии молча удалился и через несколько минут принес гороскоп, который передал султану.

— Вот решение звезд,— сказал он.

Магомет не посмотрел на изображенные знаки или на их соединение, а только взглянул на число, стоявшее в центре.

— Двадцать девятое мая,— промолвил он, насупив брови.— Еще пятьдесят три дня. Клянусь Аллахом, Магометом и Христом, если от этого крепче клятва, что я не знаю, чем наполнить это время. Через три дня мои пушки снесут башни вокруг ворот святого Романа, а мои люди наполнят землей ров. В три дня я буду готов к приступу.

— Может быть, мой повелитель слишком полагает-

ся на свои силы и мало учитывает средства защиты противников, быть может, ему предстоит гораздо более труда, чем он предполагает, чтобы довести до конца осаду?

Магомет бросил взгляд на своего собеседника.

— Может быть, — сказал он, — звезды открыли тебе то, что надо еще сделать для взятия города?

— Да.

— И звезды дозволили тебе поведать мне об этом?

— Мой повелитель должен расставить по разным местам свои пушки. Надо поставить две против Золотых ворот: одну — против Калигарских и по две — против Селимврийских и Адрианопольских. На прежнем месте останется у тебя семь. Ты, мой повелитель, не должен вместе с тем ограничивать атаки со стороны суши; самая слабая сторона в городе — гавань, и против нее надо обратить хоть два орудия.

— Но! — воскликнул Магомет. — Укажут ли мне звезды путь в гавань, уничтожат ли они цепь, заграждающую ее, и сожгут ли или потопят неприятельский флот?

— Нет. Это дело твоих геройских подвигов.

— Ты требуешь от меня невозможного.

— Разве крестоносцы были могущественнее и искуснее тебя, мой повелитель? — произнес с улыбкой старик. — Во всяком случае, я знаю, что излишняя гордость не мешает тебе научиться у них добру. На пути к святому городу они осадили Никею и вскоре убедились, что не могут взять этого города, не овладев сначала озером Асканием. Поэтому они перетащили свои суда по земле и спустили их в озеро.

Магомет задумался.

— Если ты, мой повелитель, — продолжал князь Индии, — не распределишь своих пушек по разным местам и ограничишь свою атаку воротами святого Романа, то в день приступа неприятель сосредоточит против тебя весь свой гарнизон; если же гавань останется во владении греков, то ничто не мешает генуэзцам Галаты оказать им помощь. Мой повелитель

получает сведения от этих изменников днем, но он не знает, что они ночью поддерживают отношения с Византией посредством флота. Если они изменяют одной стороне, то почему же им не изменить и другой. Не забывай, государь, что они такие же христиане, как греки.

Султан опустил в кресло и погрузился в тяжелую думу.

— Довольно,— сказал он наконец, вставая, и, устремив свои пытливые глаза на князя Индии, прибавил: — А какие звезды поведали тебе эти тайны?

— Мой повелитель,— отвечал старик,— планетная система — Божия, и Богу принадлежат солнце и звезды, но каждый из нас имеет свой небосклон, и мой разум служит солнцем, а опыт и вера — двумя главными звездами. При свете этих трех планет я успеваю в своих начинаниях, а когда та или другая перестает светить, то я жду неудачи.

Магомет снова взял в руки меч Соломона и начал играть им.

Через несколько времени он произнес:

— Ты говорил, как пророк, и я исполню твои советы. Позови Халила.

IX

ПОМОЩЬ ПАНАГИИ

Султан последовал совету князя Индии и расположил свои пушки перед главными воротами Константинополя. Для атаки гавани он выстроил батарею на горе близ Галаты и однажды ночью перетащил часть своего флота из Босфора, по земле, через Перу, и спустил в Золотой Рог. Константин хотел дать отпор, и Джустиниани повел греческую эскадру в дело. Но каменное ядро потопило его судно, и он едва спасся бегством, а большая часть его товарищей или потонули, или, взятые в плен, были перевешаны по приказу

султана. Затем Магомет приказал устроить из скованных между собою больших глиняных сосудов, наполненных воздухом, нечто вроде моста, против единственной стены, защищавшей берег гавани; на конце этого моста была установлена пушка, и она открыла огонь по стене. Константин распорядился, чтобы этот мост и батарею подожгли, но генуэзцы из Галаты уведомили турок об этом, и план императора не удался. Много греков были взяты в плен и немедленно повешены, на что Константин отвечал выставлением на городских стенах ста шестидесяти голов, отрубленных у турецких пленных.

Со стороны суши действия турок были не менее успешны. Оконченные траншеи дали им возможность безопасно достигнуть рва перед городской стеной и начать подкопы против них.

Султан не обращал никакого внимания на число человеческих жертв, которых ему стоили эти успехи, и их сваливали в ров без разбора. День за днем башни Багдатская и святого Романа все более и более разрушались, и их обломками также наполняли ров. Обе стороны в продолжение целого дня и даже части ночи бросали друг в друга ядра, камни, стрелы, копья.

Греки вели себя мужественно; старый Иоанн Грант постоянно направлял против неприятеля свои огневые стрелы. Константин целый день находился на городских стенах, поддерживая мужество воинов, а по ночам помогал Джустиниани принимать необходимые меры для исправления разрушений, произведенных бомбардировкой. Наконец запасы стали оскудевать: пороху настолько уменьшилось, что его не хватало для всех мушкетов и гаубиц. Тогда император стал делить свое время между исполнением двойных обязанностей, как главнокомандующего и как главы церкви: он то заботился о защите города, то молился в святой Софии. Все замечали, что в его присутствии служба в храме совершалась по латинскому обряду, и росло недовольство братьев в монастырских обителях. Геннадий, пользуясь отсутствием патриарха, своими пла-

менными проповедями всюду сеял смуту. Могущественное братство святого Иакова, в числе членов которого находилось много сильных, здоровых людей, обязанных нести военную службу, признавало императора как бы отлученным от церкви и не хотело оказывать ему ни малейшей помощи. Князь Нотарий и Джустиниани повздорили между собой, и эта ссора распространилась среди их сторонников.

Однажды, в то время когда турецкие корабли упали в гавань, словно с неба, когда военные снаряды истощились и голод грозил городу, неожиданно в Мраморном море показались пять галер. В то же время турецкая флотилия стала готовиться к действию. Голодные греки усеяли городскую стену от Семи Башен до Серальского мыса. Император поскакал туда сломя голову, а Магомет поспешил на берег моря. Морское сражение произошло перед глазами обоих государей. Христианская эскадра торжественно прошла в гавань, несмотря на все преграды. На ней были значительные запасы хлеба и пороха. Эта своевременная помощь была приписана милосердию Божию, и борьба продолжалась с новыми силами.

Великий визирь стал теперь уговаривать Магомета снять осаду.

— Как! — воскликнул вне себя от гнева султан. — Обратиться в бегство теперь, когда ворота святого Романа почти разрушены и ров почти засыпан? Ни за что! Аллах привел меня сюда для победы.

Одни, окружающие султана, приписывали его упорство храбрости, другие — самолюбию; но никто не знал, насколько им руководила мысль о заключенном с графом Корти условии.

Неравная борьба продолжалась, и с каждым закатом солнца надежды Магомета на успех увеличивались. Его воля, твердая, как сталь Соломонова меча, неограниченно царила в турецком лагере, а среди осажденных постоянные неудачи, ссоры, распри, лишения, физическая усталость, болезни, смертность и то, что весь христианский мир отвернулся от этой не-

счастной, хотя и мужественной кучки христиан, распространяли мрачное отчаяние.

Неделя шла за неделей. Кончился апрель, прошла большая часть мая, и наступило двадцать третье число. Осталось только шесть суток до того дня, когда звезды разрешили Магомету идти на приступ.

Полночь. Небо покрыто тучами, моросит дождь. Все улицы Константинополя пусты, мрачны. Куда делось все население? Оно попряталось в погреба, в подземелья и склепы под церквями. В этих мрачных убежищах безмолвно-тихо плакали женщины и дети, со страхом прислушиваясь днем к свисту ядер, а ночью дремля в тревожном беспокойстве.

Однако не во всем городе было пусто и безмолвно. По улицам, шедшим от святого Петра к гавани, к воротам святого Романа и Адрианопольским, двигалась масса людей, которые, при мерцании факелов, тащили какой-то громадный темный предмет. Впереди ехал верхом вооруженный человек. Это был граф Корти, и он перевозил галеру, которую Джустиниани хотел обратить в баррикаду для защиты ворот святого Романа, представлявших уже бесформенную грудку камня.

В последнее время граф Корти сделался предметом всеобщего удивления: чем более усиливалась опасность, тем удваивались его мужество и энергия. Он поспевал всюду, и его видели везде: он был и в полуразрушенных башнях, и во рву, и в контрподкопах, которые велись греками. Его подвиги вселяли ужас в неприятеля. Он не знал ни минуты отдыха, ни днем, ни ночью. Смотря на него с восхищением, греки спрашивали друг друга, что могло руководить этим чужестранцем, которому, в сущности, не было никакого дела до их города. Лица, близко к нему стоявшие, и, конечно, император знали, что он носил на шее красный шелковый шарф и бросался в бой с криком: «За Христа и Ирину», но они только считали его рыцарем княжны и не подозревали о его любви к ней. Один только Магомет понимал тайный смысл подвигов своего соперника. Для этого ему стоило только прислу-

шаться к тому, как билось страстью его собственное сердце.

В то самое время, когда граф Корти перевозил галеру по улицам Константинополя к воротам святого Романа, Константин находился в святой Софии. С каждым днем его уныние и отчаяние увеличивались. Он чувствовал близость падения города и вместе с тем падение империи. Теперь он сидел один за решеткой перед алтарем и ждал, пока священники начнут службу. Неожиданно послышались снаружи церкви многочисленные шаги, и Константин увидел с удивлением, что в церковь входила процессия тех монашеских братств, которые злобно восставали против него и уже неделями не приближались к святому храму.

В голове императора блеснула мысль, что, может быть, Господь просветил отуманенные умы братьев. Быть может, они поняли, что, не принимая никакого участия в защите города, они подвергали опасности не только империю, но всю христианскую церковь на Востоке. Не думая о своем достоинстве, а только радуясь раскаянию грешников, Константин встал, подошел к решетке и отворил ее.

Монахи, по обычаю, преклонили перед ним колени.

— Братья,— сказал он,— давно уже вы не делали чести являться в этот святой храм. Как василевс, я приветствую ваше возвращение под его своды и встречаю вас радушно именем Бога. Я подозреваю, что ваше появление здесь имеет какое-нибудь отношение к тем опасностям, которые грозят не только нашему городу и империи, но и святой Христовой вере. Встань кто-нибудь из вас и скажи мне, зачем вы пришли сюда в этот ночной час.

Старый монах в серой рясе встал и произнес:

— Государь, ты, конечно, знаешь древнее предание о Константинополе и святой Софии, но, прости мне, тебе, быть может, неизвестно недавнее предсказание, которое мы считаем достойным веры. Согласно этому предсказанию неверные войдут в город, но в ту минуту как они поравняются с колонной Константина Вели-

кого, с неба снизойдет ангел, вручит меч человеку низкого происхождения, который тогда будет сидеть у подножия колонны, и прикажет ему отомстить за народ Божий; тогда устрешенные турки обратятся в бегство, и их не только прогонят из Константинополя, но и оттеснят до пределов Персии. Это предсказание вполне нас успокаивает, и мы нисколько не боимся Магомета; но ты, государь, простишь нам, что мы желаем доставить честь освобождения Константинополя его вечной защитнице — Богородице. Мы пришли сюда, чтобы испросить разрешения взять Панагию из церкви Одигитрии и передать ее до утра на попечение женщин нашего города. Завтра же в полдень, по твоему разрешению, государь, они соберутся в Акрополе и понесут святую Панагию на городские стены.

Старик и монахи опустились на колени.

Из-за полумрака, царившего перед алтарем, монахи не могли рассмотреть лица императора. Оно дышало злобой и презрением. Как! Они не выказали ни малейшего раскаяния, не обнаружили желание послужить на городских стенах за святую церковь, не высказали ни слова одобрения его поступкам, и это в такую минуту, когда он хотел просить у Бога ниспослания ему сил для достойной смерти за свой народ. Он бросил на них оскорбленный взгляд, и, чтобы собраться с силами для ответа, он молча отошел шага на два и, опустившись на колени, стал молиться.

Через несколько минут он вернулся и спокойно сказал:

— Встаньте, братья, и уходите с миром. Ключарь церкви выдаст святую Панагию набожной женщине, но только помните, что если турки, привыкшие отрицать всякую добродетель в женщине, убьют хоть одну из них во время шествия с Панагией по городским стенам, то ее кровь падет не на мою голову, а на голову тех, которые вас прислали. Идите с миром...

Они удалились, и в святой Софии началась служба.

На следующее утро в десять часов наступил перерыв в бомбардировке ворот святого Романа, вероятно,

для того, чтобы дать туркам минуту роздыха. Пользуясь этим, на вершине Багдатской башни показался граф Корти: он держал в руках черный щит, копье со своим значком и лук.

— Берегитесь! — воскликнули его друзья. — Сейчас выпалют из большой пушки.

Корти не обратил внимания на эти слова, водрузив свое копье и три раза протрубил. Турки дали по нему выстрел, но ядро попало в подножие башни. Когда рассеялось облако пыли, он снова затрубил. Тогда со стороны турок посыпался дождь стрел, но ни одна не попала в Корти, который спокойно сел на камень и ждал, чтобы приняли его вызов.

Наконец из отряда янычар выехал всадник в золотом вооружении и с черным щитом на левой руке и луком в правой. Он прямо поскакал к городской стене, а за ним раздался боевой крик янычар, понятный только одному Корти.

Они кричали: «Да здравствует падишах!» — а воин в золотом вооружении был сам Магомет.

Корти вскочил, натянул тетиву и спустил ее при громком крике: «За Христа и Ирину!»

Магомет поймал на щит стрелу и с криком: «Аллах, Аллах!» — также выстрелил из лука.

В продолжение нескольких минут они менялись стрелами, пока наконец одна из них с черными перьями тяжело отскочила от щита султана. Он нагнулся, схватил с земли стрелу и повернул лошадь.

Пока он медленно удалялся к своему лагерю, граф Корти продолжал трубить, но, видя, что его вызова более не принимают, он спокойно сошел с вершины башни.

Между тем Магомет вошел в свою палатку, снял наконечник стрелы и вынул из нее следующее:

«Сегодня в полдень по стенам пройдет процессия женщин. Впереди монах понесет знамя с изображением Богородицы. Княжна Ирина пойдет первой за знаменем».

Магомет спросил, который был час, и, когда ему ответили, что была половина одиннадцатого, он вышел из палатки и разослал во все стороны офицеров верхом.

Бомбардировка возобновилась с большей силой, чем когда-либо. Все орудия были пущены в ход, и вместе с тем посыпался на городские стены дождь камней и стрел. Магомет хотел предупредить шествие женщин с Панагией.

Однако в десять часов церковь Одигитрии была окружена толпой монахов и монахинь. Вскоре из дверей показались певчие святой Софии, оглашавшие воздух торжественным пением, а затем император в церковном облачении и, наконец, Панагия.

При виде святого изображения Богородицы толпа опустилась на колени.

Княжна Ирина, вся в черном и в легком покрывале, подошла к святыне и, взяв в обе руки кисти хоругви, заняла первое место после монаха, несшего Панагию. Рядом с нею поместились монахини, плакавшие, голосившие, но не от страха. Все были убеждены, что Богородица, не раз спасавшая Константинополь от варваров, обратит в бегство и Магомета с его несметными силами.

От маленькой церкви шествие медленно направилось к городским стенам. По дороге к нему приставали все новые и новые толпы.

Подойдя к Золотым воротам, они услышали крики осаждающих и увидели летавшие в воздухе снаряды, камни, стрелы. Быть может, во всякое время ими овладел бы страх и они обратились бы в бегство, но с ними была Богородица, и впереди шла бесстрашная княжна Ирина. Поэтому никто не дрогнул, и шествие начало подниматься по ступеням на городскую стену.

Все притаили дыхание и ждали чуда. Действительно чудо совершилось.

Как только на городской стене появилась белая хоругвь, кисти которой твердо держала княжна Ирина, враги замерли: стрелки держали тетиву натянутой,

пращики занесли свои камни, пушкари подняли фитили и все как бы окаменели.

— Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф! — громко пели женские голоса.

Святая хоругвь медленно двигалась далее по стенам. Пение продолжалось, и в нем все усиливалась нота торжества.

Турки быстро удалились в свой лагерь не только перед Золотыми воротами, но вдоль всей линии осады, от моря до Влахерна и от Влахерна до Акрополя.

Весть об отступлении турок от городских стен в минуту появления Панагии быстро распространилась по всему городу, и он мгновенно ожил. Все греки верили в совершившееся чудо и черпали в нем мужество.

Среди оживленной толпы сновали монахи и громко повторяли:

— Опасность миновала! Вот какова сила веры! Если бы мы продолжали надеяться на аземитов — на римского кардинала и на отступника императора, то уже завтра муэдзин призывал бы правоверных к молитве с купола святой Софии. Сегодня ночью будем спать спокойно, а завтра прогоним всех наемников-лагинян.

Но Константин и Джустиниани не слагали оружия, а продолжали укреплять полуразрушенные ворота святого Романа.

В четыре часа на батарее, где стояла большая пушка, слышались трубные звуки, затем пять герольдов медленно приблизились к воротам; за ними ехал невооруженный сановник.

Константин понял, что это был посол султана, и отправил к нему навстречу Джустиниани и графа Корти. Они вернулись с известием, что Магомет требует в резких и угрожающих выражениях сдачи Константинополя.

Император отвечал, что готов платить султану дань. Магомет отверг это предложение и объявил, что пойдет на приступ.

НОЧЬ ПЕРЕД ПРИСТУПОМ

Артиллерия Магомета действовала с различным успехом против остальных константинопольских стен. Итальянец Иероним и генуэзец Леонардо де Лангаско, защищавшие Влахернский порт, не могли спасти деревянных ворот, и они были обращены в прах плавающей батареей. Иоанн Грант и Федор Каристос, которым были поручены Кампарийские ворота, печально смотрели на громадные трещины и обвалы в этих воротах. В таком же положении находились братья Павел и Антонин Бачиарди у Адрианопольских ворот. На Селимврийских воротах, где защитой руководил Феофил Палеолог, еще гордо развевался императорский флаг, но внешние стены башен также были свалены и наполняли ров. Только Гавриил Тревизан со своими благородными четырьмястами венецианцев сумел удержать в прежнем виде городскую стену от Акрополя до ворот святого Петра. Зато венецианец Контарино, охранявший верхнюю часть Золотых ворот, не мог воспрепятствовать туркам сделать большую брешь, в которую могла проехать телега, и вообще Золотой Рог, благодаря неспособности или измене князя Нотария, был совершенно потерян для христиан. От Семи Башен до Галаты турецкий флот, вытянувшись против Мраморного моря, покрывал воду как бы сетью. Одним словом, час штурма настал, и с 24 мая до вечера 28-го Магомет принял все меры для подготовки этого решительного шага.

Теперь он поддерживал бомбардировку лишь настолько, чтобы греки не могли исправить городские стены. Из орудий стреляли только изредка. Но никогда энергия Магомета не достигала такого накала. Прежде он отправлял через гонцов свои приказания к начальникам отрядов, а теперь он потребовал их к себе. Вряд ли когда и где было видно такое сборище мусульманских и немусульманских князей, пашей, беев, шейхов и предводителей различных орд, такая пест-

рая смесь костюмов и оружия, такого табуна разукрашенных лошадей, такого скопища герольдов и трубачей. Казалось, что весь Восток, от Ефрата и Черного моря до Каспия и Железных ворот на Дунае, собрался тут в полном вооружении. Однако избранные представители различных племен держались в стороне друг от друга, бросая взгляды исподлобья, так как между ними существовали ссоры и зависть; если же они не вступали в открытый бой между собой, то их удерживал страх пятнадцати тысяч янычар, цвета армии султана, каждый из которых, по словам старого летописца, был гигант по росту и атлет по силе, превосходивший вдесятеро силу обыкновенного воина.

В продолжение этих четырех дней только один человек находился постоянно за спиной Магомета, как вечный советник и наперсник: это был не Халил, не Саганос, не мулла Курани, не дервиш Акшем-Сед-Дии, а князь Индии.

— Государь,— сказал он, когда султан объяснил ему, что хочет позвать на совет всех своих военачальников,— все люди любят блеск; умные люди легко подчиняются тому, что пленяет глаз, а дураки поддаются легко внешнему эффекту. Раджи в моем отечестве всегда руководствуются этой философией. Им часто приходится собирать совет из своих сановников, и они всегда украшают свою залу или палатку как можно богаче. Я нарочно говорю это, государь, чтобы ты мог, если желаешь, последовать их примеру.

Действительно, когда все военачальники вошли в палатку Магомета, то были поражены собранными в ней богатствами вокруг трона, на котором восседал султан. Но, приняв совет князя Индии, он, однако, настоял на одном.

— Я не хочу, чтобы они приняли меня за политика или дипломата, а желаю, чтобы я остался в их глазах воином. Поэтому по левую сторону моего трона встанут визири, придворные и все сановники, а по правую я помещу своего коня в роскошном уборе и с моим мечом на седле.

Как он сказал, так и сделал: военачальники, войдя в палатку, с изумлением увидели, что направо от трона, на богатом хорассанском шелковом ковре, стоял конь падишаха.

Так как среди допущенных на военный совет военачальников находились не только магометане, но и христиане, а потому аргументы султана не могли всем понравиться, то им была дана аудиенция отдельно.

— Я вам доверяю,— сказал Магомет, обращаясь к христианам,— и жду от вас верной службы. Я сам буду следить за всеми вашими действиями и ценить вашу отвагу. Помните, что никогда воинам не предстояла такая богатая добыча, как вам. Городские стены, стоящие перед вами, скрывают вековые сокровища деньгами, драгоценностями и всякого рода имуществом — все будет ваше, и также жители города. Я себе оставляю только церкви и дома. Если вы бедны, то можете разбогатеть, если вы богаты, то можете увеличить свои богатства, и все, что вы возьмете, будет вашим по закону, и никто не посмеет отнять у вас вашей добычи. Я клянусь своим словом. Встаньте и приготовьте все для приступа, звезды предвещают мне взятие Царьграда.

Совершенно иной была речь Магомета к мусульманам.

— Что висит на ваших перевязях? — спросил он, обращаясь к магометанам.

— Меч,— отвечали ему.

— Бог есть Бог, и нет Бога, кроме Бога! Аминь! — продолжал. — Бог вложил в землю железо, указал рудокопу, где его найти, и научил мастеров выделывать из железа те мечи, которые висят на ваших перевязях, потому что Богу необходимо орудие для кары тех, которые говорят, что Бог не один, что есть Бог-Сын и еще Богородица. Те, которые это говорят, скрываются за стенами Константинополя, а мы пришли сюда, чтобы разнести эти стены и превратить их дворцы в гаремы. Для этой цели и у меня, и у вас висит на бед-

ре мечь. Аминь! Воля Божия, чтобы мы отняли у гяуров их богатства и их женщин. А все, чего они лишатся, принадлежит нам, которым их богатства предназначены с самого начала сотворения мира. Такова воля Бога, и она будет исполнена, я клянусь в этом своим султанским словом. Аминь!

Двадцать седьмого мая с восхода до заката солнца Магомет не сходил с коня и посетил всех своих военачальников. У каждого из них он отделил особый отряд и таким образом составил резерв в сто тысяч человек.

— Напирайте изо всей силы на ворота, стоящие против вас,— говорил он одинаково всем,— пускайте вперед охотников. Не жалейте людей: мертвецы наполнят ров; лестницы должны быть везде наготове. При звуке труб идите на приступ. Объявите всем, что первый, кто взойдет на стену, будет назначен губернатором любой провинции. Нет Бога, кроме Бога, а я, Его слуга, действую Его именем.

Двадцать восьмого султан разослал по всем мусульманским отрядам дервишей, и они проповедями распалили воображение правоверных. Все солдатские палатки и шалаши были свалены в груды и, как только наступил ночной мрак, их подожгли, словно чудовищные костры; шатры же пашей и весь турецкий флот были блестяще иллюминированы. Таким образом, вся местность, занятая неприятелем, была залита огнем, от Влахерна до Семи Башен и от Семи Башен до Акрополя.

С городских стен осажденные видели это грандиозное освещение и слышали громкие крики, песни, даже топот танцующих: так расходились мусульмане.

Пораженные громадным заревом, осветившим турецкий лагерь, тысячи византийцев высыпали на городскую стену, все еще убежденные, что неприятель обратится в бегство благодаря чуду, совершенному Панагией. Но, слыша дикие крики и видя дикие пляски вокруг огней, они пришли в мрачное отчаяние.

— Это не люди, а дьяволы,— шептали они друг

другу,— завтра мы погибнем. Господи, помилуй нас!..

Весь вечер Константин сидел у открытого окна комнаты своего дворца, которая выходила на южные городские ворота, и следил за движением турок. Этот благороднейший из византийских венценосцев потерял уже всякую надежду. Он был в полном вооружении, и меч стоял возле него. Преданные сподвижники временами являлись к нему и говорили вполголоса, но большей частью он оставался один.

Когда вошел в комнату Франза и хотел, по обычаю, упасть ниц перед императором, то Константин остановил его.

— Теперь нам не до церемоний,— сказал он.— Ты всегда был преданным слугой, и, чтобы вознаградить тебя, я хоть на короткое время сделаю тебя равным себе. Говори стоя... Завтра последний день моей жизни... В смерти все равны...

Франза все-таки опустился на колени и, взяв руку императора в стальной перчатке, поцеловал ее.

— Никогда не было и не будет такого доброго повелителя, как ты, государь.

Они оба замолчали в смущении.

— Я исполнил твое поручение, государь,— продолжал через несколько минут Франза,— и как ты полагал, так и оказалось. Игумены всех братств собрались в Пантократорской обители.

— Опять шутка Геннадия? — промолвил император, нахмутив брови.— Впрочем, тут нет ничего удивительного. Я тебе скажу нечто, чего я еще не говорил никому. Ты знаешь, что великий визирь Халил уже много лет состоит у меня на жалованье и он оказал мне немало услуг. В ночь перед поражением турок христианским флотом он уведомил меня, что в палатке Магомета произошла бурная сцена, и советовал остерегаться Геннадия. Он считает Магомета лучшим покровителем, если не лучшим христианином, чем я.

— Боже избави,— промолвил Франза, набожно крестясь.

— По словам Халила, Геннадий взялся передать Константинополь в руки султана, если он обяжется сделать его патриархом.

Император спокойно посмотрел в окно и после минутного молчания хладнокровно произнес:

— Я мог бы спасти эту древнюю империю, но теперь я могу только умереть за нее... Да будет воля Божия, а не моя!

— Не говори, государь, о смерти. Быть может, еще можно заключить с султаном мир. Скажи мне свои последние условия, и я отправлюсь к нему.

— Нет, друг мой, я заключил мир сам с собою. Я не хочу быть рабом кого бы то ни было... Для меня остается только одно — честная смерть... Слава Богу, такая смерть останется в памяти людей. Быть может, наступит день, когда восстановится Греческая империя и новый византийский император вспомнит, что последний Палеолог покорно подчинился воле Божией, хотя она выразилась в позорной измене... Но посмотри, кто это стучится в дверь. Пусть войдет.

— Государь,— сказал офицер императорских телохранителей, входя в комнату,— капитан Джустиниани и его генуэзцы покидают городские ворота.

Константин вскочил и схватил свой меч.

— Что случилось? — спросил он.

— Джустиниани почти окончил проведение нового рва перед воротами святого Романа и потребовал у верховного адмирала орудий, но тот отвечал ему: «Чужеземные трусы могут сами защищать себя».

— Скачи к благородному капитану и скажи, что я следую за тобой. Князь Нотарий с ума сошел,— продолжал Константин, когда офицер удалился,— он богат и счастлив, чего может он ждать от Магомета?

— Обеспечения жизни и увеличения своего богатства,— отвечал Франза.

— Франза,— сказал Константин после продолжительного молчания,— быть может, ты переживешь завтрашний день, и тогда напиши на досуге обо мне, что, во-первых, я не смел пойти на открытый разрыв с

князем Нотарием Магометовой армии, так как он мог бы легко овладеть престолом с помощью церкви, монахов и всего народа, считающего меня азимитом; а во-вторых, что я всегда считал постановление флорентийского собора о соединении церквей обязательным для греков и настоял бы на этом, если бы Господь помог мне сдержать наплыв ислама. Посмотри, Франза, на наших врагов,— прибавил Константин, указывая в окно на турецкий лагерь,— подумай только, что если бы у христианской церкви был один глава, то западные державы не допустили бы нас до гибели. Напиши об этом, Франза, у тебя хорошее перо... Но довольно о будущем, займемся настоящим. Мы загладим нанесенное Джустиниани и его храбрым сподвижникам оскорбление. Приготовь торжественный ужин в дворцовой зале.

Он вышел на улицу, сел на лошадь и поскакал к воротам святого Романа, где его ждали генуэзцы, которых он легко уговорил остаться на своих местах.

В десять часов состоялся придворный банкет. Летописцы рассказывают, что было при этом произнесено много речей и решено среди криков: «За Христа и святую церковь!» — стоять за императора до последней капли крови. По окончании ужина император встал и, подзвав к себе по очереди каждого из присутствующих, простился с ним, попросил у него прощения, если когда-нибудь оскорбил его чем-нибудь, и молил Бога спасти его в критическую минуту. Все со слезами целовали его руки, а он с глубоким чувством прибавлял, что христиане во все времена будут помнить благородных защитников Царьграда.

Когда все разошлись, император снова посетил городские стены и своим присутствием удержал многих от измены своему долгу.

Исполнив таким образом свой долг относительно людей, он вспомнил о Боге, поехал в святую Софию и приобщился Святых Тайн по латинскому обряду. Затем ему оставалось одно — умереть.

ХІ ДИЛЕММА

Проводив императора до святой Софии, граф Корти отправился со своими девятью маврами к княжне Ирине. Он ехал медленно. На душе его было тяжело, мрачно.

Суд Божий над Магометом и графом Корти, очевидно, клонился в пользу первого.

— Проиграл, проиграл!.. — громко говорило сердце графа Корти, и мысли его невольно сосредоточивались на тех последствиях победы его соперника, о которых они не думали, заключая между собой роковое условие.

Решено было, что в случае взятия города граф Корти передаст Магомету княжну Ирину под сводами святой Софии. Но как было совершить эту передачу? Как мог один Корти охранить слабую женщину в толпе, которая искала бы, конечно, спасения в святом храме. Кроме того, как ему было отыскать Магомета?

— Боже мой, Боже мой! Пусть я лучше умру! — воскликнул он в отчаянии.

Но страшнее всего ему казалось лишиться не только своей любви, но и уважения любимой женщины, так как она при передаче ее Магомету узнает, что была предметом позорного договора.

— Дурак! Идиот!.. Зачем я на это согласился? — упрекал он себя теперь.

Но поздно было укорять себя. Он уже добрался до дома княжны Ирины, который был превращен в больницу для раненых.

— Княжна Ирина в часовне, — доложил ему Лизандр.

Граф Корти знал дорогу и пошел один.

Часовня была полна женщин, напуганных ожиданием готовившегося приступа. Одна только Ирина была спокойна.

Взглянув на нее, граф Корти почувствовал необходимость покончить разом со всеми своими колебаниями. Он решился рассказать ей всю свою историю, скрыв только про свой договор с Магометом и роль, которую ему пришлось играть. Он не видел другого способа добиться от нее согласия пойти с ним в святую Софию.

Как только княжна заметила присутствие графа в церкви, то немедленно подошла к нему.

Она повела его в коридор и затворила за собою дверь.

— Все мои комнаты превращены в больницу, и везде лежат раненые. Говори здесь, граф, и если принесенные тобою вести дурные, то, слава Богу, несчастные их не услышат.

— Твой родственник император, — произнес он, — приобщается теперь Святых Тайн в церкви святой Софии.

— В такое необычное время? Зачем?

Корти рассказал о сцене прощания с императором.

— Неужели Константин готовится к смерти! — воскликнула Ирина. — Скажи мне всю правду, и не бойся. Я готова к этой минуте. Он и его сподвижники, значит, убеждены, что нет надежды на спасение. А ты что думаешь?

— Страшно сказать, княжна, но я думаю, что Божия кара посетит этот город завтра утром.

Она вздрогнула. Но через минуту пересилила свое смущение и спокойно сказала:

— Мы все заслужили эту кару. Я подчиняюсь ей, исполняя свой долг здесь.

Она хотела вернуться в часовню, но он остановил ее, подвинул к ней стул и решительно сказал:

— Ты устала от постоянного ухода за ранеными. Сядь и выслушай меня.

Она повиновалась, но тяжело вздохнула.

— Не забудь, княжна, — произнес Корти, — что Божия кара если застигнет тебя здесь, то примет более ужасающую форму, чем смерть. Я поклялся защи-

щать тебя и потому имею право избрать место, где эта защита будет легче. Ты никогда не видывала кораблекрушения, княжна, а я видел, и то, что ожидает Константинополь завтра утром, когда дикие орды набросятся на него, можно сравнить только с напором разъяренных волн на утлое судно. Как от волны не спастись никому на палубе гибнущего корабля, так и завтра никому в городе не предохранить себя от гибели, а тем более тебе, княжна, о красоте которой говорит весь Восток. Тебя, конечно, будут здесь искать, а потому нельзя тебе здесь оставаться. Ты знаешь, что я люблю тебя, в безумную минуту я признался тебе в этом и с тех пор старался искупить свою вину храбростью. Спроси у моих товарищей или у самого императора, и всякий тебе скажет, что я совершал чудеса при своем боевом крике: «За Христа и Ирину», — но теперь я сознаюсь тебе, что я сражался все это время не за императора, не за церковь, даже не за Христа, а за тебя, Ирина, за тебя, которая для меня дороже всего на земле и на небе!.. Но я должен также признаться, что буду ли я тебя защищать лично или нет, но ты можешь попасть в плен...

Княжна снова вздрогнула и тревожно взглянула на него.

— Выслушай меня. Ты храбрее и мужественнее всех женщин, а потому я буду говорить с тобой прямо. Твоя судьба зависит оттого, в чьи руки ты сразу попадешь... Ты слышишь, княжна, ты меня понимаешь?

— Еще бы, граф, ведь это важнее для меня, чем жизнь.

— Значит, я могу продолжать. Я вполне убежден, что спасу твою жизнь и твою честь, если только ты исполнишь мой совет. Если ты не можешь довериться мне, то мне нечего более говорить... Я прощусь с тобой, а завтра сумею найти смерть!.. Мне нельзя терять время, я должен ехать к воротам святого Романа вместе с императором. Вот что я предлагаю тебе: вместо того чтобы сделаться жертвой какого-нибудь

дикого война, ты отправишься со мною в святую Софию, и когда султан явится туда, что он сделает непременно, то ты сама отдашь свою судьбу в его руки. Если же до его прибытия разъяренные турки ворвутся в святилище, то я защищу тебя, не как итальянец граф Корти, а как Мирза-эмир, предводитель янычар, которому султан поручил охранять тебя.

Она молчала и, видимо, колебалась.

— Ты сомневаешься в Магомете? Но верь мне, он поступит как честный человек; искатели славы более всего боятся суда света.

Она все-таки не произнесла ни слова.

— Или ты сомневаешься во мне?

— Нет, граф. Но я не могу покинуть окружающих меня, среди которых есть дочери лучших семейств Византии. Я должна или спастись с ними вместе, или разделить их судьбу.

— Я спасу и их вместе с тобой.

— И я могу ходатайствовать за них у него. Я пойду с тобой в святую Софию. Я буду молиться о тебе, граф Корти.

Он удалился и вернулся к императору; они оба поехали из святой Софии в Влахернский дворец.

ХИ ПРИСТУП

Костры диких орд в турецком лагере погасли к тому времени, когда христиане разошлись из Влахернского дворца. Все, по-видимому, успокоились на ночь, которая блестела звездами, мирно сверкавшими над городом, его окрестностями и миром.

К неувядающей чести христианских героев надо сказать, что они могли под прикрытием мрака пробраться на суда и спастись бегством, но они этого не сделали, а вернулись на свои посты. Прижавшись к груди императора и поклявшись, что будут стоять за

него до последней капли крови, ни один из них не искал спасения в бегстве. Благородное самопожертвование Константина, казалось, заразило всех его сторонников. И это было тем удивительнее, что каждый из этих воинов знал, что защита была немыслима, что городские стены и ворота, на которые сначала так надеялись, развалены и что из всего гарнизона, уменьшенного смертью, болезнью и изменой, только пять тысяч человек могли дать слабый отпор двумстам пятидесяти тысячам разъяренных фанатиков, ожидавших беспредельную наживу.

Безмолвная тишина, водворившаяся в турецком лагере, продолжалась недолго. Вскоре греки на городских стенах услышали отдаленный гул, словно земля стонала под шагами бесконечной массы людей и животных.

— Неприятель смыкает свои ряды,— сказал Иоанн Грант своему товарищу стрелку Карпетосу.

— Внимание, турки наступают,— произнес венецианец Минотль на почти разрушенных Адрианопольских воротах.

— Посмотри, капитан,— воскликнул часовой, обращаясь к Джустиниани, который оканчивал временное укрепление в проходе между воротами Багдатскими и святого Романа.

— Нет, они не поведут ночью атаки,— ответил генуэзец, бросив взгляд на неприятельский лагерь,— они только готовятся.

Однако он выстроил воинов в ожидании неожиданного нападения.

В Селимври и на Золотых воротах христиане также взялись за оружие. То же произошло и на всех городских стенах. Наступила мрачная тревожная тишина.

Согласно плану, Магомет приблизил к городской стене свои орудия и метательные машины и лестницы. Он грозил натиском всей линии осажденных, за авангардом он сгучил конницу, которая должна была удерживать беглецов и возвращать их в бой. Резервы

занимали траншеи, а янычары стояли вокруг его палатки против ворот святого Романа.

На рассвете из амбразуры батареи, на которой стояла большая пушка, слышались трубные звуки. Этот боевой сигнал был подхвачен трубачами по всей линии осаждающих, и его тотчас заглушил гром барабанов. Быстро двинулись орды стрелков, пращиков, воинов с лестницами, оглушавших воздух громкими криками. В то же время был открыт огонь из мелких орудий, и никогда на старые, расшатанные стены не сыпался такой дождь ядер, камней, стрел и копий, как теперь.

Часовые на стенах не были застигнуты врасплох приступом, но их поразили ярость и шум натиска. В первую минуту они старались где-нибудь укрыться, но, возвращенные к своим орудиям защиты, они стали отвечать на огонь неприятеля также стрелами, камнями, копьями, пулями из мушкетов. Видя, что при скученности осаждающих каждый выстрел смертелен, греки набрались храбрости и предались с азартом кровожадной работе, легко превращающей человека в самого лютого зверя.

Однако натиск турецких орд производился не без системы, и паши или беи не позволяли им даром расходовать свои силы, а направляли их исключительно на бреши в стене и на разрушенные ворота.

Тысячи воинов устремились в ров. Лестницы были приставлены, и смельчаки полезли, поддерживаемые товарищами.

— Думайте об ожидающей вас добыче, — кричали офицеры, — о золоте, о женщинах! Аллах-иль-Аллах! Наверх, наверх! Это дорога в рай!

Стрелы и дротики сыпались на осаждающих. Большие камни сваливали целые ряды взбиравшихся по лестницам воинов и опрокидывали или ломали самые лестницы. Но живые массы заменяли баздыханные трупы, и с большей силой раздавались крики:

— Аллах-иль-Аллах!

Греки не могли покидать те места городских стен,

которые оставались невредимыми, и спешить на выручку товарищей в проходах и брешах, так как против них дружно действовали турецкие стрелки и пращики.

Ночью блокирующие суда были подвинуты к самому берегу, и так как городские стены с моря были ниже, чем со стороны земли, то осаждающие, стреляя с воздвигнутых высоких платформ, вернее направляли свои снаряды; тут также делались попытки влезть по лестницам на стены с целью занять гарнизон.

В гавани, преимущественно против Деревянных ворот, совершенно разрушенных большой пушкой на плавучей батарее, турки силились высадить десант, но христианский флот дал отпор, и завязалась морская битва с перемежающимся успехом.

Таким образом, неприятель повел приступ с обеих сторон, и когда солнце высоко взошло над азиатскими высотами, то все население Константинополя знало, что пришел его последний час.

Накануне ночью Магомет рано удалился на свое ложе. Он не сомневался, что все его распоряжения верно исполнялись военачальниками, в памяти которых живо сохранялся недавний пример адмирала, наказанного плетью за поражение, нанесенное ему христианскими галерами.

— Завтра, завтра,— думал султан, пока пажы снимали с него военные доспехи,— завтра, завтра,— повторял он про себя, растянувшись на своем роскошном ложе,— завтра, завтра! Слава и Ирина! — воскликнул он, просыпаясь среди ночи от чуткого сна и прислушиваясь к окружавшей тишине.

Для Магомета завтрашний день был долгожданным праздником, царственной забавой.

В три часа утра его разбудили. Он открыл глаза и увидел перед собой при мерцании лампы какого-то человека.

— Князь Индии! — воскликнул султан, приподнимаясь на своем ложе.

— Да, это я, государь.

— Который час?

Старик ответил.

— Еще рано,— произнес Магомет, зевая, и прибавил, пытливо смотря на своего неожиданного посетителя: — Скажи мне прежде всего, зачем ты пришел.

— Я пришел, чтобы посмотреть, можешь ли ты спать. Обыкновенный человек не сомкнул бы глаз в такую ночь, но ты, мой повелитель, обладаешь всеми качествами завоевателя.

— Да, сегодня будет великий день,— произнес Магомет, очень довольный словами старика.— Что тревожит тебя? Отчего ты не спишь?

— Я также приму участие в деле.

— Какое?

— Я буду сражаться и...

Магомет посмотрел на его сгорбленную, старческую фигуру и засмеялся.

— Ты? — продолжал он, презрительно пожимая плечами.

— У моего повелителя две руки, а у меня четыре. Я сейчас покажу их тебе.

Он вышел из спальни султана и вернулся через минуту вместе с Нило.

— Вот посмотри, государь,— сказал он, указывая на негра, который был в парадной одежде царя своего племени, в венце с перьями, в короткой юбке, украшенной серебряными полулунками, с вышитыми жемчугом сандалиями, медным выпуклым щитом на левой руке и тяжелой сучковатой палицей в правой. Он остановился на пороге и смотрел сверху вниз на юного султана с выражением гордого превосходства.

— Вижу твои четыре руки,— сказал Магомет, любуясь негром.— Князь,— прибавил он после минутного молчания,— я замечаю в тебе странную ненависть к грекам, что они сделали тебе?

— Они христиане,— отвечал князь Индии, насупив брови.

— Хорошо, это причина, и сам пророк считает ее достаточной, чтоб очистить землю от ненавистной сек-

ты, но этого недостаточно. Я не так стар, как ты, и, однако, понимаю, что ненавидеть так, как ты ненавидишь греков, можно только вследствие какой-то обиды.

— Ты прав, государь. Завтра я предоставлю толпу толпе и среди кровавой сечи буду искать только Константина. Посуди сам, враг ли он мне.

И старик рассказал историю Лаели, о своей любви к ней, о похищении ее Демедием, о том, как он молил императора оказать ему помощь в ее поисках, и об отказе Константина.

— Она воскресила меня к жизни. Она была для меня лучом света, утренней звездой. Я стал снова мечтать о счастье. А император не только отказал мне в помощи, чтоб найти ее, но когда она отыскалась, то дозволил ей принять христианство, с целью сделаться женою христианина. Сегодня я отомщу тирану, убью его, как собаку, и потом найду Лаель. Да, я ее найду, а ему, проклятому, докажу, как любовь может адски ненавидеть.

Князь Индии забыл свою обычную осторожность. Магомет понял, что он скрывал от него многое, и только что хотел побудить его на полную откровенность, как вдруг раздался отдаленный топот.

— Наступил знаменательный день! — воскликнул он.

— Позови моего конюшего и других придворных. Вон посмотри, на столе лежит мое оружие: булава, которую держал в руках мой предок Ильдерим под Никополем, и меч Соломона. Бог велик, и звезды стоят за меня; чего же мне бояться?

Спустя полчаса он верхом на коне выехал из своей палатки.

— Откуда дует ветер, из города или в город? — спросил он у начальника янычар.

— В город, государь.

— Да будет свято имя пророка! Выстрой цвет правоверных в колонну, в ширину той бреши, которую мы пробили в воротах. Я буду у большой пушки.

Достигнув батареи, он выехал на парапет и оглянулся во все стороны. Всюду, куда достигал его взгляд, стояли полчища, дожидавшиеся сигнала. Довольный, и счастливый, он поднял глаза к небу. Никто лучше его не знал, какие звезды предшествовали солнцу, и теперь он смотрел на них, как на своих друзей. Наконец над горными высотами Скутари показалась светлая полоса.

— Выходите! — воскликнул Магомет, обращаясь к пяти герольдам. — И как вы верите в рай, трубите изо всей силы. Пусть от вашего трубного звука повергнутся стены Константинополя. Никогда Бог не был так всемогущ, как сегодня.

Началось общее наступление. Только перед воротами святого Романа осаждающих не прикрывали стрелки и пращики. Тут ров был наполнен почти с краями, и потому Магомет прямо направил свои орды на развалины ворот.

Неудержимый натиск при трубных звуках и барабанном бое превратился в кровавую свалку. Тысячи наступающих спешили, толкались, сбивали и топтали друг друга, неслись вперед и оставляли за собою груды мертвых, раненых, копий, щитов. Ни на что не обращали внимания, ни на стоны, ни на мольбы.

Все это предвидел Джустиниани. На вершине горы за грудями камней он расположил свои мелкие орудия, а между ними расставил стрелков и копейщиков. По флангам он выстроил отряды одинаково вооруженных солдат, так что в бреши между сохранившимися в целости городскими стенами не было и пяди не защищенной земли. Как только раздался сигнал в турецком лагере, он сказал гонцу:

— Скачи в Влахерн к императору и передай ему, что буря разразилась. Торопись. Зажигайте фитили, — прибавил он, обращаясь к своим солдатам, — и будьте готовы бросать камни.

Мусульманские орды достигли в эту минуту краев рва; камни полетели на них, и они увидели перед собой дула орудий.

— Пли! — кричал генуэзец. — За Христа и святую Церковь!

На осаждающих посыпался дождь ядер, пуль, стрел, дротиков, камней, но они продолжали продвигаться, как воды реки, прорвавшей плотину. Им нечего было делать иначе как идти вперед. Позади них наступала живая стена, остановиться было невозможно: их смяли бы в ров — вперед, вперед. Они и подвигались, ступая по телам умерших или еще живых товарищей.

Вскоре ров был перейден, и турки начали подниматься в гору. Камни придавливали их к земле, дротики и стрелы пронзали их тела, ядра приподнимали их на воздух и бросали на головы товарищей.

Незаметно наступил рассвет. Император с графом Корти присоединился к Джустиниани.

— Государь, — сказал генуэзец, — день еще только начался, а ислам уже дорого поплатился.

Константин прошел мимо двух орудий и стал копьем отбивать турок, которые толпой лезли снизу.

Груды мертвых тел, среди которых попадались и живые, сбитые с ног, все более и более разрастались.

Прошел час, и вдруг дикие орды, поняв всю бесполезность их усилий, повернули назад и стали быстро удаляться.

Христиане, хотя понесли мало потерь, все-таки были рады отдохнуть; но граф Корти, обращаясь к императору, воскликнул:

— Смотри: теперь янычары готовятся идти в дело.

— Все по местам! — скомандовал Джустиниани. — Надо освободить поле для выстрелов. Убрать тела, живые и мертвые! Теперь не время для состраданий.

И, следуя его примеру, осажденные стали сбрасывать с откоса горы валявшихся тел.

Между тем Магомет, верхом, следил с батареи большой пушки за приступом. Иногда к нему подскакивал гонец с известием от того или другого паши. Он всем повторял одно и то же:

— Пусть все войско устремится на городские стены. Наконец к нему подлетел какой-то офицер и громко воскликнул:

— Государь, город взят!

Глаза Магомета засверкали, и, привстав на стременах, он спросил:

— Что ты говоришь?

— Наши солдаты ворвались во дворец, и теперь христиане защищаются в каждой комнате. Но они отрезаны, и скоро весь этот квартал будет в нашей власти.

— Возьми этого человека и держи его под арестом,— сказал Магомет Халилу.— Если он сказал правду, то велика будет его награда, а если он солгал, то лучше ему было бы не родиться на свет. Скачи через взятые ворота к Влахернскому дворцу,— прибавил он, обращаясь к одному из своих приближенных,— и передай начальнику того отряда мой приказ, чтобы он немедленно оставил дворец и не предавался грабежу, а устремился бы с тыла на защитников ворот святого Романа. Я даю ему час на исполнение моего приказа. Скачи сломя голову и помни, что ты исполняешь волю Аллаха.

Потом он позвал агу янычар.

— Орда отхлынула от ворот святого Романа; они сделали свое дело. Они наполнили своими телами ров и привели в изнурение гяуров, которые устали. Смотри, когда дорога будет очищена, то пусти в ход цвет правоверных. Первый, кто взойдет на стену, получит провинцию. Я буду сам наблюдать за действием каждого. Ступай. Теперь от каждой минуты зависит судьба царства.

Янычары, двинувшиеся вперед, составляли, по их военному духу, дисциплине и блестящей внешности, образцовый корпус турецкой армии; он всегда находился в резерве, и его всегда пускали в дело в решительную минуту, в конце сражения.

Ага передал янычарам приказ Магомета, и они, спешившись, образовали три колонны. Сбросив с себя

плащи и сверкая блестящими кольчугами, размахивая в воздухе медными щитами, они подняли боевой крик.

— Да здравствует падишах!

Когда дорога к воротам была очищена, то ага подскочил к желтому флагу первой колонны и громко скомандовал:

— Аллах-иль-Аллах! Вперед!..

Раздались трубные звуки и барабанный бой. Колонна построилась по пятьдесят человек в ширину и медленно двинулась вперед. Так под Фарсалами ходил любимый легион Цезаря.

Приблизившись ко рву, янычары ускорили шаги и бегом перенеслись через него.

Магомет спустился на коне в ров, держа в руке меч Соломона, тогда как булава Ильдерима была прикреплена к луке его седла. Хотя он сам не участвовал в атаке, но правоверные знали, что он видит каждый их шаг.

Снова повторилось то, что не удалось ордам, но теперь в беспорядке был порядок. Сплоченная человеческая масса продолжала подниматься вверх по горе, несмотря на громадное количество убитых и раненых, которые по-прежнему образовывали целые груды перед батареей. Как в первый раз, осажденные сделали вылазку и беспощадно кололи копьями янычар, которые упорно лезли вверх, одни за другими.

В этой кровавой свалке принял участие и император. Он дрался сначала копьем, а потом, когда копье у него выбили, мечом. Мало-помалу он, однако, сознавал, что дело проиграно, что масса турок так неудержимо напирает на горсть защитников бреши, что долго им не удержаться.

Наконец на парапете показался турецкий щит, а затем и сам янычар, державший этот щит. Он был громадного роста и невероятной силы; он рубил сплеча греческие копья, которые валились, как колосья под серпами. Осажденные в страхе отскакивали от него. Император старался их удержать, но турки уже пос-

певали на помощь своему товарищу. Казалось, наступила роковая минута и брешь была потеряна.

Но вдруг раздался крик:

— За Христа и Ирину!

Граф Корти соскочил с орудия и бросился на гиганта-турка.

— Эй! Сын Улубада! Хасан, Хасан! — воскликнул он по-турецки.

— Кто меня зовет? — спросил великан, опуская свой щит и с удивлением озираясь по сторонам.

— Я, Мирза-эмир. Твой конец наступил. За Христа и Ирину!

С этими словами граф Корти нанес ему по голове такой страшный удар, что тот упал на колени. В ту же минуту с соседней стены бросили в него громадным камнем, и его бездыханное тело покатилося вниз по горе.

Константин и Джустиниани с другими товарищами присоединились к Корти, но уже было поздно. Из пятидесяти янычар, составлявших шеренгу Хасана, тридцать вскочили на парапет. Из них восемнадцать были убиты, но, несмотря на геройские подвиги Корти, на помощь к оставшимся двенадцати стали подниматься шеренга за шеренгой. Дело было проиграно.

— Государь, надо отступать! — воскликнул генуэзец. — Нас перебьют до последнего.

И батарея была покинута. Константин и Корти удалились последними, пятясь назад и продолжая сражаться. Янычары невольно остановились.

Вторая оборонительная линия, к которой теперь отступили греки, состояла из галеры, которую граф Корти вкопал в землю и наполнил камнями. Впереди был устроен ров в пятнадцать футов ширины и двенадцать глубины; через него для прохода были переброшены доски. На палубе галеры были поставлены мелкие орудия со снарядами.

Позади галеры стояли резервные отряды Деметрия Палеолога и Николая Джиудали.

Взбираясь на палубу, император увидел, что на главной мачте висел императорский флаг. Он понял, что, когда этот флаг опустится, пробьет последний час его империи.

Янычары были удивлены этой новой и странной защитой, они бы отступили, но передние ряды должны были идти вперед, так как их теснили сзади. Те, кто стоял на месте, падали в ров. С галеры и с окрестных стен сыпались на них камни, пули, стрелы. В воздухе стояли крики, стоны, вопли. А Магомет все посылал шеренги за шеренгами янычар, телами которых наполнялся ров.

Наконец, в довершение всех ужасов, христиане начали лить сверху огненную жидкость, которую изготовлял Иоанн Грант. Ров превратился в огненное пекло, и запах жареного человеческого мяса наполнил воздух.

Осажденные ликовали. Они уже чувствовали победу, как к внутренней стороне галеры подскочил офицер и, поспешно добравшись до императора, произнес: — Государь, Иоанн Грант, Минотль, Каристом, Лонпаско и Иероним-итальянец убиты. Влахерн взят турками, и они пробиваются сюда.

Константин три раза перекрестился и поник головой.

Джустиниани побледнел.

— Государь,— сказал Корти,— мои мавры у меня под рукой. Я сдержу турок, пока ты позовешь на помощь защитников городских стен, или,— прибавил он нерешительно,— я провожу тебя на корабль: ты еще можешь спастись бегством.

Действительно, император мог еще избежать опасности: ему стоило только сесть на лошадь и, под прикрытием мавров графа Корти, доскакать до кораблей в гавани. Но Константин гордо поднял голову и сказал, обращаясь к Джустиниани:

— Я отправлюсь с тобой, капитан, навстречу мусульманских орд, ворвавшихся в город. Здесь останутся мои телохранители. Граф Корти, позови Феофила

Палеолога, он на стене между этими воротами Селимврийскими. Христиане,— прибавил он, смотря прямо в глаза окружающим его солдатам,— еще не все потеряно. Мы не имеем известия о том, что делают Боциарди у Адрианопольских ворот. Бежать от невидимого врага стыдно. Нас все-таки несколько сотен, пойдем отсюда и выстроимся в боевую колонну. Не может быть, чтобы Бог...

В эту минуту Джустиниани громко вскрикнул и уронил секиру. Стрела вонзилась ему в руку через одно из колец стальной перчатки. Почувствовав сильную боль, он поспешно стал спускаться с галеры.

— Капитан, куда ты?

— На мое судно, мне надо перевязать рану.

Император поднял забрало своего шлема. Лицо его пылало удивлением и негодованием.

— Нет, капитан, твоя рана не может быть серьезна, и к тому же как ты доберешься?

Джустиниани обернулся и, указав на трещину, сделанную в городской стене стрельбой из большой пушки Магомета, произнес:

— Бог допустил эту трещину; турки через нее войдут, а я выйду.

И он быстро, почти бегом исчез с глаз осажденных.

Некоторые из генуэзцев побежали за ним. Пушкарри выхватили мечи и, окружив императора, воскликнули:

— Мы тебя не выдадим, государь! Мы пойдем за тобой, куда хочешь!..

Сняв свою красную бархатную мантию и шлем, он отдал то и другое своему меченосцу.

— Возьми это, а дай мне мой меч. Ну, господа, ну, храбрые соотечественники, идем. Да сохранит нас Бог!

Они еще не успели спуститься на улицу всем отрядом, как навстречу бросились мусульманские орды.

Христиане храбро защищались, но храбрее всех был Константин: он дрался упорно, хладнокровно, и острие его меча вскоре обагрилось до самой рукоятки.

Никто не просил пощады, и никто не жалел врага. Груды мертвых тел вскоре покрыли улицу.

Прошло минут десять или пятнадцать, и в той бреши, через которую позорно бежал Джустиниани, показался Феофил Палеолог, граф Корти, Франческо ди Таледо, Иоанн Далматинец и еще человек двадцать христианских рыцарей.

Медленно поднималось по небу солнце. Половина улицы уже была в тени, а остальная часть озарена светом; но борьба все продолжалась. Неожиданно с галеры послышались громкие крики: янычары влезали на галеру. Они проложили себе дорогу через горевшие трупы товарищей во рву и беспощадно резали императорских телохранителей. Еще минута — и они могли напасть с тыла на горсть греков.

Услыхав этот крик, Константин отскочил от противника, с которым он боролся, и, бросив свой меч, обратился к окружающим воинам.

— Друзья, соотечественники! Неужели не найдется христианина, который убил бы меня?

Тогда все поняли, зачем он снял свой шлем перед роковой сечью.

— Разве нет христианина, который убил бы меня? — повторил он снова.

В эту минуту из турецких рядов выделился какой-то странный призрак и подбежал к Константину. Это был седой старик в черной бархатной шапочке и такой же одежде, без всякого оружия.

— Князь Индии! — промолвил Константин.

— А, ты узнал меня! — отвечал старик резавшим воздух голосом. — Ты помнишь тот день, когда я умолял тебя восстановить поклонение истинному Богу? Ты помнишь тот день, когда я просил у тебя на коленях отыскать и спасти мою дочь? Теперь пришла минута расчета! Вот твой палач.

Он отшатнулся и поднял руку. Прежде чем Константин или окружающие его успели прийти в себя от удивления, Нило, незаметно следовавший за

князем Индии, выскочил вперед и одним ударом своей секиры перерубил голову императору.

Константин упал лицом на свой шлем и едва слышно простонал:

— Господи, прими мою душу.

Негр наступил ногой на окровавленное лицо убитого, но в то же мгновение граф Корти, в свою очередь, нанес негру смертельный удар по голове, и тот грохнулся мертвым на бездыханное тело Константина.

Не обращая внимания на окружающих, Корти преклонил колени, посмотрел на лицо императора.

Кто-то прикоснулся к его плечу.

Он вскочил и замахнулся мечом.

— Князь Индии!.. — воскликнул он.

— Ты лжешь. Смерть и я...

Но старик не окончил этих слов. Он побледнел, затем почернел, глаза его как бы выскочили наружу, руки, как плети, опустились по сторонам, и он также упал бездыханным трупом на тело императора.

Между тем битва продолжалась. Христиане, атакованные с фронта и с тыла, сомкнулись вокруг умершего повелителя. Было ясно, что они тут погибнут до последнего. Тогда граф Корти тяжело вздохнул и вспомнил о княжне Ирине, которая ждала его в часовне. Он вполне исполнил свой военный долг и мог теперь спешить на помощь к ней. Но не было ли уже поздно?

Не задумываясь ни минуты, он смело бросился к янычарам и, отражая направленные на него удары, воскликнул по-турецки:

— Безумцы, разве вы не видите, что я ваш товарищ, Мирза-эмир? Дайте мне пройти. Я спешу к падишаху.

Янычары узнали своего любимого начальника и пропустили его.

Через ту же брешь, которая послужила к бегству Джустиниани, граф Корти выбежал к своим маврам, дожидавшимся его у городской стены, и поскакал к жилищу княжны Ирины.

Ни один христианин не остался в живых. Вокруг мертвого императора лежали без разбора тела греков, итальянцев, турок.

Спустя час после того как пала последняя из жертв мусульман и они сами удалились в поисках добычи, князь Индии поднялся из-под груды трупов.

Он открыл глаза и стал смотреть на небо и на трупы. Какой-то новый источник жизни вспыхнул в нем. Тяжесть старости исчезла. В руках, ногах, мускулах, костях он снова сознавал молодость; но разум оставался тем же, и память быстро возвращалась к нему. Он вспомнил, но очень смутно, о том дне, когда он увидел Христа, шедшего на Голгофу, и слышал сначала вопрос римского воина: «Где дорога на Лобное место?» — а потом свой ответ: «Я вас провожу». Еще одна сцена уже совершенно отчетливо предстала перед глазами: он наплевал в лицо Божественному Страдальцу и нанес ему удар, а Христос сказал: «Жди, пока Я приду». Он посмотрел на свои руки; они были обагрены кровью, но нежные, белые; он выдернул из головы клочок волос: они были также забрызганы кровью, но черные как вороново крыло. Юность, юность — веселая, радостная юность снова была его уделом.

— Благодарю тебя, Боже мой! — воскликнул он и, вскочив, вытянулся во весь рост.

Но, подняв глаза к небу, он вздрогнул. На лазури небесной представился ему блаженный лик Божественного Страдальца, и снова в его ушах раздались слова:

— Жди, пока Я приду.

Он закрыл лицо руками.

Да, он был снова молод, но в молодом теле оставались старый ум, старая память. Он помолодел только для того, чтоб вечно длилось наложенное на него проклятье.

Но что ему было делать? Он снова был скитальцем без друзей, без приятелей. К кому мог он теперь обратиться с уверенностью что его узнают? Он преж-

де всего подумал о Лаели, которую любил, но если б он и нашел ее, то она не узнала бы его. Не признали бы его слуги, да и сам Магомет.

Чувство мрачного одиночества и необходимости вечного скитания давило, терзало его.

— Таков приговор неба,— произнес он наконец с печальной улыбкой,— но у меня остались мои богатства, и Гирам Тирский все еще мне друг. Я молод, мудр и опытен как проживший тысячу лет. Я не могу сделать людей лучшими, Бог не принимает моих услуг. Но я займусь новыми открытиями. Земля кругла, и на другой стороне ее должен быть новый свет. Может быть, я найду смелого человека, который предпримет путешествие с целью открытия нового света, может быть, Бог найдет его более достойным неувядаемой славы. А это,— прибавил он, озираясь по сторонам,— да будет проклято проклятием самого проклятого из людей.

Он отбросил черную бархатную одежду, взял с одного из мертвых турок окровавленный торбуш, ангорскую бурку, надел их на себя, схватил валявшийся на земле дротик и медленно пошел в город.

Когда-то он видел разграбление Константинополя христианами, теперь ему предстояло зрелище его истребления мусульманами.

ХІІІ

МАГОМЕТ В СОБОРЕ СВЯТОЙ СОФИИ

Граф Корти не жалел своего коня и следовавших за ним мавров. Нельзя было терять времени. Турки легко преодолели отпор христианского флота в гавани и ворвались в город через ворота святого Петра, которые находились близ жилища княжны Ирины.

По дороге он встречал толпы победителей с добычей: многие из них тащили на веревке женщин и детей, которые оглашали воздух стонами, воплями,

мольбами. Сильно билось сердце Корти при виде этого ужасного зрелища, но он не мог заступиться за несчастных жертв и, закрыв глаза, продолжал свой путь.

Весь квартал, где жила княжна Ирина, был уже во власти мусульман.

С тревожно бьющимся сердцем граф Корти соскочил с лошади у дверей дома княжны и вбежал в приемную комнату. Ее там не было. Он поспешил в часовню и, остановившись на пороге, возблагодарил Бога. Княжна находилась среди приближенных. Возле нее стоял Сергей, и лишь они двое были спокойны. Она была вся в черном, несмотря на страшную бледность, ее лицо, как всегда, сияло красотой.

— Княжна Ирина,— воскликнул граф, подходя к ней,— если ты не переменила своего намерения искать убежища в святой Софии, то поспешим.

— Мы готовы,— отвечала она,— но скажи мне, где император.

— Он там, где ему нечего бояться ни унижения, ни оскорбления,— отвечал Корти, поникнув головой.

Глаза ее наполнились слезами, и, обернувшись к образу Богородицы, она перекрестилась.

Ее окружили около двадцати женщин, и все они, преклонив колени, стали громко молиться об успокоении души Константина.

Граф Корти смотрел на них с беспокойством. Лица их были покрыты, но легко было по нежности их рук и по фигурам узнать в них молодых знатных особ. Каждая представляла соблазнительную приманку для разнузданных дикарей, которые сновали по городу. Как было ему доставить их безопасно до святой Софии и защищать их под сводами святого храма?

— Граф,— сказала наконец княжна.— Я отдаю себя и моих сестер по несчастью под твое покровительство. Только позволь мне еще позвать Лаель. Сергей, сходи за ней.

— Еще одна! Боже милостивый! — невольно во-

скликнул Корти.— Княжна, турки овладели городом, и по дороге я видел, как они водят на веревке целые отряды рабынь. Прикажи подать еще покрывала и связать твоих подруг руками по две. Я должен выдать вас за только что взятых пленниц.

Княжна Ирина хотя неохотно, но повиновалась, и вкоре все были связаны руками по две; при этом она сама была в паре с Лаелью, а Сергей с Лизандром.

Очутившись на улице, женщины стали горько плакать и молиться.

Впереди ехал граф Корти, а по сторонам и сзади их охраняли его мавры.

По дороге им попадались подобные же отряды, отличавшиеся только тем, что несчастные жертвы были все привязаны к одной веревке.

Однажды Корти остановил, по-видимому, знатный турок, с несколькими воинами.

— Поздравляю тебя, друг,— сказал он,— ты захватил славную добычу. Я дам тебе двадцать золотых за эту штуку,— прибавил он, указывая на Ирину, которая, по счастью, не поняла его слов.

— Ступай своей дорогой, и живей,— ответил резко Корти.

— Ты мне угрожаешь?

— Да, пророком, моим мечом и падишахом.

— Падишахом,— промолвил турок, побледнев.— Аллах-иль-Аллах! Да будет прославлено его имя.

Наконец Корти достиг святой Софии. По счастью, сюда еще не проникли разъяренные дикари, и ему стоило только постучаться в дверь да назвать имя княжны, чтоб добиться доступа в церковь.

Вся она была переполнена. Тут были солдаты, горожане, священники и монахи, мужчины, женщины и дети, старые и молодые, богатые и бедные, роскошно одетые и в рубищах. Все искали в этот день похорон империи убежища в святой Софии, и все среди гробового молчания ждали чуда.

Изредка среди этой коленопреклоненной, уstraшенной толпы ходили священники, державшие в руках крест и громко говорившие:

— Не страшитесь, братья. Ангел явится у подножия колонны. Что могут сделать люди против меча Божия!

С трудом граф Корти протиснулся с княжной Ириной и ее приближенными к алтарю и поместил их за решеткой. Он знал, что там будет его искать Магомет, и к тому же за решеткой ему легче было защитить их, для чего поместил вокруг них своих мавров.

Двери были снова заперты, и их не отворяли, несмотря на то что раздавался в них стук.

Наконец извне раздались громкие дикие крики. Двери были выломлены, и в церковь ворвались мусульманские орды.

Те, кто находились у дверей, бросились к алтарю, толкаясь, сбивая с ног и придавливая соседей. Дети и женщины пострадали более всех, но и мужчины помяли друг друга в этой свалке. Маленькая бронзовая решетка сдержала напор, и княжна Ирина со своими приближенными осталась невредима.

Турки были в большинстве, но они сначала не поверили, что греки оставят церковь без защиты, а потому медленно и осторожно стали входить в нее. Но когда убедились, что не встретят сопротивления, то предались ловле рабов и невольниц.

Согласно всем местным летописям в церкви святой Софии в эту роковую минуту не был убит никто. Рассерженные грабители думали только о добыче, хватая и уводя десятками пленников, конечно, преимущественно красивых женщин.

Рыдания, стоны, вопли раздавались под сводами старинного храма. Матерей разлучали с детьми, жен с мужьями. Турки издевались над монахами, нахлобучивая на глаза их клобуки и погоня четками при громком смехе.

К решетке нахлынули варвары, привлеченные драгоценностями, видневшимися в алтаре, и княжной

Ириной, сидевшей на троне среди своих приближенных.

— Я эмир-Мирза, приближенный падишаха, имя которого да прославится из века в век! — закричал граф. — Этих невольниц и рабов я выбрал для него и дожидаясь его прибытия. Он сейчас приедет сюда.

— Эмир-Мирза! Я его знаю, — воскликнул воин в окровавленном торбуше. — Он командовал караваном в Мекку в тот год, когда я совершал святое паломничество. Погодите, я посмотрю, он ли это. Да... Это он, как Бог есть Бог. Я стоял возле него у Каабы, когда он упал, пораженный чумой. Я видел, как он прикоснулся губами к черному камню и возвратил себе жизнь. Назад!.. И не смей никто прикасаться ни к нему, ни к тем, которые находятся под его надзором, а то падишах зло вам отомстит. Это первый меч падишаха!.. Дай мне твою руку, храбрый эмир.

И он поцеловал руку графу Корти.

— Спасибо, сын твоего отца, — отвечал Корти. — И когда мой повелитель, султан Магомет, устроит свой дворец и гарем, то приходи, и ты получишь достойную награду.

Воин в окровавленном торбуше не удалился, а стоял некоторое время и пристально смотрел на Лаель, стоявшую возле княжны Ирины. Наконец он подошел поближе к графу Корти и сказал ему почти на ухо:

— Эти женщины не для гарема, я тебя понимаю, Мирза. Когда Магомет устроит свой двор, то скажи вон той маленькой еврейке, что ее отец, князь Индии, посылает ей свое благословение.

Граф Корти широко открыл глаза от удивления, но, прежде чем он успел произнести хоть одно слово, воин исчез в толпе.

Время шло, и княжна Ирина сидела на троне, закрыв глаза, чтобы не видеть происходившего вокруг. Наконец снаружи церкви послышались трубные звуки и барабанный бой. Через несколько минут в большие двери вошли четыре человека в коротких безрукавках,

белых рубашках и желтых шелковых шароварах. Они остановились на пороге и нараспев произнесли:

— Магомет, султан султанов.

Затем в дверях показались пять герольдов, которые громко трубили.

Наконец появился Магомет.

Когда окончился бой в гавани и, согласно всем донесениям, город лежал у его ног, Магомет приказал очистить дорогу через ворота святого Романа и созвал в свою палатку всех пашей и военачальников. Он хотел, чтобы они присутствовали при том, как он вступит во владение тем сокровищем, которое они помогли ему завоевать. В сопровождении этого блестящего эскорта и предшествуемый музыкантами и герольдами он вступил в Константинополь через развалины башен Багдатской и святого Романа.

Он находился в большом волнении, и окружавшие его сановники, не подозревая о его любви к княжне Ирине, объясняли это волнение его юностью и величием совершенного им подвига. Все замечали, что он не обращал внимания на следы кровавого боя, а только повторил несколько раз:

— Ведите меня к тому зданию, которое гяуры называют Славой Бога.

Проезжая мимо церквей, дворцов и в особенности водопровода, султан бросал на них восхищенные взгляды, но не замедлял быстрого хода своего коня.

— Это что за дьявольская затея! — воскликнул он, останавливаясь перед знаменитыми перевившимися змеями, и ударом булавы снес голову одной из змей. — Так велит мне поступать пророк, — прибавил он.

Снова дервиши воскликнули в один голос:

— Велик Магомет, слуга Бога!

Он приказал провести себя к восточной стороне святой Софии и, минуя Буколеонский дворец с его мраморными и порфирированными колоннадами, наконец достиг церкви.

Перед ней, так же как и на многих улицах, виднелись группы варваров, тащивших свою добычу и пленниц, но Магомет как будто этого не видел.

Перед дверями святой Софии все соскочили с лошадей, только Магомет остался на коне.

Взяв в руку меч Соломона, султан прищпорил коня и, перескочив через широкие каменные ступени, вступил верхом в собор святой Софии.

— Этот храм осквернен идолопоклонством, — громко произнес он. — Ислам входит в него, сидя в седле.

Но не успел он окинуть быстрым взглядом представившееся ему зрелище, как осадил коня.

— Возьмите меч и дайте мне булаву, — промолвил он.

Не обращая внимания на несчастных жертв, он сделал несколько шагов вперед и, остановившись, поднялся на стременах.

— Конец идолопоклонству! — воскликнул он громко. — Пусть Христос уступит свое место последнему и величайшему из пророков Богу, единому Богу я посвящаю этот храм.

И он бросил изо всей силы свою булаву в одну из колонн, которая дрогнула, когда сталь отскочила от нее.

— Ну, теперь отдайте мне мой меч, — продолжал он, — и позовите моего муэдзина Ахмета.

Он продолжал продвигаться вперед на коне, но уже очень медленно, так что толпа могла свободно дать ему дорогу. Глаза его быстро перебегали из стороны в сторону: он, очевидно, искал кого-то. Лицо его выражало тревожное беспокойство. Наконец он увидел алтарь, уже полуограбленный, и направился к бронзовой решетке.

Лицо его изменилось, и глаза засверкали при виде графа Корти. Он остановился перед входом за решетку, соскочил с лошади и направился к алтарю.

Для графа Корти наступила самая страшная минута в его жизни.

Увидев в церкви Магомета верхом и во всем своем

величии, он вздрогнул и побледнел. До этой минуты он думал только о безопасности княжны, а теперь он впервые все осознал.

Сняв свою стальную перчатку, гордый победитель протянул руку графу, который, очнувшись от напавшего на него оцепенения, преклонил колени и поднес к губам протянутую ему руку.

— Я сдержал свое слово,— сказал он по-турецки, но едва слышно.— Она за мной, на троне своих отцов. Получай ее из моих рук и отпусти меня.

— Бедный Мирза,— повторил Магомет.— Мы отдали свою судьбу на суд Божий, и такова Его святая воля. Встань и выслушай меня, и вы также,— прибавил он повелительным тоном, обращаясь к своим военачальникам и сановникам,— Слушайте все меня.

Он прошел мимо графа Корти и остановился перед княжной Ириной.

Она встала и хотела преклонить колени, но Магомет остановил ее.

— Позволь мне поклониться тебе, государь,— сказала она и, обращаясь к своим приближенным, прибавила: — Это Магомет-султан. Будем просить его о милостивом обращении с нами.

Все опустились на колени, и она сделала то же, но Магомет снова удержал ее.

— Прошу тебя, княжна, займи свое место на троне,— продолжал он, сдержав свой юношеский пыл.— Дочь Палеолога, Богу было угодно поставить тебя во главе греческого народа, и так как я хочу предложить условия мира, то тебе приличнее выслушать их, сидя на престоле. В присутствии всех я заявляю, что ты свободна, совершенно свободна, что ты вольна остаться или уйти, принять мои условия или отвергнуть, потому что нельзя заключать трактат иначе как свободным государям. Слушайте меня все... Я, княжна Ирина, не враг грекам. Их могущество не могло существовать рядом с моим, и я пошел на них войной. Но теперь небо решило нашу борьбу, и я готов примириться с ним. Я знаю, что они не станут меня слушать, что все

мои слова стучаются перед памятью о тех ужасах, которые творились моим именем. Но восстановление Греции — благородное великое дело. Есть ли на свете грек, который настолько любил бы свою родину и настолько был бы свободен от предрассудков, чтобы помочь мне в этом деле?.. Конечно, такого нет, но, княжна, ты можешь совершить это дело... Я поручу тебе водворить обратно в их жилища всех, кого сегодня увели в неволю... Ведь ты достаточно любишь свой народ для этого!.. Вера не будет для тебя помехой. В присутствии всех моих сановников я клянусь, что поделю с тобой поровну все храмы Божии. Половина их остается христианскими, а половина делается мусульманскими... И все религии будут свободны. Я только оставляю себе эту церковь и право утверждать выбранного христианами патриарха... Или ты недостаточно предана своей вере, чтобы оказать ей такую услугу?

Княжна Ирина хотела ответить, но Магомет остановил ее.

— погоди, тебе еще рано отвечать. Я желаю, чтобы ты обдумала свой ответ, и притом ведь я не высказал всех условий предлагаемого мною мира, а между нами есть одно, прямо касающееся тебя... В присутствии всех этих свидетелей, княжна Ирина, я предлагаю тебе вступить со мною в брак.

И Магомет поклонился низко, до самой земли.

— Желая, чтобы наш союз был вполне отраден для тебя, я обязуюсь венчаться с тобою по христианскому и мусульманскому обрядам. Таким образом, ты будешь царицей греков, покровительницей и восстановительницей их церкви, ты будешь иметь возможность служить Богу чисто, бескорыстно. А если тебе знакома жажда славы, то я поднесу тебе такую переполненную чашу славы, к какой никогда не прикасались женские уста. Ты можешь жить здесь или в Терапии, можешь устроить себе часовню или церковь, а из твоих приближенных ты можешь оставить себе, кого хочешь... Исполнить все это я клянусь и свою клятву готов закрепить своей печатью...

Она снова хотела что-то произнести, но он еще раз остановил ее.

— Нет, погоди, еще рано отвечать... При заключении трактатов между государями одна из сторон предлагает условия, а потом другой надлежит их обсудить, не принять или отвергнуть, а взамен предложить свои. Но здесь не место обсуждать мои предложения. Вернись теперь в свой городской дом или в свой дворец в Терапии. Через три дня, с твоего согласия, я явлюсь за ответом и, каков бы он ни был, клянусь Богом, я подчинюсь твоему решению. Граф Корти,— произнес Магомет, обращаясь к нему,— поручаю тебе княжну Ирину, отвези ее в Терапию, а ты, Халил, приготовь галеру, достойную для греческой царицы. Для охраны же ее назначь отряд под начальством графа Корти, который снова становится на время Мирзой-эмиром.

Халил очистил дорогу перед княжной, и она спокойно вышла из церкви, села со своими приближенными в паланкин и отправилась в гавань, где перешла на галеру, которая доставила ее в Терапию спустя четыре часа после заката солнца.

После ухода княжны Ирины Магомет приказал очистить храм от народа и языческих эмблем, а сам подробно осмотрел все его углы.

Проходя по правой галерее, он увидел турецкого воина, который нес торбуш, полный цветных камешков, выбитых из мозаичного образа.

— Ах ты мерзавец! — воскликнул он вне себя от злобы.— Разве ты не слышал, что я посвятил этот храм Аллаху?.. Ты посмел святотатственно осквернить мечеть...

И он ударил воина своим мечом плашмя.

Затем он велел позвать муэдзина Ахмета.

— Который теперь час?

— Час четвертой молитвы.

— Пойди на самый верх этого храма и призови правоверных к набожному прославлению великих милостей Бога и Его пророка. Да будут прославлены имена из века в век...

Таким образом в святой Софии Магомет заменил Христа, и с той минуты до сих пор ислам царит под ее сводами.

ЭПИЛОГ

Утром, на третий день после падения Константинополя, простая лодка пристала к мраморной пристани дворца княжны Ирины в Терапии, и из нее вышел старый, дряхлый монах. Нетвердыми шагами направился он к классическому портику и, встретив Лизандра, спросил:

— Княжна Ирина здесь или в городе?

— Здесь.

— Я усталый, голодный грек. Может ли она принять меня?

Старик исчез и через минуту вернулся с ответом:

— Иди за мной. Она примет тебя.

Незнакомец вошел в приемную комнату, и не успел он поднять покрывала, скрывавшего его лицо, как Ирина подбежала к нему, схватила его за обе руки и воскликнула со слезами на глазах:

— Отец Иларион! Сам Бог прислал тебя ко мне в эту минуту сомнения и печали.

Излишне говорить, что бедного старого монаха накормили и успокоили, а когда он отдохнул и набрался сил, то Ирина рассказала ему о предложении Магомета.

— Что мне делать? — спросила она.

— Прежде всего мне надо знать твои чувства к нему, дочь моя.

И она созналась, что любит прекрасного юного мусульманина.

— Я вижу в этом Божий промысел, — произнес монах, положив ей на голову свои руки и подняв глаза к небу. — Он одарил тебя красотой, умом; Он возвысил тебя до престола, чтоб вера Христова не совершенно погибла на Востоке. Иди по тому пути, который Он открыл перед тобой; но потребуй, чтоб Магомет пошел с тобою в церковь, обвенчался по христианскому обря-

ду и поклялся, что будет благородно поступать с тобой, как с женою, и свято поддерживать предложенный им мир. Если он это сделает, то не бойся ничего.

Они обвенчались в часовне при дворце Ирины в Терапии, и отец Иларион совершил обряд.

Когда Константинополь был очищен от ужасных следов кровавой войны, она переехала туда с Магометом, и он представил ее всему мусульманскому миру как свою султаншу. Торжественный пир, данный по этому случаю, продолжался несколько дней.

С течением времени он построил для нее за мысом Демитрием дворец, доселе известный под именем Сераля.

Всю свою жизнь Ирина провела в добрых делах и перешла в историю с титулом, данным ей благодарными соотечественниками — доброй, милостивой царицы Греции.

Сергий не принял священства, отошел от православной церкви, исповедовал веру, которую он так смело проповедовал в святой Софии. Но в спорах между латинами и православными греками он держал сторону последних; впрочем, как милостынераздатель щедрой, великодушной царицы Ирины, он сделался предметом общей любви всех греков. Вскоре он женился на Лаели и дожил с нею до глубокой старости.

Граф Корти сохранил навсегда любовь Магомета. Победитель Византии старался сохранить его на своей службе и предложил ему пост посла при дворе Яна Собесского, а потом аги янычар, но он отказался от того и другого под тем предлогом, что ему надо вернуться в Италию к своей матери. Наконец, султан на это согласился, и Корти простился навеки с Ириной накануне ее свадьбы.

Один из придворных Магомета проводил его в гавань на роскошную галеру, выстроенную в Венеции, на которой находились его мавры. Прежде ее отплытия было объявлено от имени султана, что как галера, так и все бывшее на ней принадлежат графу.

Благополучно достигнув Бриндизи, Корти тотчас отправился в замок своих отцов и, к изумлению, увидел его восстановленным.

В замке был посланец Магомета, Мустафа, подавший ему пакет с печатью Магомета. Он поспешно открыл его:

«Магомет султан к Уго, графу Корти, когда-то Мирзе-эмиру.

Наша судьба еще не решена судом Божиим, о друг, который должен был бы родиться от моей матери, и так как будущее никому не известно, то я не знаю, каков будет конец избранного нами суда. Но я люблю тебя и верю тебе: а чтоб доказать тебе мою любовь и доверие, все равно выскажется ли судьба за меня или против, я посылаю Мустафу на твою родину с доказательствами твоего права называться графом Корти; ему поручено объявить твоей матери, что ты жив и вскоре возвратишься к ней. А так как турки уничтожили замок твоих отцов, то Мустафа выстроит его вновь и расширит твои поместья соседними землями, так чтоб владения бывшего мирзы были достойны его, как брата султана. Все это он сделает твоим именем, а не моим. Когда все будет кончено, то отпусти его и напиши мне, что ты доволен его действиями.

Я поручаю тебя попечениям Всемилосердного Бога.

Магомет».

Когда Корти прочел письмо, то Мустафа преклонил колени и отвесил ему земной поклон. Потом он встал, повел его в часовню и, указав на железную дверь, сказал:

— Мой повелитель, Магомет, приказал мне положить сюда врученное им сокровище. Вот ключи, посмотри сокровище и дай мне расписку, чтоб я мог ее передать моему повелителю.

Граф Корти был очень недоволен, увидев, что прислал Магомет.

— Мой повелитель,— прибавил Мустафа,— знал, что ты будешь протестовать, но он приказал тебе ска-

зять, что эти деньги покроют расходы твоей матери на поиски тебя и на панихиды о твоём отце.

Корти так и не женился.

После смерти своей матери он отправился в Рим и долго служил начальником папской гвардии, во главе которой и был убит в кровавом бою. Но до этой славной смерти он ежегодно получал из Константинополя драгоценные подарки: от Магомета меч или какое-нибудь редкое оружие, а от султанши Ирины в знак благородной памяти — золотой крест, четки, мощи или великолепно украшенное Священное Писание.

Мавры остались при графе Корти, а венецианская галера была им поднесена в дар папе.

Сиама долго странствовал по Константинополю, отыскивая своего господина и не веря, что он умер. Лаель предлагала ему остаться у нее на всю жизнь, но он неожиданно исчез и более не возвращался.

Быть может, князь Индии увез его с собой куда-нибудь, всего вернее, назад в Чипанго.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНЕТАХ

Л. ГРЕН

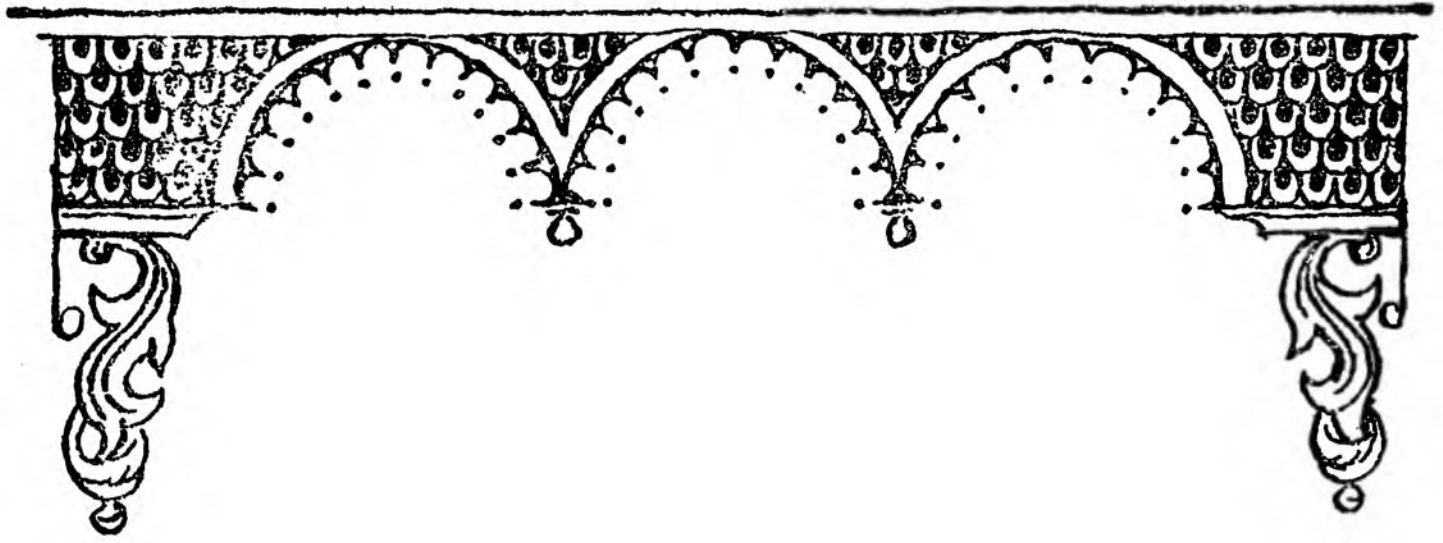
ПОСЛЕДНИЕ
ДНИ
ИЕРУСАЛИМА

Придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено.

Евангелие от Луки, XXI, 6

Потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное.

Евангелие от Луки, XXI, 22

Часть первая

В конце декабря 65 года по Рождестве Христовом накануне праздника Обновления храма бесчисленные массы народа стекались отовсюду в Иерусалим.

По большой северной дороге двигались огромные караваны богомольцев из Галилеи, Сирии, Египта и Вавилона, даже из самых отдаленных стран царства парфян и персов.

Караваны шли при пении напутственных гимнов, под звуки барабана и тамбуров. Дети, старики, женщины, закутанные покрывалами, ехали верхом на мулах, ослах и верблюдах, а мужчины, одетые в бурнусы из верблюжьей шерсти, с длинными посохами в руках, вели на поводу вьючных животных.

Нередко этих усталых, покрытых пылью богомольцев обгоняли богатые караваны купцов из Цезареи и корабельщиков из портовых городов Приморской области. Мелькали яркие уборы, пестрые ковры, и раздавался нестройный звон серебряных колокольчиков. Чем ближе к Иерусалиму, тем многолюднее становилась дорога и от Бирофа, вплоть до укрепленных стен Везефы, представляла оживленную, своеобразную кар-

тину. По всем проселкам, прилегавшим к большой дороге, также двигались толпы народа. Тысячи конных и пеших людей, вереницы обозов, многочисленные стада быков и овец то и дело вступали на главный путь. Здесь они производили невообразимую суматоху, сталкиваясь с плавно идущими караванами, поднимали облака пыли, оглашали воздух криками, ревом и блеяньем.

У стен Иерусалима, как вода в половодье, непрерывно прибывающий люд образовал необозримый табор. Давка происходила под тяжелыми сводами городских ворот, где люди и животные, стиснутые в единую толпу, проталкивались вперед неудержимым натиском.

Огромный и без того многолюдный город походил теперь на кишачий муравейник. В его переполненных домах и гостиницах не хватало более места для бесчисленных гостей. Поэтому на улицах раскинули шатры, устроили шалаши из пальмовых ветвей и виноградных лоз, а к стенам домов приделали навесы, где разместили животных и людей, создав таким образом город в городе. Однако, несмотря и на эти меры, десятки тысяч народа остались без приюта и окружили лагерь стены Иерусалима.

Шумные, кишачие народом улицы представляли живописное зрелище; тут как в калейдоскопе, пестрела и непрерывно менялась смесь всех племен и национальностей древнего мира. Среди коренных правоверных иудеев, суровых, неприветливых, замкнутых в себе, как и негостеприимная, каменистая их страна, минутно встречались веселые, открытые лица белокурых граждан геннисаретских городов. Забубенные головы — ремесленники и матросы из промышленных и портовых местностей Финикии — толклись среди благочестивых иерусалимлян, неприлично переругиваясь и горланя языческие песни. Евреи с берегов Тибра, Ефрата и Нила, богатые судовщики из Цезареи, Сидона, Александрии, изнеженные сиро-греки, эллины попадались в толпе рослых пастухов и поселян нагорной галилейской страны, в грубых одеждах из козьих шкур,

и среди полудиких сынов пустыни, разбойничьих идумеян.

Тут были гордые чванные саддукеи в богатых шелковых одеждах, ученые фарисеи и книжники в шерстяных белых талифах с кистями, в широких филоктериях и аскеты эссеяне в убогих одеждах из грубого синдина¹. Толпа деловых левитов, учеников закона и простых храмовых служителей смешивалась с толпой торговцев, с солдатами римского гарнизона и храмовой стражи, но более всего здесь было босоногой иерусалимской черни и нищих.

Говор этой разноплеменной толпы, выкрикивание торговцев медовыми лепешками, голубями и ягнятами, монотонное мычание выпрашивающих милостыню, хохот и галденье праздной черни, пение старцев, исполнявшие священные гимны, визг и крик затертых в толпе женщин и детей, рев жертвенных быков, блеянье овец, скрип неуклюжих каррук — весь этот хаос разнообразных звуков нестройным гулом разносился по улицам и рынкам Везефы и нижнего города, вплоть до самых стен аристократического, молчаливого Сиона. Сливаясь вдали в одно общее гуденье, он походил на жужжанье пчелиных роев.

Священный, воспетый царственным поэтом город был не только столицей Иудеи, но главою и сердцем Израиля, рассеянного по всему лицу земли. В качестве религиозного и политического центра привлекал он на свои годовые праздники бесчисленное множество верующих. Но из всех иерусалимских празднеств более всего выделялся праздник Обновления Храма, учрежденный в память избавления от чужеземной тирании. Это радостное торжество в честь Иуды Маккавея внушало народу патриотические чувства и привлекало прозелитов самой торжественной в году службой во храме Бога евреев.

Здесь отсутствовали только самаряне. Великий спор о том, гора ли Гаризин в Самарии, с которой Иисус

¹ С и н д и н — хлопчатобумажная ткань.

Навин благословил народ и где сохранились развалины храма Манасейны, разрушенного Гирканом, или гора Мориа в Иудее, где стоял храм Соломонов, были настоящей святыней Палестины, положил непреодолимую преграду вражды между униженной Самарией и гордой Иудеей.

Однако в этом году праздник не имел радужного отпечатка прежних лет. Со смерти Ирода Великого времена постепенно изменялись к худшему и темные тучи заволокли ясное небо Палестины. Холодный ветер гнал их с вершин далеких Аппенин, и они, выплывая из-за светлых вод Восточного моря, грозно сгущались в черную пелену и нависали похоронным балдахинном над священной столицей Израиля.

Положение иудейского государства было печально. В палестинских домиках развевалось римское знамя, а в городах звучала греческая речь. В самом Иерусалиме ненавистный вид римского орла на башнях замка Антония жестоко оскорблял священные чувства иудеев, во всей стране чужеземная культура вытеснила их национальную самобытность.

Народ, погрязший в косной неподвижности вековых предрассудков, был груб, суеверен и совершенно неспособен управлять собою. Налоги росли, производительность падала, бедность увеличивалась, а спорящие между собою секты сеяли плевелы внутренней розни и обостряли отношения с враждебным языческим миром.

Общество разделилось на два лагеря, одушевленных непримиримой взаимной ненавистью. Просвещенные евреи и прозелиты, живущие за границей, граждане галилейских промышленных городов, большинство саддукейской аристократии и располагающая военной силой страны иродианская партия стремились к государственным и социальным реформам в эллино-римском духе, к объединению Палестины под скипетром тетрарха Ирода Агриппы II, видя спасение и будущность еврейской нации в культурной солидарности с высокообразованным античным миром.

С другой стороны, напротив, фарисеи и зилоты, опираясь на иерусалимскую чернь и народную массу, твердо стояли за самобытность, стремились к возврату в доиродианский период и видели спасение в усиленной преданности искаженному талмудом Моисееву закону.

Все они, отвергшие и распявшие Иисуса Христа, веровали в пришествие обещанного пророками Мессии, который должен водрузить знамя иудейской гегемонии над всеми народами и утвердить свой престол в Иерусалиме, как в столице мира...

Считая античный мир гнилым, они мнили себя его обновителями, проповедовали религиозное и национальное изуверство, раздували пламя фанатизма. Взаимная вражда сторон усиливалась, росла и грозила при первой искре вспыхнуть пламенем междоусобия.

Солнце склонялось уже к закату, когда запыленный путник, прибывший в этот день с галилейским караваном, пройдя Акру, спустился с холма в квартал Сыроваров.

Мальчик, погонщик осла, навьюченного кладью приежжего, весело бежал впереди, помахивая длинной хворостиной и покрикивая.

Путник был молод, и звали его Марк бен-Даниил. Из Дамаска, где его отец занимался выгодной торговлей шелковыми товарами, этот юноша прибыл в Иерусалим с целью изучать закон в школе Гиллея, во главе которой стоял внук знаменитого раввина, Симон бен-Гамалиил, председатель синедриона. Отец бен-Даниила, отправляя сына, снабдил его письмом к своему дальнему родственнику, Веньямину бен-Симону, потому что знаменитого певца победных гимнов Нехании Гискана.

Главная улица, по которой шел юный путник, соединяла между собою два караванных пути и тянулась через весь город от северных ворот Везефы вплоть до укреплений Офеля, пересекая дугообразно в южном

направлении нижний город и разделяя на две части квартал Сыроваров, расположенный в Теранеатской долине между Сионом и горой Мориа. Медленно пробираясь сквозь толпу народа, обходя то крестьянские возы, то мирно лежащих посредине улицы верблюдов, бен-Даниил добрался наконец до переулка, пролегавшего от северных сионских ворот к горе Мориа. Он остановился у гостиницы «Колодец Иакова», на углу переулка, со стороны Сиона. Здесь, по уговору, должен был встретить его Веньямин.

Юноша снял с головы белый тюрбан и, отирая вспотевшее лицо, озирался вокруг. Толстый хозяин гостиницы Абнер заметил путника и, чуя в нем постояльца, бросил торг с крестьянином, продававшим ему ячмень и зимние плоды

— Ты ищешь пристанища, господин? — обратился трактирщик к бен-Даниилу, внимательно осматривая его костюм и кладь, навьюченную на осла.

— Нет, добрый человек, я жду здесь знакомого, — ответил юноша.

— Пока придет твой знакомый, ты можешь подкрепить силы в лучшей во всем городе гостинице, — посоветовал Абнер, и добавил с любопытством: — А кто твой знакомый? Если он знатен, то я его наверно знаю.

— Его зовут Веньямин бен-Симон.

— Что живет в доме Гискана? Как же, как же, господин! Еще бы не знать! Ты что же, родственник ему? Э, да вот он сам сюда идет, наш почтенный Веньямин!

Трактирщик указал на саддукея, поспешно шедшего по переулку. Бен-Марк поспешил ему навстречу.

Бледный, худощавый, с типичным иудейским лицом внук Нехании Гискана смотрелся очень невзрачным в роскошной саддукейской одежде. Узкий, доходивший до пят белый хитомен из плотного виссона и такой же пояс, «эмиам», с карминовым узором, искусно обвитый вокруг груди, талии и бедер, причем концы его с карминовыми кистями спускались почти до полу, резко обрисовывали впалую грудь и костлявое тело.

Верхняя же одежда «меяр» из шелковой материи гиацинтового цвета с широкими, ниспадавшими до земли рукавами, застегнутая на груди золотой застежкой, сидела мешком на угловатых плечах, между тем как белый тюрбан из индийской ткани с гиацинтовыми полосами, нахлобученный поверх головной сетки «масна-эмертес», при всей своей воздушной легкости, как будто пригнетал Веньямина, заставляя его ходить согнувшись. Бен-Даниил низко поклонился саддукею.

— Мне сказали, что ты Веньямин бен-Симон. Я бен-Даниил из Дамаска.

— А-а! Давно желанный гость, приветствую тебя во святом городе Израиля!

Саддукей обнял и трижды облобызал юношу.

— Надеюсь, ты принес хорошие вести от моего друга и покровителя, твоего почтенного отца? — спросил он.

— Отец шлет тебе привет! Вот его письмо, — ответил юноша, доставая из сумки на груди свиток папируса, обмотанный шелком и запечатанный голубым воском.

Веньямин взял письмо с видом глубочайшего почтения и бережно спрятал за пазуху, говоря:

— Да благословит его Господь Израиля! Мы прочтем это после, на досуге, а теперь поспешим домой, где мать и сестра ждут тебя к ужину.

Миновав переулок, Веньямин с бен-Даниилом поднялись по выложенной каменными плитами дороге к стенам верхнего города; здесь они остановились на площадке у великолепных иродовых ворот с коринфским портиком и мраморными ступенями, чтобы взглянуть на открывшийся перед ними вид Иерусалима.

У ног их расстилался нижний город с плоскими крышами домов и с бесчисленными башнями по стенам, охватывавшим его каменным поясом. На хребте холма Акры, представлявшего форму полумесяца, стояли дворцы царей Адиабейских, называвшиеся дворцами Елены. Рядом с ними возвышалось здание город-

ской ратуши, Археион, где помещался архив города и была зала для заседаний синедриона.

Далее — к северу и северо-западу — высились три роскошные башни Ирода Великого. Первую из них он соорудил в память своего друга Гиппикоса и назвал его именем; вторая, выстроенная по образцу фаросского маяка в Александрии, была названа именем его зятя Фасаила; а третья, башня Марины, носила имя любимой супруги царя. Последняя башня была меньше всех, но отличалась самым роскошным убранством внутренних покоев.

За этими башнями виднелись укрепления Везефы, или нового города, где находился водоем Вифезда и гробницы царей с чеканными саркофагами. С севера горизонт замыкали неприступные твердыни бастиона Псефин с исчезающей в облаках восьмиугольной башней. На востоке, на конусообразной вершине горы Мориа, величественное здание храма Иеговы блистало в лучах заходящего солнца, а рядом с ним на фоне вечернего неба, отливавшего пурпуром и темным кобальтом, мрачно выделялись черные силуэты зубчатых стен и башен замка Антония. Замок этот был построен на отдельной скале в пятьдесят локтей высоты. Крытая галерея на арках соединяла его с храмом. Глубокий ров отделял замок от Акры. За его стеной, укрепленной по углам башнями, были расположены колоннады и многочисленные здания, где помещались казармы, арсенал и магазины римского гарнизона, образуя как бы отдельный город. Между Сионом и Акрой раскинулся квартал Сыроваров. На южном отроге горы Мориа стояли укрепления Офеля, у подножия которых проходила караванная дорога, пересекавшая Иерусалим. Перекинутый через Теранеатскую долину виадук на арках соединял храм с Сионом. На вершине Сиона с юго-западной стороны нижнего города возвышались, господствуя над плоскими кровлями домов, беломраморные дворцы Ирода Великого.

Эти роскошные, горделивые здания с золотыми крышами, с тонкими башнями, с коринфскими порти-

ками, колоннадами и великолепными ассирийскими архитравами утопали в изумрудной зелени цветущих и благоухающих в вечернем воздухе садов. Рядом с ними стояли дворцы князей Асмонеи и древний дворец Соломона у северных иродовых ворот. За этими зданиями простиралась аристократическая часть города — верхний рынок с палатами первосвященника и домами знатных родов. Напротив дворца Асмонея, в северо-восточном углу верхнего рынка, находилась обстроенная изящными галереями, вымощенная мозаикой площадь Ксистос, через нее проходили ко вторым иродовым воротам, ведущим к виадуку. За этим плацем были еще третьи иродовы ворота — восточные. Через них проходили к ручью Силоа, у которого оканчивался квартал Сыроваров, а через долину Теранеатскую вела дорога к Водяным воротам храма.

За верхним рынком находились остальные кварталы Сиона, где были рынки: железный, платяной, шерстяной и мясной. Главная улица пересекала Сион в южном направлении, начиная от северных ворот до южных, вблизи которых стоят гробница царя Давида и скромный домик Тайной Вечери.

Вокруг Иерусалима расположилась амфитеатром живописная цепь зеленых холмов и крутых отвесных скал, образуя то светлые долины, то мрачные ущелья и зияющие черные пропасти. На скатах холмов и у подножия скал ютились под тенью сикомор, стройных пальм и вечнозеленых дубов деревни и местечки с белыми среди виноградников домиками. Эти цветущие, многолюдные селения окружали серые стены города наподобие венка из цветов.

Дорога, усаженная старыми масличными деревьями, извиваясь вдоль берега Кедронского потока, вела к зеркальным прудам Соломона. Далеко, через изумрудную равнину Иерихонскую, где катятся светлые воды Иордана, до синеющих на горизонте вершин Эбала и Гаризина, блуждали восторженные взоры бен-Даниила, и он долго стоял, созерцая чудный вид священного города, где каждый камень, каждый кло-

чок земли имели свою историю и были неразрывно связаны с прошлым Израиля. Недаром о нем так горько плакали изгнанники у вод Вавилонских, когда снимали с прибрежных ив свои арфы, чтобы пропеть полную скорби песнь.

— Воистину Иерусалим еще прекраснее, чем рисовало мне воображение! — воскликнул юноша, обращаясь к Веньямину.— Недаром его называют «красой Иудеи».

— Да, только эта краса унижена и запятнана! — возразил тот, указывая на замок Антония.

— Отчего вы не прогоните чужеземцев? — с жаром продолжал дамаскинец.— Смотри, какими крепкими стенами и неприступными башнями защитили наши отцы не только весь город, но и каждую его часть в отдельности. Разве их руки трудились, сооружая эту сильнейшую в мире крепость, для того только, чтобы она послужила логовищем шакалов? Разве мы не можем задушить язычников в их берлоге? Разве обессилели рамена у народа израильского и заржавел славный меч Маккавея?

— Ты не знаешь римлян! — грустно ответил Веньямин.— Они хитры, как лисицы, и мощны, как львы пустыни. Они подавляют нас превосходством своего государственного строя и военным искусством. Сам Ирод Великий был не в силах бороться с ними.

— Ирод, нечестивец, незаконно захвативший престол Асмонеев! Разве мог этот тиран и осквернитель святынь быть героем? Нет, только Маккавей, а не чужеземный проныра, презренный гер, изверг Автюха Эпифана! Неужели ты полагаешь, что надменный сириец был менее могуществен, чем римский император? Македоняне покорили мир прежде римлян. И, однако, горсть храбрых людей уничтожила одним ударом высокомерную гордыню презренного тирана! Поверь мне, исполнится пророчество: «Не отнимется скипетр от Иуды и законоположник от чресл его, пока не придет Примиритель, и ему покорятся народы».

— Дай Бог, чтобы твои надежды сбылись как

можно скорее, пылкий юноша! Но кто знает, насколько правильно школа Шамая толкует это пророчество? Ведь скипетр и ныне находится в колене иудином, а законоположник происходит от чресл его. В жилах нашего государя течет кровь Асмонея. Вон высится башня Мариамны, супруги Ирода Великого. Ее внук, Ирод Агриппа II, царствует теперь в Палестине.

Бен-Даниил широко раскрыл глаза. Озадаченный словами саддукея, он смотрел на него с изумлением. Тот снисходительно улыбнулся и потрепал его по плечу.

— Ты ретив и горд, как необъезженный конь, но узда времени и науки укротят твои порывы. Тогда страсти подчинятся рассудку, и ты о многом переменишь мнение.

II

Дом Гискана стоял против иродовой претории на южной стороне верхнего рынка.

Дойдя с бен-Даниилом до каменной ограды своего жилища, Веньямин отпер массивную дубовую калитку и пропустил гостя на четырехугольный двор, гладко вымощенный разноцветными кирпичами и обнесенный вокруг деревянной галереей на колоннах. Здесь были расположены кладовые и хозяйственные помещения.

Одноэтажное здание дома помещалось в центре двора и было выстроено частью из кирпича, частью из камня. Его стены, выкрашенные красной краской и расписанные синими арабесками, были украшены благочестивыми надписями и мудрыми изречениями. Кедровые балки поддерживали плоскую крышу, выложенную глиняной черепицей и снабженную деревянными перилами. С переднего фасада возвышался искусно сооруженный павильон, окнами на рынок. Павильон служил для помещения гостей, а также домашних на случай их болезни. Широкие сени на колоннах, выстроенные из масличного и сандалового дерева, ве-

ли внутрь дома, куда входили через трое дверей. Левая дверь вела в помещение женщин, недоступное для мужчин; правая — в комнаты хозяина, между тем как средняя — двустворчатая, резная, из драгоценного кипарисового дерева — вела в центральную залу.

В сенях Веньямин собственноручно снял с гостя дорожный плащ. Служанки разули ему тяжелую обувь, обмыли ноги ароматной водой и надели мягкие финикийские туфли. Теперь хозяин настежь распахнул двери в залу, потом с низким поклоном просил гостя войти и считать себя своим в его доме.

Выложенная драгоценным кедровым деревом зала была расписана по стенам и потолку голубыми с золотом арабесками, цветами и виноградными лозами. Пол из гипсового цемента устилали пестрые дамасские ковры, а вдоль стен стояли широкие скамейки. На них были разостланы финикийские узорчатые покрывала и лежали набитые пахучими травами подушки. Широкие тирские окна, снабженные деревянными решетками и двустворчатыми ставнями в защиту от слишком яркого солнечного света и палящего зноя, были открыты настежь, и из них виднелся цветущий сад с фонтаном посредине, с тенистой смоковницей, под которой, по древнему обычаю, совершалась ежедневная молитва «крашма».

Середину залы занимал длинный стол, ярко расписанный голубыми и красными цветами, на массивных низеньких ножках в виде древесных стволов, обвитых плющом. С трех сторон стола было расставлено девять стульцев, которые при торжественных трапезах заменялись ложами для возлежаний, а стол обращался в триклиний. В восточных углах залы стояли два серебряных семиветвенных светильника чеканной работы на мраморных кубической формы постаментах.

Веньямин предупредительно пригласил гостя пока отдохнуть до ужина. Между тем узорчатая занавесь левой боковой двери тихо распахнулась, и в залу вошла почтенная матрона, мать хозяина. За нею следо-

вала ее дочь, Фамарь, со служанками, несшими серебряные блюда с яствами и каменные кувшины с напитками.

Увидя Фамарь, бен-Даниил изумился.

Он никогда не думал, чтобы сестра некрасивого Веньямина была так хороша собой. И как к ней шел домашний костюм иудейских девушек! Как мила и грациозна была она в этой белой из тонкого виссона тунике с широкими рукавами и светло-фиолетовой каймой. Как рельефно обрисовывал нежные формы девического бюста пурпурный золототканый пояс «кишурим». Ее маленькие ножки с узкой пяткой и высоким подъемом были обуты в сандалии из дорогой ташейской кожи с доходящей до половины икры шнуровкой из фиолетовых лент и золотого позумента, причем эти завязки были унизаны миниатюрными серебряными колокольчиками. Золотая повязка, осыпанная сапфирами и серым индийским жемчугом, удерживала на лбу ее черные волосы, благоухающие и завитые в длинные локоны, а прикрепленное к этому головному убору покрывало из тончайшего прозрачного виссона окружало воздушную фигуру Фамари белым облаком.

Очарованный юноша не мог оторвать глаз от сионской красавицы, которая смело поглядывала на него, сверкая черными глазами, как будто ее забавляла неловкость застенчивого гостя. Видя, что он, поздоровавшись с матерью, не решается подойти к ней, девушка первая приблизилась к нему и приветливо протянула узкую руку с тонкими пальцами.

Тем временем служанки устали стол блюдами и принесли серебряные сосуды для омовения. Каждому из присутствующих подносили таз и поливали ему на руки воду из кувшина. По совершении этого важного обряда хозяин громко произнес затрапезную молитву и все заняли места за столом: гость посередине, хозяин с правой, а женщины с левой стороны триклиния. Служанки прислуживали, ставили и убирали кушанья

с четвертой стороны стола, которая оставалась свободной.

Проголодавшийся Марк не заставил долго угощать себя и оказал должное внимание кулинарному искусству вдовы покойного Симона бен-Нехания. Жареный ягненок с рисом, крупитчатый пирог, обильно политый оливковым маслом, и блюдо «либбан» из печеных овощей подверглись сильному нападению со стороны гостя. Пока он утолял свой голод, Веньямин деликатно молчал, а женщины не смели первые начать разговора. Но когда служанки, убрав со стола остатки ужина, поставили десерт из сочных фруктов и различных, приготовленных на меду сладостей, а хозяин наполнил вином чашу гостя, беседа оживилась.

Бен-Даниил сообщил новости из Дамаска, и разговор зашел о свадьбе, предстоящей в доме Гиллея. Симон бен-Гамалиил выдавал старшую дочь, Имму, за сына богача Гиркана. Жених с невестой были обручены еще в детстве, и теперь, когда Имме исполнилось восемнадцать лет, и жених Элизер занял почетную должность, на днях должна была состояться их свадьба, к которой делались большие приготовления. Старинная дружба между домами Гиркана и Гиллея придавала разговору живой интерес; особенно в глазах женщин предстоящее семейное торжество имело значение мирового события, и они, забыв должную сдержанность в присутствии мужчин, трещали без умолку о великолепных нарядах, чудных тканях и драгоценных уборах, выписанных женихом для невесты из Сидона, Александрии и Дамаска. Прислушиваясь к серебристому голосу прелестной Фамари, Марк упивался ее созерцанием. Часы летели для него точно минуты, и он не заметил, как прошло время.

Поднявшись в павильон, где ему был приготовлен ночлег, юноша открыл окно и долго мечтал о черных, подернутых томной негой глазах Фамари. Над Сионом светила луна, озаряя серебристым светом сонные дворцы и пустынную площадь. Вдали постепенно затихал шум засыпающего города.

Утром до восхода солнца левиты возвестили спящему городу трехкратным трубным звуком начало «ханнуког», великого праздника Обновления храма.

Сион пробудился. Калитки домов с шумом растворялись, из них выходили на улицу в белых одеждах мужчины и закутанные белыми покрывалами женщины. В предрассветном сумраке они двигались по пустынной площади при свете слабо мерцающих светильников длинным торжественным шествием, подобно теням, восставшим из гробов. Между тем на противоположном конце площади вспыхивало багровое пламя факелов, слышалось бряцанье оружия, хриплая команда и мерный шаг римлян, заблаговременно усиливавших гарнизон претории и караулы у городских ворот.

Семейство Веньямина, пройдя восточные ворота, спустилось по извилистой каменистой тропе к священному источнику Силоа, где остановилось, чтобы зачерпнуть из него воды. В то время первые лучи восходящего солнца осветили окутанную мраком вершину горы Мориа, и на его конусе зарделось и заблестало беломраморное здание храма с золотыми крышами. Веньямин с гордостью указал на блистающую в лучах солнца святыню, которая как будто отделялась от горы и парила в воздухе.

— Чудесное зрелище, не правда ли? Сердце радуется, как взглянешь на этот лучезарный храм Бога живого. Незабвенно имя государя, воздвигшего из соломоновых развалин такое великолепие! Благодаря Ироду Великому, храм восстал из своего пепла, подобно фениксу.

— Да, но в глазах сведущего человека этому храму недостает самого существенного: тех шести утерянных сокровищ, некогда украшавших скромный сравнительно с настоящим храм Соломона,— холодно возразил Марк бен-Даниил, недовольный похвалой иноземца.

— Наша вера не нуждается в вещественных атрибутах и не должна быть прикована к одному месту, хотя бы и самому святому. Наши сердца — вот истинный храм Бога живого, а наши души его святая святых,— скромно заметила Фамарь.

Юноша взглянул на сестру Веньямина, удивленный ее замечанием. Но Веньямин кивнул головой в знак согласия с мнением девушки.

— Я не буду против этого спорить, прекрасная бат-Симон,— продолжал дамаскинец,— однако в понятиях нашего народа место с его преданиями неразрывно связано с верой. Оторви народ от священного места, и в нем увянет вера, подобно листьям на дереве, с корнем вырванном из почвы. Потому нам необходим закон, связывающий веру с местом, и потому все баснословное великолепие иродовых сооружений не заменит нам ни первоначального храма Соломона, ни его скромных сокровищ.

— Ты прав в глазах людей, которые ставят народ на первый план, а неразумные «предания старцев» выше книг Моисея,— желчно возразил саддукей,— но хотел бы я знать, какой в том прок, что вы сами спускаетесь до низменного уровня толпы? Народ до сих пор не заслужил ничего хорошего. Это все тот же неразумный ребенок, который роптал в пустыне и плакал возле золотого тельца.

Бен-Даниил промолчал, не желая резко возражать почтенному другу своего отца. Молча перешли они Теранеатскую долину и медленно поднялись по скалисто-склону горы Мориа к наружной стене храма.

Пятеро ворот с массивными колоннами и портиками вели через наружную стену во внутренние дворы, расположенные террасами один над другим. Вдоль стены с внутренней ее стороны шли галереи, крытые кедровым деревом, опирающиеся на колонны из цельного мрамора; последние были выкрашены снизу на одну треть в синий, сверху на две третьих в темно-красный цвет и упирались на цоколи с густой позолотой.

В этих галереях, вымощенных пестрой мозаикой, собирался народ и учителя закона для поучений и деловых совещаний. За галереями находился двор язычников с широкими рядами коринфских колонн и с роскошными аркадами. Шесть металлических досок с греческими и латинскими надписями оповещали каждого, что иноверцам под страхом смертной казни воспрещен доступ в следующие дворы. Первоначально, по примеру храма Венеры на горе Эрике и сирийской богини в Гиерополисе, здесь дозволялось иностранным купцам производить торговлю красным и галантерейным товарами, за что с них взималась в пользу храма известная арендная плата. Но вскоре к иноземным купцам присоединились иудейские мытари и менялы. Их присутствие обуславливалось тем обстоятельством, что священники при собирании податей и пожертвований, отменив ходячую монету с языческими эмблемами, принимали только мелкую серебряную иудейской чеканки. Менялы разменивали ходячую монету, причем брали «калбан», то есть пять процентов суммы. Таким образом, в Иерусалиме при храме Иеговы зародилась современная биржа с присутствием ей гвалтом и мошенничеством. Но дело этим не ограничилось. Двор язычников искушал людскую жадность. Местные торговцы голубями и ягнятами считали себя обиженными предпочтением, оказанным иностранцам, и подняли вопль, требуя для себя одинаковых с ними прав.

Некий Баба бен-Бута первый пригнал на великолепный двор три тысячи овец. При таком обороте дел иностранные гости поспешили убрать свои товары и очистить место евреям.

Съестные лавки мелких торгашей, палатки менял и столики мытарей непосредственно примкнули к священной ограде и от восточных ворот протянулись по обеим сторонам вплоть до портика Соломона. Внутри же двора язычников целые стада быков и овец томилась от жары, заражая воздух зловонием. Под тенью аркад, на мозаичном дорогом полу, расположились

люди с огромными плетеными корзинками, битком набитыми голубями. Тут же сидели менялы со стопками монет, и звонко раздавалась крупная брань за бесчестную торговлю. Таким образом двор язычников иудеи превратили в скотный двор и место ярмарки. Невообразимый гам, смешанный с ревом животных, неприлично заглушал торжественное пение левитов и молитвы священников, а страшное зловоние его нечистот, не имевших стока, оскорбляло религиозное чувство набожных молельщиков.

Собственно Святыня имела сто восемьдесят семь локтей в длину, сто двадцать пять в ширину и была обнесена отдельной стеной. К ней вели девять ворот с мраморными ступенями, сплошь выложенными золотом и серебром. С каждой стороны ворот стояло по цельной мраморной колонне в двенадцать локтей окружности. Над воротами были надстройки в виде башен с различными помещениями. Перед беломраморным зданием храма, горделиво возвышавшимся на колоссальном каменном основании, размещались отдельные дворы: женщин, евреев и священников. Из этих дворов через открытый портал храма была видна вся его внутренность. Над порталом вилась знаменитая, гигантских размеров золотая лоза из литого золота с виноградными гроздьями в человеческий рост.

Перед порталом на священническом дворе стояла умывальница, а перед ней большой жертвенник всежжения, с северной стороны которого были вделаны в мозаичный помост двора шесть рядов колец для привязывания жертвенных животных и восемь низких столбов с перекладинами для снятия шкур с убитых. Между столбами стояли мраморные столы для мяса. За порталом в предхрамии стояли два стола: один золотой для тука, другой серебряный для инструментов, употребляемых при жертвоприношениях. Здание храма представляло резкое смешение восточных, позднейших греческих и римских архитектурных форм. Вокруг него были расположены в галереях у стен различные помещения: хранилища музыкальных инструмен-

тов и риз левитов, зал собраний, погребя, кладовые, арсеналы с оружием и экипировкой для храмовой стражи. Под самым зданием были подземелья, куда не имел доступа никто, кроме священников, и где находился «корван», сокровищница храма с несметными, накопленными веками богатствами.

В верхнем этаже был целый лабиринт комнат и зал. Плоская золотая крыша, обнесенная вокруг перилами, была снабжена по углам золотыми тонкими шпилями в защиту от птиц, которые пугались их ослепительного блеска и отлетали прочь.

Бен-Даниил, пораженный всем этим великолепием, пожирал глазами грандиозное сооружение, любясь террасами дворов, сверкавшими на солнце разноцветной мозаикой.

Веньямин обратил его внимание на замечательные двустворчатые ворота, обложенные массивным серебром и золотом; те из них, которые выходили на восток, были покрыты толстым слоем коринфской латуни, ценившейся дороже всех драгоценностей. Саддукей указывал юноше на красивые портики, двойные переходы, дивные колонны с золотыми цоколями, на роскошь скульптурных украшений и на сменяющиеся глыбы розового и белого мрамора, напоминавшие гребень и бездну морских волн. Но великолепнее всего была Святыня, которую сравнивали по форме с лежащим львом и которая своей мраморной белизной и своими золотыми крышами походила издали на снеговую гору с позолоченной солнцем вершиной. При этом Веньямин объяснил бен-Даниилу, что над постройкой храма трудились в продолжение сорока шести лет десять тысяч наемных рабочих, тысячи упряжек лошадей, непрерывно доставлявших строительный материал, и, сверх того, целая тысяча священников. Облаченные в белые ризы, они неусыпно работали, кладя своими руками на предназначенное место отесанные камни.

Между тем город проснулся, зашумел, улицы оживились и через все девять блистающих ворот храма

повалили густые массы народа, который столпился, голова в голову, перед величественным портиком Соломона с беломраморной колоннадой, украшенной гирляндами цветов и трофеями в честь Иуды Маккавея.

Священники и левиты собрались в предназначенных для них дворах, готовясь к жертвоприношению.

Теперь на площади верхнего рынка распахнулись настежь ворота палат первосвященника. Оттуда вышла торжественная процессия и направилась через Ксistos по виадуку в храм. Шествие открывал отряд храмовой стражи в белых талифах поверх кожаных лат с медным прибором и в белых тюрбанах с остrokонечной железной тульей. Вслед за отрядом священники несли обвитый гирляндой из дубовых листьев щит Асмонея, за которым шел, окруженный своими офицерами, храмовый военачальник, Элиазар бен-Ганан. Далее шли левиты в длинных белых одеждах и стройно пели торжественные гимны под звуки лютней, арф и флейт. За ними шествовал сам первосвященник Матфей бен-Феофил в сопровождении членов синедриона, саддукейской аристократии, фарисеев и старейшин народа.

Он шел под пурпурным балдахином с золотой бахромой. Нубийские рабы несли вокруг него опахала из павлиньих хвостов и страусовых перьев. Торжественное облачение первосвященника состояло из белого с фиолетовой каймой хитомена с узкими рукавами, опоясанного пурпурным эмиамом с золотыми кистями. Подол его пурпурного шелкового меира был расшит голубым и карминовым шелком и золотом, а сверх того унизан круглыми кистями и золотыми бубенчиками в виде гранатовых яблок. Поверх меира был надет эфод из драгоценной материи, протканной темно-фиолетовыми, ярко-красными и золотыми нитями. Он застегивался на плечах золотыми застежками. На груди первосвященника блистал золотой щит с двенадцатью камнями, на которых были вырезаны имена двенадцати колен израилевых. Щит этот заменил

утерянный древний урим и тумим. На голове первосвященника поверх сетки масна-эмертес был надет головной убор кидар, род тюрбана, украшенный диадемой с пурпурными лентами и с надписью: «Свят для Иеговы». Блестящее шествие замыкали раввины, книжники и отряд воинов.

Бледное, серьезное лицо Матфея со впалыми щеками носило следы утомительных приготовлений к торжеству.

За семь дней до праздника он уже уединялся от своего семейства, и к нему никто не имел доступа, исключая одних старейшин и книжников. Глава церкви в это время жил как узник, проводя дни и ночи в посте и молитве. Старейшины строго наблюдали за исполнением обрядности, а книжники непрерывно читали ему вслух тексты закона. Его окропляли святой водой и к нему подводили в установленном порядке жертвенных животных, тщательный осмотр которых лежал на его обязанности. Последние же сутки первосвященник окончательно проводил без сна, без капли воды и куска хлеба. И теперь после стольких испытаний он должен был идти в процессии, совершать многочисленные обряды и жертвоприношения самого торжественного в году богослужения.

На ступенях предхрамья Святыни появилась высокая статная фигура Матфея во главе пятисот священников в блестящих белых одеждах.

Грянул резкий звон огромного медного гонга. Народ пал ниц. В воцарившейся тишине нежно зазвучали струны арф и раздалось тихое пение левитов. Священники закадили, и благовонный дым из пятисот кадильниц окутал синими облаками Святыню. По принесении ежедневной жертвы священники провозгласили: «Услышь, Израиль: твой Бог был и есть один Бог!» «Аминь! Аминь!» — грянуло в толпе из тысячи уст так мощно и дружно, что дрогнули стены, встрепенулись колонны. Сонм священников, благословляя народ, простер руки и трижды громко произнес только в этот день произносимое страшное имя Иеговы, причем хо-

ром запел древнюю, как сам Израиль, песнь: «Да воссияет лик Иеговы и да помилует Он тебя. Да обратит свой лик к тебе Иегова и дарует мир тебе».

Торжественно и плавно неслись звуки песни под сводами и портиками храма среди мертвого молчания, в которое был погружен коленопреклоненный народ. Все замерли, притихли, внимая этому гимну, к звукам которого некогда прислушивались седые от древности пирамиды фараонов.

Теперь первосвященник, переоблаченный в длинную белую тунику, приступил к приношению жертвы покаяния. Возложив руки на голову беспорочного тельца, он громко произнес формулу покаяния и долго стоял с поникшей головой, как будто ожидая чего-то ужасного. Народ, объятый суеверным страхом, пал ниц и с трепетом ждал решения грозного Бога. Но вот первосвященник радостно воспрянул, зыпрымился во весь рост и объявил: «Радуйся, Израиль, ты чист перед Господом!» Обрадованный народ огласил храм ликующими криками.

На южной стороне предхрамья двое козлиц отпущения одинаковой величины и черной масти ожидали своей участи, бодаясь и бляя. Первосвященнику подали урну с золотыми жребьями; вынув жребий, он определил, которое из козлиц предназначалось в жертву Богу и которое злему духу пустыни Азазель. Рога последнего Матфей обвил алой лентой и сдал его на руки храмовому служителю, который должен был отвести козла в пустыню и низвергнуть его со скалы в пропасть, дабы козел с грехами Израиля никогда больше не возвратился назад.

Приступив затем к тельцу, первосвященник еще раз возложил ему на голову руки, вторично произнес формулу покаяния и, схватив каменный нож, заклал тельца на больших неотесанных камнях подножия алтаря всежжения, огромного мраморного куба с рогатыми углами. Кровь, вытекающую из перерезанного горла жертвы, первосвященник собрал в золотой сосуд и передал на хранение молодому священнику, обя-

занность которого состояла только в том, чтобы предохранять эту кровь от свертывания. Затем, набрав в кадилаицу горячих углей и посыпав на них тончайшего ладану, Матфей, окружая себя облаком благовоного дыма, торжественно направился во Святаа Святыа. Разделявшие святыню на две половины царские двери, резной греческой работы из слоновоа кости и черного дерева, были настезь распахнуты, так что народу стала видна великолепаная вавилонская занавесь, расшитая золотом и отливающая цветами радуги. Перед ней виднелся золотой алтарь для хлебов предложения, такой же жертвенник для курений и серебряный семиветвенный светильник.

Первосвященник с видимым страхом приблизился к занавеси.

Предание гласило, что в этот день Иегова спускается во Святаа Святыа и витает там, во гневе вспоминая страшное осквернение его святыни Антиохом Эпифаном. Случалось иногда, что первосвященник, войдя в обитель грозного Бога, падал на месте мертвым, за грехи свои сраженный Иеговоа.

Святаа Святыа оставалась без всяких украшений со времени разрушения первоначального храма. Она была доступна только для одного первосвященника, и то один раз в году, в первый день праздника Обновления храма.

Матфей бен-Феофил быстрым движением распахнул занавесь и переступил роковой порог. Окадив Святаа Святыа, он поставил кадилаицу на неотесанный камень, составлявший все ее убранство, и возвратился, чтобы взять от своего ассистента сосуд с кровью тельца и окропить ею Святаа Святыа. Он исполнил этот обряд, кропя пальцем один раз вверх и семь раз вниз.

Теперь дошла очередь до козлиц. Предназначенного Богу первосвященник заклал у подножия алтаря и его кровью окропил обитель Бога, а предназначенного злому духу послал в пустыню.

Толпа любопытных отправилась вместе с храмовым служителем, чтобы присутствовать при свержении козла в пропасть и быть очевидцами чуда, которое заключалось в следующем: если Израилю предстоял счастливый год, то алые ленты на рогах животного должны были изменить свой цвет на белый.

Отправив козла, первосвященник громко прочел народу из книг Моисея текст, относящийся к этому обряду, а затем в последний раз вошел в Святая Святых — взять остававшуюся там кадила и окадить народ ее священным дымом. Потом он затеплил семиветвенный светильник и совершил омовение рук и ног.

Во время свершения этих обрядов народ с суеверным любопытством следил глазами за всем происходившим, и в храме царила глубокая тишина. Когда же первосвященник в последний раз благополучно возвратился из Святая Святых, народ встретил его ликующими криками, и робкое молчание сменилось шумным говором толпы.

Теперь многие, особенно женщины, утомленные продолжительной службой, оставили внутренние дворы, чтобы подышать свежим воздухом под аркадами и галереями южного двора. Здесь собралась многочисленная публика, состоящая преимущественно из молодежи, которая пользовалась случаем для устройства своих сердечных дел.

В числе прочих и юный бен-Даниил направился туда, где развевались воздушные покрывала иерусалимских красавиц. Он встретил Фамарь в обществе дочерей Симона бен-Гамалиила. Дамаскинец, как неопытный новичок, остановился поодаль и с завистью смотрел на счастливых, разговаривавших с Фамарью. Хорошенькая сестра Веньямина, смеясь, кокетничала, искусно маневрируя покрывалом, и дарила своих поклонников огненными взглядами.

Чувство ревности вспыхнуло в сердце юноши. Фамарь не могла его не заметить, а между тем она ни разу не обратила на него внимания, очевидно, увлекшись разговором с каким-то сионским франтом. Бен-

Даниилу сделалось вдруг досадно, что он так глупо стоит тут, прячась за колонну, точно вор, и украдкой любуется этой пустой, тщеславной девчонкой. Он круто повернулся и быстро пошел по направлению к верхней террасе.

По мраморным ступеням восточных ворот спускался ему навстречу Веньямин, оживленно разговаривая с тремя молодыми людьми, учениками массоры. Увидев Марка, саддукей махнул ему рукой.

— А я тебя искал: думал, ты в проходе Хель поджидаешь сестру.

— Бат-Симон там в обществе своих знакомых! — с напускным равнодушием ответил бен-Даниил, указывая на колоннаду галереи.

— А-а!.. Ну так она отправится с нами домой. Девушки спешат заблаговременно занять места на Кси-стосе, чтобы видеть обратное шествие первосвященника, а мы, друг Марк, пойдем своей дорогой. Этот мошенник Абнер вчера забыл прислать мне вино, купленное мною. Вот мы и заглянем к нему по пути.

Веньямин разгладил бороду и полувопросительно взглянул на трех юношей.

— А что, уважаемый Веньямин бен-Симон, ты уж пробовал то вино, которое купил у Абнера?.. — лукаво спросил один из них, Филипп из Румы галилейской; другой был его старший брат Натира, а третий, малый громадного роста и неимоверной силы, Элиезер бен-Самаиос из Сааба в Галилее.

При вопросе Филиппа Веньямин с ужасом вспомнил, что совершенно положился на слово Абнера и заплатил ему часть денег вперед, даже не зная толком названия купленного вина. Между тем хозяин «Колодца Иакова» не отличался добросовестностью, и Веньямин увидел свое спасение только в поддержке друзей.

— Э, я почти не пью вина, — отвечал он, — а держу его в доме больше для гостей. Получив весть, что ко мне едет на побывку вот этот дорогой гость, я заказал Абнеру доставить мне запас хороших вин ко дню

праздника и дал ему задаток, а он до сих пор что-то медлит,— с беспокойством добавил Веньямин.

— Ну, это к счастью, что он не прислал тебе вина,— заметил Филипп.— Я знаю Абнера, это такая бестия! Вот что, почтенный бен-Симон, пойдём-ка вместе к трактирщику, попробуем сначала заказанных тобою вин, и если они окажутся плохими, то Элиезер расправится по-своему со старой лисицей. Он вытрясет из него твой задаток!

— Сделай милость, сделай милость! — поклонился Веньямин Филиппу, бросая умоляющий взгляд на верзиплу Элиезера, который добродушно улыбался, очевидно, польщенный предложенной ему ролью.

Они весело двинулись всей гурьбой. У Марка стало вдруг легко на душе. Понимая замысел Филиппа, он предвидел, что поход на Абнера закончится хорошей выпивкой. Вот и отлично: за пренебрежение он оплатит Фамари пренебрежением! Пусть она ждет его дома с трапезой. Он предпочел компанию лихих товарищей ее обществу!

Однако Веньямин попросил бен-Даниила сходить го двор женщин, где молилась благочестивая матрона Руфь, его мать, и предупредить ее, чтобы она не ждала их и возвращалась домой с Фамарью. Исполнив поручение, юноша догнал ушедших вперед. Проходя мимо колоннады, где стояла с подругами сестра Веньямина, все еще продолжая болтать с молодым франтом, он крикнул ей мимоходом:

— Бат-Симон, брат не велел тебе уходить домой без матери!

— Кто этот нахал? — раздалось ему вслед сердитое восклицание кавалера Фамари.

IV

— Привет высокочтимому Веньямину бен-Симону, щедрому благодетелю бедных, могущественному покровителю слабых! — раскланивался толстый Абнер,

разодетый в праздничный талиф с огромными кистями и украшенный невероятными цицифами.

Он поспешил встретить знатного саддукея в воротах своей гостиницы.

— И тебе привет, благочестивый Абнер! — ответил тот, с тревогой заглядывая в маленькие хитрые глазки трактирщика. — Я зашел сюда по дороге из храма, чтобы узнать, когда ты послал ко мне вино.

— Вино? Какое вино, господин? — спросил Абнер таким невинным тоном, что Веньямин содрогнулся.

— Нечего с ним много толковать! — вмешался Элиезер Самаиос, надвигаясь на трактирщика всем своим мощным телом. — Отправляйся-ка, приятель, в погреб да принеси оттуда бурдюки, за которые получил задаток. Я сказал. Слышишь?

Абнер с достоинством отступил перед Голиафом и продолжал, вкрадчиво улыбаясь:

— Ах, да! Ты говоришь про то вино, которое я тебе рекомендовал! Как же, как же! Оно приготовлено, и я только ждал возвращения домой работника, чтобы навьючить бурдюки на осла и препроводить к тебе.

— Отлично! Я захвачу их с собой! — воскликнул обрадованный Веньямин.

Теперь он совершенно успокоился; у него были свидетели, и Абнер не мог теперь отказаться от заключенного торга. Саддукей уселся на камень и хладнокровно приготовился ждать возвращения работника.

— Ну, а что же проба? Неужели ты возьмешь вино у этого архиплута, не отведав его предварительно? — воскликнул Филипп, которого мучила сильная жажда.

— Да, Абнер, и в самом деле его надо попробовать. Пожалуй, вино кислое, — согласился Веньямин.

— Тащи сюда настоящую пробу. Да вот что, я сам спущусь с тобой в погреб и вынесу сюда бурдюки, мы тут и попробуем, каково твое вино, — рассмеялся Элиезер, кладя на плечо трактирщика широкую ладонь.

Его повелительный жест не требовал пояснений. Бросив на Самаиоса свирепый взгляд, толстяк волея-неволей двинулся к винному складу, находившемуся по ту сторону двора.

В то же время на улице за стеной слышался гвалт собравшейся толпы, причем один громкий голос заглушал беспорядочные отрывистые возгласы остальных.

— Кажется, там собрался народ. Вероятно, какой-нибудь зилот или уличный пророк устроил сходбище,— произнес Веньямин, насторожив слух.

— Интересно было бы его послушать,— заметил Марк, с любопытством выглядывая за ворота.

— Не советую тебе вмешиваться в уличное сборище,— предостерег его саддукей.— Ты еще не знаешь Иерусалима... Да и слушать-то этих проповедников не стоит,— презрительно прибавил он.

— Ну, не скажи,— возразил Филипп,— иногда пророки говорят дельно, в особенности те, которые из назарян.

Из винного погреба вышел Элиезер с Абнером, таща два огромные бурдюка. При виде такого изобилия Филипп воскликнул от радости и бросился им на подмогу. Перетащив мехи с вином в обширные сени гостиницы, молодые люди послали Абнера за чашами. Началась проба вина, и Веньямин с каждой новой минутой убеждался, что попал из огня в полымя.

— Ну, друзья мои, теперь, я полагаю, вы достаточно убедились, что вино действительно от лоз садов Бофия, как уверял Абнер,— с затаенной тревогой сказал он, замечая, что его бурдюки из пузатых становятся что-то уж слишком тощими.

— О, такому обманщику нельзя верить! — поспешно перебил Филипп.— Ну-ка, Элиезер! Налей мне в чашу вон из этого меха; в нем вино как будто отзывается железом.

— Не железом, а кожей!—авторитетно заявил Негира с лукавой улыбкой по адресу дамаскинца.

Между тем новый яростный крик толпы заглушил слова Веньямина, решившегося энергично вступить за свои бурдюки. Очевидно, скопище за оградой гостиницы увеличивалось, и молодые люди взобрались на галерею, выходящую на главную улицу квартала Сыроваров.

Шагах в двадцати от угла переулка стояла каррука крестьянина, продавшего Абнеру ячмень и зимние плоды. Сам владелец карруки и пара его мулов расположились тут же, в раскинутом наскоро шалаше. Шалаш и карруку обступила толпа народа. На карруке стоял высокий худой старик в белой убогой одежде, опоясанный кожаным поясом, он говорил проповедь. Лицо проповедника, обтянутое желтой, как пергамент, кожей и выдающиеся лицевые кости говорили о глубокой старости. Его длинная фигура и белые, развевавшиеся по ветру волосы делали его похожим на привидение из долины Иосафата, но глубоко запавшие глаза горели лихорадочным огнем одушевления, а экзальтированный голос звучал сильно и речь лилась, как у юного оратора.

— Не я, а пророк Исаяя глаголет моими устами! — прогремел проповедник, простер над толпою руку и выразительно умолк.

Волнение, вызванное его речью, понемногу улеглось.

— Исаяя, пророк Господа, порицает ваши курения, молитвы и кровавые жертвы, превращающие святую в бойню. Он вопиет против беззаконий ваших князей и старейшин, которые питаются кровью и потом бедняков тружеников. Эти сребролюбцы и злодеи утопают в роскоши, ходят разодетые в виссон и пурпур, а тебе, несчастный народ, нечем покрыть наготу, ты терпишь нужду и лишения!

— Ей-ей, он говорит правду! — слышалось из толпы.

Старик обвел слушателей торжествующим взглядом и, грозя пальцем в сторону Сиона, воскликнул:

— Горе саддукеям, чванным, жестокосердным сад-

дукеям! Горе сынам Бефия и Кантария, этим неверующим в загробную жизнь эпикурейцам! Горе временщикам, незаконно захватившим власть. Вопфузинам и Камгитам! Горе ехидному дому Ганана и Фаби! Сами они первосвященники, сыновья их хранители корвана, зятя — военачальники, а их рабы и слуги избивают бедняков палками, взимая подати и десятины! Вон из храма бесстыдных тунеядцев, долой ростовщиков и кровопийц саддукеев!

Толпа рукоплескала, восхищенная нападками на богатую и гордую аристократию.

— Однако же нечего сказать, старик не церемонится! — заметил, смеясь, Филипп.

Бен-Даниил молчал: его возмущали злорадные рукоплескания черни.

Между тем проповедник воодушевился еще более. Он поднял руки и покрыл своим голосом шумное одобрение толпы.

— Горе вам, книжники и фарисеи — лицемеры! Сторонись, народ, ханжей с поддельной добродетелью. Подобно Сихему, они исполняют обряды только ради земных благ, которые надеются заполучить при жизни в награду от Бога! Подлые, скудные духом лицемеры! Они спотыкаются, ибо в избытке смирения не в силах отделить подошвы от земли при ходьбе! Они стучатся лбами в стены, ибо от избытка целомудрия ходят по улицам, зажмуривая глаза, чтобы не соблазниться при виде встречной женщины.

— Не дело говоришь, старец: фарисеи воистину благочестивые мужи! — возразили из толпы.

Проповедник сурово нахмурил брови.

— Господи, — воскликнул он, воздевая руки кверху, — когда же наконец огонь небесный изойдет с неба на главы книжников, искажающих закон твой?

— Заврался, старик! Фарисеи и книжники друзья народа. Законы они пишут верно, по преданиям старцев. Не станет огонь небесный пожирать их! — неожиданно гаркнул дюжий ткач, стоявший в первом ряду.

Толпа заволновалась. Нападки на любимую и влиятельную секту возбудили неудовольствие слушателей. Однако противоречие только подстрекнуло рвение оратора.

— Безрассудные вы! Фарисеи, подобно омерзительным, злобно шипящим гадам, обвинили ваше тело. Они заражают вас ядом коварства, самомнения, соблазняют примером жизни напоказ.

— Довольно! Молчать!

— Да, они заражают тебя, Израиль, чумным духом самохвальства и гордости; они оскверняют святыню клятв, и вам не верят нынче язычники, убедившись, что вы, наученные раввинами, прибегаете к игре слов в договорах. Остерегайтесь, говорю вам, широких филоктерий, толстых кистей и длиннополых талифов: под ними скрываются сердца убийц.

— Замолчи, старик, пока говорят тебе добром! — заревел ткач, злобно поднимая кулак и топая ногами.

Проповедник простер руку, собираясь продолжать обличительную речь, но его голос заглушили свистки и шиканье недовольных.

Элиезер и Филипп, внимательно слушавшие до тех пор, вступились за него. Элиезер Самаиос выпрямился во весь рост и крикнул со стены:

— Эй, вы там! Не мешайте ему говорить! Он почтенный старец, и мы хотим его послушать.

— Он поносит фарисеев! — ответили юноше снизу.

— Так что ж? Разве это воспрещено законом?

— Ведь вы молчали, когда он громил духовенство? — прибавил Марк бен-Даниил.

— Верно, верно, пусть и фарисеям достанется! — согласились многие из народа.

Толпа разделилась на две партии. Предводителем сторонников маститого оратора явился оборванный носильщик. Между ним и ткачом поднялась перебранка. Элиезер и Филипп с хохотом науськивали вожаков друг на друга. Им вторила публика. Толпа, собравшаяся вокруг проповедника, с нетерпением ждала уличной драки.

Между тем бен-Даниил крикнул проповеднику, чтоб продолжал тот свою прерванную проповедь. Старик, рассерженный на слушателей, энергично требовал слова. При содействии Марка и его товарищей ему удалось наконец опять сосредоточить на себе внимание толпы. Наградив презрительным взглядом защитника фарисеев, ткача, он опять загремел, обращаясь к народу:

— Горе, восьмеричное горе убийцам — фарисеям! Они осуждают отцов за убиение пророков, а сами, проникнутые духом убийства, пролили Праведную Кровь на Голгофе Иисуса Христа.

При этих словах в толпе произошло смятение; подняв руки к небу, она разразилась жалобным воплем:

— Горе нам и нашим детям!

Дело в том, что люди, сопровождавшие козла отпущения в пустыню, возвратились и разнесли по всему городу печальную весть, что чудо не совершилось: ленты на рогах козла не изменили цвета при свержении его в пропасть. Благодать Божия отступила от Израиля. Но проповедник истолковал по-своему смятение толпы, объятый суеверным страхом. Спеша воспользоваться, как ему казалось, благоприятной минутой и пылая апостольским рвением, он поразил взволнованную чернь окончательным громом:

— Да, горе вам и Иерусалиму! Облако славы отошло от храма и повисло над Елеонской горой. Солнце меркнет, тучи чернеют, сверкает пламя кровавых зарниц! Летит ангел смерти на черных крыльях, он несет истребление. Плачь, Иерусалим, близок день, когда и город и храм падут во прах, когда враги стеснят тебя со всех сторон, побьют в тебе детей твоих и не оставят камня на камне в тебе!

При этом зловещем предсказании толпа глухо застонала. Лица исказились ужасом, и среди гробового молчания торжественно прозвучал призыв проповедника обратиться к новой вере и покаянию.

— Покайтесь, пока не поздно! Господь не требует от вас ни крови белых агнцев, ни тука беспорочных

тельцов. Нет, Ему нужны только дела милосердия и любвеобильные сердца. Услышите! Моими устами глаголет истинный Мессия, посланный Богом и распятый вами! «Иерусалим, Иерусалим, убивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел я собрать чад твоих, как птица собирает птенцов под крылья, и вы не восхотели! Се оставляет-ся вам дом ваш пуст, ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: «Благословен грядый во имя Господне».

Проповедник умолк. Указывая рукою на небо, он смотрел на толпу с просветленным лицом и радостной надеждой во взоре.

С угрюмыми лицами, злобно стиснув зубы, стояли перед ним иудеи. Вдруг раздался резкий, крикливый голос: «Он богохульствует! Смерть ему!»

Из толпы вынырнул маленький остроносый человек, храмовый служитель, зилот Анания.

— Я знаю этого зловещего ворона! — вопил он, размахивая руками. — Он предатель и богоотступник.

Толпу охватил один из тех приступов внезапного стихийного бешенства, которым был подвержен этот город во все века при своих религиозных столкновениях. С поднятыми кулаками, с лицами, искаженными злобой, двинулась толпа на проповедника. Несчастный старик, ошеломленный этим внезапным взрывом народной ненависти, испуганно озирался на разъяренную чернь, окружившую его с пеной у рта.

Дюжий ткач, багровый от ярости, злорадно оскалил зубы и, схватив старика за кожаный пояс, зверски рванул его с карруки. Тот беспомощно взмахнул руками и вниз головой полетел наземь. В одну минуту он был заплеван, избит пинками.

— Камнями его, камнями — по закону! — кричал Анания.

Ткач ухватил за волосы проповедника, лишившегося чувства.

— Расступитесь, правоверные, место дайте!

Толпа отодвинулась, образуя полукруг. Орава по-

лунагих мальчишек во всю прыть понеслась за камнями к строящемуся поблизости зданию.

В это время бен-Даниил, потрясенный заключительными словами проповеди, спрыгнул со стены и стремительно бросился на ткача. Сильный удар кулаком в лицо ошеломил забияку. Он пошатнулся и бессознательно выпустил свою жертву. Смелый поступок юноши сначала озадачил его товарищей. Но видя, как опомнившийся от удара ткач накинулся на Марка и после короткой борьбы повалил его навзничь, они, недолго думая, бросились на выручку дамаскинцу. Спустившись со стены, братья из Румы наскоро вооружились топором и киркой; эти орудия послужили крестьянину при устройстве шалаша и лежали вместе со сбруей мулов на карруке, из которой силач Элиезер выломал дышло за неимением другого оружия.

— Мамзер¹! Свинья! — хрипел ткач, упираясь коленом в грудь Марка и заноса над ним кулак.

— Держи его, держи! Этот тоже назарянин! Обоих камнями, правоверные! — визжал зилот Анания.

Толпа бросилась вперед.

Но тут над головой ткача блеснул топор Филиппа. Под его лезвием из раскроенного черепа брызнула кровь и мозг. Убитый, как сноп, свалился на бок. Толпа беспорядочно отхлынула назад перед страшными размахами тяжелого дышла в руках голиафа Элиезера. Освобожденный от своего противника, бен-Даниил вскочил на ноги. Видя, что его товарищи оттеснили толпу от переулка, он подхватил под мышку бесчувственного старика и потащил его к воротам гостиницы. К нему подоспел на помощь Филипп, и юноши, подняв на руки проповедника, поспешно понесли его дальше. Элиезер с Натирой прикрыли их отступление. На месте свалки рядом с трупом убитого ткача лежал еще труп другого человека, убитого наповал ударом дышла. Несколько человек, раненных ишибленных, охая, поднимались с земли.

¹ М а м з е р — незаконнорожденный.

Вид трупов и стоны пострадавших возбудили в народе жажду мщения. Зилот Анания, благоразумно державшийся в стороне во время свалки, выступил теперь вперед и, остановившись над убитыми, ломал руки, рвал на себе одежду, волосы и страшно вопил, призывая народ к возмездию богохульникам, отступникам от святых отечественных преданий и убийцам.

— Смерть им, мамзерам! — ответили из толпы, и несколько человек бросились в соседние дома, чтоб, вооружившись там чем попало, осадить гостиницу Абнера. Из ближайших улиц доносился топот сбегающего народа; плоские кровли домов быстро унизывались людьми.

V

Веньямин с полным равнодушием относился к происходившему и спокойно сидел в сенях, предоставляя молодым людям интересоваться уличными сценами.

Но Абнер, знавший по опыту, чем иной раз кончаются подобные сборища бурной черни, присоединился к братьям, предварительно заперев крепко-накрепко ворота. Когда бен-Даниил спрыгнул со стены и к нему присоединились остальные, трактирщик в ужасе прибежал к Веньямину.

— Их надо спасти! Дамаскинец Марк — сын моего друга, слышишь, Абнер! — засуетился саддукей.

— Да, и все они хорошие ребята и мои лучшие посетители, — согласился хозяин «Колодца Иакова». — Но что мы тут поделаем?.. Ох, какая у них идет свалка!

И Абнер схватился обеими руками за голову.

— Боже великий, эти ам-га-арецы растерзают наших учеников! — в ужасе воскликнул Веньямин.

— Ну, не очень-то, — возразил трактирщик, — не в первый раз им приходится участвовать в драке. Послушай, как ревет этот буйвол Элиезер, и как жалобно воет чернь. Пойдем выглянем в калитку! Пожалуй, они скоро пробьются сюда, а не то, может быть, мы

увидим возвращающихся домой моих работников или постояльцев.

Они побежали к воротам и, растворив калитку, высунули головы. По переулку сновали мальчишки. Абнер окликнул одного из них.

— Пошлем его в преторию за солдатами! — шепнул саддукей; трактирщик отрицательно покачал головой.

— Как можно? Ни один из них не сунется туда: языческие солдаты сейчас осквернят еврейского мальчика! Сефер-гиль-гулим¹, — обратился он к малышу, подбежавшему на его зов, — хочешь заработать целый сикль?

При этом Абнер показал ребенку издали две блестящие серебряные монеты. Глаза мальчишки засверкали жадностью.

— Знаешь дом Гиллея на верхнем рынке?

Тот утвердительно кивнул курчавой головенкой.

— Отлично! Так ты сбегай туда и скажи, что народ грозит побить камнями Веньямина бен-Симона и учеников массоры. Вот тебе полсикля в задаток.

Мальчишка поднял брошенную монету.

— Ну, что же ты стоишь, паршивый! — закричал Абнер, видя, что тот не двигается с места.

— Ты обещал целый сикль! — отвечал оборвыш, грызя зубами монету и ковыряя землю босой ногой. Абнер вспыхнул от злости и цапнул было его за вихор. Но мальчишка ловко увернулся, готовый задать стрекача.

— Сефер-гиль-гулим, — вкрадчиво заговорил опять трактирщик, — другую монету ты получишь, когда исполнишь поручение.

— Обманешь! Давай теперь, а не то я убегу.

Взбешенный Абнер попотчевал его метким плевком, но делать было нечего. В переулке показался бен-Даниил, тащивший проповедника, и хозяин гостиницы с отборной руганью швырнул мальчишке другую монету. Тот поймал ее на лету, засунул в рот и, как заяц, пустился к воротам Сиона.

¹ Мальчик моложе 12 лет.

Внеся проповедника во двор, юноши перевели дух.

— Позови-ка сюда женщин, пусть приберут его! — произнес Марк, указывая на распростертое на земле тело еле живого старика.

— Уф! Едва дотащили!

— Ну, что его прибирать! Это богоотступник! — возразил Абнер, с ужасом отворачивая лицо и как будто отталкивая кого-то ладонями. — Лучше выбросить эту собаку за ворота. Тогда народ побьет его камнями, а нас оставит в покое.

Бен-Даниил взглянул на окружающих. Его товарищи стояли молча, как бы отчасти соглашаясь с трактирщиком. Один только Веньямин участливо смотрел на бедного старца. Марку стало досадно. Разве он для того только вырвал этого человека из рук разъяренной черни, рискуя собственной жизнью, чтобы хладнокровно смотреть, как он испустит дух под градом камней, или чтобы малодушно выдать его врагам из боязни насилия над самим собою? Нет, этому не бывать! Юноша нагнулся, приподнял старика с земли, взвалил себе на плечи и решительно направился к дому. Товарищи последовали за ним.

— Безумцы! — простонал Абнер. — Теперь народ разнесет мою гостиницу, а вас побьет камнями!

Между тем переулок наполнился чернью и ворота затрещали под ударами секир. Трактирщик сделал попытку вступить в переговоры с атакующими, но ему ответили ругательствами и новыми ударами в толстые брусья ворот. Дрожащий от страха Абнер приподнял длиннополый талиф и, наметив себе убежище в овечьем хлеву, обратился в постыдное бегство.

Марк с помощью Веньямина устроил избитого проповедника в зале гостиницы, где в ожидании посетителей и возвращения постояльцев были расставлены триklinии.

Старик едва дышал. Но когда ему освежили холодной водой лицо и влили в рот несколько капель вина, он пришел в чувство и настолько ожил, что попросил пить. Саддукей поднес к его запекшимся губам гли-

няную чашку с водой. Отпив несколько глотков, проповедник хотел что-то сказать, но приступ мучительного кашля прервал его слова. Выплевывая сгустки крови, он жалобно стонал и хватался рукой за правый бок, где было переломано несколько ребер. Когда кашель немного утих, Веньямин предложил ему вина.

— Выпей, это подкрепит тебя, Никодим, — сказал он проповеднику, но тот бессильно поник головой и, шевеля бескровными губами, принялся хрипеть.

— Разве ты знаешь его? — спросил Марк, с участием смотря на умирающего.

— Да, еще бы не знать! — отозвался Веньямин. — Этот несчастный некогда был членом синедриона и одним из лучших учителей закона. И вот до какого состояния довели его назаряне, в секту которых он вступил.

Саддукей с презрительным состраданием взглянул на Никодима. Тот неподвижно лежал, устремив на него взгляд потухших глаз. Он умер за свою веру!

Выломав ворота, толпа ворвалась во двор и окружила дом.

Последовал яростный штурм. Однако, высадив двери, атакующие наткнулись на баррикаду, за которой стояли храбрые защитники. Первый смельчак, перескочивший за порог, полетел навзничь, сраженный тяжелой киркой Нетиры. Осаждающие отступили. У них пропала охота рисковать собой. На дворе перед домом послышалось галденье: поднялись крики и споры о том, как добыть отчаянных злодеев. Юркий Анания выручил из затруднения толпу, посоветовав сжечь живьем изменников Израиля вместе с оскверненным домом нечестивого Абнера. Предложение зилота было принято с восторгом, и толпа, не долго мешкая, приступила к делу. Под рукой горючего материала было вполне достаточно. Стоило только разобрать с десяток шалашей в соседних улицах. Чернь работала с лихорадочным рвением и нагромоздила перед домом Абнера громадный костер из хвороста и сухих жердей. Кончив работу, она разразилась ликующими криками

и, схватившись за руки, принялась плясать, громко притопывая ногами.

Явился Анания с зажженным факелом в руке. Его приветствовали радостным воем.

— Заткни нос, Израиль, сейчас запахнет жареной свиной! — острил зилот, размахивая факелом, чтоб он лучше разгорелся.

Потом обратился к народу с краткой речью, в которой уподобил себя пророку, посланнику Божию, призванному очистить Израиль от назарян, и свой факел сравнил с огнем небесным, Анания бросил его в костер.

Мирные обыватели и женщины облепили крыши соседних домов и с тревогой следили за происходившим. Жена и служанки Абнера, ломая руки, громко вопили со своей кровли. Огонь быстро разгорался, сухое топливо затрещало, из него полетели искры, пахло дымом... Вдруг между публикой на крышах произошла суматоха. Оживленно жестикулируя, люди поворачивали головы в сторону северных ворот Сиона и указывали на что-то друг другу. Наконец они подняли руки кверху и разразились зловещим для черни криком:

— Горе вам: войско идет!

Озадаченная чернь остановилась и притихла. Среди воцарившейся тишины ясно слышались фанфары труб и гулкий шаг железной колонны римлян.

— Спасайтесь, люди! — раздались за оградой двора отчаянные крики.

Переулок загудел от топота бегущего в смятении народа. Трубы звучали все ближе и громче; наконец раздалась отчетливая команда офицеров и боевой клик римских солдат.

Толпа, охваченная паническим страхом, бросилась в беспорядочное бегство. Двор гостиницы опустел. Минуту спустя он снова наполнился римскими воинами и вооруженными слугами нази (председателя) синедриона.

Марк бен-Даниил, Элизер и братья его из Румы были немедленно арестованы как зачинщики уличной драки и отведены под конвоем в Сион.

VI

Арестованным пришлось недолго ждать в роскошной зале, отделанной кипарисовым деревом и расписанной золотыми арабесками, в доме Гиллея, куда их отвела римская стража.

Пурпурная занавесь в дверях с правой стороны распахнулась, и к ним вышел из внутренних покоев великий нази синедриона, Симон бен-Гамалиил, в сопровождении Веньямина бен-Симона.

Внук знаменитого Гиллея был высокий, статный мужчина лет пятидесяти. Седина едва коснулась его черных волос, ниспадавших на плечи длинными локонами, и подвитой, старательно расчесанной бороды. Живое, выразительное лицо напоминало благородный облик его отца, утонченного Гамалиила, а в живых блестящих глазах и улыбке тонких губ сказывалась сердечная доброта просвещенного гуманного человека. Его изящную фигуру живописно облегал белый с фиолетовой каймой хитомен, узкие рукава которого были стянуты у кистей рук широкими золотыми браслетами, а гибкий, сильный стан обвивал белый с красным узором пояс-эмиам.

Войдя в залу, нази строго взглянул на юношей, почтительно склонившихся перед ним.

— Прискорбно мне видеть учеников закона, обвиняемых в преступном потворстве беззаконию,— произнес он звучным голосом.— Что скажете вы в свое оправдание?

Молодые люди стояли, понуриив головы. Из них только один Марк не признавал себя виновным. Разве мог он совершить преступление, вступившись за беззащитного старца и избавив его от жестокого самосуда

черни? Юноша смело выступил вперед и с низким поклоном сказал председателю синедриона:

— Виноват один я, товарищи только увлеклись моим примером. Мне стало жаль почтенного старца. Народ не был вправе казнить его позорной смертью. Он говорил истину.

— Которая, однако, была богохульством. Ты поступил опрометчиво,— внушительно заметил Симон бен-Гамалиил и, как бы читая в мыслях Марка, добавил:— Жертвы Богу установлены законом Моисея, и кто восстанет против них, да накажется смертью. Этот закон пока еще не отменен, и народ был в своем праве побить камнями человека, проповедника новой веры, противной святым отечественным преданиям, подстрекателя к бунту против властей и высших классов. Заступаясь за него, ты делался его сообщником.

Услышав такое тяжкое обвинение против Марка, молодые люди с беспокойством переглянулись между собой и, наконец, все трое воскликнули в один голос:

— Марк бен-Даниил не виноват! Это мы побили народ. Суди нас, а не его.

Симон бен-Гамалиил добродушно усмехнулся.

— Говорите, кто из вас был зачинщиком? — спросил он, принимая снова строгий вид.

— Никто не был. Все действовали сообща,— единодушно отвечала молодежь.

— Действительно драка вышла дружная! — саркастически заметил нази и, обращаясь к Венъямину бен-Симону, сказал: — Пока первосвященник не решит дела, ты возьмешь их к себе на поруки. Ступайте с Богом! — кивнул он головой арестованным, отпуская их жестом руки.

В доме Венъямина, куда молодые люди отправились в довольно неприятном настроении духа, они были встречены Фамарью. Девушка непринужденно поздоровалась с учениками массоры Гиллея, где ее брат был наставником. Она с оживлением принялась рассказывать, какой переполох поднял мальчишка, посланный Абнером, и как они с матерью испугались

за брата. Но теперь, слава Богу, все обошлось благополучно. Лукавая красавица, пленительно улыбаясь, поздравила юношей со счастливым избавлением от опасности.

— Одно только неприятно,— добавила она, опуская ресницы,— что мне велено держать вас, бедненьких, под замком, пока не придет стража, чтобы отвести вас в темницу. Брат распорядился, чтобы вы были заперты в чулан. Мешок соломы и кувшин пресной воды — вот все, что велено вам дать. Как мне вас жаль. Вам придется спать на соломе и утолять жажду одной водой в такой торжественный день!

— Прелестная бат-Симон, неужели ты не прибавишь к ней ни капли вина! — воскликнул Филипп умоляющим тоном и простирая руки.

— Я не могу послушаться брата! Он строго-настро-го приказал томить вас голодом и жаждой. Ведь вас будут судить всем синедрioном, как государственных преступников!

— И все-то ты врешь! — раздался веселый голос Веньямина, незаметно подкравшегося к разговаривающим.— Я велел тебе, шалунья, приготовить трапезу для гостей и только одному Филиппу не давать вина, потому что он и без того выпил сегодня много.

С громким смехом упорхнула Фамарь из комнаты, чтобы велеть служанкам накрывать на стол. Веньямин сообщил гостям радостную весть: Симон бен-Гамалиил желает оставить дело без последствий. Первосвященнику будет доложено, что нази не нашел достаточного повода предать арестованных суду и отпустил их с миром.

— Таким образом, вы можете сегодня же отправиться по домам,— заключил хозяин, ласково улыбаясь студентам.

Вечером Иерусалим запылал огнями. На улицах горели плошки и факелы, а на площадях смоляные бочки. Юноши и девушки пели победные гимны в честь Иуды Маккавея. На ярко иллюминированной площади Ксистос собралось все сионское общество.

Утомленный пережитыми в этот день впечатлениями, дамаскинец стоял в стороне от веселящейся молодежи. Он равнодушно смотрел на живописную картину залитого бесчисленными огнями города, на пылающий храм, на громадное зарево, разлитое красным отблеском по темному своду ночного неба.

— Отчего ты стоишь в стороне, не поешь и не пляшешь с нами? — спросила его подошедшая Фамарь, протягивая ему с улыбкой руку. — Пойдем, я хочу с тобой потанцевать.

Напускное равнодушие к танцам и угрюмость сразу исчезли, как только Марк заглянул в темные, влажно блестящие глаза девушки. Она все еще улыбалась.

— Если хочешь, я готов целую жизнь петь и плясать с тобою! — как-то нечаянно сорвалось у него с языка, и он впился глазами в юную чародейку.

Она ответила ему звонким серебристым смехом, повисла на его руке, и они закружились под задорные звуки тамбуринов, сопровождаемые плясовым припевом.

Возвратясь домой, бен-Даниил чувствовал себя счастливейшим человеком в мире. На прощанье Фамарь доверчиво пожала ему руку и посмотрела на юношу так нежно, что сердце бен-Даниила забилося учащенно.

Между тем новый друг дамаскинца, веселый, беззаботный Филипп, напротив, возвращался в свое жилище понурив голову. В этот вечер он виделся с девушкой, которую давно уже страстно любил, но, к несчастью, их разделяла целая непреодолимая пропасть условий. Филипп был сыном небогатого землевладельца в презираемой иудеями Галилее, и все, что он мог достичь в будущем, ограничивалось почетным званием раввина в родимом городе Руме, тогда как его возлюбленная была знатного происхождения, дочь сановника, облеченного княжеской властью. Разве мог он когда-нибудь помышлять о женитьбе на ней? Что толку в том, что девушка сама любила его? Разве это еще

не увеличивало их обоюдного несчастья? Погруженный в свои невеселые думы, Филипп ускорял шаги, спеша добраться до своей горенки, чтобы забыть во сне горькую действительность.

VII

По случаю предстоящей свадьбы Иммы в доме Гиллея ежедневно собиралось веселое общество, состоявшее из подруг невесты и друзей жениха. Теперь к ним присоединился и Марк бен-Даниил.

На другой день праздника тихим вечером Симон бен-Гамалиил сидел в садовой беседке, разговаривал с женихом своей дочери, Элиезером Гирканом, с храмовым военачальником, Элиазаром бен-Гананом, и своим сыном, Гамалиилом. Увидев в саду Марка, Симон подозвал его к себе.

— Я не успел еще поблагодарить тебя за услугу, — приветливо обратился к нему нази. — Вчера ты спас от позорной смерти человека, бывшего другом моего отца. Спасибо тебе за это! Никодим и еще другой наш выдающийся законоучитель, Феофил, приняли учение назарян, — обратился Симон бен-Гамалиил к своим собеседникам. — Тогда мой отец, желая дать им надежный приют, предоставил в их распоряжение свой загородный дом, где они оба и жили до сих пор. Феофил — искусный врач. Внучка Тавифа покоит его старость, помогает ему собирать травы и готовить из них целебные эликсиры. Много лет оба друга проводили дни в этом уединении; только в последнее время Никодим вздумал проповедовать иудеям новое учение и вот вчера поплатился жизнью за свою неосторожность.

— Да, наш народ не шутит, когда дело коснется его веры! — сурово заметил храмовый военачальник.

— Никодим не поносил нашей веры, он только отрицал жертвоприношения, — скромно возразил Марк на замечание бен-Ганана.

Тот смерил юношу надменным взглядом.

— В самом деле, обычный у нас самосуд черни представляет вопиющее зло,— подтвердил со своей стороны хозяин.

— Вот как! — воскликнул с едким смехом спесивый начальник храмовой стражи.— По-твоему, значит, народ должен равнодушно слушать богохульство и сносить беззакония злодеев?.. Отлично!

— Я этого не говорю, любезный Элиазар,— спокойно возразил нази.— Я только отрицаю самоуправство там, где существует правосудие, основанное на законах и опирающееся на государственную власть.

— Ты ошибаешься: народ был прав. Никодим восстал против жертв. Этого вполне достаточно, чтобы осудить его на смерть,— вмешался Элиезер Гиркан.

— Как, ты, представитель знатного рода и просвещенный человек, оправдываешь своеволие черни и придаешь такое значение жертвам? — пожал плечами Гамалиил.— Разве не восставали против них пророки? Да и что означают слова Господни: «Не по Моей воле, а по вашему желанию принесете Мне жертвы?» В законе не должно быть противоречия.

— Это противоречие только кажущееся, а на самом деле в законе Моисея скрыт глубокий смысл,— сказал его отец.— Я постараюсь объяснить вам это притчей. Некий сын могущественного царя, вместо того чтобы достойно насыщаться за царским столом отца своего, предавался пагубному обжорству и пьянству с развратными друзьями. Видя это, могущественный царь повелел: отныне да не ест мой сын иначе как за моим столом. Хочу, чтобы он научился обычаю, порядку и не поддавался соблазну развращенных друзей. Подобно царскому сыну, Израиль привык приносить жертву Ваалу, Астарте и другим языческим демонам, и потому Господь повелел: «Да принесете отныне ваши жертвы Мне, истинному Богу!»

— Учитель, твоя притча прекрасна, однако многие благочестивые мужи доказывают противное,— почтительно заметил Марк.

Симон бен-Гамалиил ласково потрепал его по плечу.

— Только одни эссеяне, мой друг! Они учат о поклонении Богу в духе. Я уважаю эссеян, как справедливых достойных мужей, но не могу согласиться с их странными взглядами и не одобряю их нововведений. Они живут уединенно из боязни осквернения, презирают богатство, отрицают право собственности, владеют имуществом сообща и проповедуют всеобщую бедность. Эти люди веруют в загробную жизнь и ради будущих благ жертвуют благами настоящего, кроме того, проповедуют умерщвление плоти и безбрачие; но зато они кротки, милосердны и никогда не оскверняют себя ложью.

Симон бен-Гамалиил встал, государственные дела призывали его к работе в уединении и тиши внутренних комнат. Он пожал руки собеседникам и медленно направился через сад к дому. Бен-Даниил с чувством глубокого почтения смотрел вслед удаляющемуся внуку Гиллея. Короткая беседа с нази перевернула вверх дном все понятия двадцатилетнего юноши. Его смущал еще другой не менее важный вопрос: почему презренный мир язычников, поклоняющийся демонам, отрицающий Бога живого, Создателя вселенной, процветает, а мир иудейский находится в унижении и в рабской от него зависимости. Никогда еще он не испытывал так сильно потребности знания. Поскорее бы кончились эти празднества с их суматохой, чтоб ему можно было приступить к изучению мудрости раввинов; в ней он надеялся найти ответ на мучительные вопросы, так неожиданно набросившие тень на его светлое до сих пор мирозерцание. С этими мыслями Марк присоединился к обществу молодежи, занятой на лужайке игрой в котабос. Она состояла в том, что играющие пускали на воздух пушинки и брызгали на них изо рта водой. Невинной забаве придавался смысл любовного гаданья. Если летящую пушинку удавалось обрызгать водою и заставить опуститься вниз, это означало успех в любви.

Присоединившись к обществу, бен-Даниил разговаривал с младшей сестрой Иммы, Мириам. Вторая дочь

Симона бен-Гамалиила походила на своего отца и унаследовала от него в одинаковой степени прямодушие и возвышенный, благородный образ мыслей. Молодая девушка, едва вышедшая из детского возраста, заинтересовала дамаскинца живой, остроумной беседой, и он удалился с нею в аллею магнолий, где они присели на дерновой скамейке. Мириам завела разговор о его вчерашнем приключении и спросила про Филиппа.

Марк рассказал ей подробности дела, не скупясь на похвалы товарищу, так геройски спасшему его жизнь. Мириам слушала своего собеседника с большим вниманием и, в свою очередь, рассказала, что она также обязана Филиппу, который год тому назад избавил ее от смертельной опасности. Проводя жаркое время года на даче отца по ту сторону восточных холмов в окрестностях Иерихона, она любила бродить по живописной местности, прилегавшей к пустыне, в которой были только скалы, змеи и бесплодные деревья. Мириам особенно охотно навещала пастуха Азру, восьмидесятилетнего старца; он пас стада ее отца в дикой безлюдной пустыне, тянущейся к югу от Иерихонского оазиса к берегам Мертвого озера, где в заросших тростником заводях Иордана водились крокодилы и хищные звери. Девушка любила предаваться мечтам в этой глубокой Иорданской долине — в жаркий полдень, когда воздух становится подобен тонкому, легкому пламени, любила беседовать с маститым старцем в темную ночь при свете звезд на пурпуровых небесах, слушая завыванье диких зверей пустыни.

И вот однажды в одну из таких прогулок Мириам взобралась на высокую скалу, чтобы полюбоваться с ее вершины видом ленивых, отливавших кобальтом вод проклятого озера. Тут, в одной из расселин скалы, она заметила гнездо орла. Молодая девушка из любопытства приблизилась к нему. При ее появлении одинокий птенец поднял жалобный крик. На крик птенца прилетела орлица и яростно напала на Мириам. Та прислонилась спиной к отвесному уступу скалы и, от-

биваясь палкой, звала на помощь. Но силы девушки слабели, а орлица свирепела, грозя растерзать ее. Вдруг в воздухе прожужжала стрела, и громадная птица тяжелым камнем упала в пропасть. В ту же минуту на уступ скалы прыгнул стрелок, который охотился поблизости на диких коз.

Он схватил на руки трепещущую, перепуганную девушку и бережно отнес ее в долину к старику Азре. Этот стрелок был Филипп.

С тех пор Мириам всегда рада видеть Филиппа, которому бесконечно благодарна за свое спасение, но они видятся так редко! Происшествие, рассказанное ею бен-Даниилу, составляет их тайну. Сначала она умолчала о нем из боязни, что ей запретят посещать Азру, и потому Филипп до сих пор остался чужд их дому. Теперь же ее спаситель почему-то не хочет, чтобы она рассказывала об этом отцу. Филипп горд и благороден.

— Он смотрит на меня, как на знатную, богатую аристократку, — добавила дочь Симона с оттенком грусти. — Ты его друг, передай же ему, что я не придаю цены богатству, что я не такая чванная и бездушная, как другие. Скажи это ему, когда с ним увидишься.

Слушая рассказ Мириам, Марк угадал по ее взволнованному голосу и тихой грусти, разлившейся в мечтательных чертах, что ее романтическое знакомство с его другом не пропало бесследно. Пожав с теплым чувством руку молодой девушки, он твердо решил быть ее верным, самоотверженным другом и союзником.

После краткого молчания Мириам заговорила снова и таинственно сообщила своему собеседнику, что ее сестра очень тревожится о своей судьбе в замужестве, постоянно гадает и советуется с людьми, прорицающими будущее. Теперь она намерена обратиться к одной колдунье, египтянке Сахенрис, живущей в уединенной хижине на берегу Мертвого озера. Отверженная людьми язычница собирает волшебные травы, из корня мандрагоры приготовляет любовный

напиток. Ей известны все чары и заклинания демонов; она беседует с душами грешников, погибших под сернистым пеплом и встающих по ночам из проклятых вод.

Мать Мириам матрона Рахиль и ее друг, вдова Симона бен-Нехания, Имма и Фамарь решили непременно посоветоваться перед свадьбой с этой колдуньей. Как только кончится праздник Обновления храма, Мириам с Фамарью и ее матерью отправятся на иерихонскую дачу под тем предлогом, что им нужно выбрать там лучших ягнят и птиц и драгоценные благовония для свадебного пира, на самом же деле с целью посетить язычницу-колдунью. Самой Имме нельзя участвовать в поездке, потому что жених непременно захочет ее сопровождать.

Предстоящее развлечение очень радовало Мириам. По пути она навестит Феофила и его внуку Тавнефу, которых любит, а затем увидит и старика Азру. Вот было бы хорошо, если б Марк согласился проводить их и пригласил с собою Филиппа. Фамарь и ее мать боятся разбойников и будут очень довольны отправиться в дорогу под охраной двух храбрых спутников.

Услышав об этой затее женщин, бен-Даниил обрадовался. Мириам, конечно, не подозревала, насколько ему самому было на руку ее предложение. Дамаскинец охотно дал слово за себя и за Филиппа. Молодая девушка пришла в восторг, и они тут же обдумали сообща хитросплетенную интригу, чтобы лучше устроить дело согласно со своими личными видами. Потом оба, веселые и довольные друг другом, они присоединились к остальной молодежи и приняли живое участие в ее забавах, длившихся до поздней ночи.

VIII

Прошла неделя. Праздник Обновления храма окончился, и Иерусалим принял свой обыденный вид, когда несметные толпы богомольцев снова отхлынули из иудейской столицы.

Бен-Даниил в течение дня прилежно посещал храм, где слушал знаменитых иерусалимских законохранителей, а вечера проводил в семействе Веньямина или в доме Гиллея, только изредка навещая своих друзей в Нижнем городе или участвуя в их скромных пирушках в гостинице Абнера, с которым молодежь очень подружилась.

Фамарь, оказав ласку влюбленному юноше, тем не менее обуздывала его слишком страстные порывы и держала Марка в почтительном отдалении. Дамаскинец жестоко страдал, постоянно находясь между страхом и надеждой. Он то ликовал от радости, когда Фамарь дарила его тайным рукопожатием или ему одному понятным взглядом, и погружался в бездну отчаяния, когда нетерпеливый жест, насмешливая улыбка и ледяное равнодушие останавливали страстное признание, готовое сорваться с его губ. Наконец он не выдержал и признался своей приятельнице Мириам в безнадежной любви к ее своенравной подруге. Тут молодая девушка с чисто женским коварством изменила старой дружбе ради новой и, подговорив сестру, в один прекрасный день напала на Фамарь, когда они сидели втроем за шитьем нарядов для Иммы.

— Зачем ты поощряешь любовь Марка, если сама не любишь его? — укоризненно говорила Мириам.

— По-моему, это нечестно, — поддержала сестру Имма. — Ведь ты не в угоду родителям завлекаешь дамаскинца! Тебя никто не принуждает к тому.

— Не могу же я вешаться на шею мужчине! Марк, пожалуй, вовсе и не думает на мне жениться, — уклончиво ответила Фамарь, встряхивая расшитое золотом покрывало, над которым трудились ее беленькие пальчики.

— Вот как! — с негодованием воскликнула Мириам. — Смотри, Имма, как она притворяется! Влюбила в себя бен-Даниила, благородного, доброго юношу, а теперь, когда он страдает, Фамарь сомневается в честности его намерений. О моя милая бат-Симон, могу

тебя успокоить на этот счет: отец Марка очень богат и бен-Даниил завидный жених для любой девушки!

— Я не настолько корыстолюбива, чтобы наводить справки о богатстве женихов! Предоставляю это другим,— холодно заметила сестра Веньямина.

— Когда Мириам сказал мне, что Марк без ума от тебя,— вмешалась Имма,— я осведомилась о нем у нашего поставщика Гарефы. По его словам, старик Даниил, отец нашего гостя, ведет обширную торговлю; значит, Марк вполне подходящий тебе жених.

— А, вот что! Я не знала, что моя подруга шпионит за мной и вмешивается в мои дела! — рассмеялась Фамарь.

Мириам вспыхнула от негодования:

— За тобой нечего шпионить. Ты на глазах у всех расставляешь свои сети бедному бен-Даниилу и кружишь ему голову.

— Право же, Имма, наша малютка Мириам точно с ума сошла. Вероятно, она нечаянно спутала Марка с Элиезером бен-Гананом! Успокойся, девочка, я не собираюсь отбить у тебя жениха, а до других тебе нет дела!

— Вы, кажется, собираетесь выцарапать друг другу глаза, только этого не доставало! — вмешалась Имма, прерывая ссору девушек.— Ты, Фамарь, должна, однако, сознаться, что сестра отчасти права. Грешно играть сердцем доброго юноши, если ты не думаешь сделаться его женой.

— Разве выбор мужа зависит от меня? Пускай бен-Даниил поговорит с моим братом...

— А если Марк зашлет сватов и твой брат согласится, ты охотно пойдешь за дамаскинца? — спросила Мириам, устремляя на подругу пристальный взгляд

Фамарь медлила с ответом. В глубине души честолюбивая девушка завидовала дочерям бен-Гамалиила, из которых одна выходила замуж за самого знатного человека в Иудее, в жилах которого текла царственная кровь, а за другой ухаживал храмовой военачальник, будущий первосвященник. Конечно, она не

могла рассчитывать на подобную партию, но все-таки за бедного, незнатного родом или не именитого по заслугам человека она не хотела выходить. А между тем ей уже было девятнадцать лет, и года через два, много три она поступит в разряд старых дев. Бен-Даниил был довольно богат, но пока еще только простой ученик закона. Впрочем, он был молод, и мог еще многого достигнуть. Во всяком случае, ему предстояло сделаться преемником своего отца и богатым купцом.

— Если брат согласится, то я, пожалуй, не прочь...— ответила Фамарь, избегая взгляда подруги.

— Бен-Даниил честный, великодушный человек. Он никогда не женится на девушке против ее желания. О, этот юноша не возьмет в дом рабыню, он возьмет только преданную любящую жену. Потому отвечай мне, бат-Симон, любишь ли ты Марка? — пылко сказала Мириам.

Фамарь вспыхнула:

— Какое тебе дело, люблю я или нет? Что ты ко мне пристаешь? Вспомни, что ты еще недавно играла с ребятишками.

— Ты бездушное существо. Лучше было бы бен-Даниилу влюбиться в злую Лилит, чем в тебя!

Мириам бросила работу и, звеня бубенчиками сандалий, выбежала из комнаты.

— Ты оскорбила сестру! — с укоризной сказала Фамари Имма.

— Нисколько! Ее никто не просил читать мне наставления.

— Согласна с тем, но неужели ты и на меня рассердишься?

— Ты — совсем другое дело. С тобой, милая Имма, я могу говорить рассудительно.

— По-моему, тебе не следует отвергать любовь юноши, — продолжала молоденькая невеста. — И как отлично будет, если твоя свадьба состоится вслед за моей, а потом настанет очередь Мириам. Вот мы и станем веселиться круглый год.

— Разве участь Мириам уже решена?

— Конечно. Не нынче-завтра за нее посватается Элиезер бен-Ганан. Это дело уже покончено между отцом и стариком Гананом.

— Однако, дорогая Имма, меня смущает незнатное происхождение Марка.

— О, это пустяки! Дома Гиллея и Гиркана будут покровительствовать твоему мужу. Сыну богатого дамасского купца нетрудно занять в Иерусалиме почетную должность. Хочешь я переговорю с бен-Даниилом?

IX

Ночь уже окутала Иерусалим и над Сионом ярко светила луна, когда бен-Даниил прибежал, запыхавшись, в гостиницу Абнера. Отыскивая в этот вечер своего друга Филиппа, он побывал сначала в синагоге храма, потом на квартире братьев из Румы и, наконец, теперь колотил обоими кулаками в калитку «Колодца Иакова».

Выбежавшая на стук служанка, после предварительных расспросов, впустила бен-Даниила во двор, и через раскрытые окна гостиницы до него донесся громкий смех товарищей и звучный голос Филиппа, который пел застольную песнь под звон кубков и чаш. Абнер в качестве архитриклиния встретил вошедшего юношу с полной чашей вина, а товарищи приветствовали его появление заздравным тостом и трехкратным поднятием чаш. Распив с компанией кубок, бен-Даниил сделал Филиппу знак, и они вышли в обширные сени гостиницы. Тут юноша бросился на шею друга и стал душить его в объятиях.

— Что с тобою? Ты с ума сошел!

— От радости и счастья, дружище! Ты видишь перед собой самого счастливого человека в мире.

— Ого! Уж не выбрал ли тебя синедрион в первосвященники? Или, чего доброго, ты сделался хранителем корвана?.. В таком случае, приятель, надеюсь,

ты угостишь нас на славу да и в будущем откроешь нам широкий кредит!

— Молчи, беспутный кутила, и слушай, что тебе сообщу. Сегодня, когда мы были в саду Гиллея, Имма отозвала меня в сторону и сказала, что я нравлюсь Фамари и она согласна быть моей женой. Сначала я не верил такому счастью, но Имма меня убедила. Когда она ушла, я бросился домой и только успел отворить калитку из сада Гиллея в сад Веньямина, как увидал ее, лучезарную деву Сиона! Она стояла у фонтана, задумчиво глядя на его струи. Я упал к ногам моей Фамари, безмолвно лобзая край ее одежды, душистой, как жасмин. Она ласково провела рукой по моим волосам и тихо прошептала: «Ступай, бен-Даниил, к моему брату, скажи ему, что желаешь жениться на мне...» Филипп, эти простые слова прозвучали в моих ушах слаще гимна херувимов!

— Итак, ты жених черноокой бат-Симон?.. Мне остается только поздравить тебя!..— произнес Филипп с оттенком иронии.

Дамаскинец крепко пожал ему руку.

— А знаешь, кому я обязан счастливой развязкой? — спросил он, лукаво щурясь на друга.— Прелестной, бесподобной Мириам! О, это ангел, а не девушка, Филипп. И вот что я скажу,— таинственным тоном прибавил юноша, кладя руку на плечо друга,— она равнодушна к тебе! Право, брось ты эту гульбу и подумай серьезно о счастье, которое само дается в руки.

Филипп стоял понурив голову, потом махнул рукой и с горечью заметил:

— Не чета мне, бедняку, знатная девушка! Вернемся-ка лучше к товарищам и за их дружеской беседой отпразднуем радость и забудем горе.— Быстро распахнув двери, он громко крикнул: — Поднимем заздравные чаши, друзья. Марк бен-Даниил сосватал невесту!

Была уже полночь, когда Абнер, провожая гостей, светил им через темный двор. Распахнув калитку, он

высоко поднял светильник. Юноши, проходя мимо, смеялись, пожимая ему руку, и щелкали в толстое брюхо архитриклиния, который, с тех пор как был возведен в это почетное звание, довольно добросовестно обманывал своих посетителей и еще добросовестнее напивался с ними. При выходе на улицу молодые люди чуть не наткнулись на фыркающую лошадь. По переулку проезжал всадник, закутанный в плащ. Пламя светильника упало на его лицо, обрамленное русою, коротко остриженной бородой, и отразилось на металлическом шлеме с высоким панашем из орлиных перьев. Позади всадника поспешно ехали воины и шли под вьюками мулы, позвякивая бубенчиками.

Х

На другой день Марк, не без чувства легкой тревоги, вошел в комнату Веньямина с намерением просить себе в жены его сестру. Он заговорил об этом и растерялся с первых же слов, тяжело переводя дух и то и дело вытирая со лба капли пота. Выслушав бессвязную речь смущенного юноши, Веньямин усмехнулся про себя и спросил:

— А как посмотрит на твое сватовство отец? Пожелает ли богатый почтенный Даниил Дамаскин породниться с небогатой семьей?

Марк сильно смутился этим вопросом. Его даже бросило в холод. Перед ним восстал облик сурового, непреклонного старика, который никогда не баловал сына. Ну что, как он и в самом деле не согласится? Что тогда будет? Захочет ли Фамарь разделить участь человека, отверженного отцом?

В глазах у бедного Марка потемнело, в ушах раздался звон. Между тем Веньямин, насладившись волю его смущением, не спеша встал с места, вынул из шкафика письмо и сказал, протягивая его бен-Даниилу:

— Вот прочти, что пишет твой отец. У него уже давно выбрана для тебя невеста.

Марк дрожащими руками развернул поданный свиток и поднес его к глазам. Это было то самое письмо, которое он привез из Дамаска Веньямину. Пробежав его наскоро глазами, юноша стремительно бросился в объятия бен-Симона. Оказалось, что старик Даниил и покойный отец Фамари, Симон бен-Нехания, были компаньонами и давно уже предполагали породниться между собою, поженив своих детей. Отправляя сына в Иерусалим, Дамаскин главным образом имел в виду сблизить его с дочерью умершего друга и исполнить слово, данное ему при жизни. Расцеловав Марка, Веньямин позвал Фамарь и, соединив руки жениха и невесты, назначил день обручения.

XI

Перейдя в пользование римских правителей, дворец Ирода Великого получил название «иродовой претории»

Он состоял из двух колоссальных беломраморных флигелей, называвшихся Цезарским и Агриппинским. Флигели соединяла открытая площадка с дивным видом на Иерусалим. Ее украшали великолепный мозаичный пол, кудрявые портики и колонны из разноцветного мрамора, а водоемы и красивые фонтаны вместе с множеством зелени и душистых цветов навевали прохладу и наполняли воздух ароматом. Снаружи дворец Ирода представлял массу стен, тонких башен и золотых крыш, со вкусом перемешанных между собою.

Внутри дворца находились анфилады зал и комнат, отделанных с баснословной роскошью золотом, серебром, великолепной живописью греческих мастеров, уставленных драгоценными вазами, резной мебелью из слоновой кости и черного дерева.

В то же утро, когда в скромном домике Гискана, по ту сторону площади, счастливый Марк заключал в объятия невесту, на роскошной площадке колоссального дворца сидел у мраморного столика в резных позолоченных креслах, покрытых тигровыми шкурами, египтянин Юлий Лахмус Энра, секретарь прокуратора, и прибывший накануне стратег Агриппы, Филипп бен-Иаким с военачальником драбантов Вальтасаром Тероном.

Секретарь, раздушенный, напомаженный фронт, с хитрым лицом и вкрадчивыми манерами, говорил медовым голосом, часто поднося к лицу вычурным жестом душистые фиалки, которые он держал кончиками выхоленных пальцев, униженных перстнями.

— Я теперь вполне убедился, что даже и такие роскошные дворцы, как этот, могут опротиветь и казаться отвратительными,— цедил сквозь зубы щеголь.— Если прокуратору не придет в голову отозвать меня отсюда в Цезарею, то я, право, сбегу!

— Однако, Лахмус Энра, ты уж чересчур требователен! — рассмеялся Терон, суровый с виду шестидесятилетний старик, приземистый, широкоплечий, с глубоким шрамом на лбу и белой широкой бородой.

— Нисколько! — возразил египтянин.— Но жить на вулкане, выбрасывающем лаву, не в моем вкусе. Подумай: разве кто-нибудь из прокураторов гостил в Иерусалиме более нескольких недель в год? Да они и приезжали-то сюда только поневоле, потому что были обязаны находиться в иудейской столице на праздниках, ради громадного стечения народа, во всякое время способного к бунту.

— Это правда! И наш государь терпеть не может Иерусалима,— заметил третий собеседник, тридцатилетний мужчина среднего роста с мужественным лицом, обрамленным русой, коротко подстриженной бородой, и с умными серыми глазами.

— Еще бы! — воскликнул Лахмус Энра,— тетрарх Агриппа высокообразованный государь с утонченным вкусом. Что ему за интерес жить в городе презренных

иудеев! — Губы египтянина сложились в брезгливую усмешку. — Жаль, что Анпиону не были известны документы нашего архива, когда он писал свою «Египтиаку»! Мой знаменитый земляк еще и не так бы отделал выгнанных из Египта прокаженных свинопасов. Да вот вам один из тысячи примеров тупоумия этого народа, погрязшего в варварском фанатизме: Иерусалим, как известно, страдает от недостатка воды. Понтий Пилат предпринял устройство водопровода. Считая это общественным делом, прокуратор употребил на него часть денег из корвана. И что же вышло? Евреи подняли гвалт. Светская власть-де захватила духовный фонд: капитал Иеговы! Десятки тысяч восстали, осыпая прокуратора бранью и гнусными упреками. Их бьют, они кричат свое, да и только. Так и остался Иерусалим до сих пор без водопровода.

— Вот наш Ирод Великий, — перебил Терон, — уж как держал их круто. При нем иудеи не смели пикнуть!

И он так ударил по столу широкой ладонью, что изделие афинского мастера чуть не разлетелось вдребезги.

— С этим я согласен. Великий, могучий человек был Ирод! — подтвердил секретарь, удерживая обеими руками покачнувшийся столик. И, приняв опять свою обычную небрежную позу, он добавил: — Зато после его смерти здесь господствует полная анархия.

— Ну ничего! Ей будет положен конец, за этим мы сюда и приехали! — с жаром продолжал Вальтасар.

Осторожный стратег хотел было остановить излишнюю откровенность почтенного Терона, но тот упрямо отмахнулся рукой и прибавил:

— Чего тут церемониться! Я старый солдат, вырос и поседел в лагере, не знаю и знать не хочу лисьих виляний хвостом! Ну-ка, любезный Юлий Лахмус Энра, говоря по совести, положи руку на сердце, сколько... — Вальтасар пошевелил пальцами, как будто считая деньги, — сколько возьмет с нас римский всад-

ник Гессий Флор за это осиное гнездо? — И он указал рукой на город.

Египтянин закашлялся.

— Я, кажется, простудился! У меня что-то закололо в боку! — воскликнул он, беспокойно вертась в кресле и в замешательстве хватаясь то за правый, то за левый бок.

Наконец, у него как будто отлегло. Он успокоился, снова начал нюхать фиалки и до того углубился в это занятие, что совершенно позабыл ответить на вопрос начальника телохранителей.

— А получил ли ты подарки, посланные тебе царицей Береникой? — любезно осведомился у него Филипп бен-Иаким.

Лахмус Энра отложил букет в сторону и поклонился царедворцу, эффектно прижимая правую руку к сердцу.

— Царственная Береника поручила мне передать тебе вместе с ее благоволением, что между присланными подарками недостает еще одного таланта серебра, который ты получишь из ее рук, — с тонкой улыбкой продолжал тот.

Толстые губы египтянина сложились в довольную улыбку, а хитрые глаза раскрылись, как у голодного шакала, почуявшего добычу. Он рассыпался в любезностях, приписывая милости Береники дружбе к нему царедворца; потом, помолчав немного, заговорил снова, как бы продолжая прерванную беседу.

— Бедный Гессий Флор сильно огорчен кончиной своей покровительницы, незабвенной Поппеи. Покойная августа¹ была очень дружна с женой прокуратора Клеопатрой. Да, бедный Гессий! В прошлом году ему с такими издержками и усилиями досталась жирная прокуратура, и вдруг... такой случай, такой непредвиденный внезапный поворот колеса слепой Фортуны!

¹ Титул императрицы.

Секретарь причмокнул и трагически развел руками.

— Да, старой лисице недолго пришлось таскать кур в Палестине! — рассмеялся Терон. — Что ж, он собирается обратно за море?

— Прокуратор намерен последовать примеру Цинцината и, если не ошибаюсь, уже начал строить виллу в Италии.

— На которую понадобятся деньги, — улыбнулся бен-Иаким. — Однако это важная новость! При таких обстоятельствах Гессий Флор легко согласится действовать с нами заодно, особенно если и ты замолвишь за нас словечко, дорогой Лахмус Энра!

— Это будет зависеть оттого, насколько ваши интересы совпадают с интересами Гессия Флора, — с ударением произнес секретарь, приподнимая брови.

— Теперь настала самая удобная минута для Агриппы, чтобы добиться в Риме царского титула. Он поехал в Александрию поздравить Александра Тиверия с назначением в наместники Египта, Сирии и Палестины. Если только прокуратор согласится на наше предложение, то тетрарх немедленно отправится в Рим.

— Конечно, конечно, теперь самое удобное время, и, если немного похлопотать, дело будет сделано, — заметил египтянин, задумчиво любуясь сверкающими перстнями на своих пальцах.

Стратег Ирода нагнулся к нему и вымолвил вкрадчивым тоном:

— Именно следует похлопотать. После отставки прокуратора назначение нового будет зависеть от доклада императору, а его главные советники на стороне тетрарха.

Лахмус Энра долго рассматривал носок расшитого золотом финикийского сапога, прежде чем ответил царедворцу.

— Положим, в Риме дело у вас налажено хорошо. Тайный секретарь императора Энафродит, фаворитка Кальвия Кристилия и всемогущий Тигеллин на вашей

стороне. Наконец, сам Нерон благоволит к Беренике, так что, принимая еще во внимание богатство иродова дома, можно почти ручаться за успех. Но здесь, в Иерусалиме? Кроме ненавидимой народом аристократии, у вас нет другой поддержки. Как же вы устроите, чтобы от имени народа явилось к Нерону посольство, которое должно просить о царском титуле для своего правителя? Ведь по иудейским понятиям, царь — это автократ; они никогда не признают царем того, кто не будет одновременно носить венца и кидара; Рим же, в свою очередь, никогда не согласится на такое возвышение палестинского четверовластника.

Ламнус Энра многозначительно посмотрел на своих собеседников. Филипп бен-Иахим задумался, но его товарищ иронически моргнул бровями и, поглаживая свою красную лысину, лукаво спросил секретаря:

— А знаешь ли ты, любезный Лахмус, те две штуки, которые заменяют вместе и скипетр царя, кидар и кадилницу первосвященника?

Египтянин вопросительно поднял брови и уставил на Терона любопытные прищуренные глаза.

— Вот то-то: сам не знаешь, а между тем мудрствуешь лукаво! — внушительно заметил старик, укоризненно кивая головой. — Так я скажу тебе: эти штуки — меч и шлем воина.

— Я согласен с уважаемым Вальтасаром! — воскликнул Филипп бен-Иахим. — Не забудь, что македонец рассек гордиев узел мечом.

— Рассечь — не значит разрешить, — серьезно возразил секретарь. — Впрочем, что касается Иудеи, вам лучше знать, однако, если вы хотите затеять дело, то поспешите. Гессию ждать некогда. Ведь он беден, и перед отставкой ему поневоле придется ограбить корван.

— Ого, это будет скверная штука, если он ограбит Иегову! У-у, какая пойдет тогда резня! — просопел Терон.

— Что ж делать. Прокуратор не заботится о последствиях! Это его не касается.

— Ну я не думаю, чтобы Гессий Флор решился на такое рискованное предприятие! — с беспокойством заметил стратег.

— Кто знает! Если прокуратору и не удастся захватить сокровищ корвана, то, во всяком случае, он возбудит в стране не только серьезное волнение, но даже войну, а тогда для него будет очень удобно ловить рыбку в мутной воде. Так, например, Гессий Флор почему-то нашел нужным переменить гарнизон в Иерусалиме. Сюда идет на смену сирийской италийская когорта, а в Цезареве стоит в резерве другая, августова. Эти когорты составлены из одних родовитых римлян. Странно, к чему вдруг понадобились Гессию столь надежные войска в мирное время?

— Да, в самом деле, это что-то подозрительно! — подтвердил Терон, покачивая головой.

— Подумайте только: ну, случись какое-нибудь столкновение, как было в первый день минувшего праздника! Нази синедриона потребовал от нас содействия военной силы, чтобы прекратить уличные беспорядки, поднятые каким-то пророком. Хорошо, что у нас были солдаты сирийцы. Дело кончилось благополучно: чернь разогнали, даже без кровопролития, ну а будь на месте сирийцев римляне или германцы, тогда тут пошла бы такая резня с грабежом, что ужаснулись бы сами боги на дальнем Олимпе!

Филипп бен-Иаким сидел, погруженный в раздумье. Он обдумывал вероятность предположения хитрого египтянина, но чем дольше он размышлял, тем сильнее омрачалось его лицо. Наконец стратег провел рукой по лбу, как бы отгоняя назойливые мысли, и решительно сказал, обращаясь к секретарю:

— Любезный Лахмус Энра, мы немедленно приступим к переговорам с Гессием. Я рассчитываю на твое содействие.

Секретарь утвердительно кивнул головой. Царедворец встал и, протягивая ему руку на прощанье, добавил шепотом:

— Мы хорошенько все обдумаем. Как знать, пожалуй, война иудеев с Римом окажется на руку и нам. Египтянин сочувственно улыбнулся.

— Вы можете играть в ней выгодную роль посредников,— заметил он, подобострастно пожимая протянутую ему руку.

— В том-то и дело! — кивнул головой Филипп.

Он запахнул красный, обшитый золотом плащ и направился через площадку к агриппинскому флигелю. Лахмус Энра раскланялся с полковником драбантов и, провожая гостей, предупредительно отворил перед ними раззолоченные двери, ведущие в длинную анфиладу комнат.

XII

По настоянию главы саддукейской партии, Анании Ганана, первосвященник Матфей бен-Феофил пригласил к себе на совещание членов синедриона, многих старейшин народа, влиятельных иерархов и представителей знати.

Когда приглашенные оказались все в сборе и заняли места в обширной зале первосвященнических палат, Матфей открыл заседание пространной речью. Рисуя яркими красками политический упадок Иудеи со времен Архелая, неудачного преемника Ирода Великого, он восхвалял мудрую политику Агриппы I и его сына Агриппы II, благодаря которым Иудее возвращены некоторые существенные права и снова объединено наследие Ирода, раздробленное после его смерти.

— Уже и теперь Агриппа владеет всей Палестиной, имеет надзор над храмом и право выбора первосвященника. Чтобы окончательно восстановить монархию Ирода, ему осталось только добиться отмены прокуратуры и восстановления царского титула,— говорил первосвященник безмолвно слушающему собранию.

— Наступил самый благоприятный момент для такого переворота, и царь Агриппа ожидает вашего содействия. Безумство Нерона с каждым днем становится очевиднее. С тех пор как в прошлом году он сжег три четверти Рима ради удовлетворения своей страсти к роскошным постройкам, народ от него отвернулся и войско стало роптать. Заговоры умножились. Недавно император казнил за участие в них даже своих близких друзей, составлявших дотоле надежную опору его тирании. Теперь в припадке бешенства он убил Поппею Сабину, ударив ее ногой в живот. Нет сомнения, что пошатнувшийся на троне последний из Клавдиев продержится недолго. Он будет свергнут или умерщвлен. Тогда наступят для Рима времена политических смут. Что же будет с нами, если грядущие события застанут нас врасплох? вспомните, как ловко воспользовался Ирод Великий распрей триумвиров? Царь Агриппа прислал нам своего военачальника. Он советует отправить в Рим послов от имени народа; они потребуют отмены прокуратуры, установленной за малолетством наследника Агриппы I, которому была возвращена власть над Палестиной. Когда посольство выедет из Иерусалима, Гессий Флор добровольно подаст в отставку. Агриппа ручается за успех. Император к нему расположен, римский сенат на его стороне, а наместником Египта, Сирии и Палестины назначен наш единоведец, Александр Тиверий. Я вам сказал, ответьте мне, — заключил первосвященник.

— Тут нечего думать! — воскликнул Анания Ганан.— Царь, сидящий на престоле, прогоняет зло своими очами. Приступим же к выбору послов, пускай идут в Рим.

— Мы не имеем на это права. Соберите народ во храме. Что он захочет, то и будет! — раздался звучный голос молодого священника Анании бен-Садука.

Среди партии Ганана послышался ропот недовольства. Иродианский принц Антивай поднялся с места и, смерив надменным взглядом бен-Садука, обратился к собранию:

— Доколе же, судьи и старейшины народа, будет царить у нас произвол черни в городах, разбой на больших дорогах, неповиновение властям, безбожие и разврат? Доколе, спрашиваю вас, безбородые юноши будут восседать в совете наравне со старцами, убежденными сединой. Не пора ли обуздать буйных, вразумить непокорных? Не пора ли, наконец, вручить сильную власть государю, дабы он освободил страну от разбойников, сикариян и лжепророков, уничтожил бы ересь сект, обуздал фанатизм фарисеев, безумство зилотов и оградил собственность от посягательств алчной черни?

В собрании произошло сильное движение. Приверженцы фарисейской секты, оскорбленные речью принца, повскакали с мест, намереваясь покинуть залу. Молодые священники с бен-Садуком и с сыном князя Гиркана, Элиезером, сгруппировались вокруг храмового военачальника. Зала гудела от возбужденных голосов, говоривших одновременно. Маститый раввин Иоанн бен-Закхей подал знак, что хочет говорить, и восстановил тишину. Глаза всех обратились на семидесятилетнего ученого, который пользовался уважением не только среди евреев, но также у язычников. Более полстолетия заседал он в синедрионе. Все притихли, ожидая его слова:

— Зло не так уж велико, как оно кажется,— заговорил старец.— Народ предан вере, и за нею он безопасен, как за щитом, от вражеских ударов. Вся беда в несогласии правящих классов. Не будь между ними розни, страна благоденствовала бы. Помиритесь между собою, говорю вам.

Во всем собрании послышалось тихое одобрение словам Иоанна.

Иродианин Баркаиос выступил вперед и, низко поклонившись бен-Закхею, сказал:

— Учитель, твои слова святы и мудры, но они не решают вопроса, поднятого первосвященником. Помоему, для блага государства необходимо усилить царскую власть в Иерусалиме. Не имея опоры в силь-

ном правительстве, страна погибнет от анархии, и на труп Иудеи со всех сторон слетятся орлы. Ты сказал: народ предан вере, она его щит. Но разве вера не искажена суеверием? Разве этот щит не поедает ржавчина?

— Баркаиос прав! — громко заявили Анания Ганан и бен-Фаби.— Мы требуем, чтобы было приступлено к избранию послов.

— Наше имущество в опасности! Пора водворить в стране порядок! — настойчиво закричали саддукеи.

— Без участия народа никто не имеет права избирать его именем послов и решать дела! — воскликнули окружающие храмового военачальника.

Анания Ганан, увидав, что вокруг его сына сгруппировалась оппозиция, позеленел от злости. Несмотря на свои семьдесят пять лет, он выпрямился, как юноша, и во всей его фигуре отпечатлелась надменная гордость, коварство и высокомерие дома Ганана.

— Кто говорит здесь про народ? И про какой народ? Здесь, перед первосвященником, собрались представители граждан, владельцев поземельной собственности, купцов и промышленников, представители науки, духовенства и власти: духовной и светской. Мы, работодатели, собственники и правители, желаем и требуем, чтобы благое намерение нашего государя Агриппы II было исполнено. Что же касается улицы, то мы ее спрашивать не будем. Пусть она сама решает, как хочет. Да будет всем известно: кто не с нами, тот против нас, и горе ему!

— Мы все желаем мира. Кому же из нас приятно трепетать за свое имущество? — возразил Ганану князь Гиркан.— Но каким путем мы достигнем соглашения с народом? Ты говорил так, как будто стоял во главе легионов цезаря и полков тетрарха. Однако в Иерусалиме их пока нет, и нам поневоле предстоит считаться с улицей, которую ты так презираешь! Я не вижу надобности вмешиваться в дела тетрарха. Пусть он сам попробует сесть на престол Давида. Притом же Нерон последний из дома Августа. С его

смертью должна быть избрана новая династия, что, конечно, не обойдется без междоусобий. Тогда военные силы римлян будут отвлечены от Палестины, и мы скорее достигнем своей цели освободиться из-под чужеземного ига.

Ответ Гиркана вызвал у саддукеев взрыв негодования. Все отлично поняли, куда метил потомок последнего царя из дома Маккавеев, низверженного отцом Ирода, Антипатром. Напротив того, речь Гиркана вызвала бурное одобрение среди приверженцев народа, и Анания бен-Садук насмешливо обратился к иродианам и саддукеям:

— Напрасно вы расставляете сети на глазах у птиц.

Затем, обратясь ко всему собранию, он произнес речь:

— Наше государство находится в настоящее время в том же самом положении, от которого нас избавил благородный Асмонеи. Не царь нам нужен, а народный вождь. Пусть он возбудит дремлющее в народе воодушевление, и оно обратится в такое пламя несокрушимого патриотизма, что расплавит броню чужеземной тирании, и она падет, как пал надменный сириец.

— Воистину так! — воскликнули единомышленники бен-Садука, заглушая своими криками ропот противников. Не помня себя от гнева, Баркаиос осыпал упреками князя Гиркана, обвиняя его в коварном намерении вредить дому Ирода. Бен-Фаби с саддукеями окружили первосвященника, требуя немедленного изгнания из залы дерзкого бен-Садука. «Это зилот, а не священник!» — раздавались их злобные крики. Храмовый военачальник, в свою очередь, не смущаясь присутствием отца, вместе с Горией бен-Никомед, Иудой бен-Ионафаном и Элиезером, сыном Гиркана, требовали удаления Баркаиоса, оскорбившего потомка Асмонея.

Среди страшного гвалта, брани и угроз первосвященник беспомощно опустился в кресло и, в знак сер-

дечной скорби, закрыл лицо руками. Тогда поднялся Симон бен-Гаманиил и громким голосом усмирил волнение.

— Да царствует мир и любовь в доме первосвященника Бога живого! Великий Гиллель, которого вы почитаете наравне с Моисеем, учит: «Будь последователем Аарона, другом мира, и люби безразлично всех людей. Поучай их закону, ибо чем больше знания, тем больше жизни, чем больше мысли, тем больше рассудка, чем больше справедливости, тем больше согласия и любви, а чем больше любви, тем больше счастья на земле». О чем вы спорите? Зачем восстаете друг на друга? Смотрите, вот сребреник, единственная монета, принимаемая в храм истинного Бога. Что на ней изображено? На одной стороне вы видите ветвь оливы — символ мира, на другой кадельницу — эмблему молитвы, кругом же идет надпись: «Иерусалим святой». Не изображается ли на этом наглядно божественное назначение Израиля? Исконная земля наша представляет центральную местность в мире. Вокруг нее теснятся так близко Финикия, Сирия, Аравия, что стоит только перейти холм или поток или переехать Вавилон и Египет, через озеро, чтобы очутиться в одной из этих стран. Расположенные же на светлых водах Восточного моря острова эллинов соединяют ее со всеми главными странами Европы. Таким образом, Азия, Европа и Африка встретились на земле Израиля, и она искони была ареной их враждебных столкновений. Заключенные в центре состязующихся между собой племен, мы очутились между молотом и наковальней. Нам приходилось или принять участие в мировой борьбе и наложить ярмо на беспокойных соседей, или же самим подпасть под их иго.

Наши отцы не захотели ни того, ни другого. Твердо уповая на торжество истины, они отложили в сторону меч и выбили на своих монетах вот эту эмблему молитвы и мира. Следуя примеру отцов, мы должны терпеливо ждать, пока окружающие нас звери не сделаются наконец людьми и не постигнут великой исти-

ны, заключающейся в простой заповеди: «Не убий!» Но покуда свет восторжествует над тьмою, к нам будет вторгаться каждый хищник, временный герой на кровавой арене мировой борьбы. Он будет опустошать наши нивы, разорять села, грабить города. Неудивительно после этого, что наш народ, чувствуя свое исключительное положение, страшится за свою будущность. Исчезли грозные фараоны, пала Ассирия и Вавилон, персов сменили греки. Ныне властвуют римляне. Род проходит, род приходит, а земля пребывает вовеки, и мы, держась этой земли и ее великих преданий, будем пребывать с нею вовеки и дождемся торжества, когда плуг любви и правды возделает окружающую нас бесплодную пустыню злобы. И пусть ныне и присно и вовеки раздастся голос с Сиона мимо идущим с огнем и мечом родам: «Доколе, невежды, будете любить невежество? Доколе, буйные, будете услаждаться убийством? Доколе, глупцы, будете ненавидеть знание?»

Симон бен-Гамалиил умолк и, окинув залу ясным, но полным укоризны взором, среди могильной тишины оставил залу собрания.

По его уходе стало так тихо, что было слышно жужжанье пчелы, залетевшей из сада в одно из открытых настезь окон.

Первосвященник сидел потупясь, нервно сжимая пальцами золоченые ручки кресла. Саддукеи сидели с мрачными лицами, озабоченно взирая на понуренную фигуру Матфея. Иродиане столпились вокруг принцев Антизая, Саула, Костобора и старались скрыть бушевавшую в них злобу под маской высокомерного презрения. Храмовый военачальник был в недоумении и сидел, опустив глаза в землю. Один только маститый Иоанн бен-Закхей благодушно улыбался и спокойно смотрел на картину общего смятения.

Наконец, звук отодвигаемого кресла и сухой кашель старика Ганана резко прервали напряженную тишину. Все невольно вздрогнули, будто заслышав

зловещее карканье ворона. Первосвященник тяжело поднялся с места и подал этим сигнал расходиться. Зала наполнилась шелестом шелковых одежд и шумом шагов, скользивших по мозаичному полу.

ХІІІ

В роскошном покое Асмонеяского дворца дремал, полулежа на кушетке, Филипп бен-Иаким. Стол, покрытый исписанными табличками и листами пергамента с чертежами укреплений Иерусалима, свидетельствовал о только что оконченной работе стратега. Но его сладкая дремота была внезапно прервана стуком порывисто распахнутой двери. Лениво открыв отяжелевшие веки, бен-Иаким увидел перед собою Баркаиоса, в величайшем гневе влетевшего в комнату.

— Что, разве совещание уже кончилось? — спросил военачальник, приподнимаясь на локте.

— Да, кончилось!

Баркаиос швырнул ногой ажурную скамеечку, попавшую ему на дороге. Роскошная вещица, изделие афинского художника, с треском полетела в угол комнаты.

— И... вы не достигли цели?

— Мы ушли из собрания, как испуганные лисицы из виноградника с поджатыми хвостами.

Тут Баркаиос разразился такими ругательствами по адресу не только противников, но и друзей, что стратег расхохотался. Он позвал оруженосца, велел принести мульты¹ и успокоил разгоряченного иродянина. Выпив чашу приятного, освежающего напитка, тот с облегчением перевел дух, после чего рассказал, что и как произошло в палатах первосвященника. Стратег молча выслушал и, когда Баркаиос кончил, хладнокровно наполнил чаши мультдой во второй раз.

¹ М у л ь д а — смесь воды, вина и меда.

— Выпьем-ка лучше за хорошеньких девушек Сиона! Они хотя и не так соблазнительны, как утонченные красавицы Тивериады, но все же недурны собой.

Царедворец окинул Филиппа удивленным взглядом.

— Ну,— сказал тот,— что же ты вытаращил на меня глаза? Пей! Или златокрылый эрот перестал уже тебе улыбаться, друг Баркаиос?

— Не понимаю, чему ты обрадовался? — холодно пожал плечами иродианин.

— Как чему?.. Да ведь благодаря вашей тупости, я сберег моему государю две тысячи талантов золота, ассигнованных на подкуп римских чиновников. Теперь государь употребит эти деньги с большей пользой на ратное дело. Воображаю восторг Вальтасара, когда он увидит великолепные эскадры, которые я для него сформирую!

Лицо Баркаиоса приняло озабоченное выражение.

— Послушай,— начал он, взяв за руку Филиппа бен-Иакима,— скажи мне откровенно, что собственно означают твои загадочные слова?

Серые глаза стратега, умные и обыкновенно добродушные, приняли жесткое выражение и засветились недобрым огоньком.

— По-моему,— с расстановкой ответил он,— нам нечего особенно церемониться с иудейскими собаками. Пускай их хорошенько жиганет римская плеть! Увидишь тогда, как эти псы с воем бросятся лизать ноги Агриппы, на которого теперь нахально тьявкают.

— А если они вместо ожидаемой покорности взбесятся, тогда что?

Стратег пожал плечами и равнодушно заметил:

— У государя и без них много народа.

Баркаиос покачал головой. Он хотел говорить, но Филипп дружески взял его под руку и, прохаживаясь с ним по комнате, начал:

— Вот видишь, дружище, в Иерусалиме сильная партия молодых честолюбцев, во главе которой стоит

храмовый военачальник. Этот священник мнит себя полководцем и Бог весть еще чем. Он высокомерен, тщеславен и, конечно, глуп, однако обстоятельства ему благоприятствуют. Страна переполнена горючим материалом; бредни о пришествии мессии разгорячили головы фанатического народа, а все эти Симоны бен-Гамалиилы, Иоанны бен-Закхеи, старейшины и раввины очень почтенные люди, хорошие люди, ученые теологи, все, что хочешь, но только не государственные мужи, всю жизнь свою корпели над книгами, а не вычитали того, что народ иудейский ни к чему не годен. Это дрянь, с которой и Моисей не мог управиться. Сорок лет морил он их в пустыне, не решаясь ввести в обетованную землю и основать государство, ибо видел, что из этого ничего путного не выйдет. Довольно жалоб и брани навлекла на себя династия Ирода за то, что старалась водворить между ними порядок. Начиная Антипатром и кончая Агриппой, всех царей этого дома поголовно обвиняют в жестокости и тирании, а между тем разве у них был хоть один царь или судия, который бы правил, не прибегая к насилию. Нам давно пора изменить политику. Пускай римляне бьют их до тех пор, пока они не придут к нам сами с повинной головой. Тогда мы примем их, как заблудшихся овец, соберем опять в стадо, заботливо отделим из них паршивых и восстановим мир в семье Израиля. Да, друг Баркаиос, чтобы очистить золото от сплава, нужно пропустить его через огонь и воду. Чтобы засеять ниву плодородными злаками, следует прежде вырвать из нее с корнем плевелы и сорные травы, взрыть землю плугами и покрыть удобрением. Ну, а теперь, любезный Баркаиос, прощай!

Стратег выпил залпом чашу, накинул плащ и, кивнув царедворцу, вышел из комнаты. Оттуда в сопровождении оруженосца он направился к Лахмусу Энре, с которым долго совещался наедине.

Баркаиос отер вспотевший лоб и, когда шаги стратега замолкли в отдалении, бросился на кушетку, где и пролежал до вечера, погруженный в задумчивость.

Проходя мимо претория, он увидел ординарца стратега сотника Авирама. Драбант, кряхтя, садился на лошадь.

— Куда Бог несет? — спросил тот мимоходом.

— В Цезарию! — с досадой отозвался офицер.—
Эх, собачья служба!

И, махнув рукой, он выехал из ворот.

XIV

Три дороги ведут из Иерусалима через Елеонскую гору мимо селения Вифания к Иерихонскому ущелью, а оттуда в Иерихонский оазис и низменность Эль-Гор.

Первая из них огибает северный склон Масличной горы, между горой Огорчения, где Соломон приносил жертву Молоху; другая проходит через самую вершину Елеона; а третья, наиболее удобная, огибает южный скат между Елеоном и горой Злобного Совета, где стояла дача Иосифа Каиафы, принадлежавшая в то время семейству Ганана. Здесь было постоянное жительство главы этого дома Анания Ганана. Последняя дорога тянется от Вифании, непрерывно поднимаясь в гору, и, немного не доходя до вершины, круто поворачивает к северу. На этом пункте перед глазами путника внезапно открывается вид на Иерусалим.

Ранним утром весеннего дня Филипп из Румы сидел на повороте дороги под сенью темно-зеленой фиги с широкими лапчатыми листьями. Юноша был одет по дорожному, возле него лежал крепкий посох с железным наконечником, лук и колчан со стрелами. Он поджидал здесь своего друга бен-Даниила, Фамарь, Мириам и матрону Руфь, чтобы сопутствовать им в Иерихонский оазис на дачу Симона бен-Гамалиила.

Перед глазами задумчиво сидящего юноши вставал в ясной атмосфере весеннего утра из глубины темной долины священный город в царственной мантии гордых башен. Филипп смотрел с откоса Масличной горы на противоположный откос, на котором подыма-

лись серые стены, увенчанные роскошной платформой храма с золотыми крышами над беломраморной колоннадой. На востоке его взоры блуждали по сожженным солнцем холмам иудейской пустыни и останавливались на розовой блистающей аметистовым отливом цепи Моавитских гор, где в глубокой впадине покоились, отсвечивая кобальтом, таинственные воды Лотова озера, и у самых ног Филиппа, в Кедронской долине, грустно белели гробницы убитых пророков...

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст».

Молодой человек задумался.

Год тому назад, возвращаясь по той же самой дороге из Гадар — сирийских Афин, — где согласно воле отца, эллина родом, он обучался у греческих философов, риторов и грамматиков, Филипп остановился на том же месте, восхищенный внезапно открывшимся видом на божественный город, предмет его детских мечтаний, любовь к которому он впитал с молоком матери, благочестивой иудеянки. Тогда, взирая на гордость и красу Иудеи, его глаза наполнились слезами, и ему казалось, что он слышит со всех бесчисленных башен города тихий благовест любви и мира. Филипп был уверен, что все порочное осталось позади него и что мрачное Иерихонское ущелье, представляющее дикую скалистую горловину с пятичасовым восходом на гору, подошва которой уходит в глубокую, лежащую ниже уровня моря долину, а вершина теряется в облаках, и есть тот переход из вещественного мира в ту область бытия, где свободный дух не сковывается более плотью, где прекращается процесс сжатия и притяжения, а начинается процесс расширения и отталкивания¹.

¹ По учению Гераклита.

Но не успел он отрясти от ног своих прах языческих Гадар, как уже сомнение закралось ему в душу и поколебало в нем детскую веру в неприкосновенную святость Иерусалима, веру, навеянную колыбельными песнями матери. Разочарование всюду следовало по его стопам, на каждом шагу разбивая вдребезги поэтические грезы. Он с горечью убедился, что грязная, ограниченная чернь Иерусалима неспособна играть присвоенной ей преданиями роли господствующей расы в Палестине, что высшие классы заражены духом сектантства и что Иегова-Адоная превращен фанатическим духовенством в исключительного Бога иудеев, ради которых якобы создан и весь мир. Даже прозелиты и те стали обременительны для иудейской жадности, и раввины, поучая народ, сравнивали их с «наростом, урывающим соки исходящей от Бога благодати». Таким образом, священный город, глава и сердце Израиля, предназначенный провозвещать миру великую веру в Бога живого и собирать под свои крылья измученный себялюбием человеческий род, превратился в заносчивого сектанта, который только себя считает избранным сосудом, а весь остальной мир свиным корытом и самодовольно блаженствует, наслаждаясь присвоением Высочайшего Существа, не уделяя другим народам «ни пяди Его волос», и стремится не обратить, а искоренить иноверцев.

И Филипп с болью в сердце смотрел на развенчанный кумир детских грез. Ему казалось, что он слышит за этими стенами и башнями стоны побитых камнями пророков и яростные крики изуверов, ратующих против свободы духа. Он вспомнил Гадары с их изящными храмами веселых богов Эллады, роскошные гимназии и тихие, таинственные рощи Минервы, где философы разъясняли будущим гражданам учение греческих мыслителей, риторы преподавали искусство знаменитых ораторов, а грамматикки читали высокие произведения поэтов. И величавые тени героев Гомера, тени Аристотеля, Сократа, Платона, Александра, героев Платеи как будто вставали под сенью горде-

ливых лавров и скромных мирт. Взирая на юношество, они осеняли его своим величием. А тут, в этом пышном напоказ всему миру храме Адонаи, чему учили мудрецы-раввины, окруженные полунагим народом, под рев скота, ругань прасолов и ростовщиков?

Расстилавшийся у ног юноши Иерусалим представлял отдельный мирок, в котором процветали только книжники и фарисеи. Мирок этот начинался на восток от своего центра — храма на горе Мориа и кончался на противоположной стороне горизонта, там, за вершинами Иудейских гор, где садится вечером солнце. Все, что находилось далее этого кругозора, не заслуживало никакого внимания. Там лежали страны геров¹ и богомерзких идолов. Между Иерусалимом и этим презренным миром геров находилась земля, населенная ам-га-арацами, простыми поселянами, которые не повторяют ежедневных иудейских обрядов и не прислуживают знатному человеку. Между иудеями установились строгие кастовые различия по религиозной жизни — а другой они не знали — и в конце Мишны² существует трактат, Гораиоф, представляющий преимущество священникам перед левитами³, левитам перед прочими законнорожденными евреями; законнорожденным перед незаконнорожденными — мамзер; мамзеру перед рабом-набиким, а рабу перед чужеземцем, гером. Но если мамзер будет сыном раввен, а первосвященник — из ам-га-аренов, то такой мамзер пользуется преимуществом перед первосвященником. Кроме того, каждый еврей считал себя членом царственного поколения, на язычников же глядел с величайшим презрением исключительности, установившейся тысячелетним обычаем. Система, принятая раввинами и руководившая всеми их действиями, почиталась больше пятикнижия Моисея. Почтительность к талмуду, который близко подходил к понятиям низ-

¹ Чужеземцев, иноверов.

² Мишна — часть талмуда.

³ Левит — низшая степень священнослужителей.

менной массы народа, чьи верования он возводил в силу обязательного закона, доходила до такой степени, что чтение Святого Писания считалось делом неважным, а Мишны — настоящим. Евреи считали святотатством нарушение правила субботы, хотя бы даже для спасения жизни ближнего, и смотрели на мир с точки зрения бесплодного формализма, которым иудейство окружило себя точно каменной стеной.

Да, среди всех этих занятых собой сектантов было немного достойных людей, а среди последних один только достойный уважения мудрец — Симон бен-Гамалиил. Но при мысли о нем лицо Филиппа омрачилось. Он вспомнил его дочь, и сердце юноши болезненно сжалось. Там, где все ценится на деньги, где лучшие перлы человеческой души грубо попираются в дикой пляске вокруг золотого тельца, разве может расцвести нежный цветок любви? Филипп грустно понурил голову и до того углубился в безотрадную печаль, что даже не заметил приближения своих друзей, медленно поднимавшихся в гору. И только когда они были уже вблизи, побрякиванье бубенчиков и фырканье мулов вывело его из задумчивости. Подняв голову, юноша увидел Марка, который вел под уздцы мула, разговаривая с сидевшей на нем невестой. За влюбленной парочкой ехала степенная матрона Руфь с рабыней Изет. Позади них показалась стройная фигура Мириам, закутанная в кружевное покрывало. Девушка ловко правила белым в красной сбруе мулом. Она нагибалась вперед и заглядывала на дорогу, как бы отыскивая на ней кого-то глазами. Отлетели, как сон, печальные мысли, их подхватил ветерок, шелестевший листьями пальм, и унес далеко в бесплодную пустыню, где потопил в мертвых волнах Лотова озера.

На расстоянии одной стадии к югу от Вифании находится, расположенная среди зеленеющих оливковыми и пальмовыми рощами холмов, уединенная цветущая долина, где мирно приютился под тенью деревьев маленький домик, выстроенный из белого камня, с об-

витыми плющом стенами и с виноградными лозами под окнами. На его плоской крыше воркуют и греются египетские голуби, а на раскинутой перед ним лужайке, усыпанной синими и желтыми полевыми цветами, между двух старых развесистых маслин тихо плещет родник, обложенный серым камнем, и поит студеной струей слетающихся к нему птиц.

Скромная зала в домике устлана циновками, над затрапезным столом висит посредине потолка плоская лампа о трех светильнях, а в переднем углу возле ниши, где хранится сундук со священными книгами и семейными драгоценностями, стоит семиветвенный бронзовый светильник и деревянный аналой, покрытый простым ковриком с положенным на нем кипарисовым крестом — символом новой веры.

Бледная, сухощавая, стройная девушка с мечтательными глубокими глазами, опущенными длинными ресницами, с тонким профилем, напоминающим античную камею, накрывает стол для незатейливого завтрака, который состоит из пшеничного хлеба, печеных овощей и овечьего сыра. У окна сидит за чтением письма старик преклонных лет с продолговатым черепом, скудно покрытым тонкими прядями седых волос.

— Ну, что, дедушка, хорошие получил ты вести?— спросила девушка, окончив собирать завтрак и подходя к старику.

— Разные, внучка, хорошие и дурные,— отвечал тот, бережно свертывая письмо.— Аристион пишет, что учение Христово распространяется у эллинов, но что они терпят гонение от цезаря, а страшные землетрясения, кометы и огненные столпы на небе наводят на всех людей страх и смятение.

— Это, дедушка, перед концом мира, потонувшего в грехе. Христос скоро вернется на землю, покарает злых и даст Царствие Небесное благочестивым.

Старец ничего не ответил внучке. Он встал, кряхтя, со стула и, спрятав письмо в сундук, сел к накрытому столу. Девушка поместилась напротив него. Они,

по обычаю назарян, благоговейно преломили хлеб и принялись за свою скромную трапезу.

Вдруг за дверьми раздался лай собаки, послышались человеческие голоса и смех.

Девушка поспешно встала и вышла на крыльцо.

— Здравствуй, Тавифа! Здоров ли дедушка? — весело воскликнула Мириам, обнимая ее.

— Здоров, здоров, милая, дорогая гостья! Какими это судьбами залетела ты к нам, щебетунья-пташка?.. А твой отец, наш покровитель, Симон бен-Гамалиил?

— Все здоровы! А вот я привела к вам этих юношей! Вы давно хотели с ними познакомиться. Это те самые, которые отбили Никодима у черни. Вот это Марк бен-Даниил из Дамаска, жених Фамари бат-Симон, а это Филипп.

Тавифа с любопытством посмотрела на представленных ей спутников Мириам. Она с чувством пожала им руки и просто, от чистого сердца благодарила за оказанную услугу.

Отворив дверь, назарянка пригласила гостей войти в залу, где их радушно встретил ее дедушка. Старик был рад увидеть дочь своего покровителя и людей, благодаря которым его друг и единоведец был предан достойному погребению.

— Если не побрезгуете скромной трапезой, то садитесь за стол, дорогие гости! — пригласил он неожиданных посетителей.

Тавифа принесла кувшин с водой, и, совершив омовение, евреи сели за трапезу назарянина.

Пока юноши вели интересную беседу с Феофилом, Мириам удалилась с Тавифой к источнику. Усевшись на дерновой скамейке под маслиной, она передавала подруге новости, то бросая крошки слетавшимся птицам, то трепля по морде своего любимого мула, привязанного тут же у дерева. Матрона Руфь с Фамарью остались в Вифании, там управляющий отца приготавливает все необходимое для дороги в Иерихон, куда они едут по делу. Она же, Мириам, со своими спутниками,

пользуясь остановкой, поспешила навестить почтенного Феофила и свою подругу Тавифу.

— Фамарь прежде заходила к нам всегда. Отчего-то теперь она стала гнушаться нами? — спросила Назарянка.

— Нисколько! Но бат-Симон чересчур занята свадьбой Иммы и ни о чем другом не думает, даже о своем женихе.

— А он, должно быть, добрый и великодушный человек? — заметила Тавифа.

— О, да! И не правда ли, очень красив собою?.. Знаешь что, Тавифа? Влюби Марка в себя и отбей его у Фамари, которая не любит его — это я наверное знаю.

Назарянка устремила на Мириам укоризненный взор, причем ее и без того серьезное лицо приняло суровое аскетическое выражение.

— Ты говоришь, как греховное чадо отвергшего истину мира! Разве плотские вожделения доступны тому, кто познал высшее блаженство и отрекся от греха?

Мириам нетерпеливо махнула рукой.

— Не говори мне таких страшных слов! Я знаю, что высшее блаженство на свете это любовь, и никто не разубедит меня в том.

— Несчастливая! Ты до того ослеплена грехом, что не видишь даже солнца! Эти кружева, этот виссон, это золото и жемчуг изнежили твое тело; душа в тебе заснула, и ты предалась чувственной любви. Но поверь, наступит роковой день, когда мы все предстанем перед престолом Судии, и чем оправдаешься перед ним ты, покрытая позором греха?

На бледных щеках Тавифы вспыхнул румянец, а ее глаза одушевлением. Мириам посмотрела на нее долгим пронизательным взором, в котором отразилась вся душа любящей женщины.

Мириам встала. Солнце достигло уже своего заката, и она спешила обратно в Вифанию, чтобы раньше наступления ночи добраться до Иерихона. Кликнув своих спутников, девушка отвязала мула.

Тавифа нежно обняла гостью на прощанье, и две крупных слезы скатились из глаз назарянки на розовую щечку ее счастливой приятельницы.

XV

Выйдя из Вифании, путники миновали горловину, которая ведет из этого селения через вершину горы, возвышающейся на три тысячи футов над уровнем моря, в глубокую низменность Эль-Гор, расположенную на 600 футов ниже его уровня, и под вечер достигли Иерихона, где, отдохнув у источника Елисея, отправились на дачу Симона бен-Гамалиила, находившуюся в трех стадиях от города на южной оконечности оазиса.

Пересекаемая Иорданом низменность ограничена с запада длинным рядом скалистых иудейских гор, которые тянутся с юга на север, от Мертвого озера вплоть до самого Скитополиса. По ту сторону Иордана, с восточной стороны, непрерывной цепью высятся Моавитские горы. Заключенная таким образом между высокими кряжами и скудно орошенная Иорданом глубокая низменность представляет из себя выжженную солнцем пустыню, где только изредка бродят малочисленные стада овец да скрываются дикие звери и хищные птицы.

С западной стороны этой бесплодной пустыни зеленеет, подобно изумруду в золотой оправе, роскошный, изобилующий миррой и медом оазис со знаменитым городом благовоний, роз и пальм, приютившийся у подошвы гигантской горы. На границе оазиса в бесплодной пустыне на расстоянии полуторачасовой ходьбы от Лотова озера расположились многочисленные строения и красивый дом в имение семейства Гиллея.

На другое утро матрона Руфь и Фамарь занялись хозяйственными хлопотами. Надо было осмотреть склады благовоний, запасы меда и плодов, выбрать из них лучшее для свадьбы, уложить в плетеные корзинки и пальмовые ящики, навьючить на ослов и заб-

лаговременно отправить в Иерихон, а оттуда в Иерусалим, чтобы завтра с восходом солнца двинуться без помехи в обратный путь. Озабоченная хлопотами матрона Руфь предоставила Мириам полную свободу, которой молодая девушка воспользовалась, как птичка, выпорхнувшая из клетки. В обществе Филиппа и Марка она гуляла в пальмовых рощах оазиса, рвала на берегу серебристых ручейков белые лилии и благоухающие весенние розы, плела из них венки и гирлянды, которыми украшала все уголки и местечки, неразрывно связанные с воспоминаниями ее только что миновавшего детства.

Она побывала и на той скале, где нашел ее Филипп в отчаянной борьбе с ожесточенной орлицей. Тут, вспоминая прошлое, девушка долго стояла, опираясь на плечо возлюбленного, и сердце у нее билось так сильно, как будто хотело выскочить из переполненной счастьем груди. Под вечер к молодым людям присоединилась и Фамарь. Она хотела отправиться к хижине египетской колдуньи, чтобы исполнить желание Иммы и удовлетворить свое собственное любопытство. Мириам же, напротив, непременно хотела навестить своего приятеля, пастуха Азру, который, пользуясь весенним временем, когда пустыня оживает, угнал своих овец к заводям Иордана, где и поселился пока в шалаше. После долгого спора общество, наконец, решило отправиться сначала к пастуху и затем рано утром посетить колдунью. Матрона Руфь предпочла остаться дома, утомившись хлопотами и нуждаясь в отдыхе. Мириам была в восторге, что все устроилось согласно ее желанию. Она опять увидит Азру и проведет интересную ночь в пустыне, слушая легенды и страшные сказки вещего старца.

Но как ни спешили молодые люди, потеряв понапрасну много времени в спорах, ночь застигла их на полпути. Едва солнце скрылось за вершины иудейских гор, на изменность легла ночная тень; тогда, точно по мановению волшебного жезла, пустыня приняла иной — таинственный и фантастический вид. Ми-

риады светляков, слепой мак, вербена и оливковые грибы распространяли по земле фосфорический свет, который, сливаясь с мерцанием звезд на небе, сообщал ночному сумраку синеватую, фосфорическую лучистость. В этом светящемся искорками тумане выступали, принимая причудливые очертания сказочных гигантов и чудовищ, то стоящие, наподобие неподвижных фигур людей и животных, высокие папоротники, кусты алоэ и диких кактусов. Порой ночную тишину будил раздававшийся Бог весть откуда резкий крик ночной птицы или жалобный вой шакала и тихо замирал в отдалении. Робко прижимаясь к своим проводжатым, девушки шли, пугливо вздрагивая при шорохе пробежавшей ящерицы или вспорхнувшей из-под ног птицы, и с затаенным страхом оглядывались в сторону проклятого озера, откуда сверкали яркие зарницы. Им казалось, будто они слышат отдаленные стоны грешников, погибших под сернистым пеплом, и чувствуют сырость их влажной могилы. Вон там, над загадочными водами, пролетела падучая звезда, описав огненную дугу на темно-синем небе. Вон вспыхнул и промелькнул перед ними метеор, осветив голубоватым пламенем какого-то великана с палицей на плече. Девушки торопились, ускоряли шаги и еще боязливее прижимались к своим спутникам.

Наконец, почва стала заметно понижаться. На заоздалых пешеходов повеяло прохладой. Показался длинный ряд прибрежных камышей, и послышался плеск реки. Подпасок, служивший проводником, свернул влево и обогнул выступающий у самого берега утес. Между группой тощих деревьев замелькал огонь костра. Сторожевые собаки подняли громкий лай, и пробудившееся стадо ответило им беспокойным бляньем.

У огня сидел закутанный в овчину восьмидесятилетний Азра, освещенный красноватым отблеском пламени. Высокий, жилистый, с длинной седой бородой, этот старик у костра, окруженный своим стадом, напоминал библейского патриарха.

— Кто же вам сказал, что Сахеприс колдунья? — спросил Азра, когда его гости разместились у огня и разделили с ним незатейливый ужин: пальмовое вино, дикий мед и пшеничный хлеб.

— Все говорят, дедушка! — ответила Мириам. — Сахеприс — язычница, живет в уединении, собирает зелье, как же после этого не быть ей колдуньей?

— Так-так! — задумчиво промолвил старец, качая головой. — Бедная женщина! Даже и в этой пустыне люди не дают тебе покою!

— А что, отец мой, ведь Сахеприс прорицает будущее? — осведомилась Фамарь.

Азра улыбнулся.

— Кто долго жил в уединении, в беседах со своим собственным сердцем, кто научился понимать голоса пустыни, гор и моря, шепот лесов, кто проводил долгие ночи при свете звезд, внимая шуму ветра и вою диких зверей, кто размышлял над думами пророков, взирая на мир с горных вершин, тому нетрудно вникнуть в смысл раскрытой перед ним книги бытия. Знай прошедшее, понимай настоящее, и тебе нетрудно будет провидеть грядущее.

— Это правда, — воскликнул Филипп, внимательно слушавший старика. — Когда я, бывало, охотился в горах на диких коз или преследовал в долинах быстроногих газелей, мне всегда казалось, что на приволье дух становится свободнее от уз плоти.

Азра одобрительно кивнул головой и, обратясь к Мириам, ласково спросил:

— Что же ты, пташка Палестины, собственно хочешь узнать от Сахеприс?

— Ничего, дедушка! — простосердечно отвечала та. — Я не интересуюсь своей судьбой, это вот Фамарь бат-Симон с моей сестрой Иммой хотят узнать, что ждет их в замужестве.

Пастух внимательно всмотрелся в лицо Фамари.

— В иное время это было бы нетрудно угадать, — заметил он с лукавой улыбкой, — но теперь, когда судьба отдельных людей так тесно связана с судьбой зем-

ли и всего народа, кто знает, какая участь ждет каждого из вас.

Азра задумчиво уставился глазами в огонь. Его опаленное солнцем, изрытое морщинами лицо приняло серьезное, почти суровое выражение.

— Хотите быть счастливыми, так идите вон туда, за Моавитские горы, откуда летят орлы и коршуны, чтобы усесться на верхушках иудейских гор,— загадочно промолвил он.

Фамарь расхохоталась, всплеснула руками и насмешливо спросила:

— Так ты советуешь нам бросить почетное существование в священном городе, чтобы скитаться в чужой стране, которую покидают даже орлы и коршуны?

Азра грустно улыбнулся:

— Ведь ты сказала, что хочешь быть счастливой?

— Кто же этого не хочет? Но разве счастье возможно вне той жизни, в которой мы родились и выросли? Разве можем мы из знатных иерусалимлян сделаться бродягами на чужбине? — презрительно возразила девушка.

— В самом деле, если бы это было возможно, в таком случае рок потерял бы свое могущество,— заметил Филипп.

— Он его и потерял,— серьезно ответил Азра.— Только тот, кто не верит в провидение и не может от решиться от греха, гибнет от рока. Сумей вовремя от- вернуться от жизни, которая ведет тебя к гибели, как горная тропинка к пропасти, и ты избежешь роковых стечений обстоятельств и будешь счастлив в новой жизни. Уйди из царского чертога, если в нем ты спишь тревожно; под шатром пустыни ты обретешь сладкий сон.

Азра умолк, снова уставившись глазами в догорающий огонь. Перед ним вставали в ярких образах картины прошлого, точно появляясь из-под пепла тлеющих углей.

Он видел, как гонимый врагами арабский эмир прискакал к Иордану и на берегу реки осадил взмы-

ленного коня. Пока усталый конь жадно пил воду, эмир смотрел с седла в глубь реки. Все для него было потеряно. Разбитый в сражении, покинутый последним слугой, он не имел надежды не только вернуть потерянную власть и отнятое достояние, но даже избегнуть посланных по его следам убийц. Повернув коня, эмир медленно въехал на утес, нависший над рекой. И вот, подтянув поводья, он приготовился было к последнему роковому прыжку, как вдруг, бросив взгляд на окрестность, увидел по ту сторону Иордана кучку людей, окружавших человека, одетого в верблюжью шерсть. Эмир вспомнил рассказы про отшельника-пророка, голос которого был подобен голосу Илии. Он съехал с утеса и, переплыв Иордан, присоединился к людям, слушавшим пустытника. Долго с сокрушенным сердцем внимал араб его громовой речи. Потом несколько времени спустя никому не известный Азра стал мирно пасти стада на берегах Иордана...

Ранним утром молодые люди простились с пастухом и отправились дальше. На кремнистом, усыпанном вулканическими камнями берегу Лотова озера, зелено-синие воды которого с металлическим отблеском отливали цветами радуги, путники увидели уединенное жилище с тростниковой кровлей. Перед раскрытой дверью между коричневых камней шмыгали ярко-зеленые ящерицы и грелись на белом песке, позолоченном утренним солнцем, пестрые саламандры. На пороге сидела за пряжей Сахеприс; она, как истая египтянка, встречала солнечный восход с работой в руках.

Молодые девушки робко остановились перед нею. Сахеприс пела:

Человек, смирись пред небесами,
Все твое спасение в молитве!
Льются слезы, льется кровь реками,
Слышны вопли, стоны павших в битве.
Грозной тучею спешит сюда с заката
Рать несметная, с орлами легионы...
Иудея ужасом объята...

Из-за крепких стен спешите, жены,
Чтоб спасти детей, бегите в горы,
Там скорей найдете вы спасенье:
Не помогут башни и затворы,
Обречен ваш город разрушенью.
И падет во прах его твердыня,
Рухнет наземь, пламенем объята,
Оскверненная Израиля Святыня.
Горе вам: спешат полки с заката!
Не венцы, не брачные напевы,
Впереди вас ждут: позор, неволя,
Непорочные израильские девы.
Вам плачевней всех досталась доля.

XVI

Была уже полночь, когда наши путники, возвращаясь домой, остановились у Гефсиманского сада и, отправив по дороге в Иерусалим своих мулов с караваном вьючных животных, сами свернули на тропинку, чтобы спуститься по зеленом откосе к Вади-Кедрону, а потом подняться по ступеням рва к городским воротам, что значительно сокращало им дорогу.

Они шли среди ночной тишины под сводом густой, облитой лунным сиянием листвы старых олив, объемистые стволы которых бросали широкую тень на посеребренный луной дерн. Мириам, идя с Филиппом позади других, крепко опиралась на руку юноши, нарочно замедляя шаги. Филипп, в свою очередь, чувствовал, что его благоразумию настал конец, что он бессилен против охвативших его чар любви. Эти дни, проведенные с любимой девушкой среди поэтической идиллии, вне условий обыденной жизни, дали слишком обильную пищу его так долго подавляемой страсти, и теперь, когда он с каждым шагом приближался к той серой, поросшей плесенью и мхом стене, за которой кончался мир свободы, грез и любви, он не имел силы сдержать своих чувств. Когда Мириам остановилась на краю рва, куда уже спустились шедшие впереди их спутники, и грустно устремила на него взгляд барха-

тистых черных глаз, он страстно заключил ее в свои объятия.

— Поклянись, что любишь меня! Поклянись именем Иеговы! — прошептала Мириам, обдавая лицо Филиппа горячим дыханием.

— Мириам, свет очей моих, воды всей вселенной не зальют пламени моего сердца! Я люблю тебя, как любит Иордан Иерихонскую долину, как кедр вершину Эрмона и как прилив морской манящий свет луны.

— А я, — восторженно воскликнула девушка, — любила и люблю тебя, как любит роза луч восходящего солнца. С того дня, когда ты в первый раз предстал очам моим, ты сделался запястьем моей души, печатью моего сердца.

Поцелуй, такой же жгучий, как солнце Иудеи, скрепил клятвы влюбленной четы.

— Я готов служить твоему отцу, как Иаков служил Лавану, но разве это поможет?! — грустно произнес Филипп, выпуская из объятий трепещущую девушку.

Мириам вопросительно взглянула на него.

— Ведь я беден и родом из Галилеи, — добавил он, потупив голову.

— А разве мой предок, Гиллель, был богаче тебя, когда пришел из Вавилона в Иерусалим?

Филипп безнадежно махнул рукой:

— За тобой ухаживает знатный священник, Элиазар Ганан.

— Не напоминай мне этого ненавистного человека! Пусть Ахав ищет себе развратную Иезавель. Что бы ни случилось, но я клянусь никому никогда не принадлежать, кроме того, кого люблю больше жизни.

Мириам стояла, залитая светом луны: ее покрывало было откинута, и она подняла кверху правую руку. В ту же минуту изо рва поднялась юркая фигурка остроносого человека и нахально заглянула любопытными, как у хорька, глазами в лицо девушки. Мириам испуганно отшатнулась назад, спеша закуталась покрывалом. Филипп несколько секунд всматривался в

непрощенного свидетеля их излияний, припоминая что-то. Шпион ехидно улыбнулся, и по этой улыбке юноша тотчас узнал в нем зилота Ананию, который с таким злорадством собирался сжечь его живьем в доме Абнера. Недолго думая, он схватил неприятеля за шиворот и швырнул в ров. Тот покатился кубарем по мягкому дерну откоса.

— Мерзавец, ты заплатишь мне за это! — послышался его визгливый крик из глубины рва.

XVII

Опомнившись от неприятной неожиданности, потерпевший поднялся на ноги и поплелся, прихрамывая, к дому Каиафы. Здесь у калитки его поджидал слуга храмового военачальника.

— Однако, приятель, долго же ты заставил себя ждать, — промолвил он недовольным тоном, пропуская пришедшего и затворяя за ним калитку. — Иди же скорей к господину, да смотри тихонько: старик-то еще не спит.

Зилот, крадучись, пошел за слугой, который провел его в комнату Элиазар бен-Ганана. Анания остановился у порога и подобострастно скрестил руки. Священник хмуро взглянул на него.

— Ну что же ты стоишь, точно истукан? — сердито произнес он.

— Прости, господин, твоего раба, не по своей воле запоздал он с хорошими вестями, — с низким поклоном ответил Анания.

— Ты сказал, с хорошими вестями? — переспросил военачальник, смягчая суровый тон.

Его хмурое лицо прояснилось, и он приготовился выслушать донесение своего агента.

— Все обстоит благополучно. Благодать Божия осеняет начинание великого дела, задуманного тобою. Господин Гориа бен-Никомед и господин Иуда бен-Иопафан шлют тебе привет, мой повелитель. Они ска-

зали: ступай, Анания, к вождю, избранному Богом Авраама, Исаака и Иакова, и скажи ему, что его верные сподвижники не дремлют. Симон бен-Гиора собирает людей в Акробатене. Нигер в Перее. У него уже триста пращиков, да таких, что стоят тысячи. Начальник иродовых стрелков, Сила Вавилонский, поклялся перейти на нашу сторону. Надежные люди посланы в Финикию закупить оружие, другие разосланы по городам и селам возбуждать народ к восстанию. Иоанн ессеянин обещал подействовать среди своих единоверцев, а из первосвященников Иисус бен-Сапфей вполне нам сочувствует, о зилотах я уже и не говорю. Они все взялись за оружие и с нетерпением ждут, когда ты назначишь час восстания.

— Надо готовиться. Разошли людей по всем дорогам. Пусть в каждом караван-сараяе находится разведчик... Ну, больше ничего нет?

Анания принял таинственный вид.

— Если позволишь, господин, говорить твоему рабу...

Он замялся и потупил голову.

— Говори, я слушаю.

— Не гневайся же! Из преданности тебе я не могу не сказать истины. В городе есть люди, посягающие на твою честь. Я подвергся страшному истязанию за то, что видел, как младшая дочь нази обнималась и целовалась.

— Что?

Военачальник поднялся с места и, как громовая туча, надвинулся на Ананию.

— Это истина, господин. Он сбросил меня в ров. Вот смотри, как распухла у меня нога.

— Где... где ты их видел? — заскрипел зубами бен-Ганан.

— У городского рва, что у Вади-Кедрона.

Элиазар расхохотался.

— Дурак! Есть ли на свете животное глупее тебя? Ты принял какую-то блудницу за дочь нази! У городского рва, ночью! Ха-ха-ха! Эдакий дурак.

Анания выпучил глаза и побагровел от справедливого негодования.

— Клянусь Богом живым, что Филипп-галилеянин обнимал Мириам! Это была она, дочь нази. Я видел ее в лицо и отлично узнал. Я слышал своими ушами, как она клялась бездельнику в любви, а тебя называла нечестивым Ахавом. Я видел своими глазами, как она обнимала и целовала этого поганца.

— Слушай, Анания, если ты в течение трех дней не докажешь мне истину твоих слов, то закопаю тебя живым в землю. Пусть черви сожрут тебя вместе с твоей ложью.

— А если докажу?..

— Дам тебе золота по весу черепа ее любовника.

— Приготовь золото, Элиазар бен-Ганан. Анания уверен в истине.

Тяжелый светильник полетел в голову зилота, но он был уже за дверьми.

XVIII

Наступил день свадьбы Иммы.

Вечером в дом Гиллея явился жених с музыкантами и дружками. В зале вокруг родителей невесты собрались родственники и домочадцы. Имма кланялась отцу и матери в пояс, прося у них прощения за причиненные ею огорчения, благодарила их за труды и заботы о ее воспитании и просила благословить ее. Родители возложили руки на голову дочери и произнесли благословение Иакова, желая ей, чтобы она была благочестива, как Сарра, и любима мужем и почитаема детьми, как Рахиль.

Получив родительское благословение, Имма простилась с родственниками, с подругами и домочадцами. После этих церемоний жених взял ее за руку и вышел с нею из дому. На дворе выстроился свадебный кортеж. Жених и нарядная невеста в платье с длинным шлейфом, в высокой золотой короне, закутанная в

пунцовое покрывало, поместились рядом под богатым балдахинном, и шествие двинулось при свете факелов, с музыкой и пляской.

Богач Гиркан не пожалел ничего, чтобы отпраздновать свадьбу сына с подобающим блеском, и пригласил на пир всю иерусалимскую знать. В залах его дворца собрались первосвященники, родственники царей адиабенских, иродианские принцы, знатные саддукеи и ученые раввины.

Среди священнических шелковых одежд, виссона и пурпура княжеских одеяний блистали роскошные уборы и наряды сионских красавиц, костюмы которых из тонких, прозрачных индийских, египетских и косских тканей, из финикийского пурпура и дорогих ассирийских золототканых материй отличались баснословной пышностью. Их нижние платья ярко-белого цвета, схваченные у талии широким металлическим поясом с прикрепленным к нему мешочком из тонкой кожи, вышитой золотом, мягко обрисовывали формы и распускались книзу массой складок, образовавших шлейф. Широкие рукава, собранные буфами, доходили до земли и были обшиты каймой из золотых арабесок, жемчуга и драгоценных камней. Такая же кайма украшала и ворот платья. Поверх этого нижнего платья было надето или накинуто другое, верхнее, распашное или безрукавное, вроде греческой мантии, ярко-пунцового, фиолетового или пурпурного цвета. Головной убор с прозрачным покрывалом состоял из шапочек, унизанных жемчугом, драгоценными камнями или золотыми бляшками, из пурпурных с золотом повязок и золотых диадем. Волосы, переплетенные коралловыми и жемчужными нитями, были завиты в длинные локоны или заплетены в косы, которые у одних спускались вдоль спины, а у других были обвиты вокруг головы.

Князь Гиркан встретил свадебный кортеж во главе своих родственников и званых гостей. На жениха надели венок, а невесту внесли через порог в дом мужа. При громе музыки раздались шумные поздравления.

Домоправитель возвестил начало свадебного пиршества, и гости с новобрачными церемониальным шествием проследовали в столовую залу.

После церемониала омовения рук первосвященник Матфей бен-Феофил прочел затрапезную молитву, и гости, строго соблюдая ранг и старшинство, заняли за триклиниями¹ свои места.

Под наблюдением триклинатора слуги усыпали пол цветами, и по знаку домоправителя у каждого стола разместились архитриклиннии с их помощниками. Затем явился глашатай блюд и, торжественно подняв золотую булаву, возвестил первую перемену. Музыканты заиграли, а гости, весело подпевая под их музыку, принялись пировать.

В то время когда старики за почетными триклиниями, расположенными на особом возвышении, степенно беседовали между собою, разбирая то запутанные, казуистические вопросы талмуда, то затрагивая общественные и политические злобы дня, а их жены, почтенные матроны, потихоньку сплетничали; за нижними триклиниями, в центре которых находился отдельный стол новобрачной пары, молодежь предавалась веселью, смеялась и шутила, плела любовные интрижки и бросала цветы в виновников торжества.

За средним почетным триклинием сидел храмовый военачальник между Веньямином бен-Симоном и Гамалиилом, братом невесты. По правую сторону сидели Марк, Анания бен-Садук и офицер тетрарховых стрелков Сила из Вавилона. Напротив них на левой стороне триклинния помещались: Мириам, Фамарь и сестра бен-Садука, Юдифь. Играли в загадки, и очередь была за Марком. Юноша обратился к Мириам и сказал, лукаво подмигивая возлюбленной своего друга:

— Скажи, что слаще меду и горше желчи, пьянее вин и смертельнее укуса змеи, сильнее льва и немошнее младенца, смелее героя и боязливее лани, умнее мудреца и безрассуднее женщины, горделивей царя и

¹ Т р и к л и н и я — столовая комната.

смирнее раба, выше райского блаженства и ужасней адских мучений?

Мириам сверкнула на юношу укоризненным взглядом и стыдливо зарделась. Храмовый военачальник нахмурился. Хотя зилот Анания не успел представить ему доказательств своего доноса и был пребольно высечен за наглую ложь, тем не менее Элиазар бен-Ганан не мог успокоиться и ревниво следил за каждым движением Мириам. Предложенная Марком загадка показалась ему подозрительной. Недаром Филипп из Румы, о котором говорил Анания, был другом этого выскочки, не оказывавшего храмовому начальнику достаточного уважения. Элиазар устремил на Мириам пристальный взгляд. Девушка смутилась и опустила веки. Бен-Ганан закипел злобой и презрительно сказал Марку:

— Любезный школяр, твоя загадка чересчур проста и наивна даже для такой неопытной в любовных делах девушки, как прелестная Мириам.

— Может быть! — добродушно отозвался тот. — Но я ослеплен видом трех ангелов и потому не мог придумать ничего замысловатее, — прибавил дамаскинец, любезно поклонившись в сторону девушек.

— Ангел явился ослице валаамовой. Ты, должно быть, приходишь из ее почтенного племени?

— Да, и с тех пор наше племя говорит по-человечески, а валаамов род мычит по-скотски!

Ссора была готова разразиться. Бен-Ганан позеленел от злости, а бен-Даниил приготовился к смелому отпору.

— Довольно! — воскликнула встревоженная Мириам, прерывая ответ Элиазара. — Ваша ссора неуместна! Споем лучше песню в честь новобрачных. Или станцуем.

— Я не стану петь! Это дело мальчишек и девчонок! Для мужчин найдется более достойная забава, — грубо заметил храмовый военачальник.

В эту минуту к столу подошел новый гость в роскошной греческой одежде. Короткий меч в богатых

ножнах висел на перевязи, украшенной жемчугом и драгоценными камнями.

Мириам уже танцевала с храмовым военачальником. Пользуясь в качестве дружки жениха особым преимуществом перед другими гостями, он не выпускал из рук молодой девушки и носился с нею по зале.

— Кто этот знатный иродианин? — спросила Фамарь бен-Даниила, указывая на стоящего поодаль щеголя в греческой одежде.

— Я вижу его в первый раз, но слышал от Силы, что зовут его Филиппом бен-Иакимом. Он сын известного полководца Агриппы I, стратег и любимец тетрарха.

— Еврей или грек?

— Должно быть, грек по происхождению и еврей по вере, как все иродиане.

Фамарь пожала руку жениху и, сославшись на усталость, ушла в уборную комнату, где после танцев отдыхали и прихорашивались девушки. Марк вышел освежиться в сад.

У фонтана стоял Анания бен-Садук в кругу молодежи.

— Говорю вам, не подобает иудеям далее терпеть насилие римлян! — ораторствовал молодой священник. — Не подобает народу, который чтит живого Бога, падать ниц перед идолопоклонниками. Говорят, они покорили мир. Может быть, это и правда, хотя я убежден, что они его купили. Кто владел миром до римлян? Греки. А греки продажны, как блудницы. Нас ни греки, ни римляне никогда не покоряли. Первых мы били, как собак, вторые пришли к нам в качестве союзников изменника Ирода. Им было нетрудно при помощи храбрых иудейских войск одерживать бесчисленные победы над толпами плохо вооруженных крестьян. Но хотел бы я видеть, что станет с этими миропокорителями, когда на них ополчится весь Израиль. О, поверьте, услышав рыкание иудейского льва, итальянские лисицы убегут с поджатыми хвостами в свои заморские норы!

— Твои уста точат сладчайший мед, но не окажется ли он на деле горькой желчью, когда мы станем пить его? — возразил один из слушателей.

Бен-Садук гордо поднял голову и, смерив его глазами, презрительно ответил:

— Кто истинный иудей, тот не сомневается в своем преимуществе перед гером! По вою узнают шакала и по рыканью льва, — добавил он с обидной насмешкой. Марк хотел вмешаться в разговор. Высокомерие и заносчивость молодого священника покоробили юношу, однако он удержался, завидев издали Элиазара бен-Ганана, который приближался к ним, разговаривая с офицером стрелков Силой.

— Вот истинный Маккавей, которому недостает сподвижников! — воскликнул бен-Садук, указывая на храмового военачальника.

— Сподвижники у него явятся! — ответили присутствующие.

Они пошли ему навстречу и окружили его с шумными приветствиями.

Бен-Даниил вернулся в залу, где после перерыва снова возобновились танцы. Юноша искал Фамарь, однако ее не было между танцующими. Он прошел в другую и третью залу, но и тут среди групп пирующих и беседующих гостей он не нашел своей невесты. Встревоженный Марк обратился с вопросом к одной из знакомых девушек. По словам той, Фамарь только что танцевала с иродианским царедворцем и, вероятно, отдыхает теперь в женской комнате. Жених успокоился и, попросив девушку передать невесте, что он будет ждать ее в саду, вышел из душных комнат дворца на свежий воздух.

Пройдясь по уединенной аллее, он машинально остановился под сенью горделивого лавра и прислонился к его стволу. Как хорошо и тихо было здесь среди благоухания цветов, под звездным небом!

Дамаскинец почувствовал прилив счастья, и сердце юноши забило сладкой тревогой. Пройдет еще каких-нибудь месяца два, караван его отца прибудет

из Дамаска, и он также весело и шумно отпразднует свою свадьбу с любимой девушкой, а потом поселится с нею в чудном иерихонском оазисе, где ему предлагают купить дачу по сходной цене и где он займется прибыльной торговлей благовониями. Надо будет устроить и судьбу Филиппа. Он уговорит отца взять приятеля в компаньоны. Филипп малый расторопный. Две или три поездки с караваном в Африку за золотым песком и слоновой костью могут обогатить его и сделать счастливым обладателем прелестной Мириам.

Мечты юноши были прерваны легким шумом приближающихся шагов. В глубине кипарисовой аллеи белело женское покрывало и обрисовывалась темная фигура мужчины. Дамаскинец спрятался за дерево, чутко прислушиваясь. Мимо него прошел бен-Иаким, ведя под руку женщину, лица которой нельзя было рассмотреть. Грек нашептывал ей что-то на ухо, а она, кокетливо отклоняя головку, отстраняла его опахалом. Марк вздрогнул. По фигуре и костюму это была его невеста. Ревность закипела в сердце влюбленного, и он зорко следил за подозрительной парочкой. Иродиагин довел свою даму до площадки фонтана перед террасой дворца и на прощанье долго не выпускал ее руки. Она, по-видимому, охотно слушала льстивые речи и только тогда вырвала у него свою руку и убежала, когда чересчур предприимчивый волокита хотел обнять ее за талию. Марк незаметно прокрался за ним в тени кустарника и после бегства девушки бросился за ней по горячим следам в залу пира.

Фамарь с покрасневшимся лицом сидела на табурете, обмахиваясь опахалом, и, чтоб скрыть свое волнение, делала вид, что следит за танцующими.

— Где ты была? — хриплым голосом спросил ее Марк, весь бледный от гнева.

Девушка удивленно вскинула на него глаза и ответила с досадой:

— Ты, кажется, выпил слишком много сладкого вина! Вместо того чтоб быть со мною, внимательный жених все время просидел за чашей.

— Я сейчас видел тебя в саду...

Фамарь вспыхнула.

— Оставь меня, если не хочешь, чтоб я заплакала и пожаловалась брату на твою грубость! Боже, какой позор! Все видят, что ты затеваешь со мной ссору...

Она встала и в гневе удалилась прочь. Ошеломленный бен-Даниил с недоумением смотрел ей вслед, не смея догнать невесту.

XIX

Вдоль берега Средиземного моря расстилаются две равнины Палестины, пересекаемые крупными отрогами гор Кармила. Параллельно с ними тянется длинный ряд холмов; на восток от них лежит низменность Эль-Гор, а по ту сторону Иордана цепь Моавитских и Галаадских гор, так что страна делится на четыре параллельные полосы: приморскую береговую линию, горную страну, Иорданскую долину и Заиорданские земли.

Горная страна, занимающая пространство между приморской низменностью и Иорданской долиной, оканчивается двумя отрогами длинного ряда холмов, пересекающих долину Иездеель, или Эздзелон. Южная масса этих известковых холмов образует Иудею, а северная Галилею.

Когда Соломон, вознаграждая заслуги Хирама, отдал ему провинцию, состоящую из двадцати городов в округе Кедес Нафтали и носившую название Гелиль, то Хирам, взглянув на нее, сказал Соломону: «Что это за города, которые ты, брат мой, дал мне?» — и назвал их землю презренной — Кавул. С тех пор Галилея осталась у иудеев презренной страной, и это мнение еще более укоренилось, когда ее заселили финикияне, аравитяне и происшедшие от них и евреев смешанное потомство. К тому населению в царствование Ирода Великого присоединилось множество греков, внесших в страну свою утонченную образованность и язык, сде-

лавшийся всеобщим. Тогда Иудеи прозвали Галилею «языческой».

Но вопреки основанному на предрассудках презрительному мнению иудеев о Галилее, эта страна была цветущей и во всех отношениях стоила выше своей сивой соседки. Жители ее деревень и нагорных городков отличались образованностью и трудолюбием, жизнь их текла спокойно и мирно. Большею частью то были смешанные потомки переселившихся из Египта евреев; они утратили характерные черты еврейской расы и сохранили только простую веру своих отцов вместе с любовью к стране Израиля. Однако их сомнительное происхождение и скромность в глазах иудеев, преклоняющихся перед золотом и внешним блеском, были хуже всякого порока.

Страна была дорогой к морю, и в ее долинах жили по соседству люди всех наций. Города со множеством селений лежали близко один от другого и были так густо населены, что в самом меньшем из них было до пятнадцати тысяч жителей. Народ в них был предприимчивый, старательно обрабатывавший каждый клочок земли. Но если нагорные городки Галилеи, скрывающиеся среди ореховых и дубовых лесов, отличались благосостоянием и культурой, то ее надольные города тем более блистали богатством и кипели жизнью. Весь западный берег Геннисаретского озера кипел бурной деятельностью. Он буквально был унизан городами, мызами и селами. По западному берегу этого озера, имеющего всего двадцать верст длины и девять ширины, теснились такие многолюдные города, как Капернаум, Хоразин, Вифсаида, Геннисарет, Магдала и Тивериада, так что весь берег казался сплошной набережной одного огромного города. Воды Геннисаретского озера пересекались четырьмя тысячами судов разного типа, начиная с больших военных гальон и кончая раззолоченными гондолами богачей и простыми лодками рыбаков. Прибрежные города служили центральным рынком караванного транзита между Египтом и Дамаском. Четыре дороги пролега-

ли к Геннисарету. Первая из них тянулась от Капернаума по западному берегу мимо городов к низовьям Иордана, вторая пролегла по южной стороне озера и через мост у Тивериады шла через Перею к Иерихону. Третья вела через Семифорис, веселую столицу нагорных городков, к знаменитому порту Акре на Средиземном море, а четвертая пролегла через горы Завулоновы к Назарету, откуда спускалась в Эздрелонскую долину и шла в Самарию и Иудею.

По этим дорогам двигались непрерывные караваны, и приезжие иностранцы толпами гостили в галилейских городах. Тивериада, новая, возведенная Иродом Антипою столица, была одинаково языческим, как и еврейским городом. Храмы, синагоги и школы, выстроенные в кудрявом стиле иродовой эпохи, были еврейские. Амфитеатр, бани и золотой дом Антипины, чисто античного стиля, украшенные живописью и статуями богов Эллады, были вполне языческими, отчего благочестивые иудеи никогда не входили в «нечистую» Тивериладу, где к тому же улицы, проведенные по разрытым кладбищам, вселяли им суеверный страх, и они только издали смотрели на стены и башни веселого города и на дворец Антипы, отражающийся в зеркальных водах озера со своими мраморными львами и скульптурными архитравами.

Все нагорные городки Галилеи, центром и столицей которых служил живописный Семифорис, похожи друг на друга, как родные братья; все они, точно жемчужные гнезда, блещут на темно-зеленом фоне холмов, у всех одинаково простые домики из белого камня, обвитые плющом и виноградом, с плоскими крышами, где воркуют и греются на солнце голуби; у всех одинаково узенькие, идущие уступами и зигзагами улицы, и все они полны цветущих садов с темной зеленью фигов и олив, с пышным белым и алым цветом на поморанцевых и гранатовых деревьях и с ярко зеленеющими на солнце финиковыми пальмами. Почва вокруг этих городков прекрасно обработана и орошена. Виноградники и оливковые рощи чередуются с засеян-

ными хлебом полями, пастбищами и фруктовыми садами. Всюду весело порхают птицы, между которыми голубая сиворонка блещет, как живой сапфир на пестрой мозаике полевых цветов. Толпы детей играют у прохладного источника, или со звонким смехом гоняются по полям за яркими бабочками, или же отважно карабкаются на вершины родимых гор, чтобы посмотреть оттуда на орлов, повисших в безоблачной синеве неба, на вереницы пеликанов, с шумом перелетающих с Киссонского потока на Галилейское озеро, на белеющие вдали паруса кораблей из Хиттима, на пурпурную вершину Кармила, где среди лесов скрывался пророк Илия. Эти нагорные городки с населением из земледельцев, ремесленников и пастухов нисколько не отличаются от простых деревень и только потому называются городами, что обнесены стенами и укреплены башнями.

На севере Эдрелонской долины холмы, которые тянутся от востока до запада Иорданской долины к Средиземному морю, некогда принадлежали к завулонову колену и потому называются Завулоновыми горами. В центре этих гор известковое ущелье ведет в небольшую долину, имеющую форму амфитеатра, в конце которой находится город Назарет, выстроенный на скате холма, возвышающегося на пятьсот футов над долиной. Через Назарет проходит караванная дорога из Семпориса в Акру, а также в Иудею и Самарию.

...Несколько дней спустя после свадьбы Иммы караван покинул Назарет и вступил в Эдрелонскую долину. По обеим сторонам дороги тянулись великолепные поляны и полосы засеянных хлебом полей, которые блистали под набежавшим дождевым облаком, подобно одежде первосвященника, оттенками голубых, пурпурных и ярко-красных цветов. Во главе каравана за отрядом легкой идумейской конницы шел огромного роста эфиоп в красном тюрбане и пестрой тунике, ведя под уздцы великолепного верблюда золотисто-белой масти, богато убранного в пунцовый, расшитый золотом чапрак и в шелковую и зеленую с золотыми ки-

стями сбрую. На высоком седле сидела закутанная в облако кружева молодая женщина. За нею ехало на верблюдах несколько других женщин в нарядных греческих одеждах и в пышных восточных покрывалах. Их сопровождал всадник лет тридцати, с умным бесстрастным лицом. В хвосте каравана шли вьючные мулы и верблюды с многочисленной прислугой под прикрытием полуэскадрона оруженосцев на тяжелых конях и в блестящих боевых доспехах.

Караван быстро подвигался по дороге к Иерусалиму, отстоящему оттуда на сто двадцать верст. Перейдя вброд поток Киссон, он миновал Сунешь и к вечеру остановился у царственного Эздры с чеканными саркофагами, свидетелями его минувшего блеска.

Здесь, на лужайке у источника, окруженного старыми ореховыми деревьями, слуги раскинули пурпурный шатер. Эфиоп подвел к нему верблюда и заставил животное стать на колени, а подоспевший всадник, почтительно сняв с седла молодую женщину, проводил ее в ставку. Другие дамы, сойдя с верблюдов, отряхивали от пыли свои платья, и, пока прислуга суежилась, разбивая шатры, они весело болтали, любуясь живописной линией обнаженной Гелвуи, озаренной лучами заходящего солнца. У источника толпились, спеша напоить лошадей, солдаты конвоя. Погонщики развьючивали животных. Вскоре на зеленой лужайке раскинулся веселый стан, запылали костры, у одного из которых собралось общество офицеров эскорта. Оруженосцы разносили приготовленную по-походному баранину с рисом и разливали по кубкам вино из кожаных бурдюков. К ужинающим гвардейцам присоединился командир их Лизандр и домоправитель Ирода Птоломей. Оба они возвратились с обхода лагеря и с удовольствием посматривали на дымящиеся блюда.

— Теперь и мы закусим! — сказал Лизандр, сбрасывая с плеч суконный плащ и снимая с головы тяжелый шлем с панашем из красных перьев. — А что же я не вижу между вами Иосифа! Разве он еще не возвра-

тился от царицы? — добавил командир, обводя глазами общество офицеров.

— Должно быть, что так, — заметил Птоломей, плотный осанистый брюнет с сильной проседью.

Гвардейцы слегка улыбнулись. Лизандр многозначительно посмотрел на домоправителя и шепнул ему, беря от оруженосца поданный кубок:

— Хитрая иудейская лисица успела вкрасться в доверие.

— Если бы только в доверие! — шепотом ответил домоправитель, искоса поглядывая на пурпурный шатер, у которого недвижимо стоял германский латник, опираясь на длинное копьё.

Полы шатра распахнулись, и показался всадник, сопровождавший Беренику, ехавшую в Иерусалим на богомолье. Иосиф бен-Матфей, называвшийся впоследствии Флавием, медленно приблизился к костру гвардейцев. Его встретили любезными улыбками и вежливыми поклонами.

Мало-помалу лагерь затих, костры, догорая, потухали, и скоро в ночной тишине раздавались только оклики часовых да храп спящих людей. Не спал только Иосиф. Сидя у тлеющего огня, среди погруженных в сон офицеров, он глубоко задумался. Происходя из знатной священнической семьи и состоя в родстве с княжеским домом Асмонеев, он был принят при дворе Агриппы и его сестры Береники, которая после развода со своим мужем Палемоном, царем Киликийским, жила в Тивериаде, содержала блестящий двор и вмешивалась в политику. Иосиф с юности прилежно занимался науками, но вместе с пытливым любознательным умом ему было свойственно и спесивое высокомерие. Он долго колебался между диаметрально противоположными учениями саддукеев, фарисеев и даже ессеян, в таинства которых был посвящен, пока не решил окончательно присоединиться к влиятельной и самой популярной фарисейской секте. Однако сделавшись ревностным учеником закона, Иосиф в то же время изучал презираемый фарисеями греческий язык и

старался усвоить греческую образованность, без которых не было доступа ко двору и в замкнутый высший круг. Теперь же, возвратясь из поездки в Рим, где он пробыл четыре года и где любимец Поппеи еврей-актер Алифер доставил ему возможность быть при дворе Нерона, Иосиф снова изменил свои убеждения.

Ослепленный блеском императорского двора, пораженный военным могуществом Рима и его грандиозной политической и государственной системой, он вообразил, что римляне избраны самим Провидением властвовать над миром. Превознося все чужеземное, этот человек стал презрительно относиться не только к фарисеям, но и ко всему иудейству, что, однако, ничуть не препятствовало ему оставаться по-прежнему правоверным иудеем, чисто фарисейской закваски, — двойственность, результатом которой является отрицательный тип человека и которую мы встречаем во все века у всех азиатских наций и у современных полуварварских народов. Как любимцу Береники и приближенному ко двору Агриппы ему были известны тайные замыслы идумейского двора. Но Иосиф ясно сознавал, что все усилия правительства парализуются взаимным антагонизмом разноплеменных провинций, причем немалая опасность угрожала со стороны придворной военной партии и иерусалимских иудеев, из которых первые стремились ради чисто личных честолюбивых целей, а вторые ради отвлеченных религиозных доктрин и национальной нетерпимости во что бы то ни стало раздуть в пламя междоусобия тлеющий огонь взаимной вражды. И теперь, сидя перед потухающим костром среди спящего лагеря Береники, Иосиф по долгом размышлении решил, что благоразумному человеку пристойнее всего соблюдать свой личный интерес и добиваться возвышения, искусно лавируя между партиями и придерживаясь стороны сильного. Остановившись на этой мысли, Иосиф успокоился и безмятежно заснул.

Наутро караван Береники совершал свой урочный путь.

Во все время пути Береника не только милостиво разговаривала с Иосифом, но с чисто женскою болтливостью посвящала его в свои политические замыслы, тайной пружиной которых было ничем не насытимое женское властолюбие. Подобострастно выслушивая речи прелестной царицы, Иосиф внутренно изумлялся ее коварству и честолюбию, но ему нравилась хитросплетенная интрига. Оружием идумеянки были ее красота и изощренное кокетство, против которых никто не мог устоять, и она с хохотом говорила, как запутает в свои сети всех первосвященников в святом Иерусалиме.

Слушая царицу, Иосиф несколько не смущался ее цинической откровенности, ни того обстоятельства, что на его долю она предназначила скромную роль простого советника. Он вполне был убежден, что затеянная Береникой интрига для возвращения власти, утерянной Архилаем, не обойдется без перипетий, которыми он сумеет воспользоваться. Во всяком случае, если власть и попадет ей в руки, то разве женщина удержит тяжелый скипетр Ирода Великого? Таким образом, Береника, мечтающая захватить престол у родного брата, и ее советник, замышляющий вырвать у нее захваченную корону, были довольны друг другом. Они вступили в Иерусалим с самыми радужными надеждами.

У ворот Везефы царица со своими дамами пересела в раззолоченные носилки и, окруженная гвардейцами, отправилась в Сион, во дворец Асмонеев. Ее немало удивило то обстоятельство, что из присутствующих в столице придворных она была встречена одним только Баркаиосом, а вместо Филиппа бен-Иакима явился полковник гвардейцев, Валтасар Терон, которого она не любила за его преданность тетрарху и презрительное пренебрежение к женщинам. Немало также удивил Беренику и пустынный вид улиц нижнего города с запертыми наглухо домами. Озадаченная царица по минутно отдергивала занавески носилок и с беспокойством выглядывала из них. Расспрашивать Баркаиоса

она не решалась из боязни услышать что-нибудь неприятное лично для себя, а между тем мучилась любопытством и тревогой.

Прибыв во дворец, она не выдержала и осыпала Баркайоса с Тероном вопросами, но те пожимали плечами. Им было известно только одно, что перед самым ее прибытием в Иерусалиме народ заволновался и бросился в храм, а Филипп, поручив им встретить Беренику, сам отправился в преторию, откуда еще не возвращался. Царице поневоле пришлось пока остаться в неведении. Послав Баркайоса за Филиппом бен-Иакимом, она несколько минут смотрела в окно на пустынный город. Потом сердито топнула ножкой, позвала своих камеристок и занялась туалетом, предчувствуя, что ей не придется сегодня отдыхать.

В то время когда караван Береники приближался к Иерусалиму, в городе происходило волнение. Улицы пустели, дома запирались, а народ стекался в храм, где среди волнующейся толпы раздавались яростные крики и угрозы прокуратору. Ранним утром по всему городу разнеслась крылатая весть о новом и на этот раз совершенно неожиданном насилии римского правителя. Народ, подстрекаемый зилотами, пришел в ярость, и волнение охватило весь Иерусалим.

— Неслыханное чудовищное злодейство! — пискливо кричал храмовый служитель Анания, размахивая руками и изображая ужас на своем лице.

— Да в чем дело? Говори! — волновалась окружавшая его толпа.

— Я все знаю, я был там, когда первосвященник получил от гонца ужасную весть. О, бедный страдалец первосвященник Израиля! Он разорвал на себе одежды и посыпал главу пеплом, — рыдал Анания, ломая руки и выворачивая белки глаз.

— Да говори же, что случилось?! — кричала толпа.

— Что случилось! Вы спрашиваете, что случилось? В Цезарее, как вам известно, евреи с греками издавна живут в дружбе, как кошки с собаками. Наши братья имеют в городе одну-единственную синагогу, выстроен-

ную к тому же на участке, принадлежащем грекам. Разумеется, благочестивым евреям хотелось откупить эту землю, и они предлагали за нее не только двойную, но даже тройную цену. Но проклятые греки не соглашались и, чтобы еще пуще досадить нашим единоверцам, застроили проход к синагоге лавками и мастерскими, так что нашей братии пришлось с трудом пробираться закоулками в дом молитвы.

— Подлецы!

— Сирийские собаки!

— Но такого ехидства евреи не захотели терпеть и порешили прогнать рабочих, а уже выстроенные бараки снести. Тут Гессий Флор вступился за греков и не допустил поступить с ними, как они того заслуживали. Однако наша братия, зная взяточничество Флора, отправила к нему сборщика податей Иоанна и предложила прокуратору в подарок восемь талантов серебра. Тот милостиво положил деньги в карман, дал слово освободить проход к синагоге и воспретить дальнейшие постройки, но, вместо того чтоб сдержать свое обещание, преспокойно уехал из Цезареи.

— Как? Взять деньги и ничего не сделать?! Мерзавец! Вор!

Толпа пришла в величайшее негодование.

— О, постойте, это цветочки, а ягодки впереди! — воскликнул другой храмовый служитель. — Слушайте, слушайте!

— На следующий день, — продолжал Анания, — как раз в субботу, благочестивые евреи собрались в синагогу, и в то время когда там молились Господу, один из греков поставил в дверях горшок вверх дном и принес в жертву маленьких птичек.

Взрыв страшного негодования последовал за этими словами зилота. Такую жертву приносили одни только прокаженные. По мнению же греков, евреи происходили от прокаженных, выброшенных из Египта.

— Эта неслыханная, наглая дерзость переполнила чашу терпения наших земляков, — снова начал зилот. — Они вооружились и бросились на язычников, которых

страшно бы избили, не подоспей им на помощь Юкунд с конницей прокуратора. Тогда наши принуждены были отступить и, наскоро захватив из синагоги священные книги, удалились в Норбату, иудейское местечко в шестидесяти стадиях от Цезареи. Откупщик податей Иоанн и двенадцать именитых евреев отправились в Себасту к прокуратору. Они извинились перед ним за происшедшие беспорядки и, прося его содействия, слегка намекнули на восемь талантов. Но Гессий Флор обвинил посланных еврейской общины в краже священных книг из Цезареи и посадил их в темницу.

Слушая такие вести, присутствующие не успели прийти в себя от изумления, как во двор язычников, где ораторствовал Анания, нахлынула толпа бежавших с верхних дворов, во главе ее какой-то фарисей в разорванной одежде вопил, что прокуратор хочет ограбить корван, требуя из него семнадцать талантов в уплату податей, которые уже давным-давно уплачены.

— Ни одной драхмы не дадим ему! Долой прокуратора! Смерть римским псам! — заревела толпа, бросаясь обратно в храм и требуя выхода первосвященника и старейшин. Напрасно более умеренные граждане пытались уgomонить разыгравшуюся бурю. Зилоты и присоединившиеся к ним фарисеи подстрекали к бунту. На ступенях восточных ворот появился Анания с корзиной в руках.

— Граждане! — кричал он. — Давайте соберем лепту для нищего Флора и заткнем ему глотку, чтобы он подавился!

Предложение зилота понравилось толпе, и в его корзину посыпались медяки, камушки и всякая дрянь, попавшаяся под руку. Потом Анания торжественно двинулся во главе народа в город и обошел все кварталы Иерусалима, причем сопровождавшие его распевали хором: «Подайте милостыню нищему Флору! Он умирает с голоду».

Вечером Фамарь сидела одна в зале своего дома, подпирая руками голову. Сегодня она напрасно поджидала Филиппа бен-Иакима у гробницы царя Давида, куда он должен был явиться к ней на свиданье.

В роковой для нее день свадьбы Иммы она увлеклась царедворцем, сумевшим вскружить ей голову тонкой лестью. Ее тщеславию польстило ухаживанье избалованного женщинами вельможи, который находит ее, скромную иудейскую девушку, настолько привлекательной, что забывает при ней красавиц пышного царского двора и разодетых в косские ткани и кружева прелестниц Тивериады. Молва об этих продажных красавицах вместе с произведениями греческой беллетристики тайно проникала и в девические горенки дочерей благочестивого Сиона. И вот из легкомысленного кокетства Фамарь уступила просьбам своего тайного обожателя: она пришла к нему на свиданье, но — увы! — вернулась домой страстно влюбленной, и ей пришлось дорого заплатить за тщеславное удовольствие видеть у своих ног знатного военачальника. Несколько дней пролетели для Фамари в чаду любовных восторгов, тайных свиданий и несбыточных грез. Зато сегодня, прождав напрасно любовника, она пришла домой, полная тревоги, и перед ней вдруг раскрылась целая бездна, которой девушка до сих пор не замечала и о которой не думала. Что будет с нею, если Филипп бен-Иаким не исполнит данных клятв и бросит ее? Что она скажет тогда брату, как объяснится с женихом, которого обманула прежде, чем стала его женой? Положим, она его не любила и шла за него только по расчету, чтобы избежать унижительного званья старой девы. Ведь тогда все женщины смотрели бы на нее презрительно и относились к ней с обидным пренебрежением. Чем виновата она, что полюбила человека, явившегося так поздно и предательски покинувшего ее? Но разве люди войдут в ее положение, разве отнесутся к ней сочувственно? Нет, милосердие им

чуждо, и они приравняют ее к тем презренным женщинам, которые останавливают на улицах прохожих. Слезы катились из глаз Фамари, и она с болью в сердце вспоминала то пламенные ласки, зажигающие кровь, то разлетающиеся прахом мечты о богатстве и знатности.

Солнце скрылось за горизонтом, и вечерний сумрак сгустился в зале. Вошла рабыня со светильником, чтобы зажечь лампу, висящую над столом. Фамарь посмотрела на нее удивленным взглядом и машинально вышла вон. На дворе теплилась звездная ночь, прохладный ночной ветерок освежил пылающий лоб Фамари. Несколько успокоенная, она поднялась на галерею ограды дома и опустилась на скамью. Издали до ее слуха доносился городской шум. На противоположной стороне пустынной площади верхнего рынка стояли сонные дворцы, и над темной массой их зубчатых стен фантастически высились легкие портики, стройные башни и сверкали золотые крыши в серебристом свете луны. Внизу под сводами ворот претории красноватый отблеск одинокого факела отражался на доспехах римского часового. Смотря на величественное здание иродова дворца, Фамарь вспомнила, как еще накануне она гуляла по ее залам, опираясь на руку Филиппа бен-Иакима, как она восторгалась никогда не виданной роскошью этих царских чертогов, каким прекрасным казался ей разодетый в виссон и пурпур царедворец и каким мизерным смотрелся в этой обстановке ее жених в длиннополом талифе, робко следовавший за ними! Нет, ни за что на свете не согласится она выйти за сына торгоша, ни за что не уступит другой женщине, хотя бы самой царице, своего Филиппа! Она заставит его ввести себя в эти чертоги своей законной женой и будет блистать в них красотой и богатством. Ее кичливые подруги будут раболепно расступаться перед супругой могущественного вождя царских полковников. И Фамарь, озаренная надеждой, спутницей любви, гордо подняла голову.

Вдруг под сводами ворот претории замелькал фа-

келы, засверкали шлемы и копья латников, за ними показались носилки на плечах четырех дюжих эфиопов. Сбоку носилок у отдернутой занавески шли Филипп бен-Иаким и Лахмус Энра, разговаривая с женщиной в сверкающей диадеме, покоившейся на пурпурных подушках. Фамарь с любопытством вытянула шею и, перегнувшись за край стены, напряженно следила глазами за вышедшим из претории кортежем. Носилки на минуту остановились. Женщина в диадеме протянула на прощанье секретарю прокуратора руку, которую тот подобострастно поцеловал. Носилки снова тронулись и скрылись из вида, завернув за угол. Филипп бен-Иаким последовал за ними. Фамарь окликнула ночного стража, зевавшего на пышное шествие.

Сняв с руки запястье, девушка бросила его сторожу.

— Пойди узнай, куда отправились эти носилки и как зовут сидящую в них женщину! — сказала она.

Сторож поднял браслет и спрятал его за пазуху.

— Госпожа! — ответил он, глупо улыбаясь. — Это царица Береника. Сегодня утром она прибыла в Иерусалим на богомолье.

Фамарь бессильно опустилась на скамейку. «Береника!.. Так вот почему Филипп не пришел сегодня на свиданье! Значит, недаром называют его любовником развратной идумеянки».

XXI

Между тем в то время, когда в Себасту примчался во всю конскую мочь гонец, высланный тайно Филиппом бен-Иакимом и Лахмусом Энрой с известием прокуратору о происшедших в Иерусалиме беспорядках, Береника пригласила во дворец Агриппы первосвященников и главнейших старейшин на совещание.

Она приняла их во дворе, вымощенном мрамором, под сенью портика.

На этот раз Береника, против своего обыкновения, выступила безо всякой пышности и явилась в простой одежде без диадемы и пурпура перед собранием, придав ему таким образом частный характер. Она произнесла речь, в которой, с одной стороны, старалась опровергнуть несправедливые обвинения, возводимые на царствующую династию врагами мира и порядка, а с другой — доказать настоятельную потребность воспользоваться происшедшим волнением как предлогом достичь давно намеченную цель — восстановление монархии Ирода Великого.

— Я уполномочена принять от города посольство, — говорила царица, предъявляя собранию подлинную доверенность Агриппы. — Обратитесь ко мне, и я немедленно дам приказ архистратегу Дарайосу занять город войсками, чтобы водворить порядок и защитить граждан от буйства черни. Другое посольство вы отправите к прокуратору с извинением за причиненное в его лице оскорбление властительному Риму, причем требуемые прокуратурой семнадцать талантов серебра уплатит из нашей царской казны домоправитель Птоломей. Я и мой царственный брат готовы на всевозможные жертвы, лишь бы только избавить Израиль от гнета чужеземных притеснителей и от посягательств внутренних врагов. Говорю вам: пора утвердить в стране правительственную власть и обеспечить народу блага мира.

Первосвященник Матфей бен-Феофил тепло поблагодарил Беренику за ее любовь и преданность земле и вере Израйля, но просил отложить решение столь важного вопроса еще на несколько дней, чтобы дать время синедриону окончательно обсудить его со всех сторон. Напрасно Иосиф и Барканос убеждали старейшин не откладывать дела, которое вполне очевидно и не требует разъяснений.

— Совершенно достаточно и вполне законно, — говорил Иосиф, — если ввиду крайних обстоятельств первосвященник с нази синедриона и при участии представителей двух главных сект организуют временное

управление и обратятся за содействием к царю как к установленному императором посреднику. Не упускайте же дела из ваших рук и поспешите воспользоваться обстоятельствами, ниспосланными самим Богом, чтобы возвратить государю власть, а аристократии ее прежнее значение. Иначе все усиливающиеся зилоты и их гнусные сподвижники — сикариане окончательно вырвут из ваших рук кормило. Тогда ладья Израиля неминуемо разобьется о предательские скалы языческой вражды и погибнет в бурных волнах народного восстания против всемогущего Рима. Вы, люди, наделенные мудростью, поставленные на страже закона и святых отечественных преданий, внимайте голосу провидения, которое говорит вам царственными устами дочери Асмонеев.

Старейшины стояли с потупленными глазами, за исключением первосвященника и старика Иоанна. Более всего они опасались тирании иродиан. Симон бен-Гамалиил и Иоанн Закхей хотя и в гибких, цветистых выражениях, но тем не менее решительно потребовали формального обязательства Агриппы, что он немедленно удалит войска из Иерусалима, коль скоро этого потребует синедрион.

— Ваше требование несвоевременно! — воскликнула Береника, теряя терпение.— Мой брат теперь в Александрии. Пройдут целые месяцы, пока уладится эта пустая формальность.

— Без которой, однако, мы не решимся принять на себя ответственности перед народом! — возразил нази синедриона.

Береника с досадой топнула ногой, но, овладев собою, приняла грустный вид и сказала, обращаясь к первосвященнику:

— Сердце мое преисполнено печали и скорби. Я вижу, что здесь сомневаются в чистоте наших побуждений. Больно это сердцу, столь беспредельно любящему Израиль! Ты, который свят перед Иеговой, услышь мою клятву: клянусь Богом живым, клянусь за себя и моего царственного брата, что войска будут

отозваны из города, коль скоро минует в них надобность.

— Аминь! — торжественно произнес первосвященник, благословляя Беренику. — Вы слышали? — обратился он к безмолвно стоящим иерархам.

— Что же вы молчите? — воскликнул нетерпеливый Баркаиос.

— Мы слышали голос, который звучал слаще струн арфы Давида! — ответил Симон бен-Гамалиил, почтительно склоняясь перед гордо выпрямившейся Береникой. — Позволь же нам идти и возвестить слова твои народу.

Царица смутилась. Краснея от закипевшего гнева и нервно кусая нижнюю губу, она обвела нерешительным взглядом собрание и своих единомышленников.

Иосиф сосредоточенно смотрел на статную фигуру нази синедриона, он как будто хотел проникнуть взглядом в тайные помыслы Симона бен-Гамалиила, так энергично сопротивляющегося планам идумейского двора. Первосвященник стоял, грустно поникнув головой. Старик Ганан, покашливая, ехидно улыбался и злорадно посматривал на старейшин умеренной партии. Один лишь Филипп бен-Иахим, стоя поодаль у колонны, смотрел на присутствующих с холодной уверенностью. Береника обратилась к нему, стараясь найти исход из опасного и неловкого положения.

— Стратег Филипп, — начала она дрожащим от сдержанного волнения голосом, — до сих пор ты один не высказал своего мнения. Мы слушаем тебя.

— Царица, — ответил Филипп бен-Иахим с низким поклоном, делая несколько шагов к Беренике, — по мудрому твоему велению, многое было уже предложено на обсуждение первосвященников и старейшин. Им известно все то, что они удостоились слышать ныне из твоих царственных уст. Но тогда, как и теперь, они не захотели блага, отвергли предлагаемую им помощь нашего государя и накликали на себя невзгоду, которая не замедлит разразиться над их головами. Знай, что никакие более меры не смогут отвратить грядущих

событий. Прокуратор уже извещен о бунте и о нанесенном ему тяжком оскорблении и, вероятно, теперь уже выступил из своего лагеря под Себастой, чтоб наказать мятежный Иерусалим.

Спокойная речь стратега раздалась подобно громовому раскату среди всего собрания. Береника широко раскрыла глаза и устремила на царедворца вопросительный, недоумевающий взгляд?

— Как! Когда же и кто так скоро мог его известить? — воскликнула царица, овладев наконец собою.

— Со дня волнения в городе солнце уже трижды совершило свой путь от востока к западу, — отвечал стратег, — совершенно достаточно времени для того, чтобы высланный гонец доскакал до Себасты и там протрубили поход.

— Не может быть! Он лжет! Это ловушка! Иродиа не хотят запугать нас! — перешептывались между собой старейшины.

Один только первосвященник не усомнился в словах Филиппа бен-Иакима и понял, что придворная военная партия перехитрила друзей мира и согласия. Матфей бен-Феофил с тревогой в сердце простер к Беренике руки, умоляя ее не покидать город в минуту опасности и не лишать граждан покровительства. Обратясь затем к старейшинам, он умолял их сплотиться вокруг трона и пригласил следовать за ним в храм, чтобы, подкрепив себя молитвой к Богу, решить, какие меры следует принять ввиду угрожающего вступления римских войск в Иерусалим.

Береника в тревоге и волнении вернулась во дворец и прошла к себе во внутренние покои.

В тот же вечер синедрион собрался в полном своем составе.

Синедрион, уже давным-давно превратившийся в уродливое подражание верховной власти, которую он себе присвоил со времени изгнания Антиппы, был менее всего способен к инициативе в минуту политических осложнений. Главными деятелями в нем были священники и старейшины при ничтожном участии народных

представителей. Теперь поставленные в необходимость открыто держать сторону народа или династии, члены синедриона окончательно растерялись и после горячих прений разошлись, ничего не решив. Старик Ганан думал только о сохранении привилегий за своим семейством и об уничтожении своих личных врагов. Прислушиваясь к иродианам и римлянам, он в то же время каждую минуту был готов перейти к народной партии, если б это оказалось выгодным. Один только первосвященник Матфей бен-Феофил был искренно предан дому Ирода из убеждения, что династия спасет государство от гибели. Его друг Симон бен-Гамалиил и Иоанн Закхей стояли за первосвященство, отрицали светскую власть как верховную и стремились к постепенному примирению враждующих сект.

Эти трое достойных мужей возвратились домой в грустном настроении. Они чувствовали, что на их долю выпало непосильное бремя общественных дел, грозящих полным хаосом.

— Лучше будет, если мы совсем устранимся от дел,— сказал Иоанн Закхей, прощаясь с нази синедриона.— Обстоятельства сильнее нас.

— Пока я не вижу ничего опасного. Бурю, которую хотят насильно на нас навлечь, я надеюсь укротить,— отвечал тот.— Народ послушен своим раввинам.

— Из которых половина зилоты,— улыбнулся ученый старец.

— Как знать! Пожалуй, зилоты правы и лучше нас с тобой чувт силу народа.

— Которого меньше, чем у Рима солдат.

XXII

В гостинице Абнера собрался кружок молодежи. За кубками вина сидели: силач Элиезер, братья из Румы и жених Фамари, снова начавший посещать приятельские пирушки в «Колодце Иакова». Абнер, только что вернувшийся из храма, где опять происходило народ-

ное сходбище, был вне себя от негодования и преисполнен духа строптивости.

Сегодня распространилась в Иерусалиме весть, что прокуратор, вместо того чтобы умиротворить волнение в Цезарее, выступил из Себасты с войском в Иерусалим. Красный от негодования и выпитого вина, Абнер стучал кулаком по столу, доказывая своим гостям, что мерзкий Гессий Флор намерен ограбить корван, а потому следует запереть перед ним крепко-накрепко городские ворота, а на стенах поставить камнеметательные машины и механические самострелы, чтоб дать хорошую острастку римским псам.

— Что же решил народ? — спросил Элиезер, положив локти на стол и флегматично пережевывая кусок говядины.

— К чему же путному придут эти ам-га-арецы? — рассердился толстяк хозяин. — Вот сидят же сложа руки такие скоты и преспокойно жрут себе за обе щеки, вместо того чтобы быть на страже святыни Израиля!

— Да ведь ей никто не угрожает! — рассмеялись молодые люди.

— Как никто не угрожает? А прокуратор, а римское войско?.. Эти нечестивые геры поставят идолов в храме, принудят нас есть свинину и будут в целом городе даром пить вино!

— Ты все-таки не сообщил нам, почтенный архитриклиний, чем вы решили дело на сходке в храме, — заметил Филипп.

— Выбрали Иоанна Закхея и Симона бен-Гамалиила в главные начальники города.

— Значит, у нас водворятся мир и спокойствие! — сказал Марк. — Партия умеренных восторжествовала, чему следует только радоваться.

— Так радуйся, пока не лопнешь от своей радости! Радовалась и курица, увидев лисицу в курятнике. Впрочем, не стоит с вами и толковать! Все вы припали к возлюбленным, как ослы к репейнику!

Трактирщик презрительно плюнул и ушел, хлопнув

дверью. Молодые люди, проводив его шутками, допили вино и собрались уходить.

Элиезер и брат Филиппа, Натира, намеревались отправиться в Акру, где теперь на рынке у дворца Елены, наверное, много народу и всяких новостей, а Филипп с Марком хотели провести вечер у Веньямина бен-Симона; туда же, по уговору, должна была зайти и Мириам, с которой Филипп не виделся уже несколько дней. В последний раз девушка тайком пришла к нему на свиданье на площадь Ксистос, и они ранним утром прохаживались с полчаса в тени аркад, в сотый раз потворяя друг другу взаимные клятвы и уверения в любви.

— Отчего ты в последнее время стал молчалив и грустен? — спросил Филипп своего друга по дороге к жилищу Веньямина.

— Я и сам не знаю, — отвечал Марк. — Отец прислал мне с прибывшим из Дамаска знакомым купцом денег на свадьбу и подарки. Я сильно занят и озабочен покупкой дома и обзаведением, так что, собственно, мне недосуг грустить.

— Что же, рада Фамарь, что скоро войдет в твой дом?

— Она, как и все девушки перед свадьбой, избегает меня... Таков уж здесь у них обычай, как сказала мне Имма.

Юноши вышли на площадь верхнего рынка. Возле дворца Соломона им повстречались две женщины в темной одежде рабынь, закутанные в густые покрывала. Они очень спешили и, завидев идущих к ним навстречу мужчин, пугливо перебежали на другую сторону, где и скрылись в тени портиков Ксистоса. Филипп с Марком равнодушно посмотрели вслед беглянкам и направились через площадь к дому Гиркана.

Войдя в освещенную залу в жилище Веньямина, они застали самого хозяина, его мать и хорошенькую Мириам сидящими за столом. Женщины занимались шитьем, а Веньямин читал им вслух поучительные главы из Торы. Отсутствовала одна Фамарь. На вопрос

бен-Даниила, где его невеста, матрона Руфь отвечала, что ее дочь, захватив с собой провизии, пошла навестить на платяном рынке бедную вдову.

Настал час вечерней трапезы. Подождав Фамарь, отужинали без нее. Потом Филипп проводил Мириам до калитки сада Гиллея и после долгого прощанья успел вернуться назад, а Фамарь все еще не возвращалась. Наконец уже поздней ночью, когда все разошлись по своим углам, стукнула калитка, и на дворе послышалась легкая поступь. Бен-Даниил поспешно спустился из своего павильона и встретил молодую девушку в сених. Она была бледна и встревожена, а поверх ее белой туники была накинута темная епанча рабыни.

— Где ты была, радость моих очей? Я так беспокоился о тебе! — сказал Марк, протягивая невесте руку.

— Ходила навестить вдовицу с сиротами: у нее больной ребенок, — ответила Фамарь и прошла мимо не замечая протянутой руки жениха. Марк с недоумением посмотрел ей вслед.

В роскошной опочивальне Асмонеяского дворца, украшенной греческими фресками на мраморных стенах, с раскинутыми тигровыми и леопардовыми шкурами перед резными кушетками и креслами, покрытыми пурпуром, сидела у столика с туалетными принадлежностями прекрасная Береника. У подножия великолепного ложа из слоновой кости и черного дерева дымилась благовонием курильница в виде золотого гранатового яблока, поддерживаемого серебряным крылатым грифом с птичьим клювом и львиными лапами. По другую сторону ложа стоял мраморный амур, — произведение резца Агора Крита — ученика Фидия — с завязанными глазами, с положенной на лук стрелой. Статуя была так искусно раскрашена, что производила впечатление живого мальчика.

Царица задумалась, опустив голову на руки. По временам она поднимала голову, прислушиваясь и откидывая кудри с лица, горевшего румянцем возбуждения.

Вдруг за дверьми послышались шаги. Малчаливая рабыня распахнула раззолоченные створы, откинула шелковую вавилонскую занавесь и, пропустив Филиппа бен-Иакима, тихо скрылась, подобно тени. Стратег остановился в нескольких шагах перед креслом Береники и почтительно наклонил голову, ожидая, что она ему скажет.

— А, наконец-то ты явился, презренный, вероломный раб!

Царица вскочила с места и гневно выпрямилась.

— Чем навлек я гнев той, чьей красоте завидует пенорожденная Афродита, перед кем бледнеют грация и кто наравне с олимпийской богиней распоряжается любовью и сердцами смертных и богов.

— Замолчи, дерзкий! Твоя лесть неуместна и не приведет ни к чему. Не хочу я и слышать твоих речей, проникнутых коварством и предательством. Отвечай: кто уведомил прокуратора? Чья подлая рука расстроила мои планы?

— Царица, ты, подобно сфинксу, задаешь вопросы, на которые я не могу ответить!

— Не притворяйся! Твои сообщники выдали тебя.— Береника сверкнула на Филиппа бен-Иакима уничтожающим взглядом и, взяв со столика рукопись, бросила ему в лицо: — Кто писал это, кто дал совет Гессию Флору отвергнуть мои предложения, возбудить к восстанию народ путем неслыханных притеснений? Кто наконец составил этот план войны, в которой лавры должны быть разделены между тобою и прокуратором?!

Филипп бен-Иаким поднял рукопись, упавшую на пол, и, убедившись, что то была копия его письма Гессию Флору, спокойно положил ее обратно на стол.

— Тебе угодно оскорблять верного и преданного слугу! Эта рукопись подложная, она писана бездельником, моим и твоим врагом.

Береника устремила на царедворца пристальный взгляд. Ее глаза приняли от злости зеленоватый отте-

нок, вокруг расширенного зрачка мелькали, как у разъяренной львицы, золотистые искорки.

— Ты отрекаешься? — прошипела она едва переводя дыхание.

Филипп бен-Иаким молча склонил голову.

— И от этого также отрекаешься?! — произнесла царица с возраставшим бешенством.

Она протянула руку, держа двумя пальцами золотое кольцо-змею с сапфировыми глазами и с жемчужиной в раскрытой пасти.

Это кольцо было подарок Береники Филиппу. В минуту увлечения он отдал ее Фамари. При виде такой улики стратег на минуту смутился, но, быстро овладев собою, смело взглянул в глаза разгневанной Береники и вкрадчиво отвечал:

— Никогда не отрекись от своего единственного счастья!

— А-а! Ты, конечно, скажешь, что мое кольцо было у тебя похищено, подлый лжец?!

— Вовсе нет! Я его отдал одной девушке.

— О!..

Береника опустила руку с кольцом и застыла от удивления.

— Да, я его отдал девушке, отдал, потому что оно напоминало мне женское вероломство и мое чисто юношеское увлечение, с которым я поверил сладкоречивой, бессердечной цирцее, чтобы сделаться жертвой мимолетной вспышки ее чувственности.

— И залог прежней любви ты отдал в залог новой? — язвительно расхохоталась Береника.

Подступив к Филиппу, она звонко ударила его по щеке.

— За что ты бьешь меня? — холодно сказал тот, отстраняясь от нее.

— Разве я не вольна бить подлого раба?

— Да, это правда! Я был и есть твой раб, издыхающий у твоих божественных ног.

Филипп упал к ногам царицы и обнял ее колени.

— Прочь, или я крикну гвардейцев, и ты будешь позорно казнен.

— Что мне жизнь, если солнце твоей любви не согревает крови в моих жилах?

— Разве мало тебя согрела твоя наложница-иудейка, которой ты отдал мое кольцо?.. О, ты изменил и предал меня дважды.

— Нет! Выслушай меня, не осуждай опрометчиво невиновного.

— Говори! Но помни: если ты не оправдаешься, я распну тебя, как преступного раба!

Береника села в кресло у столика и скрестила на груди руки.

— Позорное распятие ждет виновного, какая же награда предстоит правому? — спросил стратег с прежней вкрадчивостью.

— Оправдай себя, и ты увидишь.

— Значит, ты даруешь мне жизнь... Обещай же вместе с нею неизменную любовь, без которой для меня нет жизни.

— Обещаю! Мало того: обещаю, если ты не достигнешь трона, сложить с себя царский венец и порфиру, чтобы ты владел мною нераздельно!.. Но ты не оправдаешь себя, это невозможно!

— Как знать! Слушай. Это я писал письмо, копия с которого лежит на столе. Я советовал Гессию Флору... Одним словом, я тот самый злодей, который испортил планы твоих советников. Но это сделано мною, потому что я считаю войну самым лучшим средством для достижения намеченной тобою цели. Очистить от врагов Иерусалим можно только огнем и мечом. Это мое убеждение, и ты должна с ним согласиться. Гессий Флор дал мне ручательство, что, получив при моем содействии сокровища храма, он предоставит свои войска в мое распоряжение. Усмирение бунта будет всецело заслугой Агриппы, за что римский сенат не замедлит вознаградить его царским титулом.

— Недурно придумано, если только ты не лжешь.

— Я говорю правду.

— Положим так, но если ты изменил мне, как женщине, разве ты мог оставаться мне верным, как царице?

— Я оставался тебе верен во всех отношениях!

— Сегодня вечером явилась во дворец девушка с просьбой допустить ее ко мне,— перебила его Береника.— Войдя в эту комнату, она упала к моим ногам и среди рыданий созналась в любви к тебе, рассказала, как ты увлек ее, соблазнил, а потом бросил. В подтверждение своих слов она показала мне твое кольцо, конечно, не зная, какой страшной уликой послужит оно против тебя. Я обещала исполнить ее просьбу и заставить тебя на ней жениться. Завтра утром она придет сюда, и я вызову тебя.

— Эта девушка не придет. Она обманщица, подсланная моими врагами. Действительно я дал ей это кольцо, но не как залог любви, а как простой подарок. Узнав, что в мое отсутствие ты приблизила к себе другого, я хотел бросить кольцо на уличную мостовую, чтобы его растоптали прохожие. Вот увидишь: завтра эта негодная тварь и не подумает явиться.

— А пока до завтра ты пленник в моем дворце.

За дверьми опочивальни стратега встретил начальник телохранителей Береники, Лизандр с офицерами.

— До завтра, любезный Филипп бен-Иаким, ты мой гость,— с улыбкой сказал ему начальник гвардейцев.

Они пошли в помещение дворцовой гвардии.

— Надеюсь, Лизандр, ты не откажешь мне в некотором снисхождении. Я желаю иметь при себе своего оруженосца Антониадоса, потому что привык к его услугам.

— Считаю себя моим гостем,— отвечал Лизандр.— Ты не должен только отлучаться отсюда до тех пор, пока не дозволит царица, а все прочее тебе разрешается.

Ранним утром Фамарь в сопровождении своей верной Изет украдкой вышла из дому и спешила в Акру, в башню Мариамны, куда ей приказала явиться Береника. Сердце девушки тревожно билось. Через час,

много два она встретится с любимым человеком перед царицей и ее участь будет решена. Ведь он не посмеет ослушаться повеления Береники, волей-неволей женится на ней, Фамари, а тогда она уж сумеет вернуть его любовь. Разве Филипп может гневаться на нее за то, что она, страдая столько дней в безызвестности, не видя возлюбленного, которому отдала все, для которого совершила вероломство, решила наконец поступить так, как ей подсказывало сердце? Разве она не вправе бороться за любовь, не вправе преследовать изменника? Погруженная в такие думы, девушка быстро шла по улицам квартала Сыроваров. Из калиток низеньких одноэтажных домов выходили люди, спеша по своим делам; женщины с корзинами на головах шли на рынки за провизией или с высокими кувшинами на плече за водой к бассейнам на площадях, куда стекала дождевая вода и куда водопады добавляли ее каждую ночь из водоемов. Мастеровые, ремесленники, купцы открывали свои мастерские, лавки, лари. Избегая встречных и с целью сократить дорогу, Фамарь свернула в переулок и пошла по его грязной мостовой.

— Госпожа,— шепнула ей Изет, робко оглядываясь назад,— от самого дома за нами следят какие-то люди. Вот теперь они повернули в переулок по нашим следам.

Фамарь оглянулась. Трое мужчин, закутанных в синие суконные плащи, какие обыкновенно носили военные, ускоряя шаги, догоняли женщин. Девушка, схватив Изет за руку, пустилась почти бегом по извилистому переулку.

За ней бросился вдогонку Антониадос с двумя сопровождавшими его солдатами. Настигнув беглянок, они сзади накинули на них плащи и быстро спеленали ремнями.

— Чего вы тут безобразничаете, бездельники? — крикнул на них прохожий мастеровой и наклонился, чтобы поднять увесистый камень.

— Проваливай своей дорогой, осел! Разве не ви-

дишь, что мы изловили беглых рабынь? — ответил ему оруженосец Филиппа бен-Иакима.

Воины подхватили связанных женщин, и Антонидос скрылся с ними в закоулках квартала с ветхими домами бедняков.

Это происходило четырнадцатого мая. Вечером того же дня заходящее солнце ярко светило с безоблачного неба над Иерусалимом. Толпы народа под предводительством старейшин двигались к воротам Везефы и выстраивались по краям дороги, по которой взвивались облака пыли, и гремели звуки труб, и сверкали на солнце шлемы и копья приближающегося войска.

Народ, вышедший навстречу прокуратору, приготовился принять его с подобающими почестями и дружески приветствовал солдат цезаря. Но трубы смолкли, войско остановилось, а к ожидающему народу вместо римского правителя подъехал командир 1-й центурии италийской когорты Капитон.

— По домам, бунтовщики! — крикнул он, наезжая храпящей лошадейю на старейшин и именитых граждан, выстроившихся в первых рядах разодетой по праздничному толпы.

— Мы пришли, чтобы изъявить прокуратору нашу покорность и радостно приветствовать вас, непобедимых воинов великого Рима, — отвечали старейшины, робко пятясь перед конем центуриона.

— Поздно притворяться! — с презрительной иронией возразил тот. — Вчера вы лаяли, как злобные псы, а сегодня прикидываетесь смиренными овечками. Если вы истинные мужи, то повторите нам в лицо ваши ругательства и глумления и докажите с оружием в руках свою любовь к свободе.

Центурион повернул коня и отъехал к своим неподвижно стоящим всадникам.

Старейшины были ошеломлены неожиданной грубостью римлянина. Народ волновался. Кто-то крикнул из толпы ругательство. В ту же минуту раздалась короткая команда Капитона. Резко загремела труба, и всадники с места в карьер ринулись в атаку на без-

защитных евреев, которые, объятые паникой, обратились в беспорядочное бегство.

Гессий Флор вступил в город среди всеобщего смятения. По пустынным улицам с наглухо запертыми домами мрачно раздавался мерный шаг пехоты, топот конницы и бряцанье оружия. Войска проходили в Сион. Прокуратор остановился в претории, расположив бивуаком солдат на верхнем рынке.

XXIII

Жители Иерусалима провели ночь в унынии и тревоге. В семействе Веньямина все были, кроме того, поражены загадочным исчезновением Фамари, и матрона Руфь всю ночь не смыкала глаз, сидя с Марком на веранде дома. Они видели, как на площади верхнего рынка горели костры, освещая багровым пламенем шумный бивуак римских солдат.

Поутру Гессий Флор велел поставить судейское кресло в открытом портале претории на блестящем мозаичном полу под золочеными сводами, с резьбой из кедра, расписанного пурпуром, вверху великолепной лестницы со ступенями из агата и ляпис-лазури. Первосвященник, великий нази синедриона и знатнейшие иерархи, сопровождаемые гражданами Сиона, собрались тут же, на площади толпился народ.

Прокуратор вышел к ним в белой тоге, обшитой пурпуром. Украшенный знаками своего сана, он горделиво воссел на золотой судейский трон. На продолговатом черепе Гессия Флора красовался дубовый венок, который он постоянно носил, скрывая плешь, подобно Августу. Его сухощавое, гладко выбритое лицо с орлиным носом и пронизательными карими глазами ехидно улыбалось. С выражением презрения смотрел римский правитель на пышное собрание знатного духовенства.

Из-за шеренг центурии, выстроенной перед дворцом, издали смотрел на эту сцену убеленный седина-

ми старец, опираясь одной рукой на клюку, а другой — на плечо девушки.

Гессий Флор прежде всего надменно потребовал выдачи своих оскорбителей.

Первосвященник ответил речью, в которой, указав на миролюбие и преданность императору населения города, просил великодушно простить ничтожную горсть опрометчивых и невоздержанных на язык людей, которых к тому же никто не знает и никто теперь не выдает из боязни суда. Но это возражение первосвященника разгневало Гессия Флора, он грозно поднялся с кресла и повелительно загремел:

— Вы нарочно скрываете преступников. Хорошо же! Я сам схвачу и накажу виновных!

Он махнул рукой, и стоявшие наготове воины бросились на столпившийся перед преторией народ. Усев на площадь трупами, они кинулись грабить дома граждан. Сион огласился стонами убиваемых, криками женщин и плачем детей. Все дома противников иродианской партии были разграблены дотла и многие разрушены до основания. Во дворец князя Гиркана вторглись остервенелые солдаты, разграбляя имущество и нещадно убивая слуг. Перепуганная Имма с мужем едва спаслись бегством. Гамалиит и Элиезер, спрятав женщин в жилище Веньямина, наскоро вооружили слуг, а также немногочисленных учеников Симона бен-Гамалиила и приготовились к отчаянной обороне. Но солдаты, занятые грабежом богатых домов знати, не обратили внимания на скромный дом нази.

С ужасом смотрели иерархи на грабеж и кровопролитие со ступеней великолепной лестницы дворца знаменитого иудейского царя. Сотни именитых граждан со связанными руками были приведены солдатами к прокуратору. Он приказал ликторам нещадно бить их палками, а сам в то же время преспокойно обедал, говоря что визг иудейских собак придает ему аппетит. Напрасно первосвященник падал ниц перед жестоким Флором и, умоляя о пощаде, лобызал край его senatorской тоги, напрасно являлись к нему поминутно офицеры Бе-

реники с увещеваниями сжалиться над несчастными гражданами. Гессий Флор отвечал на мольбы и просьбы насмешками и новыми издевательствами. Наконец в преторию явилась лично сама царица. Прокуратор лицемерно встретил ее с подобающими почестями.

— Я знаю,— ехидно сказал он, подводя Беренику к окну,— что ты любишь сильные ощущения, и приготовил для тебя достойное зрелище.

По его знаку на глазах возмущенной царицы на площади воздвигли кресты и пригвоздили к ним полтора десятка именитых граждан. Береника в ужасе бежала из претории. На улице ее носилки были опрокинуты пьяными солдатами, рабы убиты и сама царица едва спаслась, благодаря мужеству Лизандра и Валтасару Терону, подоспевшему ей на выручку со своими гвардейцами. В ту же ночь перепуганная Береника переселилась в крепкую башню Мариамны, под защиту своей гвардии, над которой принял начальство Филипп бен-Иахим.

На следующий день народ собрался на верхнем рынке, представлявшем безотрадную картину разрушения. Более трех тысяч граждан было убито солдатами и казнено ликторами. Народ оплакивал их, и среди воплей отчаяния раздавались проклятия против римлян и прокуратора. Перепуганные старейшины разорвали на себе одежды и на коленях умоляли народ не раздражать римского правителя, готового повторить вчерашние ужасы. Сам Матфей бен-Феофил кланялся в ноги шумевшим зилотам и со слезами на глазах уговаривал толпу разойтись по домам. Народ успокоился и разошелся из почтения к ходатаям и в надежде, что Гессий Флор не осмелится совершить новое злодеяние. Однако прекращение беспорядков не входило в расчеты Гессия Флора и его сообщников. Призвав первосвященника, он объявил, что если иудеи хотят ему высказать свою покорность и миролюбие, то пусть выйдут навстречу двум когортам, идущим из Цезареи.

Первосвященник, обрадованный миролюбивым на-

строением прокуратора, поспешил собрать народ в храм.

Между тем Марк с Веньямином, оставив женщин под охраной Гамалиила и Элиезера Гиркана, пошли в город разыскивать Фамарь и повидаться с друзьями. По пути они зашли к Абнеру, в надежде застать у него Филиппа или кого-нибудь из его товарищей. Хозяин «Колодца Иакова», наглухо затворив ворота, прятал все свое имущество в погреба, которые замуровал и завалил мусором. На вопрос: не видал ли он кого из друзей Абнер пришел в негодование:

— Не называй моими друзьями негодных юношей. Я прогоню их палкой, если только они покажут сюда нос.

— За что, почтенный хозяин, ты осерчал на них? — полюбопытствовал Веньямин.

— Дорогой и уважаемый господин бен-Симон, эти люди поступили со мною хуже всяких филистимлян. Назвав себя моими друзьями, они денно и ночью пили мое лучшее вино, и я не брал с них ни одного лишнего динария! Могу по совести сказать, что торговал себе в убыток. И что же? Когда случилось нашествие врагов, эти коварные, лицемерные друзья бежали, покинув меня на произвол судьбы. Вы вспомните, как я, не щадя ни имущества, ни жизни, спас этих негодяев от смерти. При воспоминании о перенесенных мною ужасах холодный пот выступает на моем челе! Что мог я сделать, одинокий, покинутый друзьями человек, против прокуратора и его легионов!

— Абнер, ты не имеешь права порицать наших друзей! — вступился Марк недовольным тоном. — Дом твой цел, а имущество в сохранности. У нас же в Сионе все разорено и нет семьи, которую не постигло бы несчастье. Вот Веньямин лишился сестры, а я любимой невесты. Третьего дня поутру Фамарь вышла из дому с рабыней Изет и с тех пор не возвращалась.

Трактирщик всплеснул руками и покачал головой.

— Постой! — спохватился он. — Ты говоришь, третьего дня поутру? В тот день моя жена ходила в квар-

гал чистильщиков шерстяных тканей и там слышала в мастерской Мордоха рассказ работника, видевшего, как трое людей схватили на улице двух каких-то женщин. Работник хотел за них заступиться, но люди сказали ему, что это беглые рабыни, чему он и поверил, так как женщины были в темных покрывалах, а их преследователи походили на военных.

Веньямин в раздумье покачал головою.

— Знаешь что? — обратился он к Марку.— Пойдем к этому Мордоху и расспросим хорошенько рабочего. Мне сдается, что то была моя сестра с Изет.

— Если ты намерен идти к Мордоху, то я пойду с тобою и укажу тебе дорогу,— предложил Абнер, которому хотелось побывать в городе и узнать новости, но он боялся выйти из дому один.

Приняв его предложение, Веньямин с Марком отправились на нижний рынок. В это время народ спешил в храм на зов первосвященника.

Робкий Веньямин остановился, и Марк, несмотря на свое нетерпение поскорее отыскать пропавшую девушку, был вынужден согласиться с мнением ее брата, решившего отложить поиски до более удобного времени. Действительно, в общей суматохе они не могли ничего ни разузнать, ни сделать. Простясь с бен-Симоном, который предпочел вернуться домой, молодой дамаскинец с Абнером отправились в храм, где первосвященник с Симоном бен-Гамалиилом и Иоанном Закхеем уговаривали народ идти навстречу приближающимся к Иерусалиму когортам. Однако голоса сторонников мира были заглушены яростными криками зилотов, и народ заволновался, проклиная римлян. Тогда выступили вперед все иерархи и священники в богослужебных ризах, со священными сосудами, при звуке арф и кимвалов. Торжественно, при пении левитами божественного гимна, сонм духовенства прошел сквозь расступившуюся толпу и окружил первосвященника. Матфей бен-Феофил преклонил колени со всеми священниками и левитами и умолял народ не раздра-

жать римлян, не давать им повода к грабежу и убийству.

— Город во власти прокуратора,— говорил он, простирая руки,— и если вы, безумные, не хотите щадить ни ваших жен, ни ваших детей, ни имущества, то пощадите хотя эти священные сосуды, достояние Господа, драгоценность всего Израиля, вверенные отцами вашей охране. Сжальтесь над этим храмом, воздвигнутым из пепла разорения во славу единого Бога многолетними трудами детей Аарова и всего народа. Пощадите его благолепие и сокровища, накопленные всками! Неужели ваши сердца окаменели и вы не способны укротить своей ярости ради любви к Господу, ради блага ваших ближних?

И Матфей бен-Феофил разорвал на себе одежду и посыпал главу пеплом в знак величайшей скорби. Народ был тронут и обещал своему первосвященнику исполнить его просьбу --- примириться с римлянами. Дикие завывания зилотов умолкли, и каждый поспешил к себе домой, чтобы, приодевшись, идти навстречу римскому войску.

Марк возвратился с Абнером из храма в гостиницу, где к величайшей радости застал друзей. Филипп побывал уже в доме Веньямина и знал все случившееся в семействе. Вчера ему с товарищами не удалось пробраться в Сион, ворота которого крепко охраняла римская стража, и юноши провели ночь в тревоге об участи дорогих им людей. Абнер, порядком выбрав галилеян, примирился с ними и при их помощи достал из погреба запрятанные запасы. Утоляя голод, молодые люди смотрели из окон гостиницы на идущий мимо народ в праздничных одеждах, с пальмовыми и оливковыми ветвями в руках.

Общее веселое настроение оживило также и опечаленного Марка. Скорбь по невесте стала менее резко щемить ему сердце, и он, до сих пор безучастный к общественному делу, вострепнулся и сам предложил товарищам пойти вместе к воротам Везефы.

Юноши, разговаривая между собою и слегка под-

трунивая над Абнером, увязавшимся за ними, дошли до северных ворот нижнего города. Вдруг навстречу им показались люди, с криком бегущие назад. Вслед за ними повалила толпа из ворот нового города и в величайшем смятении рассыпалась по улицам. С башен замка Антония трубили тревогу, на которую из Сиона отвечали фанфары труб. «Что, что случилось?» — спрашивала молодежь у бегущих мимо людей, но те только отмахивались, спеша дальше. Между тем прибывали все новые толпы, которым навстречу бежал теперь рабочий люд, населявший кварталы ремесленников и сыроваров. С возгласами ненависти и озлобления занимали они дома, унизывали крыши и собирались на площадях, зилоты раздавали им оружие. За воротами Акры в нижнем городе происходила страшная свалка, из-за стен доносились крики и звон оружия сражающихся.

Две когорты, навстречу которым вышла часть населения Иерусалима, не ответили на приветствие граждан. Трибуны, по приказу прокуратора, продолжали свой марш, не обращая внимания на овации. Раздраженные презрительным молчанием римских солдат иудеи не вытерпели и разразились бранью. Тогда командующий когортами префект конницы Эмилий Юкунд отдал приказ, и воины, взяв копья на руку, ударили по безоружному народу, который обратился в бегство. Гоня перед собою иерусалимлян, римляне ворвались в нижний город. В то же время по данному сигналу с башен замка Антония Гессий Флор выступил из Сиона с италийской когортой на соединение с прибывшими войсками. Его план состоял в том, чтоб, изгнав весь народ в Везефу, отрезать его от храма. Но прежде чем прокуратор успел пройти квартал Сыроваров, а его трибуны пробиться к воротам Акры, нахлынувший отовсюду народ соединился с бегущими толпами из Везефы, запрудил все улицы, унижал крыши и встретил римлян градом камней. Тут не замедлили появиться и вожди восстания, до сих пор скрывавшиеся в неизвестности. Элиазар Ганан, собрав храмо-

вую стражу и вооружив левитов, укрепился в храме, а его сообщники Анания бен-Садук, Иуда бен-Ионафан и перешедший на их сторону офицер тетрарховых стрелков Сила Вавилонский захватили из храмового арсенала запас оружия, бросились с зилотами в город и, вооружая народ, призывали его к восстанию.

Напрасно Гессий Флор несколько раз кряду водил своих солдат в атаку. На улицах стояла перед ним сплошная стена иудеев, а с крыш домов сыпался на него град камней и летела туча стрел. Напрасно также трибуны прибывших из Цезареи когорт старались оттеснить народ от нижнего города. Уличный бой нередко клонился на сторону восставших граждан.

Префект Юкунд, под которым убили лошадь, пеший вел августову когорту. Над щетиной копий триариев горделиво возносился золотой орел и как будто удивленно смотрел с красного древка на презренных иудеев, не отступавших перед его победоносным полетом.

— Да здравствует Рим! Да здравствует император! — загремел боевой крик поседевших в бою ветеранов, и золотой орел, реявший над их копьями, врезался в дрогнувшие ряды сподвижников бен-Садука.

Оттеснив иудеев в боковые улицы к замку Антония, Юкунд выслал против них легко вооруженных левитов, а главные свои силы повернул к Сиону. Обрадованный успехом, римский военачальник вздохнул свободно. Он сел на поданную лошадь и, послав ординарца к трибуну Метилию с приглашением следовать за собою, смотрел на движущиеся ряды центурий, не обращая никакого внимания на площадь башни Мариамны, находящуюся у него на правом фланге. Там стояли войска Береники. В ярких лучах солнца сверкали золоченые латы и шлемы гвардейцев на рослых конях серой масти.

В эту минуту Сила Вавилонский вывел своих людей на площадь, как раз во фланг спокойно дефилирующих римлян. Иудеи единодушно бросились на них с поднятыми мечами. Впереди всех, опережая своего

храброго начальника, неся Элиезер. За ним в первом ряду, стиснутый между могучих плеч братьев из Румы, пыхтел толстый Абнер, полуживой от жары и страха.

— Да здравствует Береника! Слава ее воинам! — кричали иудеи, проходя мимо блестящей гвардии.

Филипп бен-Иаким, сдерживая рьяного коня, смотрел на них сквозь забрало золотого шлема взглядом ястреба, готового броситься на добычу. И в самую критическую для Юкунда минуту, когда он растерялся, ошеломленный неожиданным появлением врага, раздалась команда, сверкнули выхваченные из ножен мечи, и гвардия ринулась на иудеев.

Завязалась короткая, но кровопролитная схватка. Отряд Силы был раздавлен обрушившейся на него железной стеной всадников, изрублен мечами; растоптан конскими копытами.

Нешадно рубя направо и налево, Филипп бен-Иаким пробился к своему бывшему офицеру и страшным ударом меча разрубил пополам шлем на его голове. Храброму Силе настал бы конец, если бы Абнер, обезумевший от страха, не повис на узде коня стратега.

Предательская атака иродова военачальника спасла Юкунда от позорного поражения и нанесла сильный урон иудеям. Римляне беспрепятственно двинулись дальше и соединились с прокуратором.

Вожди восстания, опасаясь, чтобы Гессий Флор, возобновив нападение на город, не завладел храмом из замка Антония, разрушили галерею, соединявшую твердыню римлян со святыней Израиля.

Эта мера охладила пыл прокуратора. К тому же положение Филиппа бен-Иакима, окруженного со всех сторон мятежниками, было крайне рискованно, а Гессий Флор был обязан выручить своего тайного сообщника. Поэтому он выслал герольда к первосвященнику, все время молившемуся в храме, и объявил, что намерен уйти из города, оставив в нем гарнизон для безопасности граждан. Обрадованный бен-Феофил по-

ручился бы за спокойствие, если в распоряжение синедриона будет предоставлена одна когорта, только не из тех, которые сегодня сражались.

Гессий Флор дал им другую, под командой Метилия, и ночью отступил с остальным войском в Цезарею.

XIV

По уходе прокуратора иудеи торжествовали.

Всю ночь по улицам и площадям Иерусалима двигались при свете факелов несметные толпы, распевая победные песни.

Громкими криками одобрения и сочувствия отвечал народ на воззвание вождей и радостно вторил фанатическому крику обезумевших от восторга зилотов.

Уже поздней ночью возвращался домой Марк бен-Даниил в обществе провожавших его друзей и новых товарищей по оружию, сражавшихся вместе с ним сегодня в рядах храброго Силы. Они шли по узким улицам веселой гурьбой. Широкоплечий книжник, у которого вместо чернильницы, знака его звания, болтался у пояса огромный нож, освещал путь факелом. За ним шествовал Абнер под руку с зилотом, волоча по земле длинный кавалерийский меч. Далее следовал Марк с галилеянами и несколькими гражданами, жителями Сиона.

— Да, небесной молнией ударили мы на них! Будут нас помнить язычники! — хвастал книжник, размахивая в азарте факелом.

— Ревнителю народного блага спасли святой город от гибели и доставили Израилю торжество над римлянами, — возразил ему смуглый зилот с острым носом, загнутым наподобие клюва хищной птицы.

Вдруг на перекрестке двух улиц показалась тощая фигура человека, одетого в рубище. Под шапкой всклокоченных волос сверкали воспаленные глаза. Он вытянул руки навстречу проходившим и крикнул:

— Голос с востока, голос с запада, голос со всех

четырех ветров! Горе Иерусалиму и храму! Горе женам и невестам. Горе грядущим, горе всему народу. Все побледнели и невольно остановились. Но странный человек исчез подобно тени.

XXV

На следующий день Береника переехала из башни Мариамны в Асмонеийский дворец.

Народ встречал по дороге кортеж царицы радостными криками, зато ее гвардия была предметом общей ненависти, и Филипп бен-Иаким сумрачно ехал во главе своих солдат, слушая угрозы и ругательства толпящегося по улицам народа.

Береника была потрясена кровавыми событиями и, чувствуя свое бессилие перед грозой, разразившейся так неожиданно, негодовала на ее виновников: Гессия Флора и Филиппа бен-Иакима. Свое дурное расположение духа царица вымещала на прислужниках, одевавших ее к парадному выходу. На дворцовом дворе многочисленные представители знати и духовенства, в том числе и сам первосвященник, ожидали появления сестры Агриппы.

А в это время прислужницы прикрепляли к диадеме царицы вуаль из тончайшей косской кисеи и накидывали на ее плечи в виде мантии поверх иудейской туники из ослепительно белой шелковой материи, расшитой жемчугом, греческий диплоидиом из яркого пурпура, затканного золотыми пальмовыми венками. Выйдя из уборной, Береника направилась в сопровождении своих женщин в малую приемную, где ее ожидали приближенные царедворцы: домоправитель Птолмей, Баркаиос, Иосиф бен-Матфей, Лизандр с дворцовой стражей. Тут же находился и Лахмус Энра, раздушенный и на помаженный, в короткой мантии из фиолетового пурпура, согласно последней римской моде. Увидев секретаря, царица остановилась и, презрительно смерив глазами согнувшего-

ся в три погибели египтянина, спросила Птолемея, с какой стати клиент Гессия Флора находится в ее дворце.

— Он прислан от прокуратора, чтоб испросить у тебя прощения, лучезарная звезда Востока! — с низким поклоном ответил домоправитель.

— Вот как! — воскликнула Береника, с негодованием оборачиваясь к Лахмусу Энре, который, преклонив перед ней колени, смиренно скрестил на груди руки.

— После стольких поруганий твой патрон еще вздумал насмеяться надо мной?!

— Богоподобная! Гессий Флор в отчаянии, что обстоятельства помешали ему лично облобызать край твоей одежды. Он поручил мне коснуться недостойными устами ремня твоих сандалий. Соблаговоли принять искреннее уверение Гессия в его любви и дружбе.

— Скажи прокуратору, что я содрогаюсь от омерзения и ужаса при одной мысли о нем.

Царица круто повернулась и вышла из приемной в сопровождении своей свиты. Лахмус Энра поднялся с колен и, чмокнув губами, преспокойно уселся на диван, покрытый золототканым дамасским ковром.

Пока Береника восседала на золотом кресле под портиком двора в тени пурпурных занавесей и совещалась с духовенством и членами синедриона о мерах для умиротворения народа, Лахмус Энра тихо беседовал с Филиппом бен-Иахимом, явившимся в комнату по уходе царицы:

— К ней нет приступа, она зла, как тигрица, у которой похитили тигренка, — говорил вполголоса стратег.

— Еще бы! Несчастливая женщина! На нее разом обрушилось столько бед: и народный бунт, и измена любовника! — усмехнулся секретарь. — Однако, — добавил он на ухо своему собеседнику, — ведь ты находишься под дамокловым мечом. Очевидно, ты забыл мудрое предостережение Катона, — остерегаться трех

величайших несчастий: измены отечеству, гнева богов и любви женщины.

— О, нет! Я спокоен: Антониадос вернулся.

— Значит, вещественное доказательство убрано? — полюбопытствовал египтянин.

— Разумеется! И как раз кстати: в тот же день начались беспорядки.

— Понимаю: вы отправили ее на лоно Авраама? Это самое надежное средство заставить молчать навеки.— Лахмус Энра одобрительно кивнул головой.— Однако, любезный Филипп, как же мы теперь устроим дело? Ведь партия мира, очевидно, восторжествует. Прокуратор будет спокойно сидеть в Цезарее, после того как обжег себе лапу в Иерусалиме. Да кто мог думать, что отборные войска потерпят поражение от этой сволочи?

— Не говори. План был хорошо обдуман. Но дело не потеряно. Напротив, оно разыгрывается теперь в настоящую войну.

— Ты полагаешь?

— Конечно! Иудеи подняли носы. Вот увидишь: теперь самые робкие из них начнут говорить свысока. Стоит только их поддразнить, и они станут бесноваться. Нет, дорогой Лахмус Энра, я уверен, что они еще раз попадутся нам в когти, а тогда уж мы не выпустим их больше!

Тут в комнату вошел Птоломей. Оба собеседника обратились к нему с расспросами о том, что происходит на совещании.

— Иудеи просят царицу заступиться за них перед наместником Сирии и обжаловать действия Гессия Флора, просят Агриппу прибыть в Иерусалим и требуют, чтобы царь содействовал удалению прокуратора. Народ же обступил дворец и ждет решения,— сообщил домоправитель.

— И что же думает сделать Береника? — спросил стратег.

Птоломей пожал плечами.

— Иосиф советует царице принять предложения

синедриона и войти в сделку с непокорными вождями мятежников, которые благодаря вчерашнему успеху приобрели громадный вес в глазах народа. Элиазар Ганан открыто выступил в роли главы движения. Он собрал вокруг себя всех иудеев и заставил их принести ему клятву верности. На его сторону перешло множество фарисеев, и ученики школы Шамая вместе с зилотами укрепились в храме.

— И этот Иосиф советует Беренике войти в переговоры с явными бунтовщиками! — воскликнул Филипп бен-Иахим, вскакивая с дивана. — Да разве он не знает, куда приведет подобный шаг?

— Это равносильно оскорблению ее величества, — сухо заметил Лахмус Энра.

— Между нами будь сказано, бен-Матфей весьма подозрительный человек, — заговорил Птоломей, понизив голос. — Он честолюбив, хитер и к тому же фарисей. Я посоветовал бы тебе, любезный Филипп, быть настороже, тем более что даже первосвященник требует твоего удаления из Иерусалима, а Иосиф и тут советует царице уступить им.

В это время в комнату вошел Баркаиос. Он был взволнован, и его полное лицо приняло багровый оттенок.

— Птоломей, я тебя ищу! Иди же поскорее к царице. Тебе сейчас будут вручены письма к царю и проконсулу Сирии.

Тяжело переводя дух, Баркаиос грузно опустился на диван, на котором только что сидел стратег, и прибавил:

— А ты, Филипп, потрудись сдать Лизандру начальство, а сам бери посох и вместе с Тероном отправляйся отсюда вон.

— Тогда и мне здесь нечего делать? — ехидно улыбнулся Лахмус Энра.

— Я тоже так думаю, — кивнул головою Баркаиос. — Птолемея отсылают в Сирию и Египет с письмами, Филиппа — в лагерь заниматься обучением сол-

дат, меня, вероятно, к сатане под левый рог, остается один Иосиф.

— Так как мы все одинаково попали в опалу, то предлагаю с горя распить у меня по чаше мамертанского,— произнес египтянин, драпируясь в фиолетовый плащ.

— Ступайте! Я скоро присоединюсь к вам,— сказал Баркаиос, направляясь к выходу.

— Не забудь привести с собой Птоломея,— крикнул ему вслед секретарь и, взяв Филиппа под руку, вышел из дворца.

Спускаясь со ступеней портала, они увидели на балконе Беренику, окруженную духовенством. Народ ликовал, приветствуя царицу. Она раскланивалась с сияющим лицом, сверкая диадемой.

— Величественна и прекрасна, как Юнона, но легкомысленна и ветрена, как Пандора! — заметил Лахмус Энра.— Право, Филипп, не стоило ради нее убивать той бедной девушки!

Стратег слегка побледнел, и его рука, на которую опирался секретарь, нервно вздрогнула.

XXVI

Уступая необходимости, Филипп бен-Иаким уехал из Иерусалима в лагерь войск архистратега Дараиоса, расположенных у Бефорона, в восьмидесяти верстах от иудейской столицы. Одновременно с тем Береника отправила Птоломея в Антиохию, к наместнику Сирии, Цестию Галлу, с собственноручным письмом и с жалобой синедриона на бесчинства и беззакония прокуратора, а Баркаиоса послала гонцом в Александрию, к своему брату, Ироду Агриппе II.

Уехал также и Лахмус Энра. Погостив несколько дней в лагере у предприимчивого начальника штаба, престарелого и хворого главнокомандующего тетрарховых войск, юркий египтянин направил свои стопы в Цезарею и вместе с наперсником Гессия Флора, цен-

турионом Цеппием, очутился во дворце сирийского проконсула ранее, чем Птоломей успел доехать до Антиохии.

Не дремали также и иудеи. Пользуясь успешным сопротивлением римскому войску, они разослали по всей стране агентов — проповедовать близкое пришествие Мессии и призывать народ к восстанию против язычников. И в то время, когда их враги Филипп бен-Иахим с Гессием Флором стягивали войска в лагери, бефоронский и себастский, интригуя в Антиохии и, в свою очередь, подстрекая сирогреков, иудеи хотя тайно, но деятельно закупали военные припасы, изготовляли оружие и старались организовать кадры ополчения.

Между тем Береника, удалив стратега и выслав уполномоченных, успокоилась. Польщенная в своем самолюбии популярностью у народа и низкопоклонством духовенства, которое старалось всячески ей льстить, видя в царице надежную опору при дворе Нерона, сестра Агриппы II предалась честолюбивым мечтам и убаюкивала себя несбыточными надеждами завладеть иудейским тронem. Теперь ее главным советником был Иосиф бен-Матфей. Этот хитрый дипломат сумел воспользоваться благоприятными обстоятельствами и не только приобрел исключительное влияние на Беренику, сделался дорогим гостем в палатах первосвященника и в доме Гиллея, но стал нужным человеком и для друзей Элиазара Ганана. По-видимому, в Иерусалиме торжествовала партия умеренных. Многочисленные граждане, уstraшенные кровавыми событиями майских дней и грозным призраком войны, сгруппировались вокруг Симона бен-Гамалиила, подавили рвение иудеев и заглушили вспыхнувший пламенем фанатизм зилотов. Казалось, мир восторжествовал, и его сторонники, довольные положением дел, надеялись устроить все к лучшему при содействии Иосифа и Береники. Успокоенный Сион веселился. В палатах первосвященника происходили совещания, а в Асмонеиском дворце давались

празднества и роскошные пиры. Здесь сторонники мира сходились с главарями зилотов. Береника, играя роль примирительного божества, блистала красотой, нарядами и воображала, что Иерусалим покорно лежит у ее ног, воспетых галантными поэтами Эллады. Но в то время когда на вершине Сиона блистал огнями золотой чертог, где раздавалась веселая музыка и смех пирующих, каждый город с его многолюдными предместьями клокотал, подобно вулкану, готовому извергнуть из недр своих огненную лаву.

Цестий Галл, прочтя полученные из Иерусалима и Цезареи донесения и выслушав присланных гонцов, собрал совет. Военачальники, настроенные Цеппием и Лахмусом Энрой, которых поддерживал и сам Птоломей, единогласно советовали проконсулу немедленно двинуть войска в Иудею, чтоб наказать мятежный Иерусалим. Однако наместник, не любивший военных трудов, колебался, тем более что Береника в своем письме угрожала ему жалобой цезарю, и он не только опасался ее влияния при дворе Нерона, но и тайных доносов, которыми пользовались временщики — любимцы цезаря и которые были причиной конфискации имуществ и ужасных кровопролитий на улицах Рима. После долгих размышлений, робкий и нерешительный Цестий Галл выбрал золотую середину: он послал произвести следствие в Иерусалиме трибуна Неаполитана. В Ямпее трибун встретился с возвращающимся из Александрии Агриппой.

Там же встретили тетрарха первосвященник с иудейскими сановниками и синедрионом. Оказав ему царские почести, они принесли жалобу на прокуратора, изображая в самых черных красках жестокость Гессия Флора. Агриппа, выслушав иерархов, сделал им выговор за народ, непослушный царской воле, после чего отправился в ожидавшую его столицу.

У городских ворот четверовластника встретила демонстрация, устроенная иудеями. Во главе огромной толпы простого народа двигались вдовы убитых и казненных прокуратором граждан. Одетые в траурные

одежды, они шли навстречу царю, возложав руки на головы, обритые в знак печали, и жалобно голосили.

Агриппа, окруженный воющими женщинами и назойливой чернью, принужден был остановиться на пыльной дороге под знойными лучами июльского солнца и выслушать бесчисленные жалобы крикливой толпы, которая указывала ему на разрушенные жилища и опустошенные рынки. Евреи просили царя и трибуна Неаполитана осмотреть город без свиты, чтобы они могли убедиться лично в миролюбии его жителей. Действительно, на следующий день трибун пешком и в сопровождении одного лишь оруженосца прошел по городу и был повсюду встречаем знаками почтения. Получив таким образом доказательство покорности иерусалимлян, Неаполитан отправился в храм, собрал там народ, где похвалил его за верность римлянам, и, принеся жертву Богу евреев, отбыл обратно в Антиохию.

Теперь народная масса, руководимая своими главарями, обратилась к царю и первосвященникам, требуя, чтобы они отправили к цезарю послов с жалобой на прокуратора. «Иначе,— говорили выборные от народа,— Гессий Флор скажет, что мы первые взяли за оружие, и обвинит нас перед царем».

Выслушав выборных, Агриппа возвратился во внутренние покои дворца в прескверном расположении духа.

— Что же ты теперь мне посоветуешь? — сказал он недовольным тоном Беренике.— Вопреки твоим словам, народ назойлив, требователен, и я вижу, что ты не имеешь на него влияния.

Агриппа опустил в кресло и, нервно барабаня пальцами по его ручкам, хмуро смотрел на сестру.

— Я не понимаю, о чем ты так тревожишься и что расстроило тебя до такой степени? — с улыбкой возразила царица, приближаясь к брату и ласково кладя руку на плечо.— Народ в своем праве, он требует от нас защиты против негодяя Гессия. Не забудь, что этот человек оскорбил самым грубым образом даже

меня. Я думаю, что на нашей обязанности лежит удовлетворить справедливое требование народа, что только еще более усилит нашу популярность.

— И вовлечет в омут римских интриг,— подхватил тетрарх.— Нет, я не хочу ссориться с прокуратором, тем более что уверен в его дружбе. Ты лучше посоветуй мне, как избежать неудобного посольства.

— Собери народ, скажи ему речь, попробуй устрашить строптивых военным могуществом римлян. Но только подобная политика не приведет нас к цели,— добавила Береника недовольным тоном.

— Что же, по-твоему, я должен сделать?..

— Стать во главе народа и быть настоящим правителем!

Агриппа апатично зевнул.

— Скажи Иосифу, чтоб он изготовил для меня речь к народу. Завтра я выступлю в роли оратора, а теперь мне нужен отдых.

Береника взглянула исподлобья на брата и вышла из комнаты, волоча шлейф длинного ионического хитона из золототканого пурпура.

На другой день по зову герольда народ собрался на площадь Ксистос. Агриппа вышел с Береникой на балкон Асмонеяского дворца и подал знак, что хочет говорить. В своей пространной речи он с восточной напыщенностью и преувеличением обрисовал могущество римлян и ничтожество иудейской нации перед римским колоссом. Речь закончилась воззванием к благонамеренности рассудительных людей. Царь призывал их сплотиться вокруг его трона, дабы предохранить город и его святыню от огня и меча римлян, не дающих пощады своим врагам.

Народ, внимательно слушавший до сих пор, теперь заявил, что он вовсе не намерен воевать с Римом, а только желает избавиться от своего притеснителя Флора, на что Агриппа возразил:

— Судя по вашим поступкам вы уже объявили войну. Вы отказали в уплате податей императору и самовольно разрушили галерею замка Антония. Если

хотите сложить с себя обвинение в мятеже, то восстановите галерею и уплатите повинности. Замок и деньги принадлежат императору, а не Флору.

Народ согласился с мнением царя, который в сопровождении Береники и народа отправился в храм, где Агриппа принес жертву Господу и велел начать отстройку галереи. Синедрион немедленно разослал своих членов по городам и деревням. Иудеи для сбора податей, и сорок талантов, недоплаченных в римскую казну, были собраны. Таким образом Агриппе удалось предотвратить грозящее объявление войны. Оставалось только убедить народ в необходимости повиновения прокуратору до тех пор, пока цезарь не назначит на его место другого.

Теперь Агриппа, обнадеженный Береникой и первосвященником Матфеем бен-Феофилом, ожидал, что иерархи с народом обратятся к нему с просьбой возложить на себя венец иудейского царя, а в Рим вышлют посольство просить об отмене прокуратуры и об утверждении царского титула. В надежде на это он дал повеление достать из казнохранилища большие суммы денег на подарки Гессию Флору и римским сенаторам.

Однако вместо ожидаемых иерархов и старейшин с коленопреклоненным народом к нему явились главари зилотов и кичливо потребовали, чтоб он просил цезаря о замещении Флора другим римским правителем. Возмущенный Агриппа отослал их к первосвященнику, отказав наотрез в своем содействии.

— Дожидайтесь терпеливо, пока сам цезарь не назначит вам другого правителя,— топнув ногой, крикнул он главе депутации Анании бен-Садуку. На это молодой иудей дерзко возразил, что народ и без содействия четверовластника сумеет постоять за свои права, и гордо удалился со своими единомышленниками.

Береника немедленно послала Иосифа к преданному ей духовенству, требуя принятия решительных мер против главарей зилотов. Однако иерархи без-

действовали, не исключая и ее лицемерного советника, а по улицам Иерусалима валил народ и с криками толпился перед дворцом.

— Долой нечестивого Ахава! Долой развратную Иезавель! — кричал зилот Анания, и ему вторила беснующаяся толпа черни.

На балконе дворца появилась Береника.

Она простерла руки и хотела говорить. Но чернь встретила ее диким воем, и в царицу полетели камни. Баркаиос схватил перепуганную Беренику на руки и унес с балкона. Сдав ее на попечение женской свиты, он бросился вниз, в кардегардию.

— Что же ты лежишь на боку, как боров, и не разгонишь этих мерзавцев? — вне себя крикнул царедворец Лизандру.

— Я жду приказа, — с невозмутимым хладнокровием отвечал начальник телохранителей.

На широких ступенях лестницы показалась фигура бледного тетрарха.

— Спасите! Меня хотят убить! — шептал он помертвевшими губами.

Лизандр обнажил меч. Раздался глухой грохот барабана и протяжный гул труб. Ворота портала распахнулись, гвардия с опущенными копьями двинулась на чернь.

На другой же день Агриппа покинул возмущившийся против него Иерусалим. Озабоченный четверовластник поспешно отправился в Антиохию, чтобы заблаговременно предупредить Цестия Галла о новом возмущении иудеев. По дороге в Сирию он остановился в лагере у Бефорона, здесь состоялся в его присутствии военный совет, в котором приняла участие и Береника, успевшая снова подчинить своему влиянию апатичного Агриппу. Успокоенный отличным видом своих войск и уверениями царедворцев, ручавшихся за успех, тетрарх предоставил государственные дела сестре и Филиппу бен-Иакиму, а сам отправился в столицу Сирии.

С отъездом Агриппы Иерусалим принял мрачный

вид. Город разделился на взаимно враждебные лагеря. Элиазар Ганан с толпой приверженцев укрепился в храме. В замке Антония заперся римский трибун Сетилий. Башни Мариамны, равно как и дворец Асмонеев и преторию Ирода Великого, охраняли царские гвардейцы под командой сурового ненавистника иудеев Валтасара Терона. Население Акры, долины Сыроваров и предместий роптало на первосвященников, синедрион и явно склонялось на сторону иудеев. Преданные Элиазару Ганану зилоты рыскали по всей стране, возбуждая народ к восстанию, а многочисленные пророки повсюду проповедовали близкое пришествие Мессии и подстрекали к резне язычников.

Наконец в половине августа иудеи, ободренные бездействием своих противников и подкрепленные переходом на их сторону фарисейской секты, выслали к народу старцев с прокламацией. Последние объявляли, что настала пора освобождения, чаша терпения переполнилась. Израиль должен отстоять свою веру с оружием в руках. Пусть отцы ободряют сыновей. Сыновья должны сражаться, богатые должны снабжать народ деньгами, оружием, и всякий, кто чувствует себя евреем, должен восстать на язычников — врагов истинного Бога.

Народ зашумел, заволновался и готов был идти за фанатиками, увлекавшими его в кровавую смуту. Иудеи, довольные результатом своего предприятия, собрались на совещание в мощенной мозаикой зале храма, назначили день окончательного восстания...

Весь Иерусалим был охвачен деятельностью. Город превратился в военный лагерь, всюду изготовлялось оружие, евреи прибывали в столицу со всех концов земли, уверенные, что настает конец Римской империи. Так начиналась одна из величайших трагедий античного мира — гибель Иерусалима и закат Израиля.

Разрушение Иерусалима

Но восставшие недооценили силы Римской империи. Гордости Рима было нанесено тяжелое оскорбление. На усмирение восставшей провинции был послан шестидесятилетний полководец Тит Флавий Веспасиан.

Он начал свой знаменитый поход в марте 67-го года. Первые удары пришлись на долю Галилеи. Несмотря на отчаянное сопротивление, города разрушались один за другим. Римляне не знали пощады. Вся Галилея покрылась трупами, была залита кровью.

На зимние квартиры Веспасиан остановился в Кесарии. Тем временем Иерусалим заполнялся беженцами из Галилеи. Их ужасающие рассказы о римских зверствах звали к мести, и уже почти все жители были готовы к борьбе с римлянами. Положение умеренных, тех, кто не хотел восстания, становилось невыносимым. Зилоты неистовствовали, грозили расправой со всеми, кого подозревали в недостатке патриотизма.

После того, как первосвященником был выбран безграмотный земледелец Нания, сын Самуила, не имеющий никаких понятий о своей новой должности, фарисеи и саддукеи были возмущены. Поднялось восстание, был штурмом взят храм, и почти все члены жреческой касты погибли. Были убиты и знатнейшие люди Иерусалима, члены богатых семейств. Так погибал античный мир иудейства.

Но демократическое первосвященство просуществовало очень недолго. Священники утрачивали свое первенствующее значение. Первое место занимали зилоты, ревнители веры. Теперь в Иерусалиме властвовал террор. Рассказывали, что число зажиточных и знатных граждан, погибших от рук фанатиков, доходило до двенадцати тысяч.

Весной 68-го года Веспасиан возобновил свое наступление. Опустошив Иудею и Самарию, он утвердился в Иерихоне и обложил столицу со всех сторон.

* Эта глава написана по материалам книги Э. Ренана «Антихрист».

Смерть Нерона и быстрая смена императоров в далеком Риме оттянули расправу с мятежными иудеями. Только поздней весной 69-го года Веспасиан возобновил военные действия. Благодаря этому еще целый год продержалось восстание, длившееся уже три года и доведшее Иерусалим до положения, какому не было примеров в древней истории. До этого над городом властвовал Симон, сын Гиоры, но вскоре власть захватил Елизар бен-Ганан, бывший начальником охраны храма. Город разделился на партии, и приверженцы одной партии отчаянно сражались со своими соперниками. В городе были громадные запасы хлеба, которых хватило бы на несколько лет осады, но запасы были сожжены из-за желания, чтоб хлеб не попал к враждебной партии. Положение жителей было ужасным, из города нельзя было уйти. Многие гибли прямо в храме. И тем не менее восставшие ждали, что все евреи востока поднимутся против Римской империи и поддержат Иерусалим. Теснимые со всех сторон, чуть ли не накануне полного разгрома, они называли Иерусалим столицей мира.

Летом Веспасиан был провозглашен императором, и на усмирение Израиля был послан его сын, Тит. Весной, как только позволили дороги, Тит прибыл в Кесарию и во главе сильной армии двинулся к Иерусалиму. Он вел четыре легиона, множество сирийских союзников и толпы арабов, шедших с римлянами ради грабежа. Тита сопровождали все перешедшие на его сторону иудеи, Агриппа, Тиверий Александр, будущий историк Иосиф Флавий.

В первых числах апреля, перед праздником еврейской пасхи, римляне подступили к Иерусалиму. В городе собралось огромное число евреев из разных стран.

Иерусалим был одной из сильнейших крепостей своего времени. Враждующие партии бились между собой, но дружно выходили на защиту города. Но евреи столкнулись с опытным полководцем. Тит повел осаду с искусством, которого до него не знали. В конце апреля легионеры взяли первые укрепления и овладели се-

верной частью города. Через пять дней римляне сумели прорваться через вторую линию укреплений и овладели Акрой. Половина города пала. Римляне хотели устрашить оборонявшихся самыми зверскими казнями захваченных пленных, но это только воодушевило осажденных. 27 и 29 мая они сожгли осадные машины римлян и напали на их лагерь. Уныние распространилось в войсках Тита, многие поверили преданию, что Иерусалим нельзя взять, начались побеги из армии. Тит отказался от надежды взять город приступом и окружил его двумя рядами укреплений, прекратив все сообщения с округой. В осажденном городе наступил голод.

Тит рвался в столицу Израиля. Он приказал построить четыре новые осадные башни, для которых в окрестностях вырубил все деревья. 1 июля осажденные попытались сделать вылазку и уничтожить башни, но атака была отбита. С этого момента участь города была решена. Тит повел подкопы против башни Антония, взял ее и приказал разрушить до основания, чтобы открыть путь своим машинам и кавалерии к тому месту, где предстоял последний бой.

Храм представлял собой сильнейшую крепость. Вооружены были даже священники. 17 июля жертвоприношения в нем прекратились. Это считалось делом невозможным и произвело в городе, округе и даже всей Палестине ошеломляющее впечатление. Евреи, не ослепленные фанатизмом, перешли к римлянам. Оставшиеся предпочли умереть.

12 июля войска Тита подошли к твердыням храма. Их машины оказались бессильны против его твердынь, и только 8 августа удалось поджечь ворота, но Тит приказал погасить огонь. Утром 10 августа евреи сами начали отчаянный бой, но были отбиты отрядом римлян, которые вслед за евреями ворвались во внутреннюю ограду. В это время вспыхнул пожар. Бой шел во внутренних дворах, притворах и в особенности вокруг алтаря перед святилищем. Шесть тысяч человек, в большинстве женщин и детей, сбежались в одну из

галерей, и там сгорели. Последним убежищем оставался древний Сион, верхний город с крепкими, еще не тронутыми стенами. Чтобы одолеть этот город, потребовалась новая осада. Пока строили осадные орудия, Тит жег и разрушал те части города, которые заняли римляне. Множество иудеев из высших сословий успели сбежать. Простых евреев продавали по ничтожной цене в рабство.

7 сентября пали укрепления Сиона. Оставшиеся в живых иудеи прятались в подземельях. Все немощные были убиты, остальные, в основном женщины и дети, были пригнаны к храму и заперты в уцелевших помещениях. На следующий день началась разборка пленных. Всех, кто сражался против римлян, тут же убивали. Семьсот юношей, самых красивых, оставили для триумфа Тита. Остальные были разосланы в Египет на каторжные работы или проданы в рабство.

Следующие дни были употреблены римлянами на разрушение города и поиски богатств.

Храм и почти все большие здания были разрушены до основания. Тит оставил только башни Гинника, Фазайла и Мариамны, чтобы потомство могло видеть, какие твердыни он смог взять. Нетронутой оказалась и западная стена храма — за ней разместили 10-й легион, оставленный для гарнизонной службы в завоеванном городе. Иерусалим, когда-то один из красивейших и богатейших городов мира, представлял собой мрачные груды камней, среди которых стояли палатки легионеров, стороживших опустевшее место, которое все еще казалось опасным.

В конце октября один из отрядов легионеров объезжал то место, где стоял храм.

Среди огромных камней двигался кто-то в белых одеждах, человек поднимал руки, так что огромная материя взлетала в воздух, как крылья, потом опускал, и материя облежала тело. Он что-то кричал, прыгал с камня на камень и не остановился даже, когда патруль подъехал совсем близко.

— Кто ты такой? — закричал начальник отряда, но мужчина, мельком взглянув на него, не ответил. И когда римляне, спешившись с коней, подошли к иудею, тот на латинском, с акцентом, коверкая слова, сказал, что назовет себя только начальнику, Теренцию Руфу. Патруль долго спорил, надо ли везти этого сумасшедшего в лагерь, к Теренцию, пока командир отряда не прекратил споры, привязал пленника веревкой к лошади, и отряд вернулся в лагерь.

Когда сумасшедшего привели в палатку к Теренцию Руфу, тот выслушал его и, велев заковать, отправил с охраной в Кесарию.

Это был Симон, сын Гиоры, один из предводителей враждебных партий, на которые раскололся осажденный и восставший Иерусалим. Он был последним иудеем, оставшимся в разрушенном городе.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Уоллес. Падение Царьграда . .</i>	5
<i>Л. Грен. Последние дни Иерусалима .</i>	419

Художник Н. Егоров
Редакторы В. В. Нежданов, Г. А. Тимченко
Технический редактор В. И. Тушева

Сдано в набор 01.02.93. Подписано к печати 22.02.93
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура латинская. Печать высокая.
Усл. печ. л. 28,8. Тираж 55 000 экз. Заказ 2214.

Типография издательства «Пресса».
125865, ГСП, Москва А-137, ул. «Правды», 24.

